Псалом 90

*Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится.
Говорит Господу: прибежище моё и защита моя, Бог на которого я уповаю!
Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы;
Перьями своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен;
Щит и ограждение Истина Его.
Не убоишься ужасов в ночи; стрелы, летящей днём;
Заразы, опустошающей в полдень.
Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизятся.
Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым.
Ибо ты сказал: Господь — упование моё.
Всевышнего избрал ты прибежищем твоим.
Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему.
Ибо ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих.
На руках понесут тебя, да не преткнёшься о камень ногою твоею.
На аспида и василиска наступишь, попирать будешь льва и дракона.
За то, что он возлюбил Меня, избавлю его, защищу его, потому что он познал имя моё.
Воззовёт ко мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его;
Долготою дней насыщу его, и явлю ему спасение Моё. Аминь.*

*И сказал Велес: Открой короб песен!
Размотай клубок!
Ибо кончилось время молчания
И пришло время слов!* ***(Песни птицы Гамаюн)****.*

Правда не боится исследования.

«Все войны выигрывает учитель» ***(Бисмарк)****.*

*«Мудрые подобны врагам, что борются со слабостями больных…
Так что когда я слышу о смерти мудреца, моё сердце скорбит.
Не о нём, конечно, ибо он жил в радости и умер в почёте. Нет, я оплакиваю тех, кто пережил его… Без сильной руки, которая их защищала, они обречены на невзгоды… если только Провидение не взрастит нового защитника на смену старого»* ***(Филон)****.*

«Никакое землетрясение несравнимо с разложением сознания. Нужно напрячь все силы, чтобы удержать человечество от пропасти» ***(Е.Рерих)****.*

«Кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое. Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее» ***(Дж. Оруэлл)****.*

Роман КЛЮЧНИК

ОТ ПЕТРА I ДО КАТАСТРОФЫ 1917 г.

Масонские заговоры:
декабристов
Сперанского
против Павла
против А. Пушкина

2

Санкт-Петербург
2008

Содержание

Часть третья

Екатерина «Великая». Ещё одно начало трагических процессов

Часть четвертая

Россия при Павле I, Александре I и Николае I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное идеологическое противостояние и история России

Это четвертая моя книга, посвященная истории России, если не считать, что вторая книга «Лекции президентам по истории, философии и религии» оказалась очень популярной и издавалась четыре раза, и каждое новое её издание отличалось от предыдущих, потому что в каждом переиздании было много существенных дополнений. И это вторая книга (2) из новой серии.

Данная книга адресована не только преподавателям истории в вузах и школах, любителям углубленного изучения истории родной страны, но и руководителям всех рангов в разных областях деятельности: руководителям фирм, заводов, институтов. Уверен — полезна она будет нашим политикам и, особенно, руководству нашей страны — России.

Задача этой книги — заполнить существенные пробелы в образовании многих российских граждан (и не только российских) в области истории, философии истории и религии. Эти знания жизненно необходимы для правильной ориентации в окружающем нас Мире, для выработки правильного и уверенного мировоззрения. Несмотря на большую серьёзность поставленных задач и обозначенных целей, я стремился при написании этой научной книги сделать её увлекательной, в научно-публицистическом стиле и даже не лишённой иронии.

В данной книге я исследую историю России от конца правления Николая I до конца 19-го века и, в отличие от сотен книг по истории России и миллионов учебников по истории России для студентов и школьников, — не буду лгать, более того — неизбежно вынужден, соблюдая историческую правду, коснуться «еврейского вопроса», роли еврейского сообщества в истории России, тем более, что после поглощения Польши в состав России вошло около одного миллиона евреев, которые через

некоторое время стали играть большую роль в истории России. Поэтому неизбежно в ходе этого исследования будем наблюдать и анализировать много интересных событий, связанных с еврейским народом, и изучать еврейский народ «по делам их». Хотя любая попытка приступить к изучению этой темы тут же обзывается страшными словами — «антисемитизм», «расизм» или «нацизм», за которым, уже установленным кем-то порядком, идёт обязательно — «русский фашизм».

И в этих случаях мы почти всегда наблюдаем в современной России в эпоху демократии, гласности и свободы слова — нарушение конституционного права свободы совести, свободы слова и выражения мнений, попытку закрыть гласность и не дать многим гражданам нашей страны узнать правду об истории их Родины, Отечества, на которые ещё ни разу не отреагировала Российская прокуратура.

С понятием «антисемитизм» и «антисемит» в России вообще произошла сложная и забавная история.

Рабинович и антисемиты

Самое интересное открытие в пылу критики сделал современный израильский историк — «специалист» по истории России Я.Рабинович:

«Солженицын не стесняется прокомментировать словами В.В.Розанова из его пасквильной, откровенно расистской книжицы под названием «Обонятельное и осязательное...»... — это не просто какой-то дикий, стихийный, «частный» антисемитизм, проистекающий от необразованности... Как раз напротив, этот антисемитизм который свойственный некоторым людям весьма образованным».

Затем Я.Рабинович набросился на знаменитого российского математика и историка И. Шафаревича: «Но разве можно назвать интеллигентным человеком, скажем, И. Шафаревича, будь он хоть трижды академиком?» И далее Рабинович сам себя опровергает — доказывает, что интеллигентные люди могут быть антисемитами, и даже очень выдающиеся, и их много:

«Следует отметить, что среди русской — и не только русской — интеллигенции антисемитизм не является исключительным явлением. К примеру, великолепный писатель и тонкий психолог Ф. Достоевский грешил, и изрядно грешил антисемитизмом. И. Гончаров, И. Аксаков и многие писатели, деятели искусства тоже были антисемитами...

Многие евреи думают, что антисемит в любом смысле слова — это обязательно дебил, бездарность, неуч или завистник. В общем, негодяй и дерьмо. Но, вникнув в суть вопроса, на основании жизненного опыта я с огорчением понял, что это не всегда так. Нередко недолюбливали евреев вполне уважаемые, талантливые и честные люди. Когда я узнал,

что антисемитом был и Чехов, то испытал шок. И я понял, что стоит подумать о причинах этого печального явления. О некоторых из них, например о Владимире Дале, Гоголе, Достоевском, широко известно. О других — о Чехове, Блоке, Белом, Куприне, Флоренском, Булгакове, Лосеве, Шукшине — известно в меньшей степени...».

И к этому списку выдающихся мыслителей можно ещё добавить — М. Лермонтова(«Разбойники»), Н. Лескова, И. Гончарова, Г. Державина, И. Тургенева(повесть-притча «Жид»), В. Розанова, А. Блока, С. Есенина, знаменитых историков Костомарова, Ключевского и Соловьёва, и даже критика Белинского. При этом можно представить и длинный список выдающихся западных мыслителей, но процитирую самого мирного и безобидного Марка Твена:

«Евреи составляют лишь один процент человечества. Исходя из этого, кажется, что еврей должен быть едва слышен и незаметен, но он всегда слышен и заметен. Он выделяется, и его значительность крайне непропорциональна его малочисленности» (эссе «Относительно евреев»). Этим вопросом задавались и задаются многие на нашей планете.

Сейчас, в 21 веке, в России еврейские идеологи проводят тотальную запретную акцию против использования слова-понятия «жид», но, во-первых, это понятие относится к людям всех национальностей с алчным, корыстным и безнравственным менталитетом-мировоззрением, поклоняющимся исключительно «золотому тельцу» и своему кошельку — читайте внимательно объяснение нашего великого мыслителя Ф.М. Достоевского, а во-вторых, — прикажите нам переписывать всю великую русскую литературу за Гоголя, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Тургенева, Достоевского? И менять их язык?

В-третьих, если, не дай Бог, опять очередные еврейские террористы-революционеры набедокурят и прольют немереное количество русской крови в России как в 1877—1881гг, 1901—1907гг, 1917—1941гг., — тогда и слово-понятие «еврей» по «нашей вине» закономерно приобретет сугубо негативный характер, — то и его тоже под нажимом «мудрых» еврейских идеологов придется удалять из оборота?

Это тотальное запрещение и преследование гласности, свободы слова и свободного выражения мнений самыми большими крикунами о свободе слова и правах человека начинает уже переходить все разумные границы...

Как свидетельствует в своей книге А. Солженицын — стоило ему в одной из предыдущих книг указать национальность убийцы Столыпина, и на него сразу со всех сторон обрушились обвинения в антисемитизме — почему не скрыл национальность убийцы? То есть любая правдивая констатация факта — правды, истины, которую можно

оценить как нелицеприятную для еврейского народа — также является антисемитизмом.

И еврейские идеологи, юдофилы или люди неграмотные могут небрежно сказать по поводу этой моей книги — «очередная антисемитская дудка», а я же утверждаю, что эта книга научная, и пусть читатель сам разберется — где есть Правда, а где ложь. И уверен — демонстрацию исторической правды нельзя назвать, квалифицировать как разжигание национальной розни, если были в истории нелицеприятные поступки, то их просто не следовало делать, а совершить ужасный поступок и после этого спрятать его от истории и от людей — это гарантия повторения трагедии миллионов людей.

К тому же в этой книге пытаюсь серьёзно рассмотреть ещё одну «засекреченную» табуированную тему — роль масонских организаций в истории России; эта тема очень актуальна, так как масоны очередной раз рвутся к власти в России.

Причем, — это не просто книга конкретного автора — это сборник исследований многих выдающихся мыслителей, учёных. В этой книге-исследовании вы встретите много исторических фактов и процессов, о которых «почему-то» упорно не пишут в современных учебниках для школьников и студентов.

В результате аналитического изучения многих исследований суммированы, систематизированы, скомпилированы итоги поисков и выводы многих выдающихся мыслителей нашей планеты. При этом обнаружен интересный феномен — некое дополнительное исследование не просто делает картину Мира полнее, более подробной и правдивой, оно способно кардинально поменять смысл всей картины Мира, всего мировоззрения человека, понимание действия людей, вождей, политиков, стран.

То, что данная книга является большим сборником исследований многих выдающихся мыслителей — в этом её определённая ценность. Знаменитый древнегреческий мыслитель Платон заметил: «Даже истинные мнения стоят немного, пока кто-нибудь не соединит их связью причинного рассуждения».

А соединяются они чьим-то умом, разумом, а в аналитике и систематике не обойтись без хорошей логики, о которой наш выдающийся мыслитель Иван Ильин говорил:

«Логика — есть подлинное и первое откровение Бога Себе Самому в элементе чистой мысли».

Даже утверждения, убеждения какого-либо авторитета мировой величины не могут признаваться истинными, а что уж говорить о скромном авторе этих строк. Но когда вместе собраны выводы авторитетных личностей разных стран и народов, от Платона, Трисмегиста, Соловьёва, Гумилёва, Флоренского, Саровского, Солженицына и до еврейских ис-

ториков и мудрецов, и они совпадают, то уже можно говорить с большой уверенностью о правде, об Истине.

Когда мнение многих учёных совпадает и просматривается единственно возможная логическая причинно-следственная цепочка, тогда можно говорить об истинности и научности. Это ведь не наука физика или химия — здесь опыты невозможны. Хотя в истории мы часто встречаем жестокие эксперименты над людьми, попытки осуществить в жизни различные гипотезы; и можно увидеть в истории много повторов-ошибок, которые людей ничему не учат...

Читатели без труда могут найти авторитетных авторов, на которых я ссылаюсь, и их произведения, и проверить информацию, сопоставить её с другой, самим исследовать и проверить Истину. Ссылки на авторов я делаю не в конце книги, как это делается обычно, а по ходу текста, в конце цитат.

И в этом аспекте предупреждаю неподготовленного читателя, который до этого момента не увлекался серьёзной исторической и философской литературой, — может возникнуть много впечатлений и удивлений, желание много проверить-исследовать самому, продумать и переосмыслить, что-то понять в этом Мире глубже и больше, — и это один из самых интересных и полезных вариантов использования свободного времени.

Исследователь истории из Израиля Я. Рабинович сетует: «Активное участие в работе над ошибками русского писателя (А. Солженицына) принял его коллега по литературному цеху, писатель Виталий Коротич. Тот самый — бывший редактор перестроечного «Огонька»... Солженицын, по мнению Коротича, недостаточно знаком с менталитетом еврейского народа и в силу этого односторонне, а зачастую довольно предвзято освещает эту тему, приходя к весьма странным выводам» («Быть евреем в России. Спасибо Солженицыну», 2006 г.) Конечно же, В. Коротич ни одной ошибки не нашёл, ибо Солженицын в своём исследовании исходил не из менталитета евреев, а строго из исторических фактов. Но я учту в этом исследовании претензии Я. Рабиновича и с помощью ученых Санкт-Петербургского Института Нравственности постараюсь обратить на это внимание.

При этом подчеркну — цель изучения истории должна быть только положительной: лучше узнать другие нации, чтобы, имея достаточные знания, легче находить общие точки взаимопонимания, избегать конфликтных ситуаций, лучше действовать в интересах своего народа, своей страны.

Данная серия книг своими знаниями объективно участвует в современной информационно-идеологической борьбе, и демонстрацией исторических фактов, событий, своей аргументацией отличается от того, что пытаются представить такие современные телевизионные властители

умов и душ, как еврейские журналисты-политтехнологи Н. Сванидзе в своих «Исторических хрониках», Млечин, Познер, Вульф и т.п.

Есть «вечная» мудро-хитрая уловка их сородича, — еврейский идеолог Танкред Голенпольский: «Сегодня не та пора, когда стране нужно очередное противостояние, которое ни к чему позитивному не приведёт, лишь создаст ещё один, на этот раз весьма опасный узел. Сегодня, как никогда, нужна консолидация сил... Только враг России может сегодня подливать масло в огонь национальных конфликтов в нашей многонациональной стране». При такой позиции, поскольку история сплошь состоит из противостояния народов, и в ней фигурируют татары, турки, англичане, шведы, поляки, немцы, финны — то лучше вообще захлопнуть историю и размашисто бросить её подальше...

Как заметил наш выдающийся современник А. И. Солженицын:

«Я замечал, что именно евреи чаще других настаивают: не обращать внимания на национальность...

И я готов был шапкою хлопнуть оземь: «Согласен! Давайте! С этой поры... Едва ли не больше всего различают люди в людях — почему-то именно нацию. И, руку на сердце: настороженней всех, ревнивее и затаённее всех — отличают и пристально отслеживают — именно евреи»;

«До лагерей и я так думал: «наций не надо замечать», никаких наций вообще нет, есть человечество.

А в лагерь присылаешься и узнаёшь: если у тебя удачная нация — ты счастливчик, ты обеспечен, ты выжил! Если общая нация — не обижайся...».

Писатель Аркадий Львов как-то признался: «Десятилетним мальчиком я выискивал евреев среди учёных. Среди писателей, среди политических деятелей... и я гордился сталинским наркомом Кагановичем... Я гордился Свердловым, гордился Урицким... гордился Троцким — да, да Троцким!» (у Солженицына). И это нормально, в подобном может признаться человек любой национальности, смолоду пытающийся выяснить свою «породу», свою принадлежность, кто его дедушки и прадедушки, кто его народ, может ли он ими гордиться...

Но в еврейской нации бросается в глаза в этом аспекте — огромное количество национальных организаций в любой стране, к тому же — свои национальные библиотеки, национальные университеты и т.д. — ни одна нация так трепетно не относится к себе, так себя не выделяет, не отделяет, не обособляет. Это, кстати, «мудрецу» Т. Голенпольскому — по поводу необходимости консолидации современного российского общества, а по поводу его призыва — избежать противостояния в обществе можно ответить: «Только «За!» обеими руками, но кто на самом деле это противостояние в современной России начинает основательно осуществлять первым?

Начало нового идеологического противостояния — атаки

Началом нового идеологического противостояния в России следует считать 1993 год. Иронично можно заметить, что всё началось по марксистским постулатам — с экономического базиса. До этого момента экономический базис в стране выглядел только как государственная собственность на всё, кроме кооперативов и личных вещей граждан, а теперь экономический базис начал изменяться. Стала появляться весомая частная собственность. Причём новый экономический базис ещё не сформировался, а идеологическая надстройка общества после расстрела российского Парламента в 1993 г. кардинально изменилась. Причём этот процесс происходил не как в Америке, когда частный базис создавался изначально с нулевой точки или с привезённых капиталов и далее развивался. В России это происходило чаще всего в результате некоего аппаратного дележа — когда лучшие государственные предприятия выводились из государственной собственности, из государственного базиса, и становились частными. Вся эта формальность стоила смешных денег и позволяла отдельным лицам в течение нескольких лет становиться миллиардерами на зависть бывалым западным бизнесменам.

Были открыты торговые ворота страны, и зарубежные товары хлынули на пустые постсоветские полки. Любой российский гражданин мог заниматься бизнесом, но встал самый важный вопрос — откуда взять деньги, стартовый капитал. Деньги, по многим причинам, оказались у граждан еврейской национальности. В результате, — почти весь импорт от бананов до мяса, и почти весь экспорт от леса и до алюминия находится в руках фирм и корпораций, владельцами которых являются евреи. Для сомневающихся рекомендую открыть любой деловой журнал: «Эксперт», «Компании», «Деньги», «Секрет фирмы» и т.д. В торговле был открыт новый способ зарабатывать огромные деньги — это квоты и льготы или монопольные каналы. Лучший пример — когда Б. А. Березовский имел монополию на продажу импортных автомобилей.

Уже после развала СССР в 1991 году в России стали активно создаваться масонские организации, причем инициаторами это процесса оказались иностранные посольства. Масонские организации несли уже новую мировоззренческую идеологию. Процесс их становления был довольно долгим, и только к концу 20-го века они стали себя активно проявлять. Но уже с 1994 года в России стали активно применять западные политтехнологии по воздействию на сознание человека, о которых я информировал в четырех изданиях своей книги «Лекции президентам по...» (2005—2007 гг.).

Стремительно растущие частные капиталы в 1995 году логично перешли на качественно другой уровень. Новый базис требовал новой

идеологической надстройки, доминирующей в государстве. Для этого необходимо было захватить носители этой надстройки, чтобы старое поменять на новое. Так путём убийства Влада Листьева был захвачен центральный канал телевидения. Вскоре та же судьба постигла другие каналы телевидения и ведущие газеты.

Все основные каналы телевидения и радиовещания, тем или иным образом, оказались под влияние двух еврейских олигархов — Березовского и Гусинского. При этом вначале это было сделано не для чисто идеологической доминанты, а для приватизации оставшихся самых ценных богатств страны — нефти, газа и металлов. Можно было не знать марксизм, чтобы понять — если захватить экономику, то этот оркестр разношёрстных СМИ никуда не денется — будет петь те идеологические песни, которые закажут новые владельцы страны.

Чтобы достигнуть этой цели, необходимо было захватить власть в стране, а для этого было необходимо захватить современный мощнейший фактор влияния на человеческое сознание — телевидение. Что и было сделано. Благодаря телевидению президентом России в 1996 году опять стал Ельцин, которому доверяли всего 2–3% населения России. Он стал фактически марионеточным правителем. При нём был осуществлён окончательный делёж страны. В результате этого дележа владельцами недр страны стали Березовский, Абрамович, Вексельберг, Смоленский, Дерипаска, братья Чёрные и много других евреев. В этом списке можно назвать всего двух русских и одного азербайджанца: Потанина, Мордашова и Аликперова. России была уготована роль дойной коровы наподобие латиноамериканских стран — огромные деньги из России выводились, а в её развитие никто ничего вкладывать не собирался. Около 100 миллиардов долларов в год выводилось из России в то время, когда народ жил в нищете, а бюджет государства составлял смешные 20 миллиардов долларов.

Даже ценные исторические документы огромной стоимости из государственного архива умудрился похить наследник Оси Бендера — некто В. Файнберг.

Итак, экономика или экономический базис государства был захвачен и изменён. Для сохранения этого нового положения после максимального отбора финансовых накоплений у граждан, мелких и средних предпринимателей в 1998 году — с самой высокой политической вершины был объявлен курс на стабилизацию в стране, то есть на закрепление и консервацию новой ситуации. Фактически в России действовала уже новая идеология, хотя она публичными декларациями и специальными научными публикациями себя не афишировала. Никакая другая идеология ей не противостояла; окончательный уход марксизма был только вопросом небольшого отрезка времени.

Но для полной надёжности оставалось окончательно изменить и захватить идеологическую надстройку, чтобы не подвергать рискованным изменениям новый экономический базис.

Попытка создания новой идеологической надстройки

СМИ — телевидение, радио и ведущие газеты уже были захвачены и работали на новый порядок. Доставленные из-за рубежа еврейские оракулы западной идеологии — Познер и Шустер, принялись убеждать с телеэкранов российский народ в единственно правильных ценностях. На посты министров СМИ и культуры были поставлены свои люди, которые также работали на новый порядок, изменяя «старое традиционное сознание» и настойчиво внедряя через информационные носители элементы «передовой» западной культуры. Действуя в этом направлении, министр культуры и гражданин двух государств — господин Швыдкой объявил о начале «культурной революции» в России. И хотя она уже произошла — судя по большому количеству оставляемых молодёжью в подъездах домов шприцев от наркотиков и пивных бутылок, но, вероятно, этот министр имел в виду более глубокие изменения сознания населения. Но на этом данный «эволюционный» процесс не остановился.

На средства западных фондов в России было открыто много новых университетов, которые также несли уже новую культуру. В том числе в Москве и Санкт-Петербурге на средства международных еврейских организаций были открыты два Еврейских университета. Бурную деятельность развил Российский Еврейский Конгресс, в результате которой Москва, при поддержке мэра столицы, стала центром деятельности еврейского сообщества не только в России, но во всей Восточной Европе и Азии.

Чтобы окончательно изменить и подладить под новый экономический базис идеологическую надстройку, оставалось сделать две вещи: дать новую трактовку истории России, подкреплённую изданием соответствующих учебников, и подвергнуть критическому анализу философию в России.

Что касается истории, то, начиная с 1996 года, была приготовлена новая версия, и разгорелись горячие дискуссии о замене учебников и учебных программ в школах и вузах, ибо базовые для формирования патриотического сознания новых поколений история и русская литература подверглись радикальному пересмотру В передачах радиостанции «Эхо Москвы» многократно звучали вопросы, обращённые к радиослушателям: «Стыдно ли вам за историю своей страны?».

Вся проблема, тормозящая победную реализацию этой «реформаторской» программы, заключалась в министре просвещения, которого никак

не удавалось сменить на «прогрессивного», но это был вопрос небольшого промежутка времени. С философией дела обстояли намного легче, ведь марксистско-ленинская философия сама себя дискредитировала, то же самое произошло и с её высокопоставленными приверженцами. Пинать всё, что с этим связано: марксизм-ленинизм, большевиков, Сталина, Хрущёва, Брежнева — стало не только беспроигрышным делом, но, на праздники и в дни выборов, — неизбежной и обязательной милой циничной забавой. В понимании новых архитекторов России всё шло хорошо.

Подвёл немного Ельцин, быстро состарившийся и ставший профнепригодным. Ни для кого не является секретом, что после того, как слабоумие и маразм Ельцина стало трудно скрывать, и его нельзя было публично показывать, потребовался другой марионеточный президент. Найти нового марионеточного кандидата в президенты оказалось совсем непросто. Березовский несколько раз публично жаловался, что нет такой харизматичной личности — кандидата в президенты, который был бы симпатичен народу, а потому легко выбираемым, и, естественно, — верой и правдой служил бы олигархам.

В результате мучительных поисков выбор пал на В.В.Путина, якобы из-за таких качеств, как преданность, благодарность и симпатия к либеральным ценностям, чему подтверждением была дружба и совместная работа с А. Собчаком. Выгода была ещё и в том, что он был выходец из спецслужб, которые Березовский и его сотоварищи по богатству упорно в течение нескольких лет безрезультативно пытались поставить под свой контроль.

Нового кандидата в марионетки спешно провели по должностной иерархической лесенке на глазах удивлённой общественности на самый верх и, к концу 1999 года, сделали президентом. По замыслу упомянутых олигархов Путин должен был, заняв наивысший государственный пост, быть им благодарным — ведь он вошёл в историю и был обеспечен до конца жизни материально.

Замена одного президента на другого, также «своего», произошла очень быстро и гладко, наступила долгожданная стабильность и предсказуемость на длительную перспективу. И теперь уже можно было расслабиться и закончить в России фундаментальный процесс замены идеологической «надстройки», поставить над обществом свою монопольную доминирующую западную либеральную идеологию и уничтожить национальное самосознание русских, их достоинство и гордость, сделать из них серых рядовых космополитов и обычных потребителей товаров и услуг.

Для достижения этой важной цели либерал-демократам оставалось убрать несколько важных препятствий: во-первых, окончательно дискре-

дитировать и добить до конца в сознании людей ностальгию по советскому прошлому и Сталину, включая даже Великую победу; во-вторых, после самоубийства марксизма-ленинизма оставалось дискредитировать великую русскую философию до 1917 года, главным представителем которой был В. Соловьёв; в-третьих, — поскольку трудно дискредитировать Пушкина, Гоголя и других великих русских мыслителей, но необходимо было максимально умалить их появление перед глазами учеников и студентов путем изменения учебных программ, и в-четвертых, — необходимо было дискредитировать и максимально умалить влияние православной церкви. И эти процессы были запущены.

Последний этап идеологического превосходства атакующих

Итак, новый президент, ставленник-преемник старого, в понимании новых собственников России был надёжным гарантом на долгие годы либералам. И можно было начинать смелую атаку, которая началась с 1999 года с подлой атаки на православие и вообще на христианство — «В 1996—1999 издательство «Тера» выпустило сочинение К. Дешнера «Криминальная история христианства», написанную с позиции иудаизма», — отметил историк О. Платонов, понял — что происходит замысел, и стал готовить ответ — Платонов: «В ответ на это издательство «Энциклопедия русской цивилизации» считает своим долгом опубликовать знаменитый труд выдающегося православного богослова И. Лютостанского (1835—1915) «Криминальная история иудаизма» («Талмуд и евреи»)...».

Итак, — фиксируем исторический факт — с 1999 года начался новый этап идеологической борьбы с атаки на фундаментальные ценности русского народа либералов, во главе которых «почему-то» стали еврейские идеологи. Ответ на этот выпад О.Платонов готовил довольно долго — «Криминальная история иудаизма» была издана в 2005 году. А пока монопольно действовала другая сторона и, не видя противников, совершенно расслабившись, издала для своих в 1999 году очень смелую большую книгу — дневниковые записки о революции 1917 года известного еврейского историка Семёна Марковича Дубнова (работа «Еврейского университета в Москве»). Эта книга была рискованная, ибо описывала многие интересные моменты российской истории, в частности — подготовку сионистской армии в России к «русской» революции, там были потрясающие свидетельства очевидца и участника, причем профессионального историка.

Одностороннее наступление-чистка продолжалось — и в 2000 году на полках книжных магазинов появилась книга, изданная в России двумя еврейскими авторами Ефимом Кургановым и Генриеттой Монди под

названием «Василий Розанов и русская философия». Вот небольшая цитата из этой книги — Генриетта Монди: «Ефим Курганов на основании этой цитаты совершенно справедливо назвал Флоренского «предтечей фашизма», «Такова та почва, на которой был взращён бердяевский МИРНЫЙ ФАШИЗМ... Бердяев сформулировал давно зревшую в недрах русской мысли программу МИРНОГО ФАШИЗМА... Все построение, которое наметил Вл. Соловьёв, а затем развернул Бердяев, не осуществлено и неосуществимо». В этой же книге под такой же удар попал наш выдающийся религиозный мыслитель Павел Флоренский.

В этой книге не только впервые в истории был введен ложный и подлый термин «русский фашизм», но и достояние российской и мировой философии — Соловьёв, Флоренский и Бердяев — теперь оказывается являются фашистами... После краха марксизма-ленинизма втоптать в грязь эти имена — это значит лишить российский народ собственной философии, лишить собственных мудрецов; это значит не просто унизить этот народ, — а доказать его ничтожество, и соответственно объяснить, почему он заслужил такую ничтожную, нищенскую жизнь.

Логично встаёт вопрос, — а какой же народ и почему заслужил благодатную жизнь? На этот вопрос авторы отвечают конкретно: «Отрицать избранность еврейского народа, считать её временной, преходящей — ересь, ведь Бог избранность эту не отменил...». Это высказывание уверенно следует назвать проявлением религиозного расизма.

Среди бесконечных перепечаток Аристотеля, Канта, Гегеля и т. п., новых книг по философии в нашей стране выходит очень мало, поэтому многие наши профессора и академики от философии читали книгу Генриетты Монди — но никто не встал на защиту философского достояния российского народа, на защиту добрых имён славных философов, олицетворяющих закономерное достоинство народа. А со стороны атакующих это называется — добить упавшего. Всё, — захвачены богатства страны и уничтожено национальное самосознание, теперь следует стыдиться собственной истории и философии, теперь вы — никто... и смиритесь с тем, что случилось, и с положением, в котором находитесь. Всё... — назначенный президент и правительство объявили политику стабильности, и никаких переделов, и никаких пересмотров...

Как таковой идеологической борьбы в России на этом историческом этапе не было. Невозможно принимать всерьёз многочисленные брошюрки и мелкие газетенки, содержащие статьи о «иудо-масонском» захвате России, ибо они влияли на очень маленькую часть населения, их авторы доступа к распространению информации не имели, и лучшим методом борьбы с ними было их полное игнорирование, замалчивание.

В 2000 году вышла моя книга «Ответ Джо Соросу или изучение мудрости», в которой был дан обзор мировой философии, истории де-

мократии, и часть книги была посвящена некоторым закономерностям в истории человечества и именно — роли еврейского общества в истории различных народов. Эта книга писалась мною не спеша давно — с 80-х годов, со студенческой скамьи, не была полемической в разделе русской философии, потому что я не ожидал такого возмутительного нападения на русских философов.

Теперь же, после Г. Монди и Е. Курганова, я стал готовить целенаправленный разъяснительный ответ, прекрасно понимая, что официальная наша наука, академическая профессура на это не отважится и останется лежать, оплеванная, в грязи, боясь потерять должности и жалкие гроши. Вероятно, с этого момента, не я один решил дать ответ на этот вызов. И это нормально и закономерно — мы ведь не туземцы из джунглей, которым можно легко внушать различные бредни и ложь. Кстати, — вот так в истории человечества происходит движение, борьба, эволюция, «елочка» — «вызов-ответ».

Но до выхода моего «ответа» было ещё далеко, и слава Богу — в этот период в России появилось на информационно-идеологическом фронте немало прекрасных воинов. Наконец-то начала проявляться защитная иммунная реакция народа, нации, — из рядов интеллектуалов-патриотов прозвучали первые робкие ответные выстрелы, через несколько лет превратившиеся в дружные целенаправленные залпы.

Начало новой идеологической борьбы — появление ответа патриотов

2001-2002 годы следует считать очередным этапом, когда появилось новое идеологическое противостояние. Началось, пожалуй, с появления в конце 2001 г. на книжных полках исследовательского труда О.А. Платонова «Терновый венец России», интересных исследовательских книг по истории и славянизму А.В. Трехлебова «Клич Феникса» и В.И. Истархова «Удар Русских Богов», а также издание первого тома научного двухтомного труда А. И. Солженицына «Двести лет вместе». Первый том вышел в 2001 году и из-за известных событий в США (с башнями) был незамечен.

Совсем другую реакцию вызвало появление второго тома. При этом важным было не столько содержание книг, сколько то, что мыслитель с такой известной мировой фамилией отважился, рискнул, счёл важным и необходимым озвучить очень «неудобную», «стеснительную» и «страшную» тему.

Оппонент А. Солженицына, его идеологический враг — исследователь истории из Израиля Я. Рабинович это отметил в первую очередь: «И... сразу же правда его (Солженицына) слова была поставлена под

сомнение и получила название «Ошибка Солженицына»! И всё-таки, в чём же главная ошибка Солженицына? Она не одна, на этот раз нобелевский лауреат ошибся многократно! Прежде всего, он решился назвать острой тему «Евреи и Россия», обратить «самое пристальное внимание» на русско-еврейские отношения...» («Быть евреем в России: спасибо Солженицыну», 2005 г.).

То есть, — по мнению самых говорливых о гласности, открытости, свободе мнений и правде — главная и единственная ошибка А. Солженицына, что он вынес на обсуждение тему «еврейского вопроса», поэтому А. Солженицын — юдофоб и антисемит. И Я. Рабинович для сравнения приводит положительный образец: «Я вынужден сказать несколько слов в защиту прекрасного русского писателя Глеба Успенского. Он, конечно, не был юдофилом, но не был и злостным ксенофобом: евреи и еврейский вопрос его мало интересовали». Не хватало — чтобы Г. Успенский писал нашим детям сказки о злых и коварных евреях...

А. Солженицын не спорил, — есть или нет русский фашизм, или — фашисты Соловьёв и Флоренский или нет, он просто очень долго, с 60-х годов (по свидетельству его первой жены Н. Решетовской. — «АиФ»), добросовестно и очень тщательно изучал историю России последних 200 лет, и надо же было случиться такому совпадению-чуду — как раз в разгар атаки на русскую духовность издал свой научный двухтомный труд, в котором по принципу — «правда не боится исследования» неопровержимо было показано — кто готовил «русские» революции, кто захватил в России власть, и показаны десятки еврейских фашистов, уничтожавших миллионы русских. И таким образом нанес мощнейший удар в самый центр, в «штаб» идеологических противников.

Никто не ожидал от знаменитого диссидента — правдолюба и выдающегося писателя подобного научного и гражданского подвига. Подвига в смысле смелости и огромности проведённой научной работы. Судя по всему, — Солженицын исследовал эту тему вначале сугубо для себя, для собственного понимания истины и происходящего, и публиковать свои исследования не собирался. Но собственные «открытия» в «давно известной» истории России и события в России 1996 г. и 1998 г. — боль и переживания за судьбу своего Отечества и народа подтолкнули к окончательной доработке изучаемой темы и публикации её. Если учесть несомненную опасность темы, то определённую положительную роль сыграл и преклонный возраст писателя — получилось как у Коперника... «Я долго откладывал эту книгу и рад бы не брать на себя тяжесть её писать, но сроки моей жизни на исчерпе, и приходиться взяться», — признался А.И. Солженицын.

Начатый процесс активного идеологического сопротивления в России нарастал, — в 2003 году вышла небольшая знаковая книга

Р.Л. Перина «Психология национализма», затем через год он издал книгу известного советского исследователя А.З. Романенко «Тайны «русских» революций» и переиздал книгу В.А. Солоухина «Тайна происхождения В.И. Ленина», кстати, за сам факт обнаружения этой тайны в 1965 году были уволены научные сотрудники государственного архива СССР. В 2005 году вышли уже «большие» книги — первое издание моей книги «Лекции президентам по истории, философии» и мощный труд Михаила Назарова «Вождю Третьего Рима». В этот период некоторые издательства стали активно переиздавать знаменитого классика русской философии Ивана Ильина.

А в 2006 г. на книжных полках появилось уже огромное количество патриотических книг по различным темам от правдивой истории России до исследований славянизма, от серии книг О. Платонова под общей рубрикой «Русское сопротивление» и до Ю. Мухина «Евреям о расизме».

Вторым важным моментом этого периода следует считать то, что к концу 2002 года появились сомнения в важном политическом вопросе — в чьих интересах руководит государством В. В. Путин.

Вероятно, в Путине патриотические чувства и переживание за свой народ перебороли благодарную преданность, он отказался от роли марионетки и повёл самостоятельную политику на укрепление и усиление российской государственности. Первым это прочувствовали еврейские олигархи и через СМИ стали его дискредитировать.

Путин выгнал из страны фактически правящих страной еврейских олигархов и, где-то к середине 2002 года, поставил под свой контроль парламент (Думу). Изменения происходили довольно неожиданные и серьёзные. Еврейский университет в Москве даже сменил своё название на более скромное. Но еврейские лидеры в России с этой переменой не согласились. Богатейший еврейский олигарх Ходорковский при явной поддержке руководства еврейской организации РЕК и, чувствуя поддержку других олигархов, включая опальных, а также поддержку ряда международных организаций и западных стран — в 2003 году официально объявил о намерении поставить под своё влияние парламент и добиться на выборах поста президента. При этом дерзко, на глазах всей страны, вступил в конфронтацию с действующим президентом. Более того, — он намеревался продать свою корпорацию американским компаниям, налоговые отчисления которой при высоких ценах на нефть составляют 15% и более бюджетных поступлений страны, что явно является угрозой суверенитету страны.

В результате всего происшедшего интерес к еврейской нации у российского общества возник большой. В её руках сейчас не только богатства нашей страны, но и крупнейшие банки, заводы, ведущие торговые фирмы, политические партии, крупнейшие средства массовой

информации и т. д.; плюс — захват власти в 1917 и в 1996 (Ельцин был в их руках марионеткой) и третья попытка Ходорковского сделать это же. С учётом происшедшего в 1901—1906 гг. — это уже четвертая попытка захвата власти в России на протяжении 100 лет, при этом две из них были успешными... Ни одна нация из более ста проживающих в России (да и за пределами её) не может похвастаться такими «достижениями»...

Их успех впечатляет, продуманность его интригующа и загадочна. В чём она состоит? Влияние евреев, проживающих в России и за её пределами, на историю России и судьбы её народов так велико, что уже давно пора досконально и научно разобраться в этой теме.

И вот на волне этого интереса был издан большой двухтомный научный труд А. И. Солженицына, посвящённый этой теме — «Двести лет вместе». И теперь было интересно глянуть на ответ со стороны западных и прозападных идеологов.

Еврейский ответ, неожиданная слабость еврейских идеологов

Вначале они около двух лет держали паузу, молчали, переваривали, вырабатывали позиции, готовились. Создалось такое впечатление, что они не ожидали противодействия, ответа и были уверены, что после всех событий в России периода 1996 — 2000 г. в 21 веке их мысли и идеология будет монопольно и бесшабашно летать над головами миллионов россиян как американские боевые самолёты над Ираком, как будто все наши радары уже вышли из строя — и никто не ориентируется ни в прошлом ни в настоящем, порох давно закончился, а бойцы идеологического фронта или перебежали на сторону противника или доживают молча последние деньки в нищете.

Сама по себе затяжная молчаливая пауза и была первой ответной реакцией на появление патриотов в информационном пространстве, чтобы не привлекать внимание своей критикой многих людей к тогда ещё малоизвестным именам и «опасным» книгам, но молча и презрительно игнорировать мыслителя с такой фамилией — Солженицын было уже не мудро и опасно. Хотя первая попытка замолчать Солженицына удалась на славу — когда в 2000 году вышла первая книга А. Солженицына в этой теме «Евреи в СССР и в будущей России», то она не только не появилась в информационном пространстве, но и загадочно исчезла из магазинов, как только появилась, её почти никто и не увидел.

Но на этот раз резонанс был большой, и кому от показанной Солженицыным исторической правды стало неудобно, почувствовали себя разоблачёнными — прорвало: появились многочисленные статьи в прессе и интернете. В газете «Московский комсомолец» в октябре и ноябре 2003 года вышли статьи ястреба публицистики Марка Дейча под хамским

названием: «Бесстыжий классик». В печатных изданиях за пределами России его статья называлась: «Классик антисемитизма».

В интернете можно обнаружить большое количество статей на данную тему еврейских авторов из многих стран планеты. Этого идеологическим оппонентам Солженицына оказалось мало — в срочном порядке группой еврейских «учёных» по вопросам истории — Семёном (Шимоном) Ицковичем из Чикаго, Львом и Ириной Левинсон (Израиль), Борисом Кушнером (Питтсбург) — во главе с сотрудником радиостанции «Голос Америки» Семёном (Шимон) Резником (США) была написана в США книга, якобы опровергающая книгу Солженицына, под названием — «Вместе или врозь. Заметки на полях книги А. И. Солженицына» (2003 г.). Оперативность просто удивляет — эта книга была помещена в России в книжных магазинах на полках рядом с двухтомником Солженицына, чтобы раскупалась в приложении к ней.

А в Израиле Яков Рабинович начал мудрено рассуждать: «Его (Солженицына) возвращение на родину в сталинском френче под стрекот телекамер Би-Би-Си выглядело, как злая пародия. Его речи с телеэкрана были пусты и скоро приелись. Сегодня он живёт на отшибе, мало интересный соотечественникам, которые за минувшие годы повидали столько гениев и пророков (Гайдар? Чубайс? Аксёнов-Гинзбург? — и т.п. — Р.К.), что больше пока не нужно....

Его (Солженицына) публицистика после возвращения из эмиграции била наотмашь, и все — мимо! Нашумевший двухтомник «Двести лет вместе», по мнению многих читателей, — такая глупая, прости Господи, книга (хорошие евреи — за Россию, плохие — против, а между ними суетящийся автор с призывами всем покаяться, раздающий полезным евреям пряники за добрые слова о русских), что неприятно обсуждать!» — сказал Я. Рабинович и... — и спешно принялся вместе с помощниками писать опровержение Солженицыну, чтобы евреи в России могли обосновано аргументировать свою позицию в спорах с русскими патриотами, и через несколько лет в России (в 2006 г.) начали распространять его толстенную книгу под названием «Быть евреем в России: спасибо Солженицыну».

Не преминул написать странную брошюрку против Солженицына под названием «Портрет на фоне мифа» и автор предателя-Чонкина В. Войнович, чем, пожалуй, окончательно доказал свою деградацию. Вот, например, отрывок из статьи под названием «С протянутой рукой...» в еженедельной газете Российского еврейского конгресса «Еврейские новости» (№ 26, стр. 2, июль 2004 г.) по поводу презентации вышедшей в защиту книги Солженицына книги Валентина Осоцкого «Еврейский вопрос по Александру Солженицыну»:

«Марк Дейч подчеркнул, что, к примеру, в книге Семёна Резника «Вместе или врозь» есть масса примеров, «иллюстрирующих враньё

Солженицына». Ещё один крупнейший исследователь истории советского еврейства Геннадий Костырченко, по словам Дейча, открыто назвал Солженицына расистом... Публицист Валерий Каджая, назвав книгу Резника «обвинительным актом против Солженицына»... отметил, — То, что Солженицын написал грязную и подлую книжку, — с этим нельзя мириться».

Заместитель председателя Московского антифашистского центра Виктор Дашевский обратил внимание присутствовавших на то, что Солженицын, которого защищает Валентин Осоцкий, оболгал не только евреев, но и русских, написав, к примеру, пассаж о Февральской революции, совершенной по «нашему неразумию». Эта борьба многочисленных еврейских идеологов приняла довольно странный, ненаучный характер. Можно прочитать и проанализировать десятки статей против книги А. Солженицына, в том числе и книги еврейских «учёных», но бесспорным является то, что нигде вы не обнаружите доказательств или обоснованных опровержений. Опровержений, например, такого рода — неправда, что евреи повинны в тысячах смертей белорусских крестьян от голода в начале XIX века — вот вам доказательства, или — неправда, что еврейские террористические организации в период 1901–1905 гг. развязали в России террористическую войну и убили сотни российских чиновников — вот вам доказательства, или — неправда, что евреи совершили государственный вооружённый переворот в октябре 1917 года — вот вам доказательства.

Эти моменты истории вообще не упоминаются и не затрагиваются, а если и упоминаются, то в весьма забавном аспекте. Например, Марк Дейч очень легко и ловко в одной куче рассматривает обе революции — и февральскую, и октябрьскую, прощаясь с этой темой словами: «Хорошо известно, что произошло в феврале 17-го. Коротко говоря — «царя скинули»». Ещё более «убедительно и научно» опровергает Солженицына наш «выдающийся историк» Геннадий Костырченко в своей брошюре «Из-под глыб века»: «Нет необходимости, что называется, с фактами в руках доказывать сейчас обратное: существуют тысячи непредвзятых специальных исследований, из которых ясно, что большевистский террор был, конечно, не «еврейским», а классовым, как, впрочем, и сама революция».

Хотел бы я увидеть хотя бы одно из этих непредвзятых исследований, много лет изучаю эту тему, и ещё не одного такого не встретил. Опора в доказательствах на «хорошо известно» или «нет необходимости доказывать» в таких важнейших вопросах рассчитаны на читателей, не знающих истории своей страны, и являются элементарным лукавством и мошенничеством.

Совсем коварно решил загнуть редактор еврейской газеты Танкред Голенпольский:

«Книга даже получилась направленной скорее против русских, которые выглядят в ней эдаким стадом послушных или зомбированных баранов: они алкоголики или безвольные, с которыми делало что хотело еврейское меньшинство. Что же такое русский народ? Почему он так охотно поддаётся этой еврейской эксплуатации?».

Совсем странным делом занимался в США Резник с сотоварищами, — почти половину своей книги они посвятили рьяному доказательству, что последний российский царь — дурак и сволочь, а февральская революция совершена русскими руками. Зачем, опровергая Солженицына, это доказывать, когда Солженицын сам говорит об этом прямым текстом. Но когда их исторический анализ доходит до событий октября 1917 года — то у них, вдруг, пропадает желание заниматься далее анализом истории России и опровержением Солженицына, и книга заканчивается.

Неудовлетворённый читатель, вероятнее всего, должен понимать, что нет разницы между февральской революцией и октябрьской (всё равно произошли в один год), то ли должен опираться на «и так хорошо известное» состряпанное большевистскими идеологами сразу после революции.

Зато все статьи, пытающиеся опровергнуть выводы Солженицына, и большая часть книги «американского мудреца» Семёна Резника содержат одни и те же доказательства, опровергающие выводы Солженицына из истории России; звучат они все примерно так: «ага, а вы знаете — Солженицын не был мучеником Гулага — он там был нормировщиком! А вы знаете — Солженицын во время войны с фашистами не был на передовой, он был в звуковой разведке за несколько километров до передовой — а значит награды его не боевые... А мы нашли в Америке его сослуживца (видимо с помощью израильских спецслужб) еврея Соломина, который рассказал, что у Солженицына был адъютант, вы представляете...

Этот Солженицын вместо того, чтобы внимательно прочитать рассказы Шаламова — их просто просмотрел, представляете...» — и так далее и тому подобные «доказательства». Представляю, сколько труда стоило наскребать столько грязи в «доказательство» и затем усердно эти «доказательства» переписывать друг у друга. Хотя это элементарная и противная непорядочность, но читать без улыбки это невозможно. Вот Григорий Бакланов (он же — Григорий Яковлевич Фридман) «разоблачению» Солженицына посвятил статью размером в 24 страницы и кроме вышеперечисленных «доказательств» ложности его труда весьма оригинально обнаружил очень весомый аргумент, поставивший под сомнение весь двухтомник Солженицына — оказывается... в корне фамилии автора есть буквосочетание «ЛЖЕ» — и этим всё сказано... А вот Давид Гарбар

из г. Дуйсбурга (Германия) — поступил честнее, признавшись в начале своей статьи «Двести лет вместе», или как это сделано»: «О книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе (1795–1995)» сейчас пишет даже и «ленивый»... Вот и у меня есть потребность высказаться — выбросить накопившийся негатив».

Яков Рабинович из Израиля поступил ещё более оригинально, — он дождался выхода книги С. Резника и его команды, затем примерно 70% их книги просто переписал, вернее — перекопировал, ничего не меняя, и добавил кое-какие свои «гениальные» рассуждения:

«Книга Солженицына, в основу которой положен хронологический принцип, трудна для восприятия, когда стараешься удержать в уме лавину дат и имён. Книга скучна и тем хороша, что, оставляя равнодушным компетентного читателя, не возбуждая заметного антисемитизма у неофита. Однако как знать? Масса рецензий и отзывов с трудом поддается обозрению». Понятны трудности восприятия и удержания в памяти, мягко говоря — «пожилого» Рабиновича, но чем хаос и неразбериха лучше строгого хронологического метода?..

Я. Рабинович решил взбодрить копии от С. Резника своими новшествами — нашел князя С. Урусова, «забыв» сказать, что Урусов был «заслуженным», выдающимся масоном и основным организатором с 1906 года масонских организаций в России, и писал всякие гадости о России из Франции, сидя в окружении евреев. Затем Рабинович «нашел» себе другого помощника среди русских — якобы любвеобильного «юдофила» русского писателя Н. Лескова, и решил использовать его две статьи, но «забыл» читателям поведать, что Н. Лесков написал произведение «Жидовская кувыркалегия» и поэтому российскими евреями во второй половине 19-го века считался злостным антисемитом. Не надо, товарищ, Рабинович считать себя самым умным, а остальных неграмотными.

Но самым умным, просто «гением» посчитал себя еврейский журналист Валерий Каджая, награждённый в 2005 г. премией за «антиксенофобские» статьи, который легко сравнил А.И. Солженицына с Гитлером, — он полностью скопировал книгу Я. Рабиновича, который почти полностью скопировал книгу Шимона Резника, назвал её — «Почему не любят евреев» и издал в России в 2007 году. Уверен — Резник не имеет претензий к Рабиновичу, а Рабинович не имеет претензий к Каджае, я умиляюсь этими «гениями», они здорово веселят, и уверен — евреи во власти, руководящие русской культурой, дадут Каджае за книгу-копию ещё одну премию.

Теперь уже без улыбки невозможно читать иллюзорные надежды Солженицына: «Смею ожидать, что книга не будет встречена гневом крайних и непримиримых, а наоборот послужит взаимному согласию». Почему у всех критиков накопился негатив, совершенно понятно — ведь

почти сто лет всё было так спокойно: никто историю не трогал, тысячи профессоров и академиков твердили одно и то же. Всегда были виноваты: русские цари-кровопийцы, черносотенцы, попы (предлагающие «опиум для народа») и, потом, — изверг Сталин. Из исследования Солженицына российский гражданин вдруг узнал, что в недавней истории России случались не только еврейские погромы, но и русские погромы, когда толпы евреев устраивали в России побоище русских. Ни один критик или хулитель Солженицына даже и не попробовал опровергнуть эти факты. Итак, — западные идеологи со своей задачей в истории с Солженицыным не справились. Что они ещё могут придумать?

Когда в прессе и интернете страсти по Солженицыну утихли, то сторонники искажённой, лживой истории активизировались сразу по нескольким направлениям. Как это выглядело? Вначале решили сыграть на ностальгическом партийном идеологическом патриотизме многочисленных ветеранов марксизма-ленинизма, — и русскоязычный идеологический еврейский журнал «Алеф», который издаётся в Москве, Израиле и США, то есть имеющий большую аудиторию, в своём номере, вышедшем в июле 2005 г., опубликовал обширную восторженную статью о героине еврейского народа Розалии Залкинд. Неграмотным российским гражданам это имя ничего не говорит, а сторонники коммунистической партии знают эту еврейскую женщину под дружелюбной маской «Землячка», но все профессиональные историки и тысячи людей изучающие внимательно историю России, знают, что эта женщина была редчайшим в истории всего человечества кровавым палачом русского народа.

Когда интернациональная Красная Армия захвативших Россию «большевиков», среди главарей которых были «почему-то» представители в основном одной нерусской национальности, добивали в Крыму русскую армию, часть которой не успела покинуть Россию морским путём, а другая часть, поверив обещаниям большевистских главарей о прощении и примирении, осталась на российской земле, то над этим обманутыми людьми большевики во главе с Розалией Залкинд устроили страшную кровавую бойню с предварительными издевательствами и пытками.

Благодаря «стараниям» кровавого фашиста Розалии Залкинд было убито более 30 тысяч пленённых русских офицеров и солдат! Эта «рачительная» фашистка, экономя патроны Красной Армии, измученных голодом и пытками людей вывозила баржами в море и связанных друг с другом топила.

Это была Катастрофа русского народа, настоящий Холокост. Но это ещё не всё... — когда были уничтожены все русские военнопленные, Розалия Залкинд взялась за чистку местного населения, среди которых,

по её мнению, могли быть сочувствующие свергнутой власти — и опять многие тысячи учителей, врачей, крестьян, мещан были замучены в пытках или массово утоплены в Чёрном море.

Всего в течение небольшого периода времени — полтора года (1920–1922 гг.) под руководством Розалии Залкинд, которая после захвата Крыма сделала карьеру и была первым секретарём обкома Крыма, было уничтожено более 120 тысяч русских людей, большое количество татар, и даже некоторое количество критикующих большевиков евреев! В истории человечества аналогичной этой кровавой фашистке трудно найти даже среди гитлеровских фашистов, а уж среди женщин-фашисток, бесспорно, ей равных по сатанизму в истории человечества нет. При этом стоит понимать, что Крымский Холокост русского и татарского народов — это только один из многочисленных эпизодов в длительной кровавой деятельности Залкинд в России. И на пропаганду «героизма» этого фашиста никто в 2005 г. в России не отреагировал: ни славные правозащитники во главе с основным «яблочником» Лукиным, ни многочисленные антифашистские организации, включая молодёжно-кремлёвскую «Наши», не знаменитые общественные деятели, которые тут же вопят по каждому незначительному факту антисемитизма, «не увидели» этого и вездесущие журналисты газет и телевидения.

И если бы в России была бы «нормальная» власть во всех отношениях, такая как в европейских государствах, то всех руководителей и владельцев журнала «Алеф» за пропаганду фашистов и фальсификацию истории России обязательно бы судили и закрыли бы этот идеологический рупор.

Сейчас мы являемся свидетелями того исторического момента — когда нормальный умный человек становится антисемитом. Вот момент и причина постоянного возникновения антисемитов, как протеста против наглой лжи и массированного навязывания «своего» лживого мировоззрения, лживой идеологии, а в случае с фашисткой Залкинд — и навязывания своей лживой кровавой власти.

Руководство еврейского журнала «Алеф», чувствуя полную безнаказанность, отсутствие меры и предела, неграмотность современной власти или понимая её как «свою» — в сентябре 2005 года опять издевательски принципиально опубликовало статью о героине еврейского народа «пламенной» революционерке Розалии Залкинд, продолжая и дальше нагло-лживо «просвещать» российских граждан, пытаясь целенаправленно зафиксировать в их умах свою идеологическую картину. Эта попытка западных идеологов точно оказалась провальной и даже усугубила положение.

Что дальше можно придумать? Дальше — решили засыпать российских граждан книгами по истории России с «гибкой» полуправдой для

чего ангажировали никому не известного писателя-фантаста А. Бушкова, издали в течение одного года несколько его книг или книг под его фамилией огромным тиражом и попытались раскрутить в СМИ А. Бушкова как «выдающегося» «модного» историка. Небольшой успех эта операция западников имела, но далеко до желаемого. Что дальше?

Далее приравняли антисемитизм и любую критику еврейских идеологов к фашизму, — получился «русский фашизм», причем сами запутались в антисемитизме изрядно.

Оргмероприятия вместо научной аргументации

Вероятно, — долго совещались еврейские идеологи и в 2005 году выдали целый веер инициатив.

Вначале журналист и политтехнолог М. Гельман объявил список «100 неофашистов» современной России, в который вошли большинство авторов, исследующих в своих книгах историю России правдиво, кроме Солженицына.

...Если что-то не по ним,
Сразу в крик «Фашизм! Фашизм!»
Победителю его
Ставят чёрное клеймо.
Только мудрость так гласит:
„Поджигатель на пожаре -
Больше жертвы голосит”

(отрывок стиха В.Г.Ануфриева).

Эта акция еврейских идеологов ставила своей целью не столько шельмовать своих идеологических противников и якобы опозорить их перед общественным мнением и в свою очередь надавить на них общественным мнением, — сколько подготовить общественным давлением следующий технологический шаг: обращение в карательные органы, чтобы изолировать с поля идеологического боя своих противников. И главный раввин России Берл Лазар от имени Федерации еврейских общин России потребовал в 2005 г. от российской прокуратуры запретить произведения И.А. Ильина(!), И.С. Аксакова, Л.А. Тихомирова, М.О. Меньшикова, С.А. Нилуса, И.Р. Шафаревича, М. Назарова, О. Платонова и других русских современных исследователей истории за то, что в книгах этих авторов «значительно искажаются многие факты прошлого и настоящего».

Но в прокуратуре оказались умные люди и к тому же в подавляющем большинстве русские, которые хорошо помнили законы, гарантирую-

щие свободу слова и свободу выражения мнений и не собирались их нарушать. И западные и прозападные идеологи своей цели не добились и умершим русским патриотам рот не закрыли, и те остались на свободе, в строю.

Что им осталось делать дальше? — Дальше неугомонные идеологи и их помощники-активисты в разных городах России, руководимые Берл Лазаром, начали проводить широкомасштабную акцию — вообразили себя прокурорами и судьями на информационном и идеологическом поле, и пошли обходить книжные магазины Москвы, Петербурга и других крупных городов России и начали оказывать давление на руководство книжных магазинов. Фактически это была акция их запугивания, чтобы они не принимали на реализацию «антисемитские», «ксенофобские», «неофашистские» книги вышеназванных авторов. Но и этого показалось пришлым бойцам идеологического фронта мало, и они применили другие методы и формы нападения на своих идеологических противников, уже мало отличающиеся от настоящих окопных.

«В Москве в феврале 2005 г. в магазине «Молодая гвардия» группа еврейских экстремистов пыталась сорвать презентацию моих новых книг, — рассказывает Олег Платонов со страницы газеты «Русский Вестник» (№19, 2006 г.). — Угрозы и оскорбления шли в адрес издательств, выпустивших книги. О запрете моих книг сообщили из города Иванова. Из Тольятти прислали список: «Не принимать заказы. Запрещённая для продажи книга». В этот список было внесено 14 моих книг. Летом 2005г. Российский еврейский конгресс и экстремистская организация Брода объявили глобальную акцию «Город без фашистских книг» и обратились ко всем еврейским организациям, чтобы они требовали возврата из книжных магазинов книг Б. Миронова и некоторых других русских авторов».

27 октября 2007 года в Санкт-Петербурге либералы провели марш и митинг против ненависти и ксенофобии на площади имени академика Сахарова, на котором выступали лидеры СПС во главе с Гозманом и Билых, лидеры «Яблока» во главе с Резником и правозащитники во главе с Рыбаковым, я присутствовал и был свидетелем, как эти борцы за свободу слова возмущались ростом издания неудобной для них литературы и призывали создать специальный цензурный комитет, который решал бы — какую книгу можно издавать, и какую нет. Дожили при демократии... — тоже эффективная мера против правды, против идеологических противников.

Таким образом, когда прозападным идеологам нечем было «крыть» пробившуюся на страницы книг, наконец-то, правду — тогда они перешли от теоретической полемики к конкретным репрессивным мерам, на деле доказывая, как выглядит в их умах и делах свобода выражения

мысли и свобода слова при их пресловутой демократии. Вы думаете — они на этом остановились? Нет, «прогресс» продолжался и вот как выглядел на следующем этапе — «их» идеологический рупор газета «Новые известия» № 36 за 2006 г. сообщает всей России:

«Эксперты Московского бюро по правам человека (А. Брод, Г. Резник и их компания) выяснили, под влиянием чьих книг и статей Александр Копцев напал на синагогу. Вчера доклад «Подстрекатели» был передан «НИ». В свою очередь, психологи считают, что главное было желание Копцева кого-либо убить, а авторы погромной литературы очень кстати подсунули ему «образ врага». Правозащитники утверждают, что Александр Копцев ворвался в синагогу под влиянием произведений прежде всего шести авторов. Это сопредседатели лишенной регистрации Национально-державной партии Борис Миронов и Александр Севастьянов, издатель газеты «Дуэль» Юрий Мухин и писатели Олег Платонов, Валерий Хатюшин и Михаил Назаров».

Вот с какой целью была организована эта простая, но кровавая сцена в самом начале 2006 года. По моему мнению — именно поэтому в этой истории оказалось столь много нестыковок и вопросов, именно поэтому был найден в отчаянном положении безработный парень А. Копцев, которому, вероятнее всего, пообещали после тюрьмы обеспеченную жизнь. Эта акция называется — публичная превентивная прививка российскому обществу от антисемитизма, от угрожающе быстро растущих, согласно всем социологическим исследованиям, патриотических настроений в обществе и одновременно мощный удар по идеологическим оппонентам, чтобы окончательно их вышибить из информационного поля, убрать от народа — лишить возможности просвещать народ.

Но «синагогская история 2006 г.» преследовала и более глобальные, фундаментальные цели — не только вышибить патриотов из информационного поля, но и из политического, убрать из политики даже похожих на патриотов, и замысел идеологов этой акции удался — после огромной шумихи, поднятой после «синагогской истории», президент России В. Путин публично заявил ко всеобщему умилению еврейских «мудрецов»: «Карьера политика, пытающегося в России разжигать национальную рознь, должна немедленно заканчивается» — что и требовалось достигнуть для закрепления олигархического «интернационального» «мягкого» и «гибкого» режима в России, для выкачки огромных общенациональных денег от продажи общенациональной нефти и металлов в швейцарские банки.

Здесь был удачно осуществлен коварный метод «мудрецов» — путем сложных провокаций-«подстав» использовать против патриотов и для их уничтожения силу их же государства.

Следующим этапом было уже закрепление достигнутого успеха — «контрольные» выстрелы в общественное мнение, которые должны

были подтвердить тенденцию развития «русского фашизма» в России и укрепить и усилить меры против этого возмутительно выдуманного «русского фашизма».

В начале марта 2006 года «миролюбивые» «мудрецы» пытались связать истерию по поводу «русского фашизма» с гибелью таджикской девочки в Санкт-Петербурге, и наблюдалось большое шумное возмущение большинства СМИ «слишком мягким», по их мнению, приговором людям, участвовавшим в событии, приведшем к смерти таджикской девочки в Санкт-Петербурге. Вдова А. Собчака Л. Нарусова, которая имеет свободный доступ к президенту В. Путину, с телеэкрана устроила истерию по поводу «захлестнувшей» Россию ксенофобии и фашизма.

И как «подтверждение» последствий мягкого ошибочного приговора суда по делу убитой таджикской девочки и необходимости жесткого наказания за проявление национализма или расовой нетерпимости, — «вдруг» в начале апреля 2006 года в России прошла череда нападений на лиц «нерусской» национальности: в г. Санкт-Петербурге на девочку мулатку и в Москве — на министра культуры Адыгеи и артистов «нерусской национальности», причём с провокационными националистическими выкриками. Профессиональных преступников-провокаторов, конечно же, — ни в одном случае не поймали. И именно в это время «вдруг» в интернете «обнаружилась» инструкция якобы для русских по нападению на иностранцев и на «нерусских». Интересно — в других странах эти «мудрецы» также проводят такие глубоко продуманные провокационные многоходовки?

Эта широкомасштабная пиар-акция по раздуванию несуществующего «русского фашизма» в своей оголтелости и безнаказанности, при молчаливом попустительстве власти и при дружном «одобрямс» СМИ продолжалась и перешагнула все мыслимые моральные и нравственные границы 2 апреля 2006 года. В этот день телеканал ОРТ в вечерней программе «Время» в 21 час продемонстрировал на всю Россию и на многие страны мира обширную программу по теме «русского фашизма».

В этой программе руководство и журналисты ОРТ представили наш многострадальный и славный героический город — г. Санкт-Петербург как логово «русского фашизма» или центр «русского фашизма», а до этого стараниями журналистов его назвали «криминальной столицей». При этом руководство и журналисты ОРТ в указанной программе представили монтаж любительского фильма, зафиксировавшего некое специально искусственно созданное частное экстремистское мероприятие, посвящённое гитлеровскому фашизму с участием около десяти пьяных и обкуренных молодых людей, которое проходило

(!) — в 1995 году, 11 лет назад, — как происходящее в этом 2006 году! Это было со стороны первого телеканала — ОРТ преступное мошенническое манипулирование сознанием миллионов людей в России и за её пределами.

Дело в том, что я лично знаю некоторых из тех обманутых мальчишек, которые теперь уже взрослые, имеют семьи, детей. Но политики, политтехнологи в России и за рубежом, журналисты многих газет и телеканалов вот уже 11 лет используют это провокационное мероприятие и фотографии этих обманутых мальчишек в своих подлых коварных политических целях.

Но мошенникам телеэфира, этим творцам «русского фашизма» на ОРТ этой махинации показалось мало и два «выдающихся» журналиста с 1-го телеканала Марк Погребняк и с 5-го Илья Стогов (оба по случайному совпадению одной нерусской национальности) нашли славянское святилище Перуна и назвали его центром петербургского фашизма только потому, что на кумире Перуна был изображен меч победителя Хазарии князя Светослава...

И как логическое завершение этой очередной провокационной операции — через несколько дней 7 апреля 2006 г. в С.-Петербурге глубокой ночью убивают из помпового ружья иностранного студента, и, конечно, — на месте убийства нерадивый «патриот» или профессионал из «Моссада», «ЦРУ» или нашего местного «Бейтара» оставил ружьё с наспех нацарапанной свастикой — «естественно» не гитлеровской, а славянской древнерусской рунической...

Ну, после такого (!), — политтехнологической шумихи в СМИ по поводу «русского фашизма» было на целый год, эта шумиха даже многократно затмила ритуальное убийство пятерых российских мальчиков в Красноярске... Конечно, и мне очень понятно — почему во всех вышеперечисленных случаях наши доблестные правоохранительные органы, помогающие еврейским идеологам бороться с мифическим «русским фашизмом», убийц не нашли, как впрочем — ещё никогда не нашли тысячи мифических «вандалов», оскверняющих еврейские кладбища в самый подходящий исторический момент...

Это так довольно долго пришлось объяснять по поводу инициативы еврейского идеолога Т. Голенпольского, как, впрочем, и других современных еврейских идеологов: В. Познера и В. Соловьёва по поводу необходимости избегания идеологического противостояния и необходимости консолидации российского общества. А вышепоказанная проблема появилась не в 2006 г., не в 2000 г., не в 1996 г. и не в 1993 г., а намного раньше — это старая историческая проблема российского общества, которую начинаю подробно анализировать в данной книге (второй в этой серии), и продолжу в следующих.

Инструкция

Суровый критик может обвинить меня в использовании большого количества цитат и недостатке прямого авторского текста, как это сделал Геннадий Костырченко («Из-под глыб века»), обвинив А. Солженицына, — что книги им написаны в жанре исторической публицистики, что там — «историко-публицистический коллаж цитат», и этим он якобы — имитировал исследовательскую объективность. Всю подобную критику можно применить и к моим книгам. Но как достигается и признаётся истина в оценке того или иного исторического факта? Если даже мнения по одному и тому же архивному документу или историческому факту у многих исследователей расходятся.

Даже утверждения, убеждения какого-либо авторитета мировой величины не могут признаваться истинными, а что уж говорить о скромном авторе этих строк, для кого является авторитетом — Роман Ключник? Но когда вместе собраны выводы авторитетных личностей разных стран и народов и они совпадают, то тут уже можно говорить с большой уверенностью о правде, об Истине. Когда оценка многих авторитетных исследователей совпадает и просматривается единственно возможная логическая причинно-следственная цепочка, тогда уже можно говорить об истинности и научности. Это ведь не наука физика — здесь опыты невозможны. Хотя в истории мы часто встречаем жестокие эксперименты над людьми, попытки осуществить в жизни различные гипотезы, и можно увидеть в истории много повторов, которые людей ничему не учат...

И этому дружному совпадению мнений признанных мировых авторитетов в Истине трудно противостоять какому-нибудь одинокому «великому гению» по фамилии Г. Костырченко, М. Дейч или С. Резник, если они даже соберутся вместе.

Читатели без труда могут найти авторитетных авторов, на которых я ссылаюсь, и их произведения, — и проверить информацию, сопоставить её с другой, самим исследовать и проверить Истину. В тех случаях, когда я часто цитирую какого-либо исследователя, тогда для экономии книжного пространства и для краткости мною применяются сокращения, например, А. Солженицын — (С), советник М. Тэтчер и Т. Блэра Пол Джонсон — (П. Д.), еврейский историк Семён Дубнов — (С. Д.), Эдвард Радзинский — (Э. Р.), Гавриил Державин (Д.), Борис Башилов — (Б.Б.) и т. п. По тексту после очередного повтора имени какого-либо исследователя будет указание на сокращённый вариант.

Имеются свои трудности и в этой теме — есть великий русский мыслитель конца XIX века Владимир Соловьёв и его отец — знаменитый

историк Соловьёв С.М., а есть талантливый и коварный современный еврейский идеолог и тележурналист политтехнолог Владимир Соловьёв со своим «Евангелием» и аналитической политической книгой 2006 г. «Русская Рулетка. Заметки на полях новейшей истории», настоящую фамилию которого — от его предков, я не знаю.

Предупреждаю слабонервных читателей о сопутствующих неприятностях при исследовании истории, — ибо, как верно заметил историк из Петергофа и лауреат премии «Национальный бестселлер» Илья Бояшов в интервью журналу «Эксперт» в 2008 году: «Я историк по специальности, а история — это что? Это обширный свод человеческих негодяйств. Я с трудом представляю историка, сохранившего иллюзии о человеческой природе». И при правдивом исследовании истории читатель должен быть готов к этой неприятности.

А когда большинство авторов книг по истории и учебников стараются максимально приукрасить события, личности и народы — припудрить, загримировать, то в результате история получается гладкой, без острых углов и — неузнаваемой, ложной, лживой. А ведь из настоящих исторических событий в прошлом неизбежно идёт причинно-следственная связь-следствие в настоящее и будущее, и когда случается очередное закономерное историческое событие, то пропитанный загримированной ложной историей человек недоуменно удивляется, ничего не понимает и совершает очередную трагическую ошибку.

Сама по себе история нашей планеты и нашего государства — интереснейший предмет; она увлекательна, как детектив. Казалось бы, история человечества — это простая констатация фактов, относящихся к событиям прошедшего времени. Но нет, — почти у каждого исторического факта, как в детективе, есть несколько версий, объясняющих — как это произошло, почему это произошло, кто это подготовил и кто это совершил, почему получилось это так, — а не иначе, чья в этом заслуга или кто в этом виноват. История становится важнейшим механизмом в идеологической борьбе партий, элит, народов, стран, союзов стран. И как в каждом детективе — в истории не хватает информации о фактах, событиях и политических решениях или многие факты искажаются в чудовищных размерах. Например, недавно парламент Великобритании (Англии) принял решение не рассекречивать по прошествии 50 лет, как положено по закону этой страны, архивные документы предвоенного времени. Эти документы, вероятнее всего, мы не увидим никогда, и сможем только с большей или меньшей вероятностью догадываться о роли этой страны в развязывании самой ужасной и кровавой войны в истории человечества. О роли этой страны в развязывании первой мировой войны известно больше, а что нам ждать от этой страны в будущем? Это важно или нет?

Все мы являемся участниками этого длинного исторического процесса событий. И каждому гражданину не всё равно — будет ли он участником кровавых войн, узником концлагеря или ссыльным из собственной страны, будет ли он свидетелем захвата своей страны или проживёт долгую благополучную жизнь. Немного спрогнозировать наше будущее можно только на основе внимательного изучения исторического опыта. И в данной книге будет обращено внимание на малоизвестные фрагменты истории России, и будет предпринята попытка осмыслить закономерности событий.

История как наука — это не просто перечисление и констатация фактов. Это, прежде всего, осмысление их, анализ и мудрость в виде выводов, которые могут пригодиться в будущем. Поэтому мы имеем дело не просто с историей, а с философией истории. Наш великий мыслитель Николай Гоголь сравнил отображение истории России Ломоносовым и Державиным: «Тоже самодержавие, государственное величие России слышится у него (Державина), но уже видны не одни только географические очерки государства: выступают люди и жизнь. Не отвлеченные науки, но наука жизни его занимает».

Вот эта мудрость-философия — «наука жизни» не имеет ничего общего с оторванными от реальной жизни бесполезными схоластическими философскими рассуждениями. Всё это исследование и задумано, чтобы результат его, выводы, полученные знания — кто-то мог конкретно использовать в своей жизни и в жизни российского общества с пользой. Поэтому эту философию я называю — «прагматической философией», «практической философией» или сокращённо — «пра-философией». Поэтому и такой интерес к истории еврейского народа, ибо считаю, что этот великий народ выработал очень эффективную прагматичную философию жизни, благодаря которой закономерно процветает.

Мировоззрение, философия, представленная в этой книге, сильно отличаются от того, что преподают в вузах современной России, тем более от того, что преподавали ранее. В данном случае история, философия и другие науки рассматриваются не разрозненно, в отрыве друг от друга, а наоборот — так как есть в жизни, — как совместно идущие рука об руку, влияющие друг на друга и, таким образом, совместно развивающиеся. Человек перед тем, как совершить действие-поступок, много размышляет над этим, раздумывает, то есть философствует. А когда, наконец, поступок совершён, то он становится уже достоянием истории. Над этим поступком-событием, в свою очередь, опять размышляет другой человек, чтобы поступить так же или иначе. Третий же анализирует поступки обоих и принимает решение по руководству коллективом или государством. Так философия, история и идеология тесно переплетаются друг с другом.

Большое значение науки истории

В этой книге содержатся многие исторические факты и другая информация, важная для формирования мировоззрения любого человека, которой, к сожалению, вы не найдёте ни в школьных учебниках, ни в вузовских, ни даже в специальных книгах. А для выживания в современном мире и для благополучной жизни необходимо знать реальность. Но главное в этой книге не столько претензии на истинное познание истории, сколько выводы из неё, эта ценная прагматическая мудрость, наука жизни, о которой говорил Н. Гоголь, которую хотел постичь, работая в архивах, А. Пушкин, и которую каждый читатель будет формировать для себя сам.

Попутно строго проверим авторитет многих исследователей истории. Например, Семён Резник из США говорит о Солженицыне: «Его беда — это российская беда. Его творческая деградация — наша общая деградация». Естественно, чтобы жить дальше без сомнений — с этой «бедой» и «деградацией» необходимо разобраться.

Прошлое, история нации — это как биография человека, значение её очень велико. По делам его (её) мы даём оценки, делаем выводы, определяем некий совокупный образ. Мудрый человек, встречая другого человека и оценивая его — исходит не из его внешнего вида, а, тем более, не из его слов о самом себе. Мудрый человек судит по фактическим делам. Дело за делом, факт за фактом — так выстраивается история человека и целых народов и стран, их биография.

«Кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое. Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее», — утверждал знаменитый мыслитель Дж.Оруэлл.

В серии этих книг, в ходе исследований мы попытаемся углубиться в прошлое и многое важное понять, — чтобы перепроверить контролируемое настоящее, создать собственное видение Мира — мировоззрение и увереннее двинуться в будущее.

Первый нарком просвещения РСФСР А. Луначарский в начале 1918 года приехал из Италии в Россию помочь своим единомышленникам и соплеменникам удержать захваченную в России власть — не оружием, не стрельбой из маузера, а своими знаниями, и прекрасно понимания значение истории в вопросах грамотности и образованности любого человека, выступил в 1918 году перед «неправильными» русскими учителями с лекцией под названием «О преподавании истории в коммунистической школе», в которой пытался убедить русских учителей:

«...надо ли вообще преподавать историю в правильно поставленной школе. На первый взгляд кажется диким самое сомнение относительно необходимости преподавания истории, потому что мы привыкли к тому,

что уже издавна этот предмет является включённым в программу школ; в течение столетий считали мы, что знакомится с прошлым человеческого рода естественно входит в курс образовательных наук.

Однако, тем не менее, весьма авторитетные и талантливые мыслители выступили против этой идеи... Никто больше, чем историки, не старался закреплять это антитворческое представление о непременной медлительности и постепенности общественного развития...

Но помимо этого история в старой школе преследовала и другие определённые цели, из которых можно выделить две главные. Прежде всего, это было обучение любви к родине, любви к отечеству.

И в настоящее время ещё Всероссийский союз учителей на последнем своём съезде, идя по стопам учителей буржуазной Западной Европы, стал говорить о том, что необходимо придать изучению истории национальный характер и воспитывать в учениках «здоровую любовь к родине».

Я не знаю, что разумеется под здоровой любовью к родине...».

Таким образом, прибывшие со всех столиц Европы и США террористы-захватчики России, пытались формировать убогое, «нужное» им мировоззрение захваченного ими народа, со слепыми умами. Каким-то почти феноменальным образом получается, что полнота знаний истории своего народа и человечества, понимание истории — приводит к роднолюбию, патриотизму, а незнание, неграмотность и необразованность — к интернационализму, к космополитизму. Так снимают важные защитные преграды человека, народа, страны; формируют покорных рабов, спокойную толпу, контролируемое общество и т.д. для достижения своих целей наживы и власти.

И люди по причине скудности своего ума из-за недостатка знаний даже не осознают, что они реально находятся на уровне манипулируемых рабов, только не силой, а с помощью информационных технологий. В этом случае актуально утверждение выдающегося французского мыслителя Дидро:

«Образование придаёт человеку достоинство, и раб начинает сознавать, что он не рождён для рабства». Не все, конечно, — кто-то ради даже нищего спокойствия соглашается с рабством...

В этом случае верен также и тезис: «Человек, разбирающийся в истории и событиях в меру своего понимания действует в своих интересах, в интересах своего народа и своей страны, а в меру своего непонимания действует в чужих интересах».

И в этом смысле я уверен, что данная книга и вся серия книг будет очень полезна для повышения образовательного уровня читателей, для их самообразования и роста интеллекта.

Честные и порядочные люди, в отличие от Луначарского, относились к истории, конечно же, по-другому — «Принимать живое участие

в минувших делах праотцев своих, восхищаться их славою и величием, и из опытов, как блистательных, так и горьких, созидать законы для собственной жизни, было всегда разительною чертою характера каждого сколь-нибудь просвещенного народа, перешедшего уже за рубеж политического младенчества...», — объяснял доктор философии Егор Иванович Классен.

А наш великий мыслитель А. С. Пушкин это выразил стихами:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам,
На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

«Всё заключается в присущем любому народу, в том числе и евреям, чувстве историзма — той внутренней потребности каждого человека узнать как можно больше о своей истории, о своих корнях и о своём прошлом... Именно исторической памятью, нежеланием предать забвению прошлое, объясняется поразительная выживаемость и неистребимость еврейского народа в истории», — написал в книге в наше время, в XXI веке президент еврейского фонда «Ковчег» Борис Хайт.

Выживаемость... для русского и многих российских народов — это сегодня самая насущная проблема и самая важная задача, несмотря на улыбчивые бесконечные разговоры о демократии и высокие цены на нефть и газ.

И этому должно помочь не самодовольство величием предков, а анализ большого горького исторического опыта и после этого верные собственные поступки и дела. Вопрос стоит даже не о сохранении или о восстановлении исторической памяти, а о создании исторической памяти, так как больших аналитических работ по истории России до сих пор очень мало.

В советский период времени история рассматривалась сугубо под одним «узко-идеологическим» углом зрения, игнорируя огромный объем исторической информации, а после «перестройки», после победы либерал-демократов — они бросились в другую «узкую» и выгодную для себя крайность. Прав С. Кара-Мурза: «Важным свойством разумного человека является способность предвидеть угрозы и риски... Предвидение опирается на анализ предыдущих состояний, для чего необходим навык рефлексии — «обращения назад». Общество без рефлексии беззащитно.

Первым шагом к общему кризису у нас и стало отключение памяти и порча инструментов рефлексии. Это изменение в конце 80-х годов было массовым и поразительным по своей ментальности — как будто кто-то сверху щёлкнул выключателем»(«Матрица Россия», 2007 г.).

И это понятно — победители всегда формируют свою историю прошлого, и пропаганда их варианта трактовки становится историей и мировоззрением для побеждённых. В данной книге постараюсь восстановить многие умышленно «утерянные» исторические события.

В этой книге мы рассмотрим очень важный период в истории России, Европы и всей планеты, — если с сегодняшнего дня проследить многие процессы назад — с момента их возникновения, в том числе негативные, то обнаружим, что многие возникли в эпоху правления Петра Первого. Перед тем, как начать рассматривать деятельность Петра Первого, рассмотрим — в какой эпохе ему предстояло жить, что он получил по наследству от предыдущих российских правителей, что он реформировал, и какие этого были последствия. Читателю, который ищет умную литературу, для утверждения в своих взглядах или для своего интеллектуального развития, совершенства — эта книга пригодится.

Желаю читателю интересного и полезного чтения. В добрый путь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО ПЕТРА ПЕРВОГО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Россия при Иване Грозном

В первой книге этой серии «До и после крещения» мы закончили рассматривать историю России в начале 16 века в период правления Ивана Третьего. Логично начать дальше рассматривать с середины 16 века, с правления Ивана Васильевича, он же — Иван Четвёртый, он же — Иван Грозный.

В 1547 году произошло в России важное новшество — венчание Ивана Четвёртого (Иван Васильевич, Иван Грозный) на царство по новому обряду — шапку Мономаха возложил на голову царя впервые глава христианской церкви митрополит Макарий. Этому был придан более высокий статус церкви и царю, ибо он стал «боговенчанным». Первый «боговенчанный» царь оказался «перестройщиком», радикальным реформатором. Перед его воцарением в России произошло только одно важное событие в государственном строительстве — в 1534 году в России был основан первый казенный Монетный двор для чеканки единых монет для всей страны, а теперь молодой царь задумал много нововведений.

Период воцарения Ивана Четвёртого был для России не простой — в межцарственный период при правлении матери Ивана — Елены Глинской, усилились бояре, и, соответственно, ожесточилась борьба между кремлёвскими группировками, и всё это усугубилось вспыхнувшими народными восстаниями в том же 1547 году в Москве и других городах.

Молодой царь, которому было всего 18 лет, разумно и объективно окружил себя доверенными людьми, чтобы с ними радиться — то есть совещаться (глагол «радиться» — совещаться и сейчас употребляется в польском, чешском и других славянских языках). Отсюда и пошло название этого круга помощников-советников «Избранная рада»; это аналог современного Госсовета, который во многом носит сегодня

формальный характер. С составом Рады Ивану здорово повезло — советники на то время оказались очень умными людьми, впрочем, талантливый умный молодой царь сам их выбирал.

В 1549 году Иван Васильевич с Радой решали вопрос — как ослабить влияние в Кремле мощных боярских группировок, некий аналог наших современных олигархических группировок и их лобби, и додумались провести законодательную реформу, для которой необходима была легитимность, то есть — одобрение народа и его поддержка, поэтому было принято решение собрать Собор примирения, вскоре переименованный с более широким смыслом в Земский собор.

Всё новое — это хорошо забытое старое, и Земский собор был аналогом дохристианского народного Вече. Но в размере города народное Вече провести было просто, а в масштабах государства — это была уже проблема. Поэтому по замыслу на Земский собор должны были прибыть представители земель (регионов) и сословий, кроме низших. Например, во Франции аналогичный орган назывался Генеральные Штаты, а затем Национальным Собранием.

На Земский собор участники не избирались на местах, а приглашались самые авторитетные люди из разных регионов и сословий. Иван Четвёртый использовал Земский собор не только как общероссийский совещательный орган, но фактически — как законодательный. Для сравнения — аналогичный законодательный народный орган первые революционеры-масоны во Франции в конце 18 века после свержения монархии называли Конституантой, затем Легислативой, потом Конвентом, и наконец — Парламентом.

В результате в 1550 году в России появился Судебник, аналог современной Конституции, по которому Боярская дума наделялась правом высшего законодательного органа при царе, — как сегодня Дума-Парламент при президенте. Это, конечно, не была Конституция в современном виде, но по своей сути — как свод законов — это была Конституция, а не ежедневные решения абсолютного монарха.

Как видим, Россия во многих важных вопросах развития, строительства государства и общества опережала ту же Францию и многие другие европейские страны более чем на два столетия. Фактически российский самодержавец в лице Ивана Грозного по собственной инициативе урезал свои властные полномочия и делился ими с Боярской думой и с Судебником — Конституцией. То есть в России в то время, в отличие от цивилизованного Запада, не было абсолютной монархии, и были ярко выраженные элементы народовластия, то есть — демократии. Кстати, «впереди Европы всей» в то время шло соседнее славянское государство Польша, которая была дворянской (шляхетской) республикой с Конституцией и выборным на определённый срок королём.

Иван Четвёртый и Избранная Рада понимали, что необходимо было реформировать управление государством и реформировать армию, перевооружать её современным стрелковым и пушечным вооружением.

А это требовало огромных денег, а казна была почти пуста. Огляделись вокруг — у кого оказались в России деньги? Деньги оказались у «скромной» и «аскетичной» христианской церкви и её богатейших монахов в монастырях, которые оказались крупнейшими эксплуататорами, торговцами и ростовщиками. И, несмотря на то, что в ближайших советниках царя, в Избранной раде, были священник Сильвестр, митрополит Макарий, и сам Иван Грозный был глубоковерующим христианином, но деньги решили взять у церковников. И статьи Судебника уже предусматривали ликвидацию податных льгот монастырей, то есть монастыри должны были платить в казну все налоги.

Также запрещалось в результате ростовщичества и образовавшихся безнадёжных долгов закабалять дворян, превращать дворян в холопов, которые вынуждены были со своими семьями работать до конца жизни на монастыри. А возможность закабаления крестьян в холопов сохранялась. Хотя сохранялась свобода крестьян в виде свободного выбора места жительства в Юрьев день.

Это, конечно же, не могло понравиться церковникам, начались бурные обсуждения и возмущения.

К тому же церковники знали, что уже готовиться радикальный закон о конфискации огромных земельных владений у Церкви.

Закончилось это всё оригинально — наведением порядка среди церковников, в церковной жизни. В 1551 году Иван Грозный созвал церковный Собор, на котором предложил церковным иерархам ответить на сто вопросов о жизни Церкви, которые сформулировал сам царь, и во многих вопросах уже виднелись ответы самого царя. Озадачил.

Как видим, вопросов у Ивана Грозного к Церкви набралось немало. Поэтому этот церковный Собор назвали Стоглавым. Через некоторое время церковный Собор дал ответы, которые были помещены в книгу «Стоглав». Почти со всеми предложениями Ивана Грозного церковники согласились, кроме меркантильных, — дружно воспротивились конфискации земельных владений, то есть никак не желали следовать примеру Сергия Радонежского и Нила Сорского, не хотели скромной жизни, аскетизма, самопожертвования и жить своим трудом, упорно позиционировали себя как элитное правящее богатое сословие.

И чтобы царь им оставил владения и богатства, церковники пошли на существенные уступки — навели в своём царстве порядок: привели к единообразию церковные обряды, разработали внутренние правила поведения для самих себя, для духовенства, и даже(!) согласились признать

местных русских святых общероссийскими, до этого в особом почитании были только иностранные святые, в основном византийские.

Иван Грозный согласился оставить Церкви «старые» владения, отобрал все земли, приобретенные Церковью в последние десятилетия «под шумок» в мутный период фактически боярского правления, и поставил под контроль новые сделки Церкви с землею, — впредь без «одобрямс» царя Церковь не смела приобретать земли — ни за долги, ни путём купли, ни путём дарения. Иван Грозный применил метод «между двух зол» — Церковь выбрала для себя меньшее зло.

К тому же налоги в стране были повышены в несколько раз. В казне появились деньги, и царь стал реорганизовывать армию — были сформированы стрелецкие полки, солдаты получили обмундирование нового образца, огнестрельное оружие, артиллерию и денежное жалование.

Вскоре в результате деятельности царя, Избранной рады и Боярской думы органы управления государством, царские чиновники были структурированы в Приказы — аналог наших министерств; Посольский приказ — министерство иностранных дел, Разбойный — министерство внутренних дел и т.д.

Тогдашнюю прокуратуру — Челобитный приказ возглавлял знаменитый Алексей Адашев, который докладывал еженедельно о всех жалобах и несправедливостях непосредственно Ивану Грозному.

Внутри страны отменялось кормление на должностях. Вместо ненавистных народом назначаемых кормленщиков были введены органы местного (земского) самоуправления, в которых избирали достойных людей из дворянства и их помощников — целовальников, названных так, ибо целовали крест во время клятвы служить честно и справедливо. Такая же система была введена среди городского (посадского) населения и государственных (черносошных) крестьян, которые выбирали себе старосту.

Таким образом, в течение 2-3 лет в России была выстроена принципиально новая «вертикаль» власти, новая структура управления с участием всех слоёв общества. Вопросы о цивилизации и цивилизованности начинают возникать, когда вы сравните выполнение этих задач демократами в России в течение десятилетия в конце 20-го века, при этом необходимо учесть, что в период вышеуказанных реформ Иван Грозный не применял ещё жестоких методов.

Та же аналогия с «перевооружением» и «реформированием» армии — в 1551 году уже перевооружённую новую 150-тысячную армию с артиллерией 21-летний царь повёл на взятие Казани. А для защиты России с юга, от Крымского ханства, организовал пограничную службу.

После взятия Казани мудрый 21-летний царь объявил о сохранении земель за элитой Казанского ханства и сохранении мусульманской

веры. То есть — это был первый российский царь, который отказался насаждать христианство «огнём и мечом», хотя у него были все силовые возможности. А купцам, двигающимся на восток, в Сибирь, разрешил нанимать на службу и для строительства крепостей беглых крестьян — «вольных людей», казаков, которые под командованием Ермака и завоевали Сибирь, разгромив войска потомка Чингисхана Кучума, и покорив местные народы.

На примере Ивана Грозного мы обнаруживаем все плюсы и минусы роли выдающейся личности в истории, «обе стороны медали», преимущества и минусы остроконечной пирамиды управления.

С одной стороны — это необычайная эффективность в случае талантливого сильного руководителя: без долгих дебатов, обсуждений, споров и сомнений быстрое принятие решений и их реализация. Примеров в истории очень много в последние века: в 19 веке — Николай Первый, королева Виктория, Наполеон, Бисмарк; в 20 веке — Сталин, Гитлер, Черчилль, Рейган.

С другой стороны — это зависимость судьбы всего народа, страны, судеб миллионов людей от настроения, личных переживаний, взлётов и падений интеллекта одного человека.

Красивая славная линия успехов, побед, взлёта Ивана Четвёртого после его болезни в 1563 году стала быстро искривляться. Внезапная тяжёлая загадочная болезнь, поразившая успешного русского царя после возвращения из победного похода на Казань, была похожа на отравление.

Отравление было широко распространено в то время, крупномасштабные проблемы решались тихо, без затратных кровопролитных войн. Сам Иван Четвёртый — Грозный позже успешно прибегал к этому методу.В монастырях иезуитов, да и в монастырях России, при ставках ханов работали целые лаборатории ядов. Резкое усиление России при Иване Четвёртом явно не устраивало соседей.

Иван Четвёртый оказался на грани смерти. Иван доверял своему окружению и вместе с ним, «одной командой», ладно осуществлял радикальные реформы в стране, а тут было похоже на предательство и попытку убийства... и неизвестно — кто, или группа заговорщиков(?).

Можно представить состояние беспомощного Ивана Четвёртого — настороженность, разочарование в окружающих, подозрительный взгляд на всех. В людях и во всём человечестве огулом разочаровывались и без таких переживаний, только в результате наблюдений, многие выдающиеся мыслители человечества — от древнегреческих философов до Канта, не говоря уже о депрессивных европейских мыслителях 20-го века.

И в этом состоянии, лёжа на смертном одре, он, ещё живой, вдруг оказался ещё и свидетелем борьбы за свой престол — одни бояре под-

держали завещание Ивана, по которому престол наследовал его только что родившийся «пеленочный» сын Дмитрий, а другие неожиданно для Ивана воспротивились этому и предложили на царство внука Ивана Третьего, его двоюродного брата Владимира Старицкого. В общем, — переживаний, разочарований и негодований у умирающего Ивана было предостаточно.

И в этой ситуации психическая нагрузка на сознание тяжелобольного царя внезапно возросла многократно — в ходе споров за престол няня вдруг роняет наследника в воду и сын-первенец умирает от переохлаждения... Согласитесь, не каждый выдержит такую череду тяжёлых бед, сохранив нервное, психическое состояние, тяжело болея, умирая, а тем более — затем чудным образом выздоровев... Поэтому неудивительно, что все отметили — после выздоровления Иван Четвёртый сильно изменился, стал неуравновешенным, резким, нервным и жестоким — Грозным.

Но дальнейший ход событий усугубил состояние Ивана Грозного. В начале всё шло по-старому — хорошо, успешно, победно — в 1556 году было присоединено к России Астраханское ханство. И когда Иван Грозный уладил ситуацию на востоке и юге, то логично он обратил свой взгляд на запад, где не было важного «геополитико-экономического» выхода к торговым путям Балтики. И в 1558 году он объявил войну Ливонскому ордену, его войска вступили в Прибалтику и напали на ливонские замки, неожиданно легко овладев обширными территориями с городами Нарва, Дерп (Юрьев) и подошли к стенам Ревеля и Риги. Здесь стоит обратить внимание на то, что русский царь начал эту длительную войну с ливонским орденом, перешедшую затем в войну с поляками, литовцами и шведами. До этого литовские князья на Русь нападали и даже осаждали Москву, но поляки были заняты постоянными войнами с крестоносцами и турками, и на восток войнами, кроме Крымского хана, который владел большой частью Украины-Малороссии, которая тогда так ещё не называлась.

В начавшейся войне первоначальная лёгкость сыграла злую шутку, — царь с радой решили, что задача выхода к Балтике почти решена, осталось последнее усилие, но, не сделав его, решили, что наступило подходящее время сделать такой же быстрый «геопрорыв» и к Черному морю, разгромив старого врага Крымского хана.

Сейчас и поездом это расстояние пересечь — быстро не получается, а тогда пешком... Неудивительно, что измученные переходом русские войска не смогли разгромить Крымское ханство, и потерпели поражение. Это было первое крупное военное поражение Ивана Грозного. Понятно, что с его самолюбием вершителя, победителя и нервным состоянием — он тяжело переживал это поражение.

А в это время «ливонская река» на месте не стояла, — ливонский магистр не стал дожидаться возвращения русских войск и обратился за помощью к соседям. Дружелюбные соседи «помогли», — разделили земли ливонского ордена между собой, Ливонский орден прекратил своё существование, и разгромили оставшиеся в Прибалтике русские войска. И Ивана Грозного ждали уже не вояки ливонского ордена, а мощные войска Швеции и союза Польши и Литвы.

В 1559 году русские войска в Прибалтике потерпели несколько поражений. Иван Грозный срочно собрал большое войско и под предводительство героя штурма Казани князя Курбского бросил на помощь. Началась затяжная изнурительная 25-летняя война, в которой Иван Грозный иногда использовал оригинальные методы воздействия на противника, — чтобы остановить продвижение войск польского короля Стефана Батория, он решил на него повлиять через папу Римского и послал к нему посольство.

Что пообещал папе Римскому Иван Грозный, не ясно, но Папа Римский решил помочь Ивану Грозному и послал к Баторию своего помощника иезуита Поссевина, который приехал уговаривать польского короля во время осады его войсками Пскова, но Баторий проигнорировал папу Римского.

В следующем году — 1560, у Ивана Грозного случилась ещё одна беда — внезапно умерла его жена Анастасия Романовна, которую он очень любил, и которая была ему надёжной опорой. Со времен болезни Ивана в 1553 году между Анастасией и членами Избранной рады сложились плохие отношения, которые только ухудшались из-за взаимной ревности к влиянию на царя. Было похоже, что Анастасию отравили, и об этом по Москве пошли упорные слухи.

К тому же, до смерти Анастасии, поражения русской армии самолюбивый Иван не хотел брать на себя, и было желание свалить на удачу на советников, которые за 13 лет совместной работы, конечно же, не раз ошибались и за такой длительный срок надоели, приелись Ивану. Впечатлённый смертью Анастасии, Иван Грозный решил устроить репрессии её недругам, — Адашев был арестован и умерщвлён в тюрьме, священника Сильвестра сослали в Соловецкий монастырь, где он вскоре тоже был умерщвлён. Подверглись жёстким репрессиям многие бояре.

В 1563 году умер своей смертью опорный человек Ивана Грозного с детства — митрополит Макарий. Иван остался без духовника-советника, без жены, без Избраной рады — один, и всё становился жёстче и остервенелее, репрессии усиливались. А гнёт неудач и бед на Ивана Грозного усиливался — в 1564 году русская армия потерпела ряд крупных поражений от польско-литовских войск. Это поражение усугубилось

ещё тем, что герой взятия Казани полководец князь Андрей Курбский, опасаясь репрессий по поводу поражений, в апреле 1564 года перешёл к врагам, в Литву, то есть — предал.

В результате для Ивана Грозного наступил очередной этап качественного изменения в худшую сторону. Кроме того, объективно для такого талантливого руководителя наступает иногда момент прихода таких мыслей — и так Иван смолоду играл роль первой скрипки, самому приходилось находить гениальные решения и брать за осуществление их ответственность, несмотря на многочисленных советников. Эту истину подтвердят многие директора заводов, фирм и корпораций — не с кем на одном уровне обсудить различные проблемы, только в узких темах со специалистами; хотя многие в своих сегментах делают работу хорошо и профессионально, но совещаться с ними по стратегическим вопросам высокого уровня зачастую бесполезно. А Иван Грозный с детства много читал, у него была огромная библиотека, в своё время он был одним из самых образованных людей с природным мощным умом.

Ведь Иван Грозный в возрасте 21 года собрал на церковный Собор десятки важных и с виду мудрых церковников намного старше себя, и оказался намного умнее всех их — «построил», навёл внутри духовного общества порядок, в том числе и морально-нравственный, и они его правоту признали. После этого можно понять его самооценку и оценку им окружающих, в том числе и многие его последующие действия, в том числе и негативные.

Многочисленные беды после череды успехов, усталость психики, последствия отравления, нервность, недоверчивость, подозрительность, одиночество, измененное мировоззрение и наступивший ранний период — «бес в ребро» в сумме сделали своё дело — Иван Грозный решил перечеркнуть многие свои же демократические инициативы-новшества, и решил вернуться к личной неограниченной власти — к самодержавию, к абсолютной монархии. Этому же решению способствовал и известный Иван Пересветов, который в своей челобитной привёл пример Турции, где все подданные считались слугами самодержавца-султана, без всяких элементов народовластия, и призвал к этому же Ивана Грозного.

И благодаря своему манёвру через Александрову слободу и притворный отказ от царствования он «легитимно» добился желаемого, и ввёл для внутренних «чисток» и репрессий опричнину — карательное войско, личную гвардию-инквизиция — аналог НКВД.

То, что происходило дальше в России, можно назвать — только сатанизмом: сексуальные оргии, несмотря на наличие после смерти Анастасии ещё шести жён, изощрённые пытки и казни сотен и тысяч людей, сожжённые русские деревни и разграбленные города, немотивированное убийство собственного сына и многолетняя кровавая «по-

бедная» война против своего народа, даже издевательство и убийство священников: с митрополита Филиппа опричники прилюдно сорвали церковную одежду и выгнали из собора, а позже Малюта Скуратов задушил митрополита. Весь этот кошмар частично закончился со смертью Грозного в 1584 году.

Говорят, в конце жизни христианин Иван Грозный сильно каялся, осознал, какое он кошмарное чудовище и сколько неповинных жизней загубил, и при этом пытался оправдываться — «только Бог безгрешен». С таким «философским» оправданием на устах можно и всё человечество уничтожить...

Стоит отметить и «Юрьев день» для наших прабабушек. Ибо в 1581 году было совершено закрепление крестьян на земле, запрещены переходы в Юрьев день, и произведены записи крестьян в писцовые книги за землевладельцами — так было введено печальное крепостное право — вид рабства, отмененное только в 1861 году, временные «заповедные лета» затянулись почти на триста лет.

Результат правления Ивана Грозного логичен и трагичен, несмотря на блестящее начало реформ и мощное усиление государственности, — сильное ослабление государства по многим параметрам: от непаханых полей до пустующих деревень, убыль населения от казней талантливых людей и затяжной войны, бегство крестьян в казаки, от пустой казны до резкого снижения безопасности страны, и захват Москвы, России поляками выглядел совсем закономерным. И закономерным было оригинальное выдвижение на престол выходца из «гнезда» Ивана Грозного Бориса Годунова.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Борис Годунов и Смутное время

При жизни Ивана Грозного и разгуле опричнины выдвинулся брат жены сына Ивана Грозного Фёдора Ивановича — Борис Годунов, который оказался талантливым интриганом, специалистом по «шахматным» придворным жестоким играм. Шаг за шагом, даже путём тайных убийств, он набирал силу и влияние, и было похоже, что он наметил себе высшую цель. И его победы в этих играх были впечатлительны: отправил в ссылку конкурентных братьев Шуйских; болезненного сына Ивана Грозного — Фёдора он не опасался, а здорового Дмитрия отправил в провинцию — в Углич, где в 1591 году неожиданно обнаружили царевича с перерезанным горлом. Толпа горожан расправилась с придворными, ответственными за опеку над царевичем, но Годунов направил в Углич войска для расправы с горожанами. А специальная следственная комиссия пришла к выводу, что царевич зарезал себя сам по неосторожности. У любого мужчины это вызовет только горькую усмешку.

А когда скончался 7 января1598 года царь Фёдор Иванович и династия Рюриковичей прекратилась, то у Годунова появились реальные шансы стать царём, основать свою династию Годуновых. И с удвоенной силой стал расшвыривать подальше от Москвы неугодных ему людей: бояр Милославских, Шуйских, а затем вступил в борьбу с боярами Романовыми.

Борис умудрился митрополитом поставить своего человека — Иова, а затем сделал всё, чтобы усилить власть своего сторонника — всемерно способствовал введению в России патриаршества, и Иов стал Патриархом.

Захотелось Годунову и поэкспериментировать с уже закрепощённым крестьянством, вернее, угодить боярам — узаконил временные «заповедные лета», увековечив закрепощение; узаконил владельцу ис-

кать убежавшую собственность, — то есть усиливал рабство; увеличил налоговое бремя.

Бояре, наблюдая все старания Годунова и его грязные методы, поступили оригинально — боярские и княжеские роды решили упразднить вообще монархическую форму правления в России, а ввести коллективное правление — делегировать верховные властные полномочия Боярской думе, то есть Россия фактически превращалась в боярскую (парламентскую) республику. И боярское совещание потребовало у народа присягнуть Боярской думе.

Для народа это было довольно неожиданно и непривычно, вечевые и княжеские дохристианские времена были уже в далёком прошлом, а новые поколения при христианстве уже привыкли жить при монархах и не подозревали, что можно по-другому. В первой моей книге, надеюсь, было достаточно убедительно объяснено, с какой целью было введено на Руси христианство, поэтому неудивительно, что этому, казалось бы, симпатичному предложению формы правления воспротивился, кроме рвавшегося к абсолютной власти Бориса Годунова, Патриарх Иов, который собрал альтернативный Боярской думе Собор и выдвинул на престол Годунова. В России возникло двоевластие и запахло очередной гражданской войной, многие из которых мы рассматривали в первой книге — в первых столетиях второго тысячелетия. Ответ-выбор должен был дать народ. Причём в более тяжёлом положении оказался властолюбивый самовыдвиженец Годунов, для которого важна была легитимность — поддержка народа. За народ (лекторат) и пошла политтехнологическая борьба, в которой проворней, сообразительнее и хитрее оказались Годунов с Иовом.

Вероятнее всего, они вспомнили недавний эффективный трюк Ивана Грозного с отбытием в Александрову слободу — когда народ упрашивал его вернуться на престол, и он «уговорился» на новых условиях. На этот раз сценарий немного модернизировали — Борис Годунов, которого якобы уже не интересовал престол, якобы решил уединиться от светской суеты, от придворных интриг в Новодевичий монастырь, углубиться в раздумье в одиночестве. Следующий театральный ход был за патриархом Иовом — ему якобы понравился этот красивый и скромный ход Годунова, он вместе со священниками собрал побольше народа и двинулся ходом с иконами и хоругвями к монастырю упрашивать Годунова вступить в царствование Россией. Но Годунов якобы от такого лестного предложения скромно отказался — не готов, не по нему шапка Мономаха и т.п. Народу эта притворная скромность понравилась. И Иов организовал ещё большее шествие к монастырю на уговоры, и со второго раза Годунова «уговорили», он согласился...

И Иов в Успенском соборе в том же 1598 году поспешил «боговенчать» Годунова царём России. Но не для всех оказался авторитетом

шустрый патриарх Иов, — грамотные бояре, в отличие от народа, поняли «маневр» и отказались признавать решение Иова, признавать царём Годунова и ему присягать.

Начались долгие компромиссные переговоры, и только через два месяца часть бояр согласились присягнуть Годунову, и Годунова в очередной раз провозгласили царём.

Благодарный Иову Годунов вернул существенные налоговые льготы Церкви, отобранные Иваном Грозным, раздал чины дворянам, выплатил долги служивым людям, дал льготы купцам, в том числе и иностранным. Таким образом рядом с Москвой образовалась немецкая купеческая слобода Кукуй. Это — тот самый знаменитый Кукуй, в котором провёл свои молодые разгульные годы Петр Первый. Годунов был поклонником Западной Европы и даже разрешил построить в Кукуе протестантскую церковь.

Годунов довольно умело, талантливо и ровно руководил страной, но — сорвался. Подвело властолюбие и жажда мести. Годунов обнаружил рост популярности в народе богатого боярского рода Романовых, который ратовал ранее за правление Боярской думы и решил перестраховаться — Фёдора Никитича Романова постригли в монахи и под именем Филарета сослали в монастырь, а его двоих малолетних детей как заложников бросили в тюрьму.

И тут, похоже, решил активно вмешаться Бог, и внести свои коррективы — в России в 1601 году всё лето лили нескончаемые дожди, а в августе(!) ударил мороз — весь урожай бы погублен, и в России наступил страшный голод, и как его следствие — анархия и лихость пытавшегося выжить любыми способами народа. В поисках пищи толпы голодных дошли до Москвы и разграбили государственные житницы. Все меры Годунова не давали никакого эффекта. Наоборот, — ситуация усугублялась, никто не платил налоги, деньги обесценились, отряды крестьян и холопов под предводительством местных выдвиженцев грабили поместья и имения богатых сословий.

Так прошёл не только 1601 год, но и 1602 и 1603. Соседи — поляки и литовцы всё это время наблюдали за беспорядками и хаосом в России, за её резким ослаблением, вероятно, радовались, ибо недавно 25 лет подряд воевали в изнурительной войне с напавшим на них Иваном Грозным, и думали — как этим резким ослаблением России воспользоваться с выгодой для себя?

И в этой ситуации судьба-злодейка им улыбнулась — «они нашли друг друга»: очень сильная в ту пору Польша и довольно грамотный бывший русский дворянин, затем православный монах, служивший даже в Москве при дворе Патриарха переписчиком книг — Григорий Отрепьев, который превратился в выжившего чудным образом сына

Ивана Грозного — Дмитрия, законного наследника российского престола. Так началась трагическая мудрёная история с Лжедмитрием и Смутное время.

При этом стоит заметить, что коварный сценарий был продуман талантливо: Лжедмитрий не пошёл с польско-литовским войском на Москву требовать «законный» престол, а прибыл с убедительной «легендой» к вольным людям в Запорожскую сечь, к казакам.

Казаки выслушали, поверили, возмутились до глубины души несправедливостью и стали готовиться к походу на Москву. Пока готовились, слух о спасшемся Дмитрии Ивановиче стал разноситься широко, и в Запорожскую армию стали стягиваться вольные люди с Дона и других мест.

Когда набралось несколько тысяч, «народная» армия форсировала в октябре 1604 года (после сбора урожая) Днепр и двинулась на Москву. По пути города и селения на удивление сдавались без боя и «народная» армия Лжедмитрия росла как снежный ком, даже с царской армии стали перебегать в народную. Борис Годунов, подавленный бедами последних лет и, ожидая ещё худшего наблюдая за продвижением на Москву народной армии, сильно впечатлился, переживал, занемог и умер 13 апреля 1605 года. Получилось, что его высокая мечта, которую он всё-таки достиг такими трудами, не принесла ему ничего хорошего, наоборот — принесла одни мучения, несчастья и погубила. Жизнь написала историческую притчу.

Под Кромами царские войска перешли к Лжедмитрию. Дорога на Москву была открыта, оставалась сама Москва, в которой часть бояр стали присягать сыну Годунова — Фёдору Борисовичу. Лжедмитрий, подойдя с войском к Серпухову, потребовал к его приходу в Москву очистить город от Годуновых и их покровителей. 1 июня 1605 году предок А.С. Пушкина Гаврила Пушкин на Лобном месте зачитал грамоту Лжедмитрия. После чего народ ворвался в Кремль, стража разбежалась. Всю семью Годуновых, кроме сестры Ксении, стрельцы убили, династия Годуновых прекратилась. А Патриарха Иова затащили в Успенский собор Кремля, сорвали с него все церковные одежды и знаки, бросили в телегу и отправили в монастырь. Москва была «чиста», Лжедмитрий мог въезжать.

В этот момент произошёл странный случай — перед Москвой его встретила мать настоящего Дмитрия и признала Лжедмитрия своим сыном. Похоже, она желала взлёта, почёта и пошла сознательно на ложь. Они вместе вышли к толпе народа, которая ревела от восторга. Современные политтехнологи удавились бы от зависти от такой качественной постановки.

А когда Лжедмитрий подъехал к кремлю и у собора Василия Блаженного снял шапку и перекрестился, то огромная толпа народа упала на колени и рыдала. Это был прекрасный спектакль.

Первые недели правления Лжедмитрия оказались очень удачными: кровь не проливал, врагов не преследовал, разрешил купцам свободно пересекать границы России, эффективно участвовал в работе Боярской думы, толково учил стрельцов военному мастерству.

Но «шило» долго утаить не удалось. Вначале Лжедмитрий скромно указывал, что католики и православные — это христиане. Эти униатские взгляды Лжедмитрия для окружающих были новшеством. Но главный вред ему нанесли польские отряды, которые входили в казацкое войско. Они-то знали правду и не сыграли свою роль качественно — вели себя в Москве очень уверенно и нагло. Недовольные москвичи стали роптать. Лжедмитрий быстро отреагировал — предложил полякам вернуться домой, но те отказались. Лжедмитрию ничего не оставалось, как их арестовать, а затем он своих подельников тайно отпустил, и они отправились в Польшу, «балуясь» по дороге. Понятно, что такое трудно было удержать в тайне. И совсем случился «перебор», когда в Москву из Польши приехала Марина Мнишек в сопровождении двух тысяч шляхтичей, и народ вдруг узнал, что эта полька-католичка является невестой Лжедмитрия.

Выводы вылились в события — 17 мая 1606 года князья Шуйский и Голицын во главе новгородцев и псковичей осуществили заговор — убили Лжедмитрия, Марину Мнишек отправили в ссылку в Ярославль, а полякам дали уйти в Польшу. Но история смуты на этом не прекратилась, потом появился ещё один Лжедмитрий, кроме поляков в российские дела вмешались ещё и шведы, начались различные народные бунты, российская государственность висела на волоске — весь трагический период много раз описан и закончился только благодаря торговцу мясом К.З. Минину-Сухоруку и князю Д.М. Пожарскому. После спасения России около десяти претендентов боролись за царский престол.

Но неожиданно победил компромиссный выдвиженец — 16-летний Михаил Романов, сын некогда гонимого Годуновым Филарета. Незрелость выбранного царя обнадеживала многих бояр поучаствовать в управлении страной. И 21 февраля 1613 года Михаил Фёдорович Романов был избран на царство. Так началась династия Романовых.

Но судьба России очередной раз хитро улыбнулась — бояре не стали править Россией, как предполагали, а править стал вернувшийся из польского плена отец Михаила Романова Патриарх Филарет, который в смутное время предложил на русский престол польского королевича Владислава.

Филарет ловко узурпировал власть. Боярская дума собиралась редко и стала «ручной», а Земские соборы вообще исчезли.

Стоит обратить внимание на большую роль народа в этот период истории, особенно вольных людей — казаков. Вече уже давно не собирали,

но мнение и участие народа в судьбе страны выражалось громко и оригинально, порою трагически, а порою спасительно, несмотря на то, что им часто манипулировали различные лидеры и даже иностранцы. Стоит отметить, что в период правления Михаила Романова и Филарета многие казаки стали служилыми людьми, фактически мелкими дворянами, а крестьян, раскрепощённых в смутное время, опять закрепостили.

После подписания мирных договоров: со Швецией в феврале 1617 г. и в декабре 1618 г. с Польшей, наступило в России мирное время, и страна стала быстро восстанавливаться и быстро богатеть. По инициативе царя стали строить много промышленных предприятий, в том числе военных, а российская армия быстро перевооружилась, причём стала использовать впервые иностранные наёмников — конные полки драгун и рейтаров. За 15 лет Россия настолько окрепла и набрала сил, что Михаил Романов решил пойти войной на Польшу, чтобы вернуть обратно утерянный Смоленск.

Преследуя эту цель, ему удалось даже создать против Польши военный союз со Швецией. К тому же и время оказалось подходящим — весной 1632 года умер воинственный польский король Сигизмунд Третий. И летом 1632 года Швеция двинула свои войска на Польшу с севера, а огромная 100-тысячная русская армия во главе с прославленным воеводой М.Б.Шейном двинулась с востока.

Но задумка не удалась, и результат получился неожиданно обратный, даже обескураживающий. Новый польский король Владислав (правил 1632–1648 гг.) умелыми действиями своей армии нанёс ряд поражений шведам и русской армии, а под Смоленском вовсе её окружил. После чего воевода Шейн сдал свою армию, знамена и оружие польскому королю. Многочисленные наёмники, естественно, перешли к польскому королю служить.

Польский король Владислав в свою очередь сделал странный благородный жест — отпустил русских пленников вместе с оружием и пушками в Москву. А затем двинулся на взятие Москвы против этого же оружия. После ранения в бою Владислава обе стороны подписали в 1634 году Поляновский мир, Смоленск остался польским городом.

Стоит отметить, что за мирный период на юге России окрепли и вольные люди на Днепре и Дону, — казаки. Они, «шаля», действуя самостоятельно, напали на могущественную Турцию и захватили в 1637 году крупную добычу — город-крепость Азов, и решили подарить его царю. Но Михаил Романов отказался от такого подарка, чтобы не ввязываться в войну с Турцией. Казаки пять лет держали под своей властью Азов, затем, взорвав крепостные стены, ушли, отдав город туркам.

В 1645 году на российский престол взошёл 17-летний сын Михаила Романова — Алексей Михайлович Романов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Новшества Алексея Романова и Никона

Алексей получил прекрасное образование и вместе с этим был глубоко религиозным человеком, и ещё до вступления на царский трон увлекался церковным пением, с удовольствием пел на клиросе, досконально знал церковные обряды и службы. Это во многом и предопределило характер событий в период его правления.

Мы помним характер правления глубоко верующего христианина Ивана Грозного... В первой книге («История до и после крещения...») мы наблюдали, как Учение Иисуса Христа было превращено Савлом-Павлом в технологию помощи и усиления любой власти. Поэтому усиление любой христианской церкви вело, во-первых, к усилению в данном случае абсолютизма самодержавной власти, что в свою очередь (во-вторых) вело к ещё большему усилению церкви. И на третьем этапе, как правило, начинались выяснения — кто выше и «божественнее»: царь или Патриарх (митрополит), король или Папа римский; это противостояние в России мы уже наблюдали в случае с Иваном Третьим, Василием Третьим и Иваном Грозным. Борьбу «на Олимпе» во всех случаях одерживали цари.

В данном случае, на первом этапе усиление и вознесение самодержавия выглядело следующим образом. При Алексее Романове Судебник Ивана Грозного был заменен в 1649 году на более строгий свод законов — «Уложение» законов, которое закрепило и усилило закрепощение крестьян. «Уложение» своими законами усиливало самодержавную власть.

Если в дохристианский период возглавлявшие Русь князья ежедневно общались с народом, а победитель Хазарии и Византии Светослав сам греб на веслах на глазах у изумлённого византийского императора, то в случае с Алексеем Романовым — этот монарх с одобрения Церкви

максимально оторвался от народа, возвысился над народом на огромной высоте. Теперь царь Алексей Михайлович, как некогда византийский император или египетский фараон, появлялся перед народом для пущей важности очень редко — только во время больших религиозных праздников и государственных торжеств, на люди его выводили для пущей важности и величавости под руки, самостоятельно ходить он уже не мог по политическим соображениям... При его появлении в любом месте народ должен был замереть, спешиться — если на лошади, снять шапки и склонить головы, пока не проедет его величество.

Это были продуманные психологические политтехнологические приёмы воздействия-подавления на народ, давно проверенные на эффективность. Алексей одевался в роскошные блестящие «божественные» одежды, а церковники неустанно всем твердили о божественном происхождении царской власти. В конце концов всё это наблюдавший народ ответил мощнейшим народным восстанием, фактически гражданской войной, попыткой усадить на трон своего народного царя — Степана Разина. Но всё рассмотрим по порядку, ибо возникновению этого восстания «помог» и жестокий новый Судебник-Уложение (крестьян), и здорово «помог» своими чистками Патриарх Никон.

Чтобы понять инициативу Никона, необходимо понимать ситуацию в России в 17 веке с верой, религией и народом. В моей первой книге этой серии и в книге профессора И.Я. Фроянова «Загадка крещения Руси» (2007 г.) мы наблюдали, что, несмотря на старания христианских епископов и священников «огнём и мечом» монополизировать христианство в России до 17 века в народе сохранялось двоеверие, сохранялась дохристианское объемное понимание окружающего нас Мира нашими предками, и соответственно сохранялась, практиковалась ведическая (языческая) религия в виде многочисленных традиций и обрядов. А не желавшие креститься русские люди убегали на протяжении многих веков подальше от властей и церковников — на Дон, Яик, Днепр — в казаки.

После падения Византии, захвата Византии арабами во второй половине XVI века, Русская Православная церковь, оставшись без материнской основы, убрала свое высокомерие и крайнюю нетерпимость к остаткам ведической религии в народе, пошла на сближение с русским народом, упорно хранившим старые традиции и обряды, и совместила свои христианские церковные праздники со многими ведическими. Поэтому видоизмененное русское православное христианство и его «материнское» византийское (греческое) христианство довольно сильно отличались друг от друга.

Поэтому несколько десятилетий до Никона и весьма умный Иван Грозный объяснял удивлённому иезуиту Поссевину: «Греки нам не

Евангелие. У нас не греческая, а русская вера». И это при том, что сам Иван Грозный до этого разговора своим сто-вопросником и Стоглавым собором в российском христианстве навёл большой порядок. Не только в специальной литературе по истории, но даже в современных учебниках можно прочитать следующее о 17 веке:

«Многие языческие обряды и суеверия незаметно проникли в церковные службы. Широко праздновались святки, исполнялись некоторые языческие обряды, подрывавшие церковные догматы...

Даже крестное знамение на Руси претерпело изменение — вместо трёх перстов, что символизировало Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, на Руси стали креститься двумя». А.И. Сахаров и А.И. Боханов. Не касаясь необычайной живучести в народе в условиях гонений религии наших предков, обратим внимание на пальцы. Ибо вопрос с позиции христианской теологии очень важный.

Христиане католики и протестанты решили не рисковать, не создавать путаницы — крестятся всей открытой ладонью или собранными в щепотку всеми пальцами. А повод к путанице дала сама православная церковь, заявившая, в отличие от других христианских церквей, что Святой Дух исходит только непосредственно от Бога, а не от его сына — Иисуса Христа. Таким образам в этой Троице появилось неравенство, трёхчленная иерархия. И два пальца при крещении у многих христиан стали символизировать Бога Отца и Бога Святого Духа как в символичной аналогии — Солнце и его солнечные лучи, солнечная энергия. А Иисус Христос многими воспринимался как Божий посланник среди людей — мессия, как Он сам себя называл, очень совершенный и духовный человек, Богочеловек, «божий человек» — каковыми считали издревле на Руси наши дохристианские предки кудесников и волхвов. Которые, кстати, единственные из «божиих людей» разных народов того времени проделали немалый путь, чтобы присутствовать при рождении Иисуса Христа, а такое понятие «волхв» в других религиях и народах вы не встретите.

Теперь, надеюсь понятно — почему в русском народе к середине 17 века было такое понимание, наслоение, ошибка или не «ошибка»... Это противоречие канонам христианства, созданным «апостолом» Савлом-Павлом, и обнаружил внимательный глубоковерующий христианин царь Алексей Михайлович Романов и сплоченная им из таких же вдумчивых христианских священников небольшая группа «специалистов», которые решили придерживаться «истинного христианства», «чистого», не замаранного российской действительностью и наследием, придерживаться византийского (греческого) христианства. И в этой ситуации перед очами «ревнителей истинного благочестия появился издалека, с берегов Белого моря, их единомышленник, почти библей-

ский ветхозаветный суровый чистильщик веры Эздра — Никон. Никон (1605–1681) работал священником недалеко от Нижнего Новгорода. И когда его постигло горе — умерли трое его малолетних детей, несчастный покинул жену и ушел в монахи в скит на Белом море. Суровый Никон и сурово подошёл к вопросу чистоты христианской религии. И когда он своими мыслями поделился в Москве с царём Алексеем Романовым, царь оставил его в Москве и в 1652 году возвёл в сан Патриарха. И Никон приступил к кардинальной реформации-чистке: сжигались кучами «неправильные» иконы, книги; книги переписывались по греческому образцу, на греческий лад переводились обряды, наказывались непокорные священники, «непонятливые» иконописцы, переписчики, прихожане, жестоко наказывались участники старых «языческих» обрядов и праздников. Никон радикально и жестоко взялся превращать русскую религию в византийскую.

Недовольный своими исправниками-чистильщиками он их выгонял и жестоко наказывал, а на их место приглашал чужеземных «специалистов» правильного христианства из бывшей Византии — Греции. «Никон после отстранения старых справщиков призвал «искусных мужей» из иностранцев. Главную роль среди них играли грек Паисий Лигарид и Арсений Грек. Арсений Грек трижды менял вероисповедание, одно время он был даже мусульманином... — отметил в своём исследовании наш знаменитый исследователь истории из далёкой Аргентины Борис Башилов (Поморцев). — Большинство крупных русских историков — Ключевский, Соловьёв, Шмурло, являющиеся по складу своего мировоззрения западниками, — изображали обычно раскол как борьбу невежественных религиозных фанатиков против исправления ошибок в богослужебных книгах, против крещения тремя перстами... Противник Никона оказались самые даровитые и умные люди эпохи, как протопоп Аввакум, как Спиридон Потемкин, знаток «Лютерской ереси», знавший языки: греческий, латинский, еврейский, польский и немецкий, как дьякон Федор, Неронов, Лазарь Вонифатьев. Они пошли в раскол не по скудности ума, а потому, что были убежденные последователи православия, готовые отдать жизнь за веру предков...».

Реформаторы во главе с Никоном и царём столкнулись не просто с «непониманием», но с упорным сопротивлением не только священников и монахов, но и прихожан, то есть народа. Сторонники старых порядков, оппозиционеры назвали себя староверами. Их решили легитимно сделать врагами.

«Великий Собор 1667 года поступил совершенно неправильно, объявив раскольников еретиками. Ведь их расхождение с новой церковью относилось не к догматам, а только к обрядам. Анафема на раскольников, провозглашенная так называемым «Великим Собором», только испор-

тила всё дело», — писал в далёкой Аргентине исследователь истории наш эмигрант Борис Башилов.

Никон не поступал не только по основным заповедям Христа, но даже согласно поучениям Савла-Павла, который учил христианских священников: «Пасите Божие стадо... и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду». Примеру Сергия Радонежского, Нила Сорского, Серафима Саровского не много священников и монахов следовало.

Произошёл раскол церкви народа. Поскольку царь и Никон были единомышленниками, и, кроме того, когда царь покидал Москву, то российское правительство оставлял под руководство доверенному Никону, — поэтому власть и сила у Никона была огромная. И Никон не стал церемониться с со своими многочисленными противниками и, отбросив всякие увещевания и убеждения, применил силу, насилие — непокорных сажали в тюрьмы, на цепь, били, пытали, ссылали в ссылки, вешали на виселицах и т.д. То есть — народ испытал на себе русскую христианскую православную инквизицию, и очередной раз в своей истории «истинную» христианскую любовь и христианское милосердие.

И неудивительным оказался мирный союз двух христианских «чистильщиков» — в 1685 году европейские иезуиты открыли в Москве иезуитскую школу и начали проповедовать среди иностранцев и русских католичество. Похоже, они обменивались «опытом».

Бывший единомышленник царя Алексея Романова и Никона протопоп Аввакум возмущался: «Огнём, да кнутом, да виселицей хотят веру утвердить! Которые апостолы научили так? Не знаю!

Мой Христос не приказал нашим Апостолам так учить, еже быть огнём, да кнутом, да виселицей в веру приводить». В 1681 г. приказом царя Фёдора самого Аввакума сожгли, а в следующем году отрубили голову Никите Пустосвяту. Монахи знаменитого Соловецкого монастыря 10 лет держали вооружённую оборону. Фактически опять началась гражданская война. Тысячи несогласных с Никоном русских людей — староверов опять побежали подальше от власти, от Москвы в Сибирь, лесную глушь и опять к казакам, у которых беглых набралось уже несколько армий.

И хотя царь Алексей Романов убрал Никона с поста Патриарха в 1658 году, но реформы-чистки и казни продолжал проводить и без Никона. А царь разругался с Никоном потому, что Никона понесло, вернее — вознесло, он «тихим сапом» пытался вознестись выше статуса царя. Вначале Никон пошел дорогою некоторых пап — потребовал от светской власти полного невмешательства в церковные и духовные дела, и вместе с этим хитрый Никон оставлял за собой и следующими

патриархами право на свое активное вмешательство в светскую власть. И стал вмешиваться — стал критиковать правительство и царя за то, что они ограничивают Церковь в хозяйственной деятельности, в землеприобретениях и т.п., то есть — в бизнесе. В ответ царь решил вступить на «территорию» Никона — ввести «министерство по делам Церкви» — Монастырский указ. Это ещё больше возмутило и разъярило Никона. И он публично проповедуя в Успенском соборе Московского Кремля стал рассуждать о главенстве и преимуществе власти Церкви над светской властью, священства над царством. То есть, грамотный Никон вспомнил старую логику христианского «святого» юриста Августина:

«Всякое государство, если оно не служит церкви, является ничтожной шайкой грабителей. Бог вложил в руки церкви меч духовный, а в руки императора — меч светский, который должен служить первому». Церковное государство в российском государстве выросло до такого уровня и набрало такой силы, что решило в очередной раз попытаться главенствовать. Закончилась эта попытка Никона увольнением с должности Патриарха царём, а вселенский собор 1666 года это решение Алексея Романова подтвердил, узаконил; и Церковь в России утихомирила свои амбиции «порулить». Но во главе с царём и новым Патриархом продолжала реформы и борьбу против упорных староверов.

Царские отряды ловили беглецов, устраивали засады и находили поселения в лесной глухомани. А староверы при обнаружении своих поселений — сжигали себя заживо в знак протеста. Сколько тысяч погибло таким образом людей — одному Богу известно. Милюков считал, что около 20 тысяч русских людей покончили свою жизнь самосожжением.

Раскол русского народа Алексеем Романовым и Никоном явно уменьшил уважение людей к церкви.

Как следствие «вознесшегося» царя, жестоких реформ «вознесшегося» Никона и нового жестокого свода законов «Уложения» — народ в большом количестве побежал от господ к вольным людям на Дон, а за ними скакали ловецкие карательные отряды. А у казаков действовала старая традиция — беглых не выдавать. Царь решил наказать казаков — ввёл «экономическое эмбарго», запретил ввозить в этот регион продовольствие. Отношения в стране народа с властью и так были напряжёнными — ведь по причине обесценивания денег в 1662 году произошёл в России Медный бунт.

Теперь ответ казаков был закономерным — в 1666 году казаки пошли сами добывать себе пропитание, но не в Турцию, а в сторону Москвы — громить помещичьи усадьбы. Казаки осознавали уже свою силу, ведь судьбы России в начале 17 века были в их руках, они «делали в стране политическую погоду» — это их армия привела Лжедмитрия в Москву, затем вдоволь покуражились в походах по России под предводительст-

вом Ивана Болотникова во время Смуты, и в конце смутного времени сыграли решающую роль в битве под Москвой с поляками.

Вначале казаков возглавлял Василий Ус, а на следующий год атаманом стал Степан Разин. Под его руководством казаки двинулись в другую сторону — на юг: успешно «повоевали» различные ханства вдоль Каспийского моря и затем успешно напали на Персию, и с большой добычей вернулись в Россию.

У казаков действовали старые дохристианские принципы свободы, равенства и справедливости. Их круг — совещание всех казаков, был аналогом былого народного вече. И в 1670 году казаки решили изменить порядок в России — внести свои жизненные принципы — «дать черным людям свободу», и двинулись на Москву. Началось знаменитое народное восстание. Естественно, что в его войско вливалось огромное количество людей, а при подходе народного войска к городам: Царицын, Астрахань, Саратов, Самара — горожане сами раскрывали ворота этих городов и расправлялись с местной элитой. А христианская Церковь, опять же — естественно, выступила против народа и за власть имущих, и даже предала Степана Разина проклятию — анафеме.

Крестьяне, не понимая глобального характера поставленной Разиным задачи, на захваченных казаками обширных землях возвращались к земледельческому труду на новых казачьих принципах, покидая армию атамана. Вследствие этого силы народной армии Степана Разина стали скудеть.

Царь выдвинул мощную армию, и под Симбирском в 1670 году разбил армию Разина. В 1671 году был пойман и казнён Степан Разин. Все летописцы зафиксировали, что на допросах и пытках Разин вёл себя исключительно мужественно и даже с юмором.

Заканчивая эту тему, стоит с удивлением заметить, что всё свалили на Никона, всё назвали его именем — «реформы Никона», «раскол Никона», «ошибки Никона», а ведь первоначальная идея реформы-чистки принадлежала царю Алексею Романову и окружавшим его единомышленникам — «ревнителям истинного благочестия». Алексей Романов начал эти реформы-чистки и закончил их после смерти Никона. Алексею Михайловичу Романову — «Тишайшему» полагается намного больше «славы» в этой истории, чем Никону.

Мы рассмотрели некоторые внутренние дела России при правлении царя Алексея Михайловича Романова, а теперь глянем на важные для России внешние события, в которых Алексею Романову здорово повезло. Все события были связаны с Польшей, причём с её внутренними делами, событиями.

Заглянем в Польшу ещё и потому, что опыт Польши этого периода во многом поучителен, а многочисленные её беды-проблемы имеют универсальный характер.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Польша, евреи и Богдан Хмельницкий. Евреи в Польше и их отношение к украинским крестьянам

Во всех книгах и учебниках по этой теме авторы указывают только один пресс, давящий на крестьян и казаков в Польше — беспредел польских магнатов и шляхтичей, в результате которого и произошла трагедия в семье Богдана Хмельницкого, толкнувшая его на бескомпромиссную борьбу. Повторяться не буду, а отмечу ещё один мощный эксплуататорский фактор, слой, вызвавший такой резкий, широкомасштабный и жестокий «ответ» со стороны казаков, о котором в учебниках не пишут.

С принятием Польшей христианства в X веке в эту страну хлынули немецкие и чешские священники, немецкие колонисты и еврейские торговцы-рахданиты (знатоки путей), которые поселялись в польских городах и местечках. Страны западной Европы, ранее принявшие христианство, считались более цивилизованными. Поэтому польские князья поощряли прибытие в страну иностранцев, которые, якобы, должны были нести в страну цивилизованность. В это время почти во всех европейских странах после крестовых походов преследовали евреев и изгоняли их из своих стран. А польские короли решили поступить как истинные христиане и приняли к себе гонимых евреев, основателей христианства. В Польшу хлынули сотни тысяч евреев со всех уголков Европы.

Евреи осуществляли активную торговлю между Польшей и Испанией. В Испанию они везли с востока хлеб и рабов, а оттуда на восток — ткани, краски, посуду и другие продукты тогдашней цивилизации. В 1264 году король Болеслав Калишский (Благочестивый) предоставил евреям существенные льготы, привилегии, и гонимые в Европе евреи потянулись в Польшу.

В 1364 и 1367 годах Казимир Великий подтвердил привилегии евреев в Польше и плюс к этому разрешил им приобретать в собственность

земли. На этот раз евреи закрепили своё положение в Польше «классическим» приёмом — польский король Казимир взял в жёны еврейку Естерь, имел от нее двух сыновей — Шмерку и Пелку.

«Благодаря слабости к этой Эстерке, король Казимир был назван польскими поэтами Мардохеем. Эстерка открыто ходатайствовала за своих соплеменников, и при её содействии евреям не только была дана свобода, но они пользовались излишними льготами, даже в ущерб самим полякам. Так, евреи занимали самые высшие места в королевстве Польском. В государственных советах решались дела согласно желаниям заседавших там евреев, они же бывали и министрами. По мнению некоторых историков, этим отчасти и объясняется быстрое как нравственное, так и политическое падение Польши», — отметил в своём исследовании Ипполит Лютостанский.

Польша пока была на подъёме, в 1356 году в Кракове поляки открыли первый университет.

После объединения Польши и Литвы в 1386 году великий князь Витовт также подтвердил привилегии евреев, и им было разрешено покупать земли на литовской территории. И. Лютостанский:

«В Литву евреи явились вместе с поляками. Каждый магнат и чиновник польский имел при себе евреев — факторов, поставщиков, шпионов и разведчиков, которые пользовались преимуществами и особыми правами перед местным населением и исполняли даже должности тайной полиции. Евреи снимали подряды или занимались откупом».

Как мы видим, — евреи были торговцами и считались специалистами в управлении людьми, «менеджерами», специалистами по эффективному добыванию налогов с местного населения.

И. Лютостанский: «В 1386 году Великий литовский князь Ягайло, во св. крещении Яков, исповедовавший Православную веру и рождённый от православной княгини, под условием обращения Литвы в латинство получил престол в Польше вместе с рукой польской королевны Ядвиги. После вторичного крещения своего в Кракове по латинскому обряду, Ягайло дал свободу латинским пасторам крестить Литву. Ягайло издал грамоту, которая сохранилась до настоящего времени в виленском капитуле, на имя виленского епископа:

«Желая распространить римско-католическую веру в землях наших русских и литовских... положили и установили... строго воспрещаем литовцам обоего пола соединяться одним браком с русинами также обоего пола, пока наперед русин или русинка не признают покорности римской церкви. А если против нашего запрещения...».

Теперь каждому понятно, насколько было открыто поле действия для наживы евреев, которые в это время являлись и содействовали этой миссии вроде тайных полицейских агентов. Укоры и преследования

обрушились больше всего на главный тогда центр Православия, на виленское братство. Православных преследовали в судах, на улице, в домах; запрещали иметь с ними какие бы то ни было сношения... Наконец король Казимир в 1493 году, на последнем году своего царствования, дал повеление огласить всем православным церквам единение Восточной церкви с Западной, которое будто бы случилось во Флоренском соборе.

Тогда начало твориться страшное насилие над православными церквами и православным народом... В Польше, при короле Сигизмунде, когда были кровавые гонения на Православие, иудеи тоже прилагали все старания, чтобы исполнить закон Талмуда и его враждебные относительно христиан повеления. «Те храмы, прихожане которых никаким насилием не могли быть обращены в унию, отданы были в аренду евреям; ключи храмов и колоколен перешли в еврейские корчмы... Приходилось платить до пяти талеров за каждую литургию, то же самое за крещение или погребение (цитата из «Истории русской церкви» Филарета)», — И. Лютостанский, «Криминальная история иудаизма», М., 2005 г.

При этом польские и литовские князья, короли всячески защищали евреев от нападок католического духовенства во главе с Папой. Поэтому Польша для евреев была тихим и спокойным пристанищем.

В Польше образовались даже чисто еврейские местечки (небольшие городки).

После того, как поляки вместе с русскими и литовцами разбили в сражении крестоносцев (1410 г.), захватили их земли, вышли к морю и овладели портовым городом Данциг (Гданьск), начался бурный рост и расцвет этого объединённого польско-литовского государства. Через порт с востока пошёл огромный поток хлеба, Польша сделалась «хлебным амбаром Европы», и в этом большая заслуга была еврейских торговцев. Евреи в этот период переживали свой расцвет.

Чтобы было понятно, как этот расцвет выглядел, приведу статистику из сборника исследований (1997 г.) еврейских авторов Рутмана и Киммеля, — евреям в Белоруссии принадлежало: 87,5% — трактиров; 96% — корчм; 94,1% — пивоваренных заводов; 98,6% (70 из 71) — оптовых складов спирта; 91,3% — товарооборота спиртных напитков; 100% — все табачные фабрики; 100% — торговля хлебом (монополия) и т. д.

Эта статистика на вторую половину XIX века, когда белорусские земли принадлежали уже России. Но нет ни малейшего сомнения, что именно такая же ситуация была на территории Белоруссии, Литвы, Украины и Польши на протяжении 3 — 4 веков. То есть, почти вся экономика этих стран во многом принадлежала евреям.

Выше в объяснениях И. Лютостанского на примере событий в Литве мы видели важную «подсобную» роль евреев в Польше, и стоит обра-

тить внимание, что евреи в Польше брали в откуп сбор казённых налогов и пошлин. Брали также ещё в аренду и в управление королевские и шляхетские (помещичьи) имения, благодаря чему контролировали всю финансовую вертикаль, непосредственно сами сдирали семь шкур с крестьян и получали себе максимум прибыли. И, более того — евреи с позволения польского короля заведовали чеканкой монет в Польше и имели свой Еврейский Сейм (парламент) с 1623 года до первой ликвидации суверенности Польши — 1761 года. А это было уже «государство в государстве».

Период своей жизни в Польше в 13–17 веках, до 1648 года — до восстания казаков под руководством Богдана Хмельницкого, евреи назвали «Золотым веком». Знаменитый еврейский историк Семён Маркович Дубнов так комментировал этот период доминанты евреев в Польше:

«К началу XVI века еврейство в Польше сделалось уже крупной экономической и общественной силой, без которой страна не могла обойтись», «В Польше же, где в XVI веке скопилась огромная масса евреев, они жили более спокойно, пользуясь свободой и широким самоуправлением внутри своих общин. Польша сделалась для евреев тем, чем была в древности Вавилония, а в средние века — Испания...». Это только с 1967 и по 2008 г. еврейские политики, журналисты и писатели (книга Т. Гросса «Страх: Антисемитизм в Польше после Освенцима», 2008 г.) всё вдруг «забыли» и злобливо стали говорить о поляках как о злостных антисемитах; вообще, история взаимоотношений этих народов, как и евреев с другими народами, интересна и поучительна.

Можно смело сказать, что Польша со временем стала не только польско-литовским государством, но ещё и еврейским. На территории восточной Польши, сегодняшних областей: Львовской, Ровенской, Житомирской, Гомельской, Брестской, Могилёвской, Гродненской, и в литовских областях — в городках и местечках, евреи составляли большинство населения, а еврейский язык был повседневным языком даже для крестьян, которые вынуждены были его знать.

Основой экономики Польши был крестьянин, а над ним была многоэтажная структура эксплуататоров — пользователей результатами его труда. «Сталкиваясь чаще с арендатором-евреем, чем с польским паном, русский (белорусский, украинский) крестьянин считал первого главным виновником своих бедствий... К этому озлоблению примешивалась религиозная ненависть тёмного русского населения к евреям», — оценил отношение славянских крестьян к евреям в своём исследовании С.М. Дубнов. И если крестьяне восставали, то одновременно восставали и против панов и против евреев.

Первый погром евреев поляками произошёл ещё в 1407 году в Кракове, после было несколько мелких, но и они жестоко пресекались

польскими властями. Как правило, зачинщиков казнили, для назидания даже практиковалось сдирание кожи лоскутами. Но в Польше не было еврейских погромов в таком масштабе, в каком мы увидим потом в России.

Почему я так довольно подробно описал ситуацию в Польше в связи с евреями? — Запомните её, потому что во второй половине следующего столетия (18-го века) вышеописанная картина еврейского способа жизни, бизнеса сохранится и будет уже частью российской действительности, российской социальной картины, — когда Россия поучаствует в разделе Польши и поглотит её большую часть; и это логически приведёт к террористической войне 1901–1906 гг. различных Гершуни и Азефов против российского правительства, а затем и к трагическому 1917 году и потере власти русских в России, потере русскими России.

В отличие от крестьян западноевропейских стран польские крестьяне, как и русские, могли бежать подальше от эксплуататоров, то есть — им было куда бежать, у них было только одно «окно» побега — восточное, в низовья Днепра, куда бежали и из России. В течение нескольких веков там скопилось большое количество вольных людей, которые организовались в Запорожскую Сечь. Казаки занимались земледелием и разбойничали. Польское руководство, понимая прекрасно, что географически запорожские казаки находятся между Польшей и Крымским ханством, наладило с ними доброжелательные отношения — часть казаков поставили на службу Польше, занесли их в реестры — поставили на службу в польскую армию, выплачивали им жалование, снабжали продовольствием и оружием. И казаки являлись мощным оплотом для Польши от крымских татар и турецкого султана. Более того, они сами частенько ходили в этот регион за добычей, помним взятие Азова и их походы в Персию. Но «цивилизация» постепенно пришла со стороны Польши и в их земли — пришли крупные землевладельцы, арендаторы, опытные торговцы и коварные трактирщики. Поскольку неереестровых казаков было большинство, то для них наступили тяжёлые времена. Эта ситуация закончилась восстанием казаков в 1648 году под предводительством грамотного бывалого казака Богдана Хмельницкого, который был родом из мелких дворян.

Однажды в довольно откровенном разговоре с одним знакомым евреем к своему удивлению я обнаружил, что у современных евреев второй по ненависти после Гитлера идёт украинский казачий гетман Богдан Хмельницкий. Восставшие казаки устроили погромы, громили синагоги, сжигали Священные книги евреев, а самих евреев безжалостно убивали. Только в городе Немирове в один день погибло 6 тысяч евреев, после того как казаки вошли в хорошо укреплённый город обманным способом — под польскими знамёнами. Исследователи этого периода, особенно еврейские, описывают ужасные картины расправ украинских

казаков над евреями. Фактически произошла восьмая национальная Катастрофа в истории еврейского народа. Естественно звучит вопрос: «Откуда и по какой причине такая жестокость украинцев?»

Не все исследователи истории утруждают себя ответом на этот вопрос. А ответ очень важен, ибо аналогичная ситуация будет в России к началу 80-х годов 19 века и закончится вспышкой большого количества еврейских погромов в сельской местности, и ответ на «больной» вопрос будет почти аналогичным. Знаменитый Николай Гоголь в своём произведении «Тарас Бульба» намекнул на эту причину — евреи «сильно означили своё присутствие» среди казаков. А как это выглядело конкретно — описали профессиональные историки. Украинский историк Грушевский писал:

«Евреи-арендаторы заарендовали все шляхи казацкие и заставили их своими шинками — на одной миле по три шинка ставили, вынуждая казаков к покупке у них водки и мёда, и не дозволяя им самим изготовление этих напитков для собственного потребления. Об этом народная «дума» говорит:

„Як иде украинський казак тай корчму минае,
А жид выбигае, та украиньского казака за чуб хватае,
Та ще його двома кулаками по потылици (затылок) затыняе:
Що ты мымо корчмы йдеш тай корчму минаешь...“»

(приведены отрывки из исследования нашего испанского земляка — Андрея Дикого).

С современной точки зрения можно отметить после прочтения этой народной думы, что методика получения сверхприбылей благодаря монополизму была популярна у евреев. При этом надо отметить оригинальные методики сбыта-торговли, которые в те времена применялись евреями. Это хозяйское поведение евреев на чужой украинской земле засвидетельствовал и Гоголь, рассказывая о еврее корчмаре (владельце бара) Янкеле — «прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил своё жидовское присутствие в той стране».

Но на алкогольном беспределе весь беспредел не исчерпывался. Послушаем ещё — о каком горе пели нам народные украинские думы:

И ще ж то жыды-рендари у тому не пересталы —
На славний Украини вси козацки церкви заарендувалы:
Которому б то казаку альбо мужыку дав Бог дытыну появыты
То не йды до попа благославытыся; — да пиды, до жыда-рендаря,
То положы бытый талер щобы жыд дозволив
Церкву одчыныты, тую дытыну охрестыты.

Да, делать бизнес — брать в аренду чужие святыни — храмы, это что-то небывалое и не сразу укладывающееся в сознании. Батюшка без одобрения еврея не мог вообще войти в церковь. Вот что свидетельствовал польский священник львовский ксёндз Юзефович, видимо переживая за своего коллегу по ремеслу, и искренне потрясённый всеобщей возмутительной практикой: «Священник казацкий, попросту называемый поп, не мог в своей церкви совершить таинства крещения, венчания и других, если наперёд не заплатит жиду за ключи установленной паном платы и должен был каждый раз от дверей церковных относить их и отдавать жиду».

Что уж после этого говорить о других элементах жизни украинского народа, сданного в аренду евреям.

Который бы то казак альбо мужик схотив рыбы наловыты,
Жинку свою з дитьми накормыты,
То не йде до попа благословытыся,
Да пиде до жида-рендаря, до поступы йому часть оддать
Щоб позволыв на ричци рыбы наловыты
Жинку з дитьмы покормыты.

Как свидетельствует эта народная украинская дума — казак не мог даже порыбачить без разрешения евреев. Потому что в аренду сдавалась целая жизненная территория, а народ, на ней живший, был как прилагающийся. Причём страдали больше люди православного вероисповедания, во-первых, по причине допущения ордена иезуитов в Польшу, якобы чтобы препятствовать «заражению» Польши лютеранством из соседней Германии. Во-вторых, несмотря на союз-унию в Польше католической церкви с православной в 1596 году (Брестская уния), по которой православная церковь в Польше стала подчиняться Папе Римскому, хотя сохраняла свою обрядность, но давление на православных оказывалось, особенно королём Сигизмундом Третьим. Когда в 1585 году в результате брака на польский престол взошёл шведский король Зигмунд (Сигизмунд), то он применил старую уловку «разделяй и властвуй» и внёс вражду между христианами — православными и католиками вначале внутри Польши, отдавая предпочтения и преимущества католикам, а затем и во вне — это при нём возникли Лжедмитрии. И. Лютостанский в своей работе «Талмуд и евреи» (1879 г.) отметил:

«В Польше, при короле Сигизмунде, когда были кровавые гонения на Православие, иудеи тоже прилагали все старания, чтобы исполнить закон Талмуда и его враждебные относительно христиан повеления. «Те храмы, прихожане которых никаким насилием не могли быть обращены в унию, отданы были в аренду евреям; ключи храмов и колоколен

перешли в еврейские корчмы... Приходилось платить до пяти талеров за каждую литургию, то же самое за крещение или погребение» (цитата из «Истории русской церкви» Филарета)».

Таким образом швед Зигмунд (Сигизмунд) внёс большой вклад в раздрай между двумя славянскими христианскими народами — русскими и поляками.

«В 5345 году сотворения мира (1585 г. н.э.) на польский престол взошёл король шведский Зигмунд... Был же он государь милостивый, благочестивый, правосудный и юдофил. В его время усилилась папская религия (католицизм) в польском королевстве, потому что до него большинство магнатов и знатных чиновников не было враждебно греческой вере (христианскому православию) и смотрело на обе религии безразлично; он же всячески старался возвышать магнатов и сановников, исповедовавших католичество, и унижал тех, которые держались греческой веры. Вследствие этого... православный народ стал беднеть всё более и более...». Так было положено начало враждебности между христианскими народами, которое со временем расширилось и приняло внушительные масштабы.

Не исключено, что рукой шведа Сигизмунда двигали интересы бурно развивающейся в тот период Европы и болезненно-ущемлённого Ватикана, который жаждал компенсации и побед после проигранной истории с Лютером и потери части Европы. И вместо очередного крестового похода на Восток в Ватикане додумались до технологического метода с Лжедмитриями. И в этой истории не обошлось без активного участия евреев.

До истории с Лжедмитрием евреев в России не было. В этом была «заслуга» Ивана Грозного, который жестоко боролся с «жидовской ересью» раввина Схария и его единомышленников, а затем жестоко расправлялся с евреями во время Ливонской войны, в частности в захваченном им Полоцке. Поэтому евреи боялись заходить на российскую территорию.

Ссылаясь на исследования еврейского историка Ю.И. Гессена, Солженицын утверждает, что при Лжедмитрии Первом (1605–1606 гг.) евреи появились в Москве в большом количестве, а в конце Смуты было объявлено, что Лжедмитрий Второй («Тушинский Вор») — «родом Жидовин». Карамзин писал: «Сигизмунд послал Жида, который назвался Дмитрием Царевичем», который «разумел, если верить одному чужеземному историку, и язык Еврейский, читал талмуд, книги раввинов».

Это подтверждают и еврейские историки — КЕЭ: «Евреи входили в свиту самозванца и пострадали при его низложении. По некоторым сообщениям... Лжедмитрий Второй был выкрестом из евреев и служил в свите Лжедмитрия Первого».

После освобождения Москвы в 1711 году и перемирия, в договоре между русскими и поляками было такое условие: «Не склонять никого в Римскую, ни в другие Веры, и Жидам не въезжать для торговли в Московское государство» (А.И. Солженицын). Но на пограничных с Россией территориях положение было совсем другое; вернёмся на Украину, которая тогда ещё Украиной не называлась.

Вот о чём свидетельствовал московский купец Кунаков после своего путешествия по Украине в 1648–1649 гг.: «...жиды черкасов (т. е. украинцев) грабили и издевались над ними: как только который черкас выкурит водки или сварит пиво, не сказавши жиду и не снимет перед жидом шапку, жиды придирались к нему, грабили и уничтожали, а его имущество отбирали, жён и детей насильно забирали на работу». Откуда такая человеконенавистническая позиция евреев? А многие наши современники сегодня с удивлением задают вопрос: «Почему восставшие казаки Б. Хмельницкого проявили такую ненависть и жестокость к евреям?»...

Если на второй вопрос ответ очевиден, то на первый можно, конечно, сказать, что те времена были такие жестокие; также можно глянуть назад в историю и увидеть, — что лучшими и основными работорговцами в Средиземном море в раннем историческом периоде человечества, как и позже — в работорговле с Африки в Америку — были евреи; а можно ещё дальше углубиться в историю, в Библию и в Ветхом Завете обнаружить, — что есть базовая религиозная установка: евреи объявили себя «природными» управленцами-властителями, что их Бог им завещал, что они должны и будут властвовать над всеми народами. С раннего детства сознание евреев было пропитано этой религиозной установкой, и они выбирали себе соответственно «интеллигентные» «высокие» ремесла: управленческие, финансовые, торговые, хотя и попадались среди них портные и скрипачи.

Советский учёный С.Я. Боровой в своём исследовании под названием «Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины» («Исторические записки», 1940 г., № 9) убедительно показал гнёт украинского народа еврейской арендаторской пирамидой, когда богатый еврей брал в аренду у польского магната целый район с деревнями или даже города и отдавал его в субаренду своим сородичам из кагала:

«Еврейские крупные арендаторы, откупщики и т.п. — это сравнительно небольшой по численности, но очень заметный по своей социальной и политической роли слой евреев... он обрастает значительным кругом своих единомышленников — субарендаторов, мелких откупщиков, управляющих, приказчиков».

Удивительно, что украинское восстание Богдана Хмельницкого стало возможным, ибо евреи жёстко контролировали ситуацию на

подчинённой территории, быстро фиксировали появление недовольных бунтарей, и скоро с ними расправлялись. «Во всех православных поселениях, — свидетельствовал Натан-Нот Ганновер, — у евреев были также свои шпионы... Из одной общины в другую с верховными гонцами посылались ежедневно письма, в которых сообщались новости, интересующие евреев и панов».

На этом этапе исследования стоит отметить, что если еврейское сообщество в период 1998–2000 годы выдвинуло требования к России о материальной компенсации евреям за притеснения в период СССР, то украинцы могут предъявить подобное требование к евреям на более солидных, впечатляющих основаниях и на гораздо большие суммы. Разве можно сравнить жизнь евреев в СССР в 60–80-е годы прошлого столетия с жизнью украинцев в рассмотренный исторический период...

Боровой замечает, что даже автор «еврейской хроники» очевидец тех событий Натан-Нот Ганновер, отражая действительность, писал о своём сородиче — «арендовал... город у пана, подобно всем евреям на Руси, которые таким образом стали там повсеместно управляющими и хозяевами. Это явилось причиною страшного бедствия».

Для евреев, в самом деле, с началом восстания Б. Хмельницкого наступило страшное бедствие, даже вернее — ужасное бедствие: тотальные грабежи казаками на всей их территории, а их территория была везде — «где была казацкая сабля», тот же Натан Ганновер описывает изощрённые методы умерщвления, используемые казаками: сдирание кожи лоскутами с живых и другие способы мучительной смерти, которые нет никакого желания описывать и которые так подробно описывал Ганновер. Много тысяч евреев было убито казаками Хмельницкого, полностью было уничтожено более 300 еврейских общин в различных городках и много тысяч продано в рабство; рынки рабов в Стамбуле были заполнены рабами-евреями, которых выкупали еврейские сообщества из различных регионов Европы. Это была необыкновенная, редкая ситуация на рабовладельческих рынках.

Стоит обратить внимание ещё на один современный феномен — недавно в СССР о еврейском факторе в истории Польши и России ни одного слова правды не писали, вероятно, по причине интернациональной солидарности революционеров-коммунистов. Но сегодня в период гласности и свободы слова в огромном количестве учебников для школьников и студентов отсутствует напрочь всякое упоминание о еврейском факторе в этот период истории, в том числе и о восстании под предводительством Богдана Хмельницкого, — все то, что мы только что в этой книге наблюдали.

Ни в одном учебнике вы не встретите Правду, везде — Ложь. Зачем эта Ложь нужна многочисленным русским авторам этих учебников, не-

понятно? — Страх и трусость перед всемогущим еврейским обществом толкает их на враньё? Или космополитическая «толерантность» или подкуп толкает их на сокрытие Истины? Не то что в учебниках, даже в специальной исторической литературе истины не встретите, кроме «Двести лет вместе» А.И. Солженицына.

Вернёмся к фактам того далёкого периода, к истории, продолжим наше исследование и теперь глянем на личность Б. Хмельницкого и его дела.

Богдан Хмельницкий

Как мы наблюдали выше, «классовая» ситуация в Польше была крайне напряжённой, даже некой точкой перелома: или крестьяне и казаки навсегда согласятся со своим ужасным рабским положением, или взорвутся восстанием. Ситуация склонялась ко второму варианту, ибо уже в 1637–1638 гг. вспыхнуло восстание казаков, это была «первая ласточка». Ситуация была взрывоопасной, но обиженным и угнетенным «вождя не доставало, настоящих буйных мало». И он всё-таки появился в результате личных обстоятельств, личной трагедии и личного негодования.

Точно не установлено, когда родился Богдан Хмельницкий, принято считать — примерно в 1595 году. Родился он в семье мелкого польского дворянина православной веры, обучался грамоте, поэтому его назначили писарем, когда он попал к казакам. К казакам он попал рано, ибо его отец бывал у них сотником. Как такового эксплуататорского гнёта, описанного выше, Хмельницкий на себе не ощущал.

В начале 20-х годов он участвовал в составе польской армии в походе на Турцию, в двухлетней войне, и попал в плен к туркам, пробыл там два года, и затем по обмену пленниками вернулся на родину. Злость на турках сорвал, организовав казачий разбойничий поход в Турцию, — водными путями добрался почти до Константинополя, повторив некогда знаменитые походы дохристианских русских князей, и с большой добычей успешно вернулся обратно. Запорожские казаки были в то время для крымского хана и турецкого султана, как некогда для Руси после крещения печенеги и половцы.

Затем, в начале 30-х, Богдан Хмельницкий участвовал в составе польской армии в победных боях со шведами и под Смоленском в войне с Россией, с армией Михаила Романова и Шеина. За героические заслуги в сражениях с русскими был награждён самим королём Владиславом именным оружием — золотой саблей. С тех пор у него было личное знакомство с польским королём, который доверял ему различные поручения. То есть, к моменту восстания в 1648 году Богдан Хмельницкий

был успешным и славным воином, бывалым и обеспеченным 53-летним человеком, сделавшим неплохую карьеру.

В 1646 году воинственный и задиристый король Владислав, играя в Европе в свои политические игры, задумал очередной раз повоевать с Османской империей, с турками, и пригласил к себе на разговор Хмельницкого и ещё несколько казацких атаманов. Нападение на Турцию он решил организовать в виде очередного большого разбойничьего похода казаков. Атаманы с королём поторговались, как было тогда принято, выторговали для себя большие привилегии, зафиксированные в королевской Грамоте, и согласились на поход. Но в тогдашней демократической Польше Сейм (Дума) посчитал войну нецелесообразной и запретил королю начинать войну, посылать казаков. В результате казаки воевать не пошли, а льготная Грамота у них осталась.

В период этой истории Хмельницкий долго отсутствовал в своём поместье. К этому времени у него умерла жена, и вдовец жил «гражданским браком» с сожительницей, которая присматривала за его младшими сыновьями. Во время длительного отсутствия Хмельницкого его сосед — шляхтич Чаплинский увёл его сожительницу и женился на ней, повенчался в католическом храме. А одного из сыновей, который в отсутствие отца, видимо, занял активную протестную позицию в этой истории, - высек розгами так сильно, что он так и не оправился, не выздоровел, и через некоторое время умер.

Вернувшийся домой осенью 1646 года Хмельницкий устроил разбирательство, и обратился с жалобой на соседа в суд. Но суд ссору соседей не захотел рассматривать. Возмущённый Хмельницкий дошёл до самого короля, который ему посоветовал самому судить своей саблей, что было весьма не безопасно, ибо у соседа в покровителях-друзьях был мощный магнат. Король после этого, вероятно, не раз жалел о том, что в этот момент не воспользовался Конституцией.

Обиженный на всех Хмельницкий решил отомстить за несправедливость и обиду глобально всей Польше. И вместе с сыном Тимошем в декабре 1646 года поехал в Запорожскую Сечь поднимать казаков на восстание. Но казаки не захотели идти против короля. Этот момент обычно «забывают» отметить современные авторы многочисленных книг и учебников.

Тогда Хмельницкий в начале 1647 года поехал в Константинополь подбивать на войну с Польшей турецкого султана Ислама Третьего Гирея. Султан не желал войны с Польшей. Более года Хмельницкий провёл в Константинополе и Стамбуле, уговаривая султана. В результате султан пошёл на частичную авантюру, осторожную, — дал Хмельницкому армию перекопского мурзы Тугай-бека и стал наблюдать — что у Хмельницкого получится.

Когда в апреле 1648 года Б. Хмельницкий с татарской 25-тысячной армией вернулся к казакам в Сечь, то впечатленные казаки избрали его своим гетманом Хмельницкого. Это уже было началом восстания, ибо гетмана с середины 16 века по обоюдной договорённости назначал своей грамотой польский король. Недовольных этим решением атаманов, в том числе и знаменитого М. Кривоноса, Хмельницкий арестовал. Теперь ему ничего не мешало начать боевые действия против правительственных войск.

Поляки, прослышав о случившемся в Сечи, решили, что это временный бунт, и послали к казакам с небольшим отрядом молоденького Степана Потоцкого, сына знаменитого магната. Хмельницкий с армией казаков и армией татар встретил его у речки Желтые Воды. Начались переговоры. Потоцкий потребовал отпустить арестантов и восстановить порядок в Сечи, а Хмельницкий потребовал отдать в обмен пушки, артиллерию. Потоцкий согласился, а Хмельницкий коварно обманул его — пушки взял и напал на отряд Потоцкого при его отходе после соглашения и разгромил.

После этого король понял, что недооценил масштаб события, и послал против Хмельницкого 30-тысячную армию. Но Хмельницкий опять коварно перехитрил — послал в стан поляков «лжепредателя», «засланного казачка» Микиту Галагана. Этот «Сусанин» под Корсунем завел польскую армию в лес в засаду, где казаки с татарами легко расправились с застигнутыми врасплох поляками.

Ситуация для Польши резко ухудшалась, — после побед Хмельницкого в его армию массово потянулись обиженные крестьяне и казаки со всей Польши, и даже сами шляхтичи стали поднимать восстания: поднял восстание шляхтич В. Колаковский, затем другой поляк А. Костка Наперский, восстание быстро распространилось по всей территории Польши. До этого мощная и сравнительно спокойная Польша задрожала от «внутренней лихорадки». В Польше с восстанием Богдана Хмельницкого началась гражданская война, а с учётом того, что Хмельницкий привёл с собой большую армию крымского хана — эта гражданская война была ещё сопряжена с внешней интервенцией.

Эту ситуацию усугубила смерть польского короля Владислава, и полякам необходимо было избирать нового короля. Они ещё не знали, что узнав о смерти польского короля и о военных успехах Хмельницкого, сам турецкий султан Исмаил Герей решил двинуться с огромной армией на помощь Хмельницкому.

А пока, в ближайшее время, Хмельницкий ожидал опять своего друга и помощника крымского хана с армией и продолжал беспрепятственно продвигаться по территории Польши. Под Пилявицами он встретил примерно равную себе армию поляков, и обе стороны стали готовиться к сражению. В этом случае Хмельницкий применил другую хитрость —

в лагерь поляков якобы случайно забрёл добродушный православный священник, который, между прочим, сообщил, что на помощь Хмельницкому прибыла 40-тысячная армия басурман крымского хана, хотя на самом деле татары так и не подошли, опоздали, это было запугивание. Поляки поверили священнику и сильно приуныли — был явный перевес на стороне врага и исход битвы был предрешён, и поляки ночью покинули лагерь. На следующий день Хмельницкий с казаками стал поляков преследовать. Преследование было удачным, судя по тому, что подошедшим татарам Хмельницкий продал в рабство много пленных поляков.

Затем Хмельницкий перешел на правый берег Днепра и подошёл к хорошо укреплённому Львову и потребовал выдачи всех львовских евреев. В этом ему было отказано. Тогда Хмельницкий взял Львов в осаду, и после длительной подготовки начал штурм. После нескольких ожесточенных боёв евреи Львова и шляхтичи предложили Хмельницкому огромный выкуп. Хмельницкий согласился.

И лихая армия пошла дальше, и в декабре 1649 года подошла к городу Замостье, и взяла город в осаду.

В это самое время в Польше был избран новый польский король Ян Казимир. Узнав об этом, Хмельницкий распорядился убрать осаду и отступить. Своим лихим разочарованным и удивлённым казакам он объявил, что он, Богдан Хмельницкий, является подданным и слугой польского короля, как и они, и должен повиноваться его приказам.

Во-первых, это явно был жест примирения с новым королём, ему подарок. А нового польского короля Яна Казимира Хмельницкий знал лично ещё со времен победных сражений под Смоленском. А, во-вторых, проясняется важная истина — ситуация выглядела таким образом, что Хмельницкий поругался с королём Владиславом, был на него обижен, а вот после его смерти, с новым «правильным» королём он готов служить и дальше «честью и отвагой» польской короне, своей Польше.

Стало понятно, что король и шляхта до этого случая и после совершали грубую ошибку по причине своей гонористости, неуступчивости и неуемного желания поймать и образцово-показательно наказать бунтаря-предателя, чтобы впредь не было ни у кого желания восставать и приводить на Родину иностранные армии. Кстати, до этого момента в Запорожской Сечи не было подобных восстаний против польского короля, претендент был крайне опасен.

После случая с осадой Замостья стало понятно, что вся огромная затянувшаяся болезненная проблема решалась очень просто, — стоило полякам проявить мудрость-гибкость и дать Хмельницкому высокий пост при короле или в дипломатии, или ввести его в состав Сейма, то есть удовлетворить его раненое самолюбие и честь и сохранить привилегии

его приближённым казакам, и восстание давно бы уже закончилось, и многие тысячи польских драгун, улан и казаков были бы живы. Ведь всё восстание держалось на одной личности Хмельницкого. Кстати, к такому же мудрому, гибкому выводу позже в подобной ситуации пришли в России в войне с Шамилём на Кавказе, правда — после 60-летней войны...

Историю с осадой Замостья, как и факт этой осады, как правило, «забывают» отметить авторы многочисленных книг и учебников по понятным причинам. Затем им приходится прятать всю причинно-следственную цепочку вплоть до войны России и Малороссии уже после воссоединения, трагическую Конотопскую битву двух армий, тяжёлое поражение русской армии и её огромные потери. И затем вся эта цепочка спрятанной правды, вернее — лжи, упирается в удивительные открытия — в современные инициативы президента Украины Ющенко, которые скоро рассмотрим подробнее. Вернемся к истории.

После Замостья навоевавшиеся и запутанные казаки решили передохнуть. Покутить решили в Киеве. Наступил долгожданный мир и к большой радости казаков славный атаман решил справить большую свадьбу со своей любимой женщиной — бывшей сожительницей, которая к этому времени была уже вдовой Чаплинской, ибо Хмельницкий жестоко расправился со своим обидчиком соседом. На этот раз Хмельницкий решил скрепить узы венчанием в храме.

В начале 1649 года Киев восторженно встречал славного гетмана. И в этот прекрасный для Б. Хмельницкого момент, обращаю внимание — он мог объявить о выходе территорий, находящихся под его контролем из состава Польши, и о создании суверенного государства, или о желании присоединиться к России. Но ничего подобного тогда на ум радостного Хмельницкого не приходило, не было у него той красивой идеи, которая нам так нравится и сегодня, и которая у него возникла только в тяжелый для него период опасности.

В Киев к Хмельницкому стали прибывать различные делегации: из Молдавии, из Трансильвании; делегация из Константинополя привезла предложение патриарха Паисия создать «Православное Русское княжество» — Хмельницкий эту идею отбросил. Приехала к нему делегация из России с многозначительными приветствиями от царя, и Хмельницкий передал ему дружеские приветствия.

И в это же время прибыл посланник вновь избранного нового польского короля Яна Казимира атаман Кисель, который привёз грамоту от польского короля, в которой было официальное назначение Хмельницкого гетманом Запорожской Сечи. Это был положительный ответ на протянутую примирительную руку Хмельницкого под Замостьем, и склонением им головы перед новым королём.

Хмельницкий, к удивлению своих соратников и многочисленных делегаций, очень обрадовался этой грамоте и просил передать благодарность королю за признание его «достоинства», это было подтверждением протянутой руки к перемирию. Но процесс перемирия испортил польский Сейм, на который шляхтичи собрались в Кракове в этом же январе, и постановили очистить Польшу от зарвавшегося предателя и его бунтарей.

После посевной поляки стали собирать новую армию. Пока шёл процесс собирания армии из многочисленных шляхетских отрядов и армий магнатов, Хмельницкий не стал ждать, и, как и раньше, решил завладеть инициативой и атаковать первым. Он собрал 70-тысячную армию и двинулся в поход.

Но, как это было всегда прежде, сам он атаковать боялся, послал гонцов к турецкому султану и с нетерпением ожидал своего давнего друга с армией уже в походе на «Черном шляху».

Ждать пришлось долго. Хмельницкий понимал важность фактора времени, он хотел застигнуть поляков врасплох и не дать им закончить собирать армию. Не дождавшись султана, он осадил лагерь формирования польской армии в городке Збараж, и месяц держал осаду, отрезав поляков от воды и продовольствия. Подошёл на выручку польский король с армией, и 5 августа 1649 года началась битва, большая сеча. Первый день не выявил явного перевеса, а на второй подошёл султан Ислам Гирей с 90-тысячной армией. В этой тяжёлой для поляков ситуации поляки предложили начать переговоры, и Хмельницкий, к удивлению многих, согласился, — сражение было приостановлено.

Удивляются и многие исследователи этого периода истории, «пропустившие» странную осаду Замостья, напичканные до краёв советской и досоветской трактовкой, они упорно не хотят понять, что Хмельницкий не хотел погубить польского короля и Польшу, не хотел создать своё независимое суверенное государство, — он желал добиться более хороших условий жизни в рамках Польши: очередного официального признания его польскими властями, и получить от польских властей максимум выгоды своим казакам. Он даже не ставил себе целей, которые ставили Степан Разин и Емельян Пугачёв в России.

Начались интересные дипломатические торги. Казаки под нажимом превосходящей силы стали выторговывать себе максимум привилегий у польского короля. Султан же в сражении не участвовал, но присутствовал и молча пугал своей силой, и он ведь не мог с пустыми руками вернуться к себе в Османскую империю, уже за сам «напряг» — всё-таки дошёл до Збаража, ему что-то полагалось дать. Хмельницкий мог дать ему только пленных поляков и евреев и немного награбленного золота и денег. Это понимали поляки, и пошли на хитрость — ведя уступчивые

переговоры с Хмельницким, одновременно стали вести переговоры с султаном, который воспринимал текущие события как элемент временных внутренних польских передряг. И польский король, чтобы султан не вступал в сражение и не вмешивался во внутренние дела Польши, сделал широкий щедрый жест — отдал на разграбление («возьми всё — что сам возьмёшь») всю территорию, занятую казаками Хмельницкого.

Польский король и Хмельницкий подписали в Зборове мирное соглашение — «Зборовский трактат», по которому оставшиеся в живых евреи выселялись-изгонялись с казацкой территории Украины, и впредь им было запрещено там поселяться; и польский король Ян Казимир вынужден был пойти на различные большие уступки казакам, в том числе поставил на денежное довольствие — в реестр польского войска вместо 6 тысяч — 40 тысяч казаков.

Хмельницкий и казаки были очень довольны, а султан со своей огромной армией стал тотально грабить Украину и уводить в рабство тысячи крестьян и казаков. Крестьяне и казаки, спасаясь, тысячами стали убегать со своими семьями от этого кошмара и ужаса в южные области России — курскую, брянскую и т.д. Украина стала выжженной, вытоптанной и безлюдной... с Хмельницким и его армией...

Во всех сражениях с правительственными войсками сражались вместе казаки Хмельницкого и много тысяч крестьян («чернь»), а получился неприятный контраст, диссонанс: 40 тысяч казаков Хмельницкого получили деньги, привилегии и славу, а сотни тысяч крестьян, кроме облегчения вследствие ухода евреев, получили страшное насилие от турок, разорение, нищету и даже угон с родных деревень в рабство.

Хмельницкий со своими политическими, политесными играми попал в тяжелейшее положение — он видел, что творит его союзник и друг с его народом и территорией, — и ничего не мог сделать. Во-первых, он не хотел на будущее портить отношение с султаном, во-вторых, если бы он и захотел с ним воевать, то успех был бы маловероятным, ибо у султана была очень большая армия, и, в-третьих, он отчётливо понимал: если он вступил бы в конфликт с турецким султаном, то тут же вмешался бы со своей армией польский король... — и все последствия для казаков Хмельницкого трудно было вообразить даже в кошмарном сне.

Народ стал недовольно роптать против Хмельницкого и даже выражать открыто свой гнев. Об этом периоде истории по понятным причинам опять «забывают» поведать в многочисленных книгах и учебниках в России и Украине, его прячут, тот есть — врут, лгут. Кстати, наличие почти во всех сражениях огромных татарских и турецких армий многими авторами также как-то «непринято замечать», в лучшем случае честные скромно пишут — «принимала участие татарская конница».

Власти Польши даже ожидали, что украинский народ сам свергнет Хмельницкого, поэтому почти целый год выжидали и ничего не предпринимали. Но это не могло произойти на сильно разорённых землях и станицах хотя бы потому, что в распоряжении Хмельницкого была большая армия благодарных ему казаков.

Польский Сейм сделал очередной сюрприз — после длительной волокиты и проволочек не утвердил Зборовский договор. Это означало, что поляки не смирились с новой ситуацией, и будут дальше бороться с «внутренней болезнью», что вскоре опять соберут новую шляхетскую армию и пойдут на Хмельницкого. Что оставалось делать Хмельницкому? Опять обращаться за помощью к султану не мог, ибо на этот раз это вызвало бы шквал недовольства со стороны народа. А следящий за ситуацией султан Исмаил Гирей в середине 1650 года вовремя прислал посольство с грамотой и дарственным кафтаном. В грамоте султан признавал Хмельницкого и Украину вассалом Османской империи и брал её под свою защиту, уже как свою территорию, а кафтан был символом-знаком покровительства султана.

Хмельницкий попал в неудобное положение. Народ точно не понял бы его переход «под султана» после того, что турки натворили. И Хмельницкий в мягкой форме выскользнул из-под кафтана. Что дальше?

После этого Хмельницкий пригласил трансильванского князя стать королём Украины. Несмотря на звучный титул, трансильванец не захотел попасть под удар между Польшей и Османской империей.

Что дальше? Дальше Хмельницкий продолжал активно заниматься дипломатическими манёврами и глянул на юго-запад. Соседний молдавский князёк Лупул был слишком слаб, но в какой-то мере мог усилить Хмельницкого. И Хмельницкий предложил Лупулу поженить своего сына Тимошу на его дочери-красавице, и таким образом слиться, объединиться на семейной основе. Лупул не захотел. Тогда обиженный Хмельницкий со своей казачьей армией прошёлся по Молдавии как Чингисхан, позжигал, награбил и захватил столицу Яссы. Бежавший Лупул откупился от постоянной оккупации своей страны огромными деньгами и обещанием всё-таки выдать свою дочь за сына Хмельницкого.

Что дальше? Что оставалось мечущемуся Хмельницкому? Оставалось только одно направление — глянуть на север. Ничего иного Хмельницкому не оставалось, как обратиться за помощью к Москве, к российскому царю. При этом мудрый гетман понимал, что уговорить царя просто так, ради добычи идти войной на Польшу, как он уговорил в своё время султана, не получится, ибо за последние 200 лет Россия навоевалась с Польшей «по горло», еле выгнали из Кремля, и до сих пор Смоленск был польским городом; и если уж Россия будет воевать

с Польшей, то в первую очередь за Смоленск, а не за Запорожскую Сечь Хмельницкого. Поэтому Хмельницкий в конце 1650 года предложил А.М. Романову максимум, что мог — отдаться полностью, перейти «под московского царя» со своей территорией.

Он был уверен, что соблазнённый «прибавлением земель и народа» царь согласится и пришлёт ему в защиту свою армию, в защиту уже своей территории. В Москве это предложение обсудили, поспорили, и поскольку вопрос очень важный, в том числе и очередной войны с Польшей, то решили весьма разумно — посоветоваться с народом. И 19 февраля 1651 года по этому вопросу созвали Земский собор. Обсудили и пришли к выводу — не стоит, авантюрно, опасно, да и слишком хорошо знали хитрого Хмельницкого. Но, чтобы соблюсти приличия политеса, по совету церкви в защиту прав православных верующих отправили к польскому королю посольство во главе с бояриным Репиным-Оболенским, который безуспешно пытался уговорить польского короля и магнатов соблюсти, «ратифицировать» Зборовский договор в обмен на дальнейшие миролюбивые отношения, несмотря на многочисленные пограничные конфликты с польской стороны.

Таким образом маневр, у Хмельницкого не прошёл — московский царь войско не прислал, польские власти Зборовский договор законодательно утвердить отказались. И Хмельницкий оказался один, зажатый со всех сторон в глобальном мире наедине с польской властью.

Но Хмельницкому повезло, — со стороны Польши продолжалось затишье, ибо поляки занимались внутренними разборками — тягали друг друга за чубы, между собой воевали, ибо не все признали польским королём Яна Казимира, часть магнатов и шляхты желала по династической линии от Сигизмунда присягнуть шведскому королю. Вопрос был важный, — и распри жестокие, но ни одна из сторон в эти разборки не впутывала Хмельницкого.

Это был удобный момент самому напасть, и Хмельницкий даже грозился захватить Варшаву и Краков, но идти не решался, не был уверен, что без русских, крымских татар и турок хватит сил одолеть.

В этой ситуации проявили инициативу другие европейские силы. Из Греции в Киев к Хмельницкому прибыл митрополит Иосаф. Этот милосердный христианин, иерарх, к удивлению многих, привёз со своей свитой «святой» меч — освящённый в Иерусалиме на Гробе Господнем, в торжественной обстановке опоясал им Хмельницкого и призвал его идти войной на польского короля. А патриарх из Константинополя прислал с послом свою грамоту, в которой также поддерживал идею «крестового похода» против других христиан. Таким образом в глобальной мировой политике тех времен решили использовать Хмельницкого в своих целях. Ибо тогда в Европе католичество потрясала волна

реформации, протестантства, а Польша оставалась одним из немногих оплотов католичества, хотя в районах Польши, граничащей с Пруссией и Лифляндией, некоторые шляхтичи уже стали переходить в лютеранство. Вот и решили милосердные православные «братья во Христе» нанести удар по Польше, то ли помочь протестантам, то ли планировали сделать всю Польшу православной.

Хмельницкий сомневался, колебался. К тому же выходец из польской шляхты православный митрополит Киева Сильвестр Коссов был категорически против войны, и ратовал за мирные переговоры. Хмельницкий колебался, ему «и хотелося и кололося» — боялся, что один не справится, да и усталый и измученный предыдущими войнами и грабежами сильно поредевший народ мог не поддержать. И тут вышеназванные православные иерархи решили поддержать Хмельницкого практически: одни «по своей линии» наладили переговоры с обиженным на Хмельницкого турецким султаном, чтобы уговорить его помочь. Другие прислали на Украину большую группу монахов-пропагандистов из знаменитого Афонского монастыря. Монахи разбрелись по хуторам и станицам, чтобы агитировать за войну, толкать крестьян против польского короля, в армию Хмельницкого.

Несмотря на убедительность этих религиозных политработников — «за веру и Бога!», крестьяне и казаки проявили упорное нежелание связываться с Хмельницким, ибо знали, что он без татар и турок не воюет, а их боялись, были научены слишком трагическим опытом, да и просто были измотаны многолетней войной.

В этой ситуации Хмельницкий прослышал, что польский король и Сейм стали собирать против него армию, и события ускорились. Хмельницкий сам стал собирать армию и агитировать казаков, а к турецкому султану с извинениями и многочисленными обещаниями срочно послал посольство во главе с полковником Ждановичем. Узнав, что Жданович уговорил частично султана, который сам решил не идти на Польшу, но дал в помощь Хмельницкому опять крымского хана с армией, Хмельницкий стал срочно собираться в поход. Он решил повторить свой прежний удачный манёвр под Збаражем — не ждать, пока сформируется польская армия, пока прибудут с разных мест Польши отряды шляхты, а сыграть на опережение: узнав, где находится место сбора, лагерь формирования армии, напасть на него и уничтожить. Хмельницкий узнал, что на этот раз базовый лагерь поляки расположили у городка Берестечко, и двинулся в военный поход.

Но в истории идеальные повторы бывают редко, река времени и событий течёт... Получилось трудное начало похода — пришлось неприятно долго ждать подхода крымского хана. Это имело важные последствия, ибо поляки извлекли выводы из прошлых ошибок и неудач, и у

них появилось больше времени хорошо приготовиться к встрече казаков Хмельницкого с татарами.

Другая неприятность вылезла с неожиданной стороны — вдруг стало известно об измене его любимой жены, бывшей Чаплинской с его соратником. Разъяренный Хмельницкий повесил обоих. Одни казаки осуждали его за излишнюю жестокость, а другие посмеивались над «рогатым» гетманом, свободные казаки смеялись не только над письмом к султану... Как засвидетельствовали его современники, после этого случая Хмельницкий резко поник, сильно приуныл, сегодня сказали бы — впал в сильную депрессию. Его понять можно — боль от измены любимого человека, к тому же сильно ранено мужское самолюбие, да и перед казаками неудобно, а главное — произошла потеря некоторого смысла жизни — ведь именно в том числе и из-за этой женщины Хмельницкий начал всю эту глобальную заваруху.

Под Берестечко 19 июня 1651 года началось грандиозное сражение, три дня шла жестокая сеча. После двух дней кровопролитного сражения начал проявляться перевес польской стороны. Особенно большие потери понесли татары, был даже убит друг и старый соратник Хмельницкого мурза Тугай-бек.

Татары приуныли. Как раз в эти дни проходил мусульманский праздник Курбан-Байрам, и татары решили, что это Бог их покарал за войнушку в священный праздник. На третий день в самый разгар сражения татарский фланг дрогнул, и татары не выдержали натиска поляков и бросились бежать с поля боя, внеся заметное расстройство в рядах казаков. Но самое неожиданное было то, что с поля боя вместе с татарами убежал Хмельницкий.

Казаки же без татар и Хмельницкого не запаниковали и достойно отступили в свой лагерь, воспользовались паузой и быстро окопались — вырыли заградительный ров против польской конницы, заняли оборону и стали гадать — что случилось с их гетманом. Сопровождающий казаков коринфский православный митрополит Иоасаф, благословивший их на бой, стал поддерживать воинский дух казаков, оправдывая Хмельницкого, что он якобы не сбежал с поля боя, а ускакал с поля боя для их же пользы — погнался догонять крымского хана, чтобы тот вернулся на поле боя. Он, правда, умолчал или не знал, что Тугай-бек был убит, и не с кем было вести, убегая, переговоры.

Предположение было более чем странным, ибо в истории очень редки случаи, когда можно было догнать убегающего в панике от вражеских всадников и после этого уговорить вернуться в бой. Казаки стали ждать возвращения Хмельницкого, одного или с татарами. Они несколько дней держали осаду лагеря, отбивая атаки поляков. Хмельницкий так и не появился. Казаки потеряли надежду, что он к ним вернётся, и решили

выбрать нового атамана с интересной фамилией — Джеджалия, который попробовал договориться с поляками о мире. Но поляки жаждали полной победы, полного разгрома, решить проблему навсегда и прекрасно понимали, что они казаков дожмут и добьют, отступать казакам было некуда — сзади было непроходимое болото. Когда Хмельницкий с казаками выбирали место для базового лагеря, они не предполагали, что им придётся отступать и обороняться в лагере, и специально выбрали место на берегу реки Плешовой, с болотом, чтобы обезопасить себя от неожиданного нападения сзади.

Теперь болото было против них, отступать было некуда.

После неудачных переговоров с поляками, которые красочно описали, что они сделают в конце с казаками, Джеджалий отказался быть гетманом, снял с себя полномочия и ответственность. Казаки опять покляли Хмельницкого за измену и предательство и выбрали атаманом Ивана Богуна. Новый гетман поступил не лучше старого. По приказу Богуна казаки стали строить настил через болото, якобы чтобы можно было покормить лошадей на другом берегу. Когда хлипкий настил был готов, Богун с другими казацкими военачальниками и ближайшим окружением ночью 29 июня 1651 года тайком переправились через болото и сбежали от своего войска и от поляков.

С рассветом казацкая армия обнаружила отсутствие всего начальства. Все всё поняли, и началась паника, тысячи ринулись удирать на переправу, которая не выдержала, и большое количество казаков оказались в топком болоте. Ужасную трагедию казаков завершили ворвавшиеся в лагерь польские войска. После чего польская армия провела жестокую «чистку» «с пристрастием» всей бывшей казацкой территории. Всё — восстание Хмельницкого было подавлено.

Через месяц Хмельницкий обнаружил себя в городке Паволочь и стал созывать уцелевших соратников. Те прибыли и навалились с обвинениями в измене и трусости на Хмельницкого. Хмельницкий выдвинул «легенду» — когда он догнал татар, они его взяли в плен, месяц продержали и затем по доброте душевной отпустили. В это трудно было поверить. Но Богун и другие военачальники решили поверить, — у них самих совесть была вымарана, они сами предали армию казаков. Договорились. Но необходимо было обелить Хмельницкого и других перед «массами». С этой целью на реке Русаве собрали народную Раду, на которой Хмельницкий, выслушав массу неприятных слов, попытался с помощью окружения оправдаться. Но не столько слова, сколько уверенное, весёлое и даже шутливое настроение и поведение Хмельницкого и его окружения убедили казаков и крестьян. Впрочем, они сами желали, чтобы всё закончилось мирно, ведь у них не было других лидеров, не было другого выбора. И Хмельницкий остался выборным гетманом.

В сентябре 1651 года под Белой Церковью Запорожская Сечь подписала новый договор с польским королём на ущербных для себя условиях, но отчасти и компромиссных со стороны короля — в правительственный реестр Польши было занесено 20 тысяч казаков. Больше с польским правительством казаки не воевали в составе Польши.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мучительные шараханья казаков - под кого пойти…

Два года казаки жили спокойно, пока в Польше опять не стало жарко от внутренних передряг и шляхетских восстаний 1652 года. Часть шляхты под предводительством магнатов Радзивиллов фактически предала Польшу и присягнула шведскому королю, который собирался идти войной и силой взять престол. В общем, польскому королю и Сейму было не до запорожских казаков.

Брошенные без внимания польских властей казаки, давно не получавшие королевского жалованья, решили кардинально поставить вопрос о своей судьбе. Не желая создавать своё независимое государство, и не желая вернуться к войне с польским королём за увеличение привилегий, понимая, что в данный момент это бесполезно, решили вообще уйти «из-под» польского короля и попроситься под кого-нибудь другого, более богатого и надёжного, перейти от одного «братского народа» к другому «братскому народу». Все исследователи отмечают, что казаки рассматривали четыре варианта: под крымского хана, под турецкого султана, под московского царя или всё-таки подождать, посмотреть — чем всё закончится в Польше и остаться под польским королём.

Дебаты были бурные и безрезультативные. Казаки разговаривали на польском языке и были подданными Польши, но были православной веры, а у старых боевых друзей татар и турок была самая большая сила и, возможно, было им больше свободы и романтики. Султан второй раз грамоту и кафтан не присылал. Казаки, обиженные на братьев по вере за отказ в первый раз, во второй раз в Россию дружно не просились, кроме убеждённых сторонников именно этого варианта, к которым относился Хмельницкий. В это время российский царь со своим окружением, видя «исторический» момент выбора запорожских казаков и резкое ослабление Польши и надвигающихся на Польшу шведов, решил взять инициа-

тиву в свои руки и пригласить под своё покровительство Хмельницкого с казаками и вернуть Смоленск с прилегающими землями.

В Москве 1 октября 1653 г. собрался Земский собор (кстати, к сожалению — последний в истории России) и принял решение принять Богдана Хмельницкого с его народом и территорией по левому берегу Днепра в состав России. Поскольку эти земли назывались именно так или Польшей, тогда названия «Украина» не было, хотя это название подходило — ибо эти земли находились на краю, у края территории России и Польши, то эти земли в Москве решили назвать Малороссией, и следовательно жителей — малороссами, хотя ещё долго именовали — «черкасы» и на польский лад — «запорожские козаки», через «о». Малороссия — это не самое удачное название, немного унижительное, можно было назвать и «Древнероссией», «Киевской Россией», «Леводнепровской Россией». Территории правого берега Днепра оставались за Польшей.

Вернёмся к важному решению Земского собора в Москве 1 октября 1653 года. Теперь ситуация выглядела наоборот — в прошлом Хмельницкий с казаками просилась в Россию, но Земский собор в феврале 1651 года отказал, отвергнул «дружескую руку», а теперь Земский собор своим решением приглашал левобережных казаков войти со своими землями в Россию, протянул казакам «дружескую руку». Это было убедительное доказательство того, что если запорожские казаки примут опять решение перейти под власть российского царя, в Россию, то ответ уже заранее готов, и такого неприятного казуса уже не будет. От казаков требовалось легитимное решение — не решение Хмельницкого и нескольких атаманов, а решение всего народа, для чего необходимо было соответственное решение народной казацкой Рады.

Узнав о решении Земского собора в Москве, казаки два месяца совещались, обсуждали и решили собрать в начале 1654 года Раду в городе Переяславле и вынести вопрос на всенародное обсуждение.

И 8 января 1654 года Переяславская Рада после бурных дебатов и требований клятвы от российских послов большинством приняла решение «волим под царя московского», то есть — перешли в российское подданство. Против вхождения запорожских казаков в состав России были такие авторитетные атаманы как Иван Богун, Грицко Гуляницкий, Иван Сирко — они отказались присягать московскому царю.

Решение Переяславской Рады было аннулировано в самостийной Украине после крушения СССР в 1992 году. Вернемся в 17 век, в котором это слияние по взаимному согласию начало разрываться уже через два года.

Теперь российский царь А.М. Романов взял на службу — в реестр на денежное довольствие 60 тысяч запорожских казаков и оставил им большую автономию, своё самоуправление во главе с гетманом.

Казалось бы, всё — счастливый конец длинной истории, «хэппи энд», тем более, что казакам здорово повезло, они вовремя успели соскочить с польского подданства, — в 1655 году Польши как таковой уже не было, это была уже территория Швеции. И казаки, будучи уже в России и с Россией, избежали шведского «наезда», а затем им не пришлось вместе с поляками в течение пяти тяжелейших лет прогонять оккупанта с польской территории. Наоборот, вместе с Алексеем Романовым, который решил воспользоваться тяжёлым положением Польши, казаки сходили войной на Польшу — чтобы вернуть Смоленск. И успешно вернули не только Смоленск, но за Смоленском прошагали победно почти без сопротивления ещё 700 километров до реки Неман, до северной столицы Польши — города Гродно.

Эту новую территорию в Москве назвали, вспомнив древнюю историю, — Белыя Россия. Таким образом при удачном и успешном Алексее Михайловиче Романове Россия приросла ещё двумя Россиями, и российский самодержавец стал себя величать: «Государь Всея Великия и Малыя и Белыя России».

Через год жизни под московским царём запорожские казаки и крестьяне стали недовольно роптать.

В 1656 году негодующий Богдан Хмельницкий уже публично высказывал суждения — не вернуться ли обратно под польского короля. Что случилось? А случилась закономерная ситуация — отдались под Россию, следовательно — это уже российская территория, Россия, и следовательно на ней должны работать российские власти и российские законы, в том числе и крепостные. Из Москвы в Малороссию стали приезжать чиновники, выстраивать «вертикаль» из Москвы, из Москвы в украинские города стали направлять своих воевод, стали строить управы и военные гарнизоны, московские чиновники стали пересчитывать горожан и казаков и объяснять им какие они должны платить налоги и т.д. — «москали» пришли править с полным правом, по обоюдному мирному согласию.

Оказалось, что под московским царём у вольных казаков вольностей и привилегий меньше чем под польской властью, а методы управления намного жестче. Запорожские казаки и крестьяне зачесали чубы и затылки: опять плохо, ещё хуже, похоже ошиблись с выбором и т.п.

В 1657 году ситуация резко усугубилась. Российский царь решил прекратить войну с Польшей и подписал в 1656 году с поляками мирный договор. Это был стратегический манёвр российских властей, чтобы ослабить Швецию, чтобы «не отвлекать» поляков от их затянувшейся войны против Швеции. Понятно, что в результате взаимной жестокой борьбы оба государства сильно слабели.

А Богдан Хмельницкий, считавший почему-то себя самостийным, в 1657 году самостоятельно заключил договор с шведским королём

против Польши и решил усилить его армию 12 тысячами своих казаков, естественно, не за спасибо, а за деньги и долю в добыче. О своих дипломатических и военных манёврах Хмельницкий российского царя Алексея Романова даже не известил. И Хмельницкий весьма простодушно изумился — когда прибыли из Москвы высокие посланники от царя и с возмущением набросились на него, подданного царя, приказали ему срочно вернуть обратно казачью армию. Это уже затрагивало честь и достоинство Хмельницкого перед шведским королём Карлом Х и всей Европой.

Хмельницкий был не просто возмущён, он был в бешенстве. Ссора разразилась грандиозная.

Хмельницкий после этого скандала резко занемог, и тяжело заболел, и перед смертью попросил у казаков выбрать гетманом Запорожской Сечи его 16-летнего сына Юрасика. Эту несуразную просьбу казаки из уважения к Хмельницкому выполнили, а после его смерти 27 июня 1657 года избрали гетманом Ивана Выготского. Москва эту кандидатуру утвердила, и Выготский присягнул на верность российскому царю. Далее началось такое в истории обоих народов, о чём обычно современные российские учебники умалчивают, и начинают рассказывать историю уже с Андрусовского договора 1667 года. Впрочем, многие авторы в своих книгах и учебниках стараются уже и факт выборов гетманом Выготского пропустить, «не заметить», «забыть». Что случилось? Какая неприятность случилась?

11 октября 1657 года под Корсунем новый гетман Иван Выготский созвал Генеральную Раду и устроил мини-спектакль: положил перед казаками гетманскую булаву — символ власти, то есть — сложил свои полномочия, отказался от власти, от гетманства, и сказал: «Не хочу быть у вас гетманом. Царь отбирает у нас древние наши вольности, и я в неволиности быть не хочу». Впечатлённые атаманы, полковники и казаки дружно вскрикнули: «За вольность будем стоять вместе!» (М. Грушевский, «История Украины-Руси»). И Выготский взял булаву... запорожские казаки на этой Генеральной Раде решили выйти из состава России, началась борьба с Россией за вольность — свободу, за независимость от России. Таким образом, через 2,5 года после исторического решения Переяславской Рады о вхождении Запорожской Сечи с левобережными землями в состав России это решение было перечёркнуто, аннулировано в одностороннем порядке запорожскими казаками.

Казаки начали убивать московских воевод, русские отряды, своих же казаков и атаманов, которые хотели остаться под Россией. «Под руководством московских воевод не желаем быть, волим владеть своими городами как владел Хмельницкий» (когда-то) — объяснял свою позицию Выготский.

Последствия этих шагов Выготский понимал — если ранее Запорожские казаки изменили Польше, то после Переяславской Рады — нарушили договор и изменили России. Стоило ожидать логичной и неприятной реакции Москвы. Поэтому необходимо было искать защиту и помощь, как и раньше — у крымских татар, турок и у Польши. Начали со старых друзей по степи: «...Лучше поддаться крымскому хану. Московский царь всех вас драгунами и вечными невольниками сделает, жен и детей ваших в лаптях лычных водить станет, а хан крымский в атласе, аксамите и сапогах турецких...», — объяснял-агитировал крестьян и казачий полковник Лесницкий.

Народ с татарами и турками не захотел связываться, пожелал вернуться под польского короля. Хотя крымский хан и султан обрадовались возвращению старых друзей и обещали чуть что всяческую помощь. В сепаратизме Выготского поддержал православный митрополит Киевский Дионисий (Балабан), который также был готов идти и под татар и под поляков. 16 сентября 1658 года Выготский подписал, восстановил Гадячский договор с Польшей, по которому Левобережная Украина под новым названием «Великое княжество Русское» возвращается в состав Польши, а через месяц подписал дружественное соглашение и со Швецией. Москва ожидала реакции польского Сейма. В начале 1659 году польский Сейм утвердил этот договор. Всё прояснилось — запорожские казаки ушли, отсоединились, и не просто остались «на свободе» одни, но вернулись в Польшу и ещё прикрылись крымскими татарами и турками.

Алексею Романову оставалось два варианта: проглотить эту неприятность и забыть поскорее эту историю или постараться вернуть беглецов, образумить «братьев по вере» и... образцово наказать за измену. И Романов отправил в поход в Малороссию (Украину) против запорожских казаков армию под командованием Алексея Трубецкого. Причём с учётом казацкой армии и возможных их помощников — татар, турок и поляков отправил огромнейшую 150-тысячную армию, чтобы «убедить» наверняка.

Подавляющее большинство современных российских историков политесно пишут, что российский царь послал армию, чтобы «уговорить» братский народ, а не покорить и наказать. Но, согласитесь, для уговоров посылаются дипломаты, послы и посольства, а не огромные армии, которые «уговаривают» по-своему. Поэтому, кстати, и «забывают» указать численность армии.

Польша на выручку Ивану Выготскому свою армию не дала, поэтому Выготский обратился за помощью к Крымскому хану, который дал ему довольно большое войско. Началась война между Россией и Малороссией. В ходе ряда сражений гетман Выготский попал в плен к русским

и дал опять ложную клятву Москве. После того, как его отпустили, он тут же объявил о вынужденной клятве и о союзе с Польшей. Война между Россией и Малороссией — «Великим княжеством Русским» возобновилась.

В июне 1659 года под городом Конотопом произошло решающее сражение российской армии с малоросской, в которой было 50 тысяч казаков и 40-тысячная армия крымского хана. Польша в этот период продолжала войну со Швецией и готовилась к решающим сражениям, поэтому помочь запорожским казакам не могла, и только польский магнат Андрей Потоцкий прислал в помощь Выготскому часть своего войска — 3,5 тысячи. В результате противники сошлись под Конотопом в грандиозном сражении, в котором российская армия потерпела тяжелейшее поражение. Понятно, что с такой огромной армией, с таким перевесом сил можно проиграть только при бездарном руководстве войсками и боем. Знаменитый русский историк С.М. Соловьёв писал по поводу этого поражения: «...никогда московский царь не мог вывести в поле такое блистательное войско». Алексей Романов сам ходил весь блистательный, и, похоже, организовал такую же армию — внешне блистательную, но не эффективную. По оценке Москвы русские потеряли 15 тысяч воинов, а по оценке украинцев — 30 тысяч. Точные потери трудно оценить, ибо русская армия несла большие потери в ходе отступления, и длительного преследования, большое количество русских попало в плен к казакам и затем были проданы в рабство. Это неприятно звучит для русского уха, но — в грандиозном Конотопском сражении русская армия проиграла украинским казакам и татарам; в этот исторический период Малороссия (Украина) в борьбе с Россией отстояла свою свободу, независимость.

Поражение 150-тысячной армии для Москвы было шоком, кроме того, казаки и татары, преследуя русскую армию, продвигались в сторону России, поэтому Алексей Романов, опасаясь дальнейшего продвижения врага, приказал срочно укреплять российские города, готовиться к обороне, а сам был готов вместе с окружением покинуть Москву. Но казаки с татарами лихо порезвились, пограбили жестоко южные российские области и с добычей вернулись к себе.

Неприятна эта история с Конотопским сражением и попыткой вернуть Украину, и понятно желание российской стороны забыть её напрочь. Если загляните в современные учебники или книги, то, скорее всего, ни одного слова не встретите об этой войне, об этом трагическом сражении, там просто временной и событийный пробел «по умолчанию» с 1655 г. по 1667 год. Такой вид приятной и комфортной лжи — незамечание, умолчание, «забыли» — можно было продолжать ради пользы российско-украинских отношений по обоюдному согласию сторон, не

афишировать, не акцентировать внимание. Но река времени обладает своим коварством. Пришли перемены, развалился СССР, и самостийная Украина вместе с новыми друзьями США вспомнили интересные фрагменты «забытой» истории, которыми можно гордиться, которые можно с успехом использовать в политике.

Для российской стороны оказалось, что шило может не только вылезти из мешка лжи, но и больно уколоть. Для многих образованных людей России, которые даже на «пятёрки» учились в школах и вузах, вдруг стало открытием неизвестно откуда взявшееся историческое событие — «Конотопское сражение», которого 350-летний юбилей решил вдруг широко отпраздновать в 2009 году «оранжевый» президент В. Ющенко. В Конотопе оранжевые планируют открыть музей героической обороны против русских, выстроить церковь в память о погибших от рук «москалей» украинцев, научные конференции по этой теме во многих вузах Украины, съемки фильма о Конотопской битве, выпуск тематических монет, марок; назвать улицы, площади и воинские части именем героя И. Выготского; провести народный фестиваль «Казачий Родослав» и много ещё интересного для впечатляющего политического эффекта и формирования «нужного» в первую очередь для США и НАТО «патриотического» националистического сознания украинского народа.

Вот таким удивительным образом события «далёкой старины», «исторические пробелы» вдруг всплывают и отражаются в нашей действительности.

2009 год вообще выдался удачным для «оранжевых» — в этом же году можно отпраздновать «по-своему» и 300 лет Полтавской битвы, когда гетман Мазепа тоже предал и пошёл против «москалей». Ведь не случайно в «перестроечное» время знаменитая Киево-Печерская лавра оказалась на улице имени гетмана Мазепы. После почти идеальной ситуации в национальном вопросе в СССР для многих наших граждан было неожиданно, очень странно и непонятно наблюдать некоторые события и действия некоторых украинцев в «перестроечный» период и после. Многие и сейчас изумлённо «зависли» в этом неприятном непонимании. Надеюсь теперь, прочитав часть этой книги и узнав немного историю взаимоотношений двух народов, лучше узнав украинцев, многим станет понятным поведение многих современных украинских политиков-«гетманов», и почему специалисты по истории в США и НАТО в «украинском вопросе» срочно активизировали соседнюю братскую прозападную Польшу. И это при том, что мы рассматриваем только период истории середины 17 века Восточной Украины, и не трогали огромный следующий период до 1991 г., в том числе и историю Западной Украины...

Украинские националисты могут на меня, конечно, обидеться, но бесспорные исторические и, мягко выражаясь, «некрасивые» события и личности выстраиваются в данность, в закономерность: Б. Хмельницкий, И. Выготский, И. Мазепа (1639–1709), пытавшийся перетянуть Украину к шведам, гетман П. Скоропадский (1873–1945) и С. Бандера (1909–1959) — к Германии, а теперь в начале 21 века В. Ющенко — на сторону США и НАТО. Пресловутое понимание свободы выбора и принцип, подмеченный ещё великим Н. Гоголем «где лучше» приводили к такой печальной картине и многочисленным трагедиям.

Но, несмотря ни на что, украинцы — это наш народ, часть нашего народа, братья, какие есть, и отсюда вытекают все логические последствия, не говоря уже о геополитической важности.

Все говорят: москали, москали.
Звали иначе, душа не боли, —
Рiдными звали нас в рiдной земле —
Вместе ведь пролили кровь.

Все говорят: москали, москали.
Вера, надежда исчезли в пыли.
Надвое сердце мое раскололи —
В каждом осколке любовь.

(И.А. Сергеева)

Всё вышеизложенное в этой главе ничуть не умоляет важнейшую современную задачу России наладить наилучшие отношения с Украиной, и по возможности по обоюдному согласию соединить воедино эти части единого русского народа и когда-то единого государства, и это не столько ради красивых братских отношений, сколько ради собственной безопасности и благополучной жизни.

Стоит завершить историю Запорожской Сечи. После Конотопской битвы неприятности для России не закончились, и они опять были связаны с запорожскими казаками. В Польше не ожидали такого исхода Конотопской битвы и были очень удивлены. Польше, занятой войной со Швецией, некогда было воспользоваться выгодной для неё ситуацией, но в 1660 году в нескольких сражениях поляки окончательно разбили шведов и очистили от них территорию Польши. После чего воодушевлённые освобождением и победами поляки решили вернуть потерянные территории и начали войну с Россией с помощью казаков. Ситуация в Запорожской Сечи в этот период была сложной и запутанной.

Запорожские атаманы в это время перессорились между собой и переизбрали гетмана, сняв с этого поста Выготского. Амбициозный

Выготский надеялся получить высокий пост в Польском государстве, получил, но не такой высокий как надеялся. Разочарованный Выготский обиделся на поляков, а он, кстати, сам был выходец из польской шляхты, и обратился к православному митрополиту Иосифу с покаянием и с горячим желанием перейти на сторону России и исправить свои ошибки «искупительными подвигами», чтобы митрополит был переговорщиком-посредником с российской стороной. Митрополит Иосиф благословил его на ратный искупительный подвиг, но Выготский не успел ничего совершить, ибо поляки скоро об измене Выготского прослышали и спешно его расстреляли.

В начавшейся войне с Польшей Россия терпела поражения. На западном фронте в Белоруссии потерпела ряд поражений российская армия во главе с князем Хованским, поляки вернули себе литовские земли и белорусские земли и двигались на Москву, стремились вернуть себе Смоленск.

В этой ситуации Россия в 1661 году в местечке Кардис срочно заключила мир со Швецией.

На южном фронте дела России были ещё хуже. Там возникла запутанная ситуация с запорожскими казаками. После казни Выготского часть казачества отшатнулась от Польши и выразила опять симпатии России. Эти группировки воевали между собой и казнили друг друга. А хитрый гетман Дорошенко умудрился с помощью российских воевод в Киеве казнить атаманов и казаков — сторонников России.

Одни казаки воевали на стороне русских, другие на стороне поляков. Третьи разбойничали сами по себе или с крымскими татарами. Причём обычно авторы большинства книг и учебников идеализируют запорожских казаков — одни сражались фанатично за православную веру, а другие за католическую, ничего подобного — чаще всего выбор стороны казаками был по принципу — кто больше заплатит. И поляки и русские везли на Днепр мешки с деньгами. И в этом соревновании Алексей Романов стал проигрывать. В результате затяжной войны с Польшей и Швецией в России опустела казна, заканчивались золотые и серебряные деньги, поэтому Алексей Романов решил провести денежную реформу — ввёл в оборот «неуважительные» медные деньги.

Когда российская часть казаков получила медные деньги, то казаки возмутились, насмешливо говорили — московский царь нам скоро пришлёт «паперные грошы» — то есть бумажные. Это, похоже, и стало причиной трагедии русской армии, посланной из Москвы в Малороссию под командованием Шереметьева. Во время сражения русской армии с польской под городком Чудново на Волыни запорожская армия под руководством сына Б. Хмельницкого Юрия и атамана Тетери изменила, предала и перешла на сторону польской армии. Юрий Хмельницкий и Тетеря присягнули польскому королю.

Огромная русская армия потерпела тяжёлое поражение, более того — она полностью попала в плен. Шереметьев был вынужден сдаться, сложить оружие и знамена. Поляки решили поступить благородно и одновременно коварно — оставили себе артиллерию и оружие, а русскую армию отпустили домой, в Россию. Коварство состояло в том, что они знали казаков и были уверены, что они не откажутся от такой добычи и обязательно нападут на возвращающихся безоружных русских. Так оно и вышло. Только самая ленивая казацкая шайка этим не воспользовалась. Огромное количество пленных русских казаки продали в рабство татарам и туркам, а те перепродали их дальше.

Если посчитать все людские и материальные потери российской стороны во всех сражениях, то желание Алексея Романова удержать, вернуть Восточную, Левобережную Украину в состав России обошлось очень дорого. Проследим далее завершение этой истории.

После всех поражений воевать дальше у российского царя желания не было, и было слишком опасно, тем более, что положение России усугубилось вспыхнувшим в 1662 году «Медным бунтом» в самой Москве из-за медных денег, о которых уже говорилось. Бунтари громили в Москве дворцы и хоромы богатой знати, и вот-вот могли захватить Кремль, а узнав, что Алексей Романов в Коломенском, двинулись к нему, жизнь царя повисла на волоске. Царь вёл многообещающие переговоры с восставшими и затягивал время, и не зря — вовремя подоспели верные стрелецкие полки. После чего «Тишайший» дал приказ — всех бунтовщиков «бити и рубити до смерти», в завязавшейся резне-сражении большое количество повстанцев оттеснили к Москве-реке и в ней утопили, по всей России стали ловить восставших, начался тотальный сыск, пытки и т.п.

России в этот период точно было не до войны. При этом следует учесть, что именно в этот период был трагический пик раскола русского народа в результате церковных реформ-чисток Алексея Романова и Никона, и тысячи русских людей убегали в леса и степи. И плюс ко всему именно в этот тяжёлый для России момент по понятным экономическим причинам Алексей Романов стал забирать у богатейшей церкви имения и деньги, а Никон стал этому препятствовать, и по этой причине два идеологических соратника жестоко перессорились друг с другом, и уже никогда не помирились.

В этот период России очень повезло, что на неё войной не пошла Швеция или в ходе продолжающейся войны в наступление не пошла Польша. Польша в ходе многолетней войны с Швецией и Россией была очень ослаблена, потеряла треть населения и огромные ресурсы и также не желала воевать. Возможно, шляхта и магнаты, воодушевленные красивыми победами над шведами и русскими, двинулись бы на Москву

на своём морально-волевом гоноре и боевом духе и большом желании поправить своё сильно поникшее материальное положение, но России повезло — в Польше в 1662 году разразилось сильное восстание под предводительством шляхтича Любомирского, грозившее превратиться в гражданскую войну. Теперь Польше точно было не до войны.

Оба государства: Россия и Польша, находились в одинаково тяжёлом положении и были втянуты запорожскими казаками в войну, которую оба не хотели продолжать до изнеможения. Обоим необходимо было найти какой-то приемлемый выход и с достоинством выйти из войны.

Задача была сложной, но её помогла решить очередная надвигающаяся беда, вернее — опять те же запорожские казаки, и один очень мудрый русский человек. Казакам мирно в своих станицах и хуторах не сиделось, с бедной Польшей и бедной Россией им стало не интересно, и они решили покинуть, «кинуть» обоих. Гетман Дорошенко с казаками в 1663 году приняли очередное судьбоносное решение — уйти под турецкого султана, попросить его подданства.

Из всего того, что мы выше наблюдали, очень сомнительно, что запорожские казаки написали турецкому султану хотя бы одно издевательское письмо, как мы помним по известной картине И.Репина, а вот то, что они писали ему много любовных писем, в которых клялись ему в любви и дружбе, и служить ему верой и правдой — это точно, было много.

Присяга турецкому султану казаков означало вовлечение в войну мощной Османской империи, и если бы очередной раз спровоцированная казаками огромная турецкая армия вместе со своими крымскими татарами двинулась бы на Россию или Польшу, то обеим большой беды было не миновать. После гетмана Дорошенко новый гетман Иван Брюховицкий вместе с православным митрополитом Мифодием также поддержали переход под турецкого султана. Турецкий султан слишком хорошо знал запорожских казаков и им не верил, поэтому казаки, чтобы его убедить, послали ему свою гарантию в знак казачьей верности султану — жизнь сына знаменитого гетмана атамана Юрасика Хмельницкого, которого турки как ценный залог заточили в своей столице под охраной в крепостной башне.

В это время в России нашёлся мудрый боярин по фамилии Ордын-Нащёкин, который предложил Алексею Романову провести переговоры с Польшей по поводу не только прекращения войны и подписания мира, но с целью разобраться окончательно с запорожскими казаками и возможности объединения против потенциальной угрозы со стороны Турции. Поляки тоже проявили мудрость, убрали свой шляхетский гонор и лихость, и обе стороны пришли к дружному выводу — что запорожские казаки «достали» обе стороны и что с ними необходимо

кардинально разбираться совместно обеим сторонам. Переговоры шли с 1664 по 1667 гг., долго утрясали, согласовывали взаимные интересы, Алексей Романов собирался даже компенсировать золотом шляхтичам ущерб от набегов уже «его» казаков. В общем, за четыре года было что обсудить. Но подписание договора резко ускорило вспыхнувшее ранней весной 1667 года восстание казаков на Дону под руководством Степана Разина.

В местечке Андрусово без казаков было подписано двухстороннее мирное соглашение сроком на 13, 5 лет. По этому договору: Запорожская Сечь переходила под совместное русско-польское управление:

«Запорожским Козакам быть в послушании обоих Государей... дозволяя всякому из них свободное своей веры исповедание; также вновь городов не строить и с поселений никуда людей не водить».

По этому договору Польша отказывалась претендовать на Смоленскую и Северскую земли, черкасская территория была поделена по Днепру: слева — русским, справа - полякам; находящейся на правом берегу столицей Малороссии Киевом решили владеть-управлять поочередно по графику — первые два года русским. Гетмана Запорожской Сечи Брюховецкого обе стороны оповестили о решениях Адрусовского договора только через полтора месяца, поставили перед фактом. Казаки тогда, а теперь «оранжевые» и украинские националисты возмущаются, что со стороны России это было нарушением договорных условий Переяславской Рады, измена, «забывая», что все эти договорённости были перечёркнуты ещё 10 лет назад, в 1657 г., изменой гетмана Выготского.

Для России в её положении это был фантастический успех, благодаря талантливой дипломатии Ордына-Нащекина. Тем более, что Киев так и остался у России, ибо Османская империя всё-таки напала на Польшу, в том числе и защищая своих казаков, решив, что Польша пошла на значительные уступки России по причине своей сильной ослабленности. И хотя 50-тысячная польская армия, возглавляемая знаменитым Яном Собеским, под Хотином разгромила 100-тысячную турецкую армию, но Польша понесла большие потери и была совершенно ослаблена, и ей было не до казаков и Киева. А через 20 лет в 1686 году между Россией и Польшей был подписан дружественный «вечный» мир.

Вот такое вполне хорошее завершение этой истории.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Поучительный опыт демократии в Польше

Уверен, никто не будет спорить, что лучше учиться на чужих ошибках.

Для Польши наступил трагический перелом в 1648 году — умер воинственный польский король, победитель в многочисленных сражениях — Владислав. Поляки вынуждены были выбирать нового короля, начались ожесточённые дебаты — одни предлагали по Конституции выбрать нового короля, другие предлагали воспользоваться династической шведской линией, идущей от Сигизмунда Третьего, и пригласить на правление короля из Швеции.

Шведский король Карл X Густав не стала ждать и решил радикально вмешаться в удобный момент в спор за польский престол и с севера двинул на Польшу 40-тысячную армию. В свою очередь всей этой сложной для Польши ситуацией решил воспользоваться российский царь Алексей Романов, и вместе с большой армией и запорожскими казаками пошёл войной на Польшу со второй стороны, и затем, как мы наблюдали, с третьей стороны двинулся на Польшу турецкий султан. И ко всему этому, в-четвёртых, во всей красе начала проявлять себя в Польше демократия. В результате чего, в-пятых, в этой ситуации Польшу решили предать свои же олигархи-магнаты.

С 1505 года, в результате борьбы за власть польских демократов-шляхтичей со своим королём, польский Сейм (Дума) получил исключительные права законодательной власти. Этим была нарушена единость, монолитность власти, её вертикаль и централизованность.

Результатом ослабления монархии в Польше вследствие введения Конституции и выборности короля было появление узкого очень сильного и влиятельного элитного сословия — магнатов, богатых землевладельцев, аналогов современных олигархов, которые с помощью подкупа

формировали в Сейме (Парламенте, Думе) свои партии-фракции и лоббировали выгодные себе постановления или тормозили невыгодные. Подкуп-коррупция царили в польском Сейме, депутаты изгалялись на бизнесе своим голосом, а богатые магнаты-олигархи играли по крупному.

Точно такую же ситуацию мы видели в конце 20-го столетия в России в Государственной Думе при Б. Ельцине, похожая ситуация была в Боярской думе в Смутное время и в Боярской думе перед воцарением Ивана Грозного.

Можно догадаться, что тогда в Польше хватало разумных людей — роднолюбов, патриотов, которые понимали всю опасность ситуации и стремились что-то сделать, что-то изменить, но было уже поздно — в Польше полностью властвовал принцип демократии и корысти-выгоды. А аналога Ивана Грозного или В.В. Путина судьба тогда Польше не подарила.

В сумме с демократическим «беспределом» в Сейме (Думе) это дало очень негативный эффект, ибо демократическая Конституция Польши предусматривала принцип полного единогласия и право «либерум вето», согласно которому любой единоличный депутат, не согласный с каким-либо решением всего Сейма (Думы) мог наложить запрет на введение этого решения в жизнь. Понятно, что это было нарушением всякого здравого смысла, но — демократия превыше всего!

До 1652 года этим правом почему-то никто не догадался воспользоваться на практике, оно существовало только теоретически, но в указанном году один из депутатов не был согласен с решением продлить работу Сейма, вероятно, ему необходимо было срочно ехать по домашним делам, — и этот либерал-демократ объявил «либерум вето» и покинул Сейм, поехал домой, — Сейм был вынужден прекратить работу. Этот претендент открыл «ящик Пандоры», им стали пользоваться не только магнаты-олигархи и мелкие шляхтичи, но и соседние страны через «своих представителей». Благодаря этой высшей точке демократического маразма любая соседняя страна, подкупив одного депутата или для подстраховки — парочку, могла полностью блокировать в польском парламенте невыгодные для себя решения. Не воспользоваться этой возможностью мог только полнейший дурак. И, естественно, все соседи, а тем паче крупнейшие: Пруссия, Австрия, Франция, Швеция и Россия приняли активное участие в работе польского Сейма вплоть до потери суверенитета Польши. В результате, с 1652 года по 1736 было полностью сорвано 26 заседаний Сейма.

В данном случае мы наблюдаем пример — как демократия подрывает государственность, силу и крепость государства, и навлекает опасность на народ.

Но это ещё не вся полнота демократической картины Польши этого периода. Выше мы наблюдали роль еврейского сообщества в экономической жизни Польши. Евреев в Польше трудно было назвать «диаспорой», потому что их количество с 13 века к рассматриваемому периоду достигло нескольких миллионов. И в ракурсе процветающей в Польше демократии, как раз незадолго до рассматриваемого нами трагического периода Польши, в 1580 году евреи получили свободу самоуправления и выстроили свою властную вертикаль со своими органами управления, с круговой порукой, и жили по своим древним религиозным законам и по своими юридическими законам, — поскольку с 1623 г. по 1761 г. в Польше функционировал отдельно и Еврейский Сейм. Еврей, проигравший суд внутри своего сообщества — кагала не мог апеллировать в государственный польский суд — иначе изгонялся, становился изгоем и предавался еврейскими священниками проклятию — «херему». Получилось государство в государстве со своими еврейскими олигархами, которое Польшу укрепляло или не ослабляло — когда интересы еврейского общества и польского общества и государства совпадали...

Трудно даже правильно определить форму польского государства — с одной стороны, — это конституционная монархия, а с другой, с учётом олигархов-магнатов, — это магнатско-шляхетская польско-еврейская парламентская республика.

Магнатов в Польше, кроме Конституции и Сейма, усиливала ещё и военная сила. Дело в том, что польская армия была сборной — кроме королевской армии у каждого польского магната была своя армия, а во время войны к ним присоединялись со своими отрядами шляхтичи. О размере армии магната можно судить, например, по случаю, когда магнат Потоцкий со своей личной армией ходил войной на Турцию. Влияние, власть таких магнатов была относительно стабильной и велика даже в сравнении с временным выборным королём. А в данном случае, после смерти короля Владислава, когда одни поляки выбрали себе нового короля Яна Казимира, то другие — магнаты Радзивиллы и находящиеся под их влиянием воеводы и военачальники не согласились с этим выбором и фактически предали Польшу — присягнули шведскому королю, который, воспользовавшись этим, вошёл с 40-тысячной армией в Польшу, без единого выстрела дошёл до столицы и занял Варшаву, а затем в течение ближайших месяцев оккупировал почти всю Польшу, за исключением того, что успел отхватить с русской армией Алексей Романов. А Алексей Романов со своей армией в 1654 году легко дошёл до реки Неман, до города Гродно. Затем русский царь повёл армию на юг, на Украину, и вместе с казаками Хмельницкого захватил Ровно и ряд более мелких городов.

Польша была полностью оккупирована, потеряла свой суверенитет. После поляки назвали этот трагический период своей истории — «По-

топ», с таким названием, возможно, многие читатели смотрели фильм или читатели историческую трилогию Г. Сенкевича.

Некогда мощнейшее в Европе в течение многих веков польское государство вдруг — в течение нескольких лет, «сдулось», потеряло не только мощь, силу, но и суверенитет и авторитет.

Как показывает данный исторический пример, децентрализованное демократическое общество благополучно может существовать, когда нет внешних и нет внутренних потрясений. Ибо при первых же серьёзных потрясениях почти смертельно ощущаются результаты демократии, любой крупный внутренний сдвиг сбивает равновесие весов — стабильности и крепости государства.

Этот исторический пример очень поучителен для современной России, в которой сегодня либерал-демократы, несмотря на трагический опыт 90-х, упорно продолжают говорить о парламентской республике и выступать против президентского правления. Есть ещё одна аналогия — если бы не приход к власти В.В. Путина, вероятнее всего, российско-еврейские олигархи: Ходорковский, Березовский, Гусинский и им подобные сдали бы Россию под власть США, как некогда польские олигархи сдали Польшу Швеции.

Несколько лет назад суверенитет России, свобода российских народов и их благополучие висели на волоске, и это ясно понимается теперь, оглядываясь в недалекое прошлое.

На вышерассмотренном примере Польши, как на негативном примере в армии, становиться отчётливо понятным не просто преимущество монархии над демократическими формами правления, историческая суть, смысл монархии в обществе, в государстве, но именно сильной монархии и любой другой сильной монопольной власти: единоличной, партийной или масонской. В этом ракурсе понятней становится роль в истории таких личностей, как Иван Грозный в первой половине своего правления, Пётр Первый, Николай Первый, Сталин. Так часто бывает — для одних сильная личность — это Спаситель, а других он — Диктатор. Это не означает, что единственно верное решение — это сильная мудрая личность у власти. К сожалению, в истории такие выдающиеся личности встречаются не часто, а жизнь идёт, она перманентна, к тому же и выдающиеся личности склонны в процессе своей жизни изменяться и в худшую сторону, как это мы наблюдали на примере Ивана Грозного.

Поэтому ни монархия, ни «просвещенная» диктатура не могут быть универсальной и единственно верной формой правления, как и демократия, о которой У. Черчилль сказал, что никто ещё не придумал форму правления лучше демократии — это или неграмотность Черчилля или, скорее всего, его целенаправленная ложь, — пример расцвета демократии в Польше — наглядное и поучительное этому подтверждение. Далее в

этой книге мы ещё рассмотрим трагедии, к которым привела демократия во Франции. Нет ни одной формы правления идеальной и вечной. Та или иная форма правления идеальна в конкретном народе, государстве и в конкретное историческое время. Как правило, введённая, казалось бы оптимальная, форма правления с ходом времени и окружающих перемен старится, опаздывает, становится обузой и начинает тормозить развитие Жизни, мешать дальнейшему продвижению Жизни, — и происходит нестыковка, скрежет и социальные потрясения.

Истина лежит в законе Сварги, Коловрата — в динамике своевременных перемен, своевременных смен форм правления, перечисленных ещё знаменитым язычником Платоном, это то, что не очень удачно пытался объяснить Ницше. Для этого нужна большая мудрость, а личные амбиции и неграмотность-глупость мешают её проявлению, поэтому так редко встречаются удачные, красивые периоды истории.

Тогда, к счастью поляков, в Польше появился аналог нашего князя Пожарского — Стефан Чернецкий, и возглавил народно-освободительную борьбу против шведской оккупации. В 1660 году поляки в последних сражениях окончательно прогнали шведов и после этого одержали несколько побед в войне с Россией. И, несмотря на то, что после этого 50-тысячная польская армия, возглавляемая Яном Собеским под Хотином разгромила 100-тысячную турецкую армию, а затем под Веной поляки вместе с союзниками опять разгромили 80-тысячную турецкую армию, осадившую Вену, Польша уже не могла восстановить своё былое могущество. В результате войны со шведами в Польше было уничтожено треть всех деревень и поместий, количество поляков уменьшилось также на треть, уничтожено большинство скота и сельхозинвентаря, по утверждению еврейского историка С.М. Дубнова в этой войне шведы оказались злобными антисемитами и уничтожили в Польше 500 тысяч евреев.

Польша утратила позицию главной житницы Европы, ибо из-за отсутствия длительное время поставок хлеба из Польши, были нарушены и потеряны многие торговые связи с европейскими государствами, которые стали снабжаться хлебом из других мест. Знаменитая демократия не была изменена в Польше и по-прежнему раздирала Польшу изнутри, сильно её ослабляла. Поэтому Польша с тех пор перестала соперничать с Россией, подписала с ней «вечный мир», хотя Россия ещё трижды нападала на Польшу — в 1772, 1920 и 1939 гг.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕТР ПЕРВЫЙ

Тема Петра Первого для меня и, уверен, для многих исследователей истории была и будет самой тяжелой. Эта тяжесть не в отсутствии материалов для исследования, а в массе неприятных открытий, которые сразу обнаруживаются при погружении в тему. Во-первых, сразу обнаруживается сильный и неприятный контраст с тем, что написано в подавляющем количестве книг и учебников. Нельзя сказать, что там написано много неправильного и лживого, нет — там написано много верного, но написано выборочно — только положительная часть, которую даже полуправдой или полуложью трудно назвать, ибо целенаправленно скрыто больше половины важной информации. Неприятно выбиваться из огромного хора дружно пишущих – какой Петр прекрасный и великий, сразу чувствуешь себя очернителем или предвзятым критиком, а с другой стороны — если пропустить, «не заметить» негативные черты и события, то сразу «теряются» важнейшие негативные тенденции и процессы, начатые Петром, которые затем определили многие дальнейшие трагические события в России вплоть до 1917 г. Поэтому я не буду повторять то, что написано в огромном количестве книг — все заслуги Петра в материальной сфере: строительство Петербурга, Петергофа, флота и т.д., а для освещения более полной и объективной картины буду обращать внимание на «великие заслуги» Петра в морально-нравственной сфере, в обществе.

Во-вторых, тяжесть для исследователя состоит в том, что, когда исследователь погружается в эпоху правления Петра, то начинает чувствовать сильный душевный, моральный дискомфорт, ибо окунается в страшную человеческую грязь: разврат, измены, пытки, миллионы невинных жертв и т.п. — даже намного тяжелее, чем при изучении второго периода правления Ивана Грозного. Поэтому предупреждаю читателей, особенно впечатлительных и слабонервных, об этих неприятностях и приношу извинение, хотя в тот период истории всё это

совершал не я, а я только попытался полнее осветить историческую реальность. И уверен, — многие читатели пройдут путём Льва Толстого, который «правильно» воспитывался и для которого Петр Первый был великим кумиром, о котором великий писатель хотел написать бодрое произведение, но когда взялся за работу и стал предварительно изучать исторические материалы, то резко поник, расстроился, отказался от задумки и написал:

«Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живыми в землю, заточает жену, распутничает, мужеложствует».

Но изучить необходимо, важно. И я не первый отошедший от многовековой традиции «не замечать» массу негативов и неприятностей, «всё пропустить ради...», были до меня любители правды: знаменитый историк Ключевский, ещё более знаменитые Пушкин и Достоевский, а недавно была издана книга известного исследователя истории А. Буровского «Петр Первый. Проклятый император» (2008 г., М., «Эксмо»), которой с удовольствием воспользуюсь. Начнем исследование.

У Алексея Романова от его жены Марии Милославской было 11 детей: 5 сыновей и 6 дочерей, а от второй жены Натальи Нарышкиной было трое: две дочери и один сын — Петр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бурная молодость Петра

После смерти царя Алексея Михайловича в январе 1676 года, очередным царём России стал его сын Фёдор Алексеевич. За короткий период своего правления он успел провести важные эффективные реформы в армии, в управлении и налоговой сфере, попытался урезать властные полномочия Боярской Думы и Патриарха. После смерти царя Фёдора Алексеевича в апреле 1682 года власть должна была перейти к его старшему сыну Ивану, который был болезненным и не в состоянии был править государством. Младшему сыну Алексея Романова Петру (1672–1725 гг.) было ещё 10 лет.

Родственники двух жен Алексея Романова: Милославской и Нарышкиной, превратились в две мощные политические группировки в борьбе за власть, соответственно — и за богатства. Одни боярские фракции во главе с Милославскими, преследуя свои интересы, желали поставить царём Ивана, а другая — во главе с Нарышкиными и Патриархом решила провозгласить царём малолетнего Петра. К первым присоединилась старшая дочь Алексея Михайловича, родная сестра Петра — Софья Алексеевна.

В этой ситуации Нарышкин и Патриарх быстро организовались, организовали «волю» народа и Патриарх в 1682 году публично благословил на царство Петра Первого.

Нарышкины вроде бы переиграли, опередили Милославских, которые не собирались так быстро сдаваться и пошли с «разъяснительной работой» в армию, к стрельцам. Удалось — стрельцы заподозрили подвох с воцарением малолетнего Петра и стали возмущаться, кричать, что не хотят, чтобы ими и Россией управляли Нарышкины.

В эту разгорячённую ситуацию кто-то из местных «политтехнологов» сделал вброс ложной информации, запустили «утку» — Нарыш-

кины убили царевича Ивана. Стрельцы бросились в Кремль проверять достоверность информации. Поскольку стрельцы по дороге смяли охрану Кремля, то это уже выглядело тревожно, агрессивно. На крыльцо вышла царица Наталья Кирилловна Нарышкина с детьми. И стрельцы увидели, что Иван жив, цел и невредим.

Но «накачанные» информацией о врагах Отечества и «не остывшие» стрельцы продолжали кричать о каких-то изменниках и требовали этих изменников выдать. Прибыл их начальник, глава Стрелецкого Приказа Долгоруков и со своим сыном и начал жёстко ругать зарвавшихся стрельцов, и попал «под горячую руку» разъярённых стрельцов, которые вскочили на крыльцо и бросили Долгорукова на копья своих соратников. Затем убили князя Черкасского и боярина Матвеева. Всё это происходило на глазах сильно испуганного Петра, он был так потрясён увиденным, что у него после этого случая начал проявляться нервный тик. Этот случай необходимо хорошо запомнить, как и нежелание стрельцов видеть царём Петра, — чтобы потом понять необыкновенную жестокость Петра Первого к стрельцам.

А в тот день 15 мая стрельцов понесло — они вспомнили всё: задолжности по выплатам, потребовали увеличить жалованье и повысить их статус, — объявить их царскими гвардейцами (надворной пехотой). Они ворвались в Холопий приказ и уничтожили имевшиеся там на них кабалы, потребовали себе в начальники своего авторитетного воеводу Ивана Хованского, и даже вышли в своих требованиях на другой масштаб — провозгласили вольными всех холопов. Два дня стрельцы казнили в Москве неугодных им людей.

Почти все их требования, кроме вольности холопам, были удовлетворены, и 18 мая в Москве стало спокойно. Мятеж закончился, но «потенциал» тревожно висел в воздухе.

Под давлением весомого мнения стрельцов 26 мая 1682 года Боярская Дума и Патриарх объявили первым царём Ивана Алексеевича, а через три дня власть вручили старшей сестре царевне Софье. Таким образом Милославские пришли к власти, а Нарышкины ушли в оппозицию, и обосновались под Москвой в Преображенском.

Через несколько месяцев Софья с боярами решила на всякий случай укротить своевольных стрельцов и казнила их начальника И. Хованского. Возмущённые и разъярённые стрельцы захватили Кремль, но затем успокоились. А в 1687–1689 гг. стрельцы в составе российской армии под предводительством В.В. Голицына успешно воевали в войне против Турции.

А в это время за пределами Кремля в селе Преображенском играл в солдатики, в военные «потешные игры» со своими друзьями подрастающий Петр. Его властная мать Наталья Кирилловна Нарышкина увлечена

была «политической борьбой», и особого внимания сыну не уделяла. Петр фактически рос без присмотра в кругу детей прислуги, хотя мать ему многое разрешала и потакала всем его желаниям.

Петр был увлечён «войнушкой», и с годами масштабы этого увлечения увеличивались: росли его «потешные» Семеновский и Преображенский полки, рос масштаб сражений. В 13 лет Петр вышел за пределы Преображенского и стал «воевать» на прилегающих просторах. В 1685 году на берегу реки Яуза под его руководством был построен военный лагерь под названием «стольный город Прешбург».

В этом случае мы наблюдаем мечту-желание Петра построить и иметь свою личную столицу — будущий Петербург. Увлечение военными играми у будущего царя можно только приветствовать — опыт управления людьми, понимание военного ремесла и т.д. Но в случае Петра мы наблюдаем и странное негативное явление — под руководством Петра «потешные войска» нападают на мирное российское население соседних деревень, бьют крестьян и берут их в плен, вытаптывают своими маневрами урожай на полях. И никто не может найти управу на царевича. По желанию Петра с попустительства его матери Нарышкиной в его лагерь доставили 16 настоящих орудий, из которых он стал палить чугунными бомбами и репами по окрестностям.

Совершенно согласен с А. Буровским, когда он говорит, что Алексей Толстой в своей известной книге вовсе не фантазировал, когда об этих «военных учениях» писал: «Много побили в полях разного скота и перекалечили народу». Сколько при этом погибло людей неизвестно, но что были людские потери — то точно. То есть, следует отметить важный факт: Петр очень цинично и жестоко относился к своему народу, не то что не проявлял душевности, не любил народ. Это можно было бы отнести к молодости и незрелости, но эту нелюбовь и даже кровавое презрение к своему народу мы будем наблюдать до самой смерти императора. И в данном случае мы наблюдаем некие неприятные врожденные темные человеконенавистнические черты характера Петра.

А где же наставник Петра? Члены семьи Романовых не надеялись, что Петру посчастливится стать царём, поэтому воспитанием старших детей занимался знаменитый Симеон Полоцкий, а для воспитания Петра легкомысленно поставили «формально» никому неизвестного Никиту Зотова, чтобы просто обучил грамоте. Чему учил единственный наставник Петра Никита Зотов? Почему Никита Зотов не рассказывал о народных традициях и не читал славных народных сказок Петру, не прививал ему любовь к своему народу? А был ли это народ Никиты Моисеевича Зотова?

Изучая окружающий мир, Петр в 1686 году со своей циничной ватагой заехал в любопытное место — в основанную Б. Годуновым немецкую

слободу Кокуй. Кокуй был не похож на обычный российский мир — там люди жили по другому, одевались иначе, разговаривали на иностранных языках – понятно, что молодому Петру там было весьма любопытно и интересно, и он туда зачастил.

Кокуй и в самом деле был любопытным местом, — в нем собрались не только купцы из различных стран, но и посланцы различных европейских монархов, стран, которые совмещали не только посольские функции, но и шпионские, впрочем, как и сейчас. Таковым в Кокуе был посланник из Шотландии Патрик Гордон, барон Келлер из Пруссии, Тиммерман из Голландии, Яков Брюс, Вульф и много других. В Кокуе нашли пристанище и убежище и разного рода авантюристы из Европы, убежавшие подальше от закона «на край мира», каковым тогда в Европе считали Россию, – одним из таких «бывалых людей» был Франц Лефорт.

О Лефорте А. Буровский пишет как о фигуре зловещей и загадочной: «Происхождение Лефорта покрыто мраком. Называли его и французом, и голландцем, и крещенным евреем, но никто не смог бы показать дом, где родился Франц Лефорт, и назвать имя его родителей».

Бесспорно, появление любопытного 14-летнего российского царевича в Кокуе для вышеперечисленных иностранцев, скучающих за бутылкой водки или вина в обществе кокуйских проституток, было большим подарком. Франц Лефорт пригласил Петра с друзьями к себе в дом, созвал своих кокуйских друзей, и пожилые иностранные дядьки взялись за воспитание возможного российского царя и воспитывали его как минимум до смерти Лефорта — до 1699 года, то есть — 13 лет. Это, кстати, по поводу многих авторов, которые пишут, что Петр окружил себя «талантливыми и даровитыми людьми».

Чему научили Петра «кокуйские учителя» за 13 лет? Во-первых, его обучили иностранным языкам. Да так «хорошо», что он в письме и разговоре, в одном предложении одновременно употреблял французские, немецкие, голландские и английские слова. В биографии Петра есть интересный случай: в 1694 году, будучи в Архангельске, Петр побывал на Соловках и на территории Пертоминского монастыря и установил крест, на котором сделал надпись:

«Сей крест сделал шкипер Петр в лето Христово 1694 г.». Это очень знаменательная надпись – ибо в это время в России шёл 7502 год, а Петр жил, в отличие от всей России, по европейскому календарю.

И более того — вышеуказанную надпись в православном монастыре он нацарапал на голландском языке, то есть — в свои 22 года он на русском языке не умел ещё писать, или специально «прикололся» в монастыре. В любом случае, учитывая календарь и язык, мы видим, что Петр думал «по иностранному», на «иностранный манер». Крест с надписью можно увидеть сейчас в музее Архангельска.

Знание языков и некоторые поверхностные знания бывалых иностранцев о других странах и о мире – это всё, что можно отнести к положительному обучению. Зато к отрицательному можно отнести намного больше. В Кокуе, в котором были лютеранская и католическая церкви, перечисленных особ называли еретиками, и не потому, что они были атеистами, но у них была своя вера — масонская. Шотландия в те времена была основательницей мирового масонства, кузницей пропагандистских кадров, и шотландцы Гордон, Брюс и «космополит» Лефорт были масонами, как и многие другие «образованные» иностранцы в Кукуе.

Масоны проповедали «свободу, братство и равенство». Под лозунгом свободы они научили Петра курить табак, в то время в России это было таким же страшным негативным проступком, грехом — как в СССР наркотики. Кроме курения «заморской травы» они приучили его пить в больших количествах спиртное, и Петр пил браво и вызывающе на равных с прожженными авантюристами, и на равных с Петром пили все его друзья с детства — Меншиков, Ромодановский и прочие. По свидетельству современника тех событий П. Куракина в доме немца Лефорта «пьянство так великое, что невозможно описать». Все свободно матерились самой отъявленной бранью и на равных пользовались местными проститутками, было «круто». Первый опыт во многом, формирование привычек, дальнейших манер и характера. Многочисленные дебоши и пьянки в Кокуе стали для Петра обычным любимым времяпровождением. А. Буровский раздумывал: «Если действительно масонские организации подсунули Петру сначала Лефорта, чтобы тот споил и развратил царя, а потом руками Якова Брюса дали ему идею других масонов» — идею приказного «механического», «регулярного» государства.

Чему ещё мог научить 48-летний Гордон (род. в 1635), пожилой Лефорт и его «мудрецы» молодого юнца-максималиста? Многие исследователи с большим удивлением и непониманием не могут объяснить, почему Петр «вдруг» стал относиться негативно и даже издевательски к церкви и священникам. Ведь в России время было такое религиозное, все его предшественники были глубоко верующими, его батюшка был глубоко верующим, все его российские современники были верующими. И «забывают» или не обращают внимания, что для масонов нормальной и основной деятельностью является борьба с идеологическим конкурентом — христианской церковью за власть над умами, за «массы», это для масонов давняя информационная, мировоззренческая война против библейского мировоззрения.

И только это объяснение, бесспорно, даёт понять многие последующие «странные» для России, «непонятные» действия Петра.

Петр быстро обучался, он был талантливым учеником, теперь он — свободный от всяких предрассудков, от всяких морально-нравственных

и религиозных догм — создал свой издевательский религиозный собор — «Сумасброднейший, Всепьянейший и Всешутейный Собор», один из пунктов устава этого сатанинского собора гласил: «быть пьяным во все дни и не ложиться трезвым спать никогда». Теперь его боги — это постоянная пьянка и постоянный разврат. Если обратиться к закону «Сварги», «Большого Креста» глянуть на «мировые координаты», то Петр полностью игнорировал нравственно-духовную вертикаль и бросился во все крайности «горизонтали», во все «тяжкие» крайности. Эта однобокость, чёрная односторонность — и есть сатанизм.

В этом потешном Соборе Петр назначил своих кардиналов, епископов, архимандритов и т.д. — и все они имели у Петра пошлейшие клички, все откалывали пошлейшие шутки, которые по утверждению знаменитого историка В.О. Ключевского, «никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати». Например, наставник Никита Моисеевич даже не пытался образумить своего ученика, наоборот активно ему помогал во всём этом кощунстве над христианской церковью и носил «достойнейший» титул: «архиепископ Прешпурский, всея Яузы и всего Кокуя патриарх».

Это было со стороны Петра святотатством и кощунством. У «собора» Петра были свои Боги пьянства и разврата — Бахус и «Ивашка Хмельницкий». Интересно заметить, что православная церковь его не осудила ни тогда, ни после, ни сейчас, никто анафеме не предавал. А Петр чувствовал трусость и безнаказанность, «развивался» дальше — «паскудства, творимые Петром и его сподвижниками, вполне подобны всему, что выделывали члены «Союза воинствующих безбожников» в 1920-е годы. И с черепами на палках бегали, и матом орали в церкви, и блевали на алтарь, и... – писал А. Буровский. — В общем, собор был откровенной и до крайности похабной пародией на Церковь и на её обряды». Это было противоположная — сатанинская церковь, — «учитель» и «наставник» Никита Моисеевич «пьяный, естественно, в дупель, восседал на этой бочке, с «крестом», сделанным из двух табачных трубок, в одежде монаха, но с прорезью на заднем месте». Для чего прорезь? Это А. Толстой объяснял: «князю... забили в задний проход свечу и пели вокруг неё ирмосы» (ирмосы – религиозные песнопения). Туда забивали не только свечи...

«О педерастии Петра говорили совершенно открыто ещё при его жизни. Ученые же мужи, если и ведут споры, то исключительно о том, кто приохотил к педерастии Петра — Франц Лефорт или Александр Меншиков? Но, во всяком случае, при дворе мало кто не знал, что Петр «живет с Меншиковым бляжьим образом», — фиксировал в своей книге А. Буровский.

Слухи о непристойнейшем, бесовском поведении Петра расширялись всё больше и шокировали всё большее количество людей, и это стало

волновать родню Романовых, было стыдно и неудобно, всё труднее было сослаться на «трудный буйный возраст». Надеялись — «перерастёт», не перерастал, а всё более бесился, сатанел. Спохватилась мать — Наталья Нарышкина, и решили Петру помочь — женить Петра, в надежде, что после этого он станет ответственнее, повзрослеет, будет нормально тратить свою неуемную энергию, как все нормальные люди. И чтобы убедить своенравного Петра поступили хитро-оригинально — в 1688 г. организовали конкурс красоты на вакантное место жены царевича, заинтриговали Петра очередной потехой, и собрали большое количество российских красавиц. Петр сам принимал активное участие в выборе невесты. И по согласию всех сторон выбрали Евдокию Фёдоровну Лопухину, не только самую красивую девушку, но ещё и умную. Женитьба состоялась в январе 1689 г.

Спокойная семейная жизнь не нравилась Петру, скучно, через несколько недель Петр созвал друзей, и все едут в Кокуй, бесо-образие опять началось. Петр стал не ночевать дома. Естественно, Лопухина стала возмущаться, начались ссоры с неуравновешенным и психически ненормальным Петром.

В 2007 году вышла книга И.Н. Шорниковой и В.П. Шорникова «Петр Первый – Отец Отечества», в которой авторы восторженно относятся к Петру, и пытаясь его любым способом оправдать, пишут о Евдокии Лопухиной: «не желала менять привычного уклада старозаветной жизни, ссорилась из-за постоянных отлучек из дома». На фотографии в вышеназванной книге пожилые супруги Шорниковы выглядят как интеллигентные порядочные люди, но умудрились осудить Евдокию Лопухину за то, что она была нормальной супругой, непорочной порядочной женщиной, соблюдавшей традиции семейной чистоты и семейной крепости своих предков и не желала участвовать в кокуйских попойках и развратах Петра, не была его «единомышленницей», развратницей. Современные учебники умудряются вообще ничего не говорить о законной жене Петра, о свадьбе, а про личную жизнь Петра начинают говорить с его «романтического» увлечения «Монсихой».

Верующий христианский народ также милосердно, с пониманием списывал бесовщину Петра на молодость и был уверен, что после свадьбы женатый Петр остепениться. Но все ошиблись.

Образ жизни Петра вызывал оправданную резкую критику многих бояр, церковников и стрелецких начальников. Современные учебники пишут, что Петр подвергся критике за неудачные военные походы, за «вечный мир» с Польшей, но это — абсурд, вернее — ложь, Петр ничем из названного не занимался, он занимался в это время совсем иным... А всеми государственными делами в этот период занималась Софья и Василий Голицын.

В атмосфере критики и страха Петр немного утихомирился и вёл себя выжидательно. «Масла в огонь» добавило одно событие — А. Буровский в своём исследовании утверждает, что в августе 1689 г. в Кремле были пойманы трое неизвестных подозрительных мужчин со спрятанными ножами. Под пыткой все трое показали, что их подослала Наталья Кирилловна с заданием убить Софью и Василия Голицына. Было похоже на правду. Властная Наталья Нарышкина исчерпала все виды «оппозиционной борьбы» и, похоже, прибегла к крайности. В Москве 7 августа 1689 года прошло собрание стрельцов, якобы роптавших против Нарышкиных и возмущавшихся Петром.

Софья и Голицын не стали принимать репрессивных мер. Но кто-то запустил слух, дезинформацию или зло пошутил, что Софья направила в Преображенское стрельцов для ареста Петра, и испуганный Петр ночью в нижнем белье, бросив в случае опасности молодую жену, мать и родственников, на неосёдланном коне бросился утекать без портков в соседний лес, где и спрятался. Стрельцы в Преображенское не приезжали, тревога оказалась шутейной, но «вони» и смеху было много, народ недоумевал, пожимая плечами. «Вольно же ему взбеситься бегать», — понимающе комментировал Шакловитый, к «необыкновенности» Петра уже привыкли.

Меншиков нашёл в лесу Петра, чтобы передать ему портки и рассказать, что всё нормально, тихо, но Петр домой в Преображенское не вернулся, а «партизанскими тропами» добрался в Троице-Сергиевский монастырь и «попросил убежища». Между монастырём и Кремлём начались длительные переговоры, в период которых Наталья Нарышкина по прозвищу «Медведиха» и весь «обиженный» клан Нарышкиных развернули ярую агитационную деятельность против Софьи. В результате позиция Софьи и Голицына зашаталась, придворные, бояре и стрельцы должны были сделать окончательный выбор: «поставить крест» на ненормальном Петре или поддержать Софию и согласиться, что она будет править не временно, а постоянно, что впервые Россией будет править женщина, царица. Второй вариант был труднее — непривычнее. После ложного испуга Пётр вроде «отрезвел», образумился, повзрослел.

И в этой ситуации всё решил глава православной церкви, Патриарх, как мы видели ранее давно симпатизирующий Нарышкиным, он прибыл из Кремля на переговоры и остался в лагере изобретателя кощунственного «Всешутейного собора». Это был переломный момент. После нескольких недель колебаний чаша весов стала склоняться на сторону Нарышкиных. В глубоко религиозном обществе выбор Патриарха имеет решающее значение. В Троице-Сергиев монастырь, теперь уже и на защиту Патриарха, потянулись люди разных сословий.

Наталья и Пётр, обнаружив перевес, решили воспользоваться ситуацией, взять инициативу – и в конце августа Петр приказал всем военачальникам и руководителям Приказов прибыть к монастырю. Все прибыли, — ситуация стала ясна. Для её закрепления Петр после пыток казнил главу Стрелецкого приказа Шакловитого и его приближенных, и поставили во главе стрельцов своих людей. Всё, — Софья и Голицын остались без силы, беззащитными. Софью сослали в Новодевичий монастырь, а канцлера В.В. Голицына арестовали и отправили в ссылку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Перестроечное» правление нового царя

В России началось фактически единоличное правление Петра Первого, хотя Иван ещё был жив.

И Петр с друзьями после долгих тревог и трудов решил расслабиться и поехал с друзьями в любимый Кокуй к любимому швейцарцу Лефорту, шотландцу Гордону и им подобным — пить, курить, кутевать неделями. Кокуйскому братству здорово повезло — победила сторона их воспитанника, который их не забыл и не оставил, а приехал к ним уже в статусе законного царя и с огромными государственными деньгами. Удача кокуйским пропойцам и авантюристам улыбнулась, не прогадали, фарт.

А страной стала уверенно править вместо Петра мать — Наталья Нарышкина, всё-таки добилась своего «Медведиха», которая до самой своей смерти и близко не допускала Петра «к рулю», к управлению, сама шесть лет наслаждалась властью.

Все начатые Софьей государственные реформы в грубой форме были осмеяны и прекращены. А не по годам мудрая Софья начинала важные для государства реформы: в области просвещения — была открыта Славяно-латинская академия, в которую позже издалека притопал Михаил Ломоносов; готовился проект университета, Голицын собрал большую библиотеку научных книг. Голицын и Софья владели многими иностранными языками; в области судопроизводства были задуманы кардинальные изменения, чтобы ускорить судебные процессы и уменьшить мздоимство; в области земледелия производились реформы с целью их большего закрепления за служилыми людьми, чтобы больше войска перевести на регулярную основу; в крепостном вопросе — был введён запрет возвращать в крепостную неволю крестьян, убежавших в города, а Голицын готовил проект освобождения крестьян от крепостничества и

перевода их с барщины на оброк. Все эти важные для страны реформы были остановлены.

Именно в этот период Петр фактически оставил свою русскую жену и царевича Алексея и стал жить «гражданским браком» с дочерью немецкого виноторговца Монса.

Традиционный православный образ царя на Руси явно не подходил разгульному, выросшему среди иностранцев Петру. Более того, всё родное, отечественное у прозападного максималиста Петра не вызывало тёплых чувств, даже наоборот, как отмечает историк Валишевский – в Митаве молодой Петр поразил своих многочисленных иностранных гостей «насмешками над нравами, предрассудками, варварскими законами своей родины». Нам это знакомо, мы часто и сегодня видим немало современных молодых людей, преклоняющихся перед Западом, эдакие антигерои Фёдора Достоевского «бесы»-Карамазовы, для которых «ничего нет приятнее ему, как объявить банкротство России во всех отношениях перед великими умами Европы».

В данном случае можно сказать, что в каком-то смысле России «повезло» — ведь это был не просто «голый» критик Отечества, а царь, желающий перестроить Россию по западному образцу.

Петр открыто презирал все народные обычаи и традиции. Он сбросил парчовые царские одежды, нарядился в иноземные камзолы и вызывающе пыхтел трубкой, пуская дым через ноздри яко бесовское чудовище, от которого шарахались добропорядочные верующие. Поведение царя было вызовом народу и его традициям. Для полного иностранного комплекта и шика не хватало иностранной подружки, и она вскоре появилась.

В начале 1690 года, когда царица Евдокия была на последнем месяце беременности, Петр на очередном кутеже в Кокуе приметил новую подружку Лефорта Анну Монс, дочь кокуйского виноторговца, попросил познакомить, а затем и одолжил — понравилась, и «Монсиха» стала его любовницей, а для всех окружающих страшной тайной, за разглашение которой грозила смертная казнь.

Рождение 19 февраля 1690 года первенца — сына Алексея ситуацию не изменило. «Царь-кутилка», так стали называть в народе Петра, построил в Кокуе своей Анхен каменные хоромы за государственные деньги и выделил ей по тем временам огромные деньги на содержание — 708 рублей. Народ стал её называть «Кокуйская царица». Таким образом, в России оказалось две царицы: одна законная и нелюбимая, а другая любимая кокуйская, которая оказывала большое влияние на царя, поэтому к ней «в обстановке секретности» потянулись различные просители, ходоки.

При этом надо понимать ситуацию в обществе в то время, чтобы понять — какой для народа был шок: царь-батюшка при живой жене связался с иностранной девкой из Кокуя. Это уже была своеобразная реформа сознания, ломка «устаревших» стереотипов, очередная «шоковая» терапия Петра.

Ещё четыре года подряд кутил молодой российский царь. Евдокия родила ему ещё двоих сыновей, Александра и Павла, а он одаривал «Монсиху» дорогими подарками, опять много раз собирал «Всепьянейший и Всешутейный собор» и продолжал ходить в 20-летнем возрасте в шутейные детские походы со своими шутейными войсками. В это время Россией правила его мать.

В 1693 году Петр с компанией решили развеять скуку и «проветриться». И из душного угарного Кокуя по совету иностранцев отправился с друзьями в путешествие к иностранцам в Архангельск. В Архангельске впечатлился кипучей жизнью иностранных торговых контор и особенно красивыми иностранными кораблями, заказал строительство корабля у голландцев и в местной верфи приказал построить два корабля. Это были его первые реальные государственные дела. Во время этого путешествия посетил Соловки, проводя время, как и прежде, в постоянных кутежах.

В январе 1694 г. умерла его мать-правительница Наталья Кирилловна Нарышкина. Теперь необходимо было взять руль управления государством Петру. С чего начал Петр свою государственную деятельность? Теперь Петр мог сполна насладиться властью, использовать государственный ресурс для своих потешных игр, для увеличения их масштабности. Оказалось, что в возрасте 22 лет Петру хотелось играть в детские игры, только в гипертрофированном масштабе — и в 1694 г. он организовал «потешный» Кожуховский поход, в котором одни играли русских, а другие его подданные – противников, поляков, причём в роты поляков загнали 7,5 тысяч дьяков и подъячих, оторвав их от непосредственных государственных дел. В результате этой самой масштабной потехи Петра было реально «убито с 24 персоны пыжами и иные случаи, и ранено 50».

Желание играть и потешаться у Петра не пропадало, и он решил организовать ещё более масштабный военный полупотешный поход против реального врага. Глянул по сторонам – с Польшей подписан недавно вечный мир, Швеция очень сильна, не по зубам; осталось южное направление – а там крымские татары и турки. Кукуйская компания решила идти не к Черному морю, что было геополитически важно, а чтобы не слишком раздражать Османскую империю – к Азову, против татар.

В 1695 году 23-летний Петр писал Апраксину: «Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть идём».

Выход из детства 24-летнего Петра

В поход против Крымского ханства Петр двинулся весной 1695 г. с 50-тысячной армией в надежде на поддержку казаков под псевдонимом «Петр Алексеев». Петр сменил руководство русской армии и назначил генералами своих любимых иностранных друзей-пьяниц: Лефорта, Гордона, Никиту Хотову досталась должность генерал-президента — начальника походной канцелярии, был у него и свой генералиссимус — Шейн, другим кокуйским балбесам-развратникам достались меньшие должности.

Весь поход и тысячи жизней спасло то, что Петр оставил во главе одной из армий серьёзного Б.П. Шереметьева, который шел со своей армии отдельно от Петра вдоль Днепра и успешно брал крымские крепости. Петр же со своей армией безо всяких препятствий, благодаря отвлекающим маневрам казаков, дошел до Азова. Вот тут и проявилась во всей «красе» вопиющая бездарность Петра и его шутейных генералов. Несколько месяцев русская армия безуспешно штурмовала Азов, неся огромные потери. Затем Петр решил: чтобы уморить защитников крепости голодом, необходимо организовать блокаду с моря. И со всех соседних областей стали сгонять в разгар сельхозработ в кандалах крестьян для постройки флота. Попутно оказалось, что нет специальных навыков строить большие корабли, поэтому стали строить плоты и лодки.

«Вековые дубовые леса в Воронежской губернии были вырублены во имя постройки каких-то двух десятков кораблей. Миллионы брёвен валялись ещё десятки лет спустя, свидетельствуя о хищнической бессистемной вырубке лесов. Целая лесная область была превращена в степь, и в результате верховья Дона перестали быть судоходными. 35 же построенных кораблей сгнило в водах Дона», — отметил в своём исследовании наш соотечественник из Аргентины Б. Башилов (Поморцев).

В результате военный поход, задуманный на несколько месяцев, затянулся на полтора года. Вот тут-то жизнь заставила Петра впервые в жизни стать серьёзным. Петр не хотел опозориться и развивал бурную деятельность. Крепость не покорялась, сколько тысяч было загублено в этой войне солдат и крестьян — одному Богу известно. Когда построили на Дону 100 плотов, 300 лодок и 1300 стругов – в конце весны 1696 года поплыли этой ярмарочной кавалькадой блокировать Азов.

Турки, видя большое упорство российского царя, решили договариваться и сдали Азов «на договор, а не военным промыслом». Для закрепления успеха Пётр застолбил захваченное побережье закладкой крепости Таганрог. Много пошло на строительство Таганрога денег, леса и людских жизней. Забегая немного вперед, следует сказать, что захват Азова и строительство Таганрога оказались бесполезной тратой жизней

и всех ресурсов, ибо в следующем неудачном походе против турок Петр потерпел поражение, с большим трудом избежал плена и вынужден был всё отдать туркам.

Но тогда — в 1696 году, Пётр решил, что в борьбе за моря с Турцией он справится, и что задача выхода на Балтийское море была намного тяжелее, ибо в этом случае необходимо было столкнуться с мощнейшей и лучшей европейской армией, главным военным хулиганом Европы — Швецией.

Кстати, в 1696 году умер его брат Иван, и на двухместном троне Петр остался один. В походе на Азов Петр столкнулся с суровой реальностью и стал менять своё всепьянейшее шутейное мировоззрение на более реальное, он стал взрослеть.

Благодаря иностранцам Петр неплохо ориентировался в европейских делах и прекрасно понимал, что вопрос выхода на балтийский берег с наскока решить не получиться, необходима длительная программа подготовки, особенно в ущербной части русской армии — флоте. И решая эту главную задачу, а также попутную – приобрести союзников против Турции, царь в 1697 году с большой группой соратников в количестве 250 человек, названной Великим посольством, поехал в «служебную командировку» в Европу. Союзников в Европе, кроме Польши, Пётр не приобрёл, но пользы на голландских и английских верфях получил много. Хотя ему следовало бы учиться управлению государством, экономикой, военным премудростям, а для того чтобы научиться правильно строгать и строить корабли, мог командировать на учёбу плотников и строительных мастеров.

В Западной Европе стало намного веселее — все наблюдали за российским царём-плотником, матросом и т.д. «Может Пётр не понимал, какое впечатление на всех окружающих производят его романы то с английской актрисой, то с матросской девкой из Саардама....», — отмечал А. Буровский.

Петр фанатично преклонялся перед Западом, но так хорошим манерам там и не научился – до, во время пребывания и после Петр одинаково невежественно вёл себя за столом, употребляя много алкоголя и лапая девок.

«Современников, потом историков поражала прожорливость царя... Для него не существовало приличий, правил поведения за столом — он в любом обществе чавкал, набивал рот едой (оттуда падало), рвал пищу руками, не обращая никакого внимания на то, как реагируют сотрапезники. Но точно так же для Петра не было правил поведения и в ещё более деликатной сфере жизни...», — отмечал А. Буровский.

С этим восточным варваром пытались о чём-то договориться европейские монархи, о чём-то тайно шептались, кроме плотницкого дела по-

знакомили его с масонскими премудростями, а с другой стороны ходили слухи, что Петр собирался перейти в католичество, и уже было собрался ехать к Римскому папе, но события в России вынудили возвращаться домой. Когда Петр ехал через Польшу его сопровождал папский нунций иезуит Залевский. Только в Польше Петр добился дипломатического успеха. Польский король Август Второй был одновременно и королём Саксонии и согласился заключить союз с Россией против давнего врага Польши — Швеции.

Времена ужаса

Пётр вынужден был срочно возвращаться в Россию, ибо взбунтовались четыре стрелецких полка. После Азовского похода стрельцов не вернули в Москву к своим семьям, а расквартировали в различных южных городах, исходя из «гениального» замысла Петра: чтобы не тратить финансы на армию, он разбросал войска по стране, чтобы они сами себя кормили за счёт местных жителей.

Стрельцы потребовали выплатить им денежные долги и вернуть их к семьям, которые были в Москве и под Москвой. Борис Башилов утверждает, что были и накопленные идеологические претензии:

«Начиная с 1695 года последний Патриарх Адриан уже прекратил обращения, послания, окружные грамоты к народу... Отмена шествия в Неделю Ваий, крестных ходов на Богоявлении, в Цветную неделю было воспринято стрельцами как превышение Петром прав царя и послужило основной причиной восстания стрельцов в 1698 году».

Когда после смерти матери Петр стал править Россией, то по совету своих кокуйских собутыльников-масонов он первым делом придавил церковь и начал запрещать церковные обряды, но я считаю, что основной причиной недовольства голодной регулярной армии были причины экономические и негуманный необоснованный отрыв стрельцов от семей, которые пошли на войну в 1695 году и уже четвёртый год не виделись с родными.

Уезжая в Европу, Петр оставил Россию под присмотром своих кокуйских дружков и верного друга детства Ф. Ромодановского, которому современник тех событий князь Б.И. Куракин дал такую характеристику: «собою видом как монстра, нравом злой и тиран, превеликой нежелатель добра никому, пьян по вся дни...», — то есть «духовный брат» Петра.

Ещё до возвращения Петра со стрельцами разобрались, провели следствие, монстра Ромодановский отрубил 56 голов, остальных стрельцов сослали по тюрьмам и обратно к месту службы, и стрельцов продолжали морить голодом. Находящийся в Европе Пётр, наблюдая

за различными странами, сравнивая, задумал провести в России радикальные реформы, «перестройку». А своевольные стрельцы, постоянные возмутители спокойствия «достали» Петра с детства, и Пётр решил закрыть проблему со стрельцами раз и навсегда, причём в редкой по своей жестокости форме.

Прибыв в Москву, Петр не поехал домой к законной супруге-царице, а сразу направился к «Монсихе» в Кокуй и, насладившись её обществом, отправился в Преображенское, куда Петр, приближаясь к Москве, приказал привезти уже ссыльных стрельцов для образцово-показательного ужаса, хотя они уже были наказаны.

«...30 сентября (1698 г.) совершилась первая казнь в селе Преображенском: Петр Великий собственноручно отрубил головы пятерым стрельцам, — отметил Костомаров. — 30 сентября было повешено у Покровских ворот 196 человек, 11 октября — было казнено 144 человека, 12 октября — 205, 13 октября — 141». Таким образом Петр Первый совместил две функции — царя и палача. Петр стал палачом и получал от этого нескрываемое удовольствие.

Стрельцам не сразу отрубали головы, предварительно их страшно пытали. Пётр лично разработал инструкцию пыток «Обряд, как обвиняемый пытается». Сейчас некоторые люди увлекаются «ужастиками» — смешно по сравнению с тем, что творил Петр, когда накладывал своей рукой резолюцию: Смертию не казнить. Передать докторам для опытов». Петр сам любил быть в роли «учёного доктора» и экспериментировать в пытках людей. Известен случай, когда приехавшие из Шотландии друзья Гордона и Брюса искали Петра и компанию и забрели в пустые пыточные избы, залитые кровью, но услышав душераздирающие крики в отдалённой избе, зашли туда и застали самого Петра за изощрёнными пытками. Недовольный пришедшими иностранцами Петр глянул на шокированных шотландцев свирепым взглядом, и те бросились бежать. Им повезло, что рядом с Петром было мало помощников, ибо один офицер их догнал и настоятельно потребовал вернуться, зайти в дом к Ромодановскому, но шотландцы, предчувствуя беду, отказались выполнить приказ и ускакали подальше.

«Когда в пытошные избы пришел Патриарх, просить пощады для стрельцов, Петр буквально выбросил его вон. Несколько священников казнили только за то, что они молились за несчастных», — отметил А. Буровский.

Воспользовавшись «страшным временем» Петр под шумок кровавой вакханалии расправился наконец-то с нелюбимой женой, родившей ему троих сыновей, — постриг в монахини, насильственно разлучил с сыном и заточил 26-летнею царицу Евдокию Федоровну под именем «монахиня Елена» в далёкий Суздальский Покровский монастырь, за-

претив ей видеться с сыном Алексеем, а чтобы ей в монастыре не было скучно — постриг и её сестру Марфу.

Петр решил из казней сделать потеху и одновременно измазать кровью убиенных своих приближённых, сделать их солидарными палачами. «Каждый боярин, — писал знаменитый историк С.М. Соловьёв, — должен был отсечь голову одного стрельца: 27 октября для этой цели привезли сразу 330 стрельцов, которые и были казнены неумелыми руками бояр. Петр смотрел на зрелище, сидя в кресле, и сердился, что некоторые бояре принимались за дело трепетными руками...

17 октября приближенные царя рубили головы стрельцам: князь Ромодановский отсек четыре головы; Голицын, по неумению рубить, увеличил муки доставшегося ему несчастного; любимец Петра, Алексашка (Меншиков), хвалился, что обезглавил 20 человек». «Неумелый» Долгорукий с трясущимися руками рубанул стрельца по спине, тот начал в страшных муках корчиться, но тут на помощь подоспел весёлый Меншиков и ловко отрубил несчастному голову.

Всего казнили несколько полков стрельцов — более 2 тысяч. Священникам из восставших стрелецких полков головы не отрубали, — их вешали кощунственным образом на специальной виселице в виде креста, и вешал их палач, одетый в одежды священника.

При этом я жалею читателей, избегая описания ужасных пыток, в том числе и прогрессивных европейских — колесованием, в которых принимал участие Петр. А про «обычные» писал Костомаров:

«По свидетельству современников, в Преображенском селе ежедневно курилось до 30 костров для поджарки стрельцов. Сам царь с видимым удовольствием присутствовал при этих истязаниях». «В Преображенском приказе начались ужасающие пытки стрельцов, — писал в своём исследовании С. Платонов. — Перед окнами кельи насильно постриженной Софьи по приказу Петра было повешено несколько стрельцов». На самом деле напротив окна кельи Софьи Пётр демонстративно повесил 200 стрельцов. А трупы последних пятерых несчастных болтались перед окнами Софьи почти пять месяцев. Пётр получил от народа адекватное прозвище — «царь-мироед», «царь-антихрист».

Можно добавить, что Петр Первый был царём-деспотом, кровавым тираном, кровавым монстром, земным Сатаной. Сверхжестокость Петра к стрельцам можно было объяснить и детскими впечатлениями по Фрейду и Юнгу, засевшим дважды страхом, определённой виновностью самих стрельцов и врожденными тёмными нечеловеческими наклонностями Петра. Его душу невозможно назвать человеческой, его мерзкая циничная дьявольская сущность получала наслаждение от чужой страшной боли, от страшных мук. Часто говорят о неком далеком Аде, и даже им пугают, но выше мы видели, что бесспорно — Ад реально существует

на планете Земля, Ад организовывают конкретные люди, и придумать что-то ещё более ужасное и больное чем придумывал «великий» Петр Первый весьма затруднительно. Румынскому князю Владу Дракуле, даже здорово приукрашенному буйной фантазией английского «голубого» писателя Брэма Стокера, далеко до «подвигов» Петра Первого.

Более 15 лет — до 1713–1714 гг. у Спасских ворот Кремля болтались на виселицах высохшие трупы стрельцов, пугая людей, заставляя их гнетом страха смириться с ужасным монстром.

Стоит обратить внимание на тот факт, что ещё до кровавой расправы над стрельцами во время войны с Турцией в 1696 году Петр удивил многих своим жестоким отношением к народу, к крестьянам и казакам. Крестьян грубо, насильственно выгоняли из родных деревень и гнали на юг — одних валить воронежские леса для строительства донских струг, а других — в азовские степи для заселения освобождённых от татар земель. По старой традиции многие свободолюбивые крестьяне пытались бежать. Но не тут-то было, специальные военные отряды отлавливали беглецов, избивали, клеймили раскалённым железом, как животных, и возвращали обратно.

Такого отношения к собственному народу мы не встречали ещё в истории России. Народ для Петра был не иначе как – «подлый народ». Да и не поворачивается язык сказать относительно Петра и русского народа: «его народ», «отношение Петра к своему народу» и т.п. Это был для Петра некий чужой рабский народ.

Это надменное, презрительное, унизительное, «не родное» и свирепое отношение к своему народу отразилось не только в сверхжестокости к стрельцам и крестьянам, но и более высоким слоям российского общества. «Предок знаменитого археолога Снегирева – Иван Савин рассказал, что в его присутствии Петр убил слугу палкой за то, что тот слишком медленно снял шляпу...

Когда адмирал Головкин сказал, что ему не нравится уксус, Петр схватил большой пузырек с уксусом и влил его содержимое в рот своему любимцу... В январе 1725 года восьмидесятилетний старик из известной фамилии Матвей Головин должен был, согласно приказу, участвовать в шествии одетым чертом. Так как он был глубоко верующим человеком и отказался, то его по приказанию Петра схватили, раздели догола, надели ему на голову картонный колпак с рожками и в продолжение часа заставили сидеть на льду на Неве. Он схватил горячку и умер...

Петр в моральном отношении стоит несравненно ниже даже Ивана Грозного. Набезобразничал без всякого политического смысла он больше. Погубил людей без всякого смысла тоже больше. Иван Грозный грешил, но потом каялся. Убив в состоянии запальчивости непреднаме-

ренно своего сына, Иван Грозный несколько дней в отчаянии просидел у гроба царевича Ивана.

Петр предательски нарушил данную царевичу Алексею клятву, что он его не тронет. И предательски отдал под суд окружающей его сволочи. Присутствовал при его пытках и преспокойно пел на панихиде по задушенному по его приказу сыну. И тем не менее для историков Иван Грозный «безумный изверг», а Петр Первый — «беспорочный гений»?!» — возмущался Б. Башилов.

Странно избирательно Петр Первый копировал западноевропейцев — всё, что тогда было в Европе самое новое и ценное: парламентаризм, расцвет предпринимательства, гражданские свободы и т.п. – Петр не перенял, не перенёс. А древние русские купеческие роды и купеческие дома запросто уничтожил, заменил их торговыми «фирмами» — «кумпанствами», которые так и не прижились на русской земле.

Огромное количество книг и учебников превозносят славу Петру Первому за его материальные достижения, и в редчайших случаях скромно отмечают его некоторые минусы...

На фоне всех сатанинских поступков Петра неудивительно его отношение к Церкви. Когда в 1700 году умер последний Патриарх Адриан, то Петр не разрешил избирать нового, и сделал длительную паузу, фактически упразднив пост Патриарха. И во главе русской православной церкви поставил иностранца-поляка Стефана Яворского, назвав его должность — «Блюститель Патриаршего престола», на этой должности Яворский был до 1721 года.

Петр присвоил себе титул «Отец Отечества» — такой титул может носить только духовное лицо. Петр, не поставив Патриарха, таковым себя и считал — и царём и патриархом, а учитывая, что он был монстром, антихристом и сатанистом, то ситуация в России была печальной и трагической.

Организованный Петром «Всешутейный и Всепьянейший собор» был публичным кощунственным святотатством и сатанинским глумлением. Петр «естественным образом» возмутился избыточным количеством, по его мнению, «бородачей», священников и сократил их количество исходя из нормы 1 священник на 150 дворов. Остальных – лишних священников отправили в солдаты или к помещикам в крепостные. А в 1721 году Петр учредил министерство по церковным делам — Святейший Синод, главу которого назначал Петр.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Иностранцы и борьба Петра с русским народом и его традициями

С самого начала своего правления Петр отдавал предпочтения иностранцам, например, в своём первом походе на Азов он своих собутыльников, кутильщиков Лефорта и Гордона, поставил во главе русского войска. А когда возвращался с посольством из Европы, прихватил с собой 800 иностранцев, многие из которых не были ценными специалистами, а просто «природными» управленцами и авантюристами, как например голландский еврей Акоста, игравший шута при Петре, португальский еврей Дивьер или польский еврей Шафиров. Пётр Первый публично утверждал:

«Для меня совершенно безразлично, крещён ли человек или обрезан, чтобы он только знал своё дело и отличался порядочностью». Однако он делал одно исключение: побывав в Голландии, где было много евреев, Пётр стал настороженно к ним относиться, ибо историк Соловьёв утверждал, что Пётр Первый любил все нации, кроме жидов. Что и подтверждает высказывание самого Петра в 1702 году:

«Я хочу... видеть у себя лучше народов Магометанской и языческой веры, нежели Жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю; не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются, и как ближних ко мне ни подкупают».

Однако Петр назначил Дивьера (Девиер) первым полицмейстером Петербурга, губернатором и даровал титул графа, а Шафирова — вице-канцлером и титул барона, хотя затем в 1723 году за казнокрадство приговорил его к смертной казни, заменённой ссылкой; впрочем затем, в ссылку попал и Дивьер, но это было уже после смерти Петра.

«Петр, старавшийся подальше оттеснить от царского трона старинные родовые русские семьи, приблизил к себе Дивьера. Петр принудил Меншикова выдать за Дивьера его сестру. Уезжая из Петербурга, Ека-

терина поручала свою дочь Наталью и детей казненного цесаревича Алексея, Петра и Наталью, никому другому, как... Дивьеру», — отметил в своём исследовании Б. Башилов.

Всего при Петре в Россию прибыло около 8 тысяч иностранцев. Вроде это количество не большое, но учитывая, что иностранцы шли не пахать пашню, а наверх — управлять, то получилось много. Это как сегодня — вроде граждан еврейской национальности немного, всего 300 тысяч, но мы видим наверху: в олигархах, журналистах и министрах, почти одних евреев.

Пётр без всякого здравого смысла фанатично преклонялся перед всем западным, европейским — заставлял приближённых курить, пить, участвовать в коллективных кутежах; приветствовал модное уже в Европе масонство — как высшую степень европейского образования, — 10 февраля 1699 года Шереметьев явился на бал у Лефорта в немецком платье и с ярким мальтийским крестом и прочей масонской атрибутикой и получил от Петра «милость превысокую». Что такое масоны, Пётр уже знал из своего европейского вояжа. К тому же «Мастером стула» был его любимец Лефорт, а «первым надзирателем» такой же любимчик — Гордон. Знаменитый Вернадский, который занимался не только Ноосферой, в своей магистерской работе 1916 года утверждал, что сам Петр был принят в Голландии в орден тамплиеров, «в Шотландскую степень св. Андрея». Скорее всего, Петр не был убеждённым масоном, больше — «для блеску и престижу», хотя, судя по его отношению к народу, он был бы не менее талантливым масоном, чем те, которые орудовали во Франции гильотиной.

Петр решил провести в России радикальные реформы. Какая в этом была необходимость?

После смерти царя Алексея Михайловича в 1676 году, очередным царём России стал его сын Фёдор Алексеевич, который правил до своей смерти в 1682 году, и который за короткий период своего правления успел провести важные эффективные реформы в армии, управлении и налоговой сфере, попытался урезать властные полномочия Боярской Думы и Патриарха. Выше мы наблюдали за реформами Софьи. До Петра Первого, как мы видели ранее, Россия довольно успешно и стабильно развивалась — успешно велись многочисленные войны, приобретались земли не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в европейской части, успешно развивалась культура и книгопечатание.

«Неправда, что только Петр начал приобщать русский народ к культуре. Усвоение западной культуры началось задолго до Петра. Западные учёные архитекторы работали в России задолго до Петра, а посылку русских юношей за границу начал ещё Борис Годунов. Но усвоение западноевропейской культуры шло естественным — нор-

мальным путём, без крайностей... — утверждал в своём исследовании наш соотечественник из Аргентины Борис Башилов. При Алексее Михайловиче (отце Петра Первого) существовал уже первый театр и первая газета. «Соборное Уложение» было издано невиданным и для Западной Европы тиражом — две тысячи экземпляров. Была издана «Степная Книга» — систематическая история Московского государства, «Царственная книга» — одиннадцатитомная иллюстрированная история мира, «Азбуковник» — своего рода энциклопедический словарь, «Правительница» — старца Эразма-Ермолая, «Домострой» Сильвестра... В Московском архиве Министерства юстиции до Февральской революции хранились сотни разного рода сочинений, написанных в 17 веке». А. Буровский отметил в своём исследовании:

«Но стоит отвлечься от школьных учебников и проанализировать подлинные исторические источники — и мы обнаружим, что в допетровской России 17 века уже было всё, что приписывается Петру: от картофеля и табака до прекрасного флота и вполне современной для того времени армии».

Петру почему-то приписывают в заслугу создание регулярной российской армии, но ведь это неправда, ложь — регулярная армия в России была создана до правления Петра Первого к 1681 году.

До Петра Первого в России было три проблемы: закрепощение крестьян, вследствие чего Россию периодически потрясали мощные народные восстания; (2) Алексей Романов слишком вознёсся и совершил большой опасный разрыв между народом и царём, по этой причине народные восстания могли сильно ослабить Россию; (3) для развития России нужен был выход к морям: Балтийскому и Черному, и соответственно, — военный и торговый флот.

Начал Петр Первый свои реформы, страстно желая подражать Западу, задумал не только на зависть европейцам построить новую столицу «Северный парадиз» на болотах, но переодеть весь народ в европейские одежды, переодеть все слои общества. До Петра увлекались западноевропейской культурой в меру — Годунов построил для иностранных купцов Кокуй и посылал детей на учёбу в европейские страны, Алексей Романов своих детей учил иностранным языкам, Голицын знал польский язык и одевался в польские одежды, Софья ввела обучение иностранным языкам.

В 1698 году Петр издал указ о смене национальной одежды на европейскую. Насильственное навязывание западной культуры приняло невиданные в истории человечества формы — специальные военные службы прямо на улицах обрезали бороды и длинные полы одежд. Народ стал активно сопротивляться. А чтобы народ не мог сопротивляться, Петр издал указ о запрете ношения остроконечных ножей. В 1700 году Петр повторил указ — всем жителям Москвы было приказано в течение

двух дней поменять всю одежду на европейскую, а купцам за торговлю русской одеждой была обещана каторга, стегание кнутом и конфискация имущества.

Специальные вооруженные отряды — блюстители западной моды хватали прохожих, ставили на колени и отрезали полы одежды на уровне земли. Требование к мужской одежде — сузить талию, воспринималось русскими мужиками и боярами как нечто очень позорное. Насильственным и самым жестоким образом брили мужчинам бороды. От бритья можно было откупиться — купцы платили за право ношения бороды 100 рублей, бояре — 60, прочие горожане — 30. Это по тем временам были очень большие деньги. Исключение было сделано священникам – им разрешалось носить бороды.

В Астрахани подчинённые Петра приказали солдатам вырывать бороды с корнем, что послужило поводом к восстанию астраханцев в 1705 году. В челобитной царю они жаловались:

«Мы за веру христианскую стали... В Казани и в иных городах наставлены немцы по два и три человека на дворы и тамошними жителям, и женах их, и детям чинят утиснения и ругательства»,

«А полковники и начальные люди немцы ругаючись христианству многие тягости им чинили безвинно били в службах, по постным дням мясо есть заставляли и всякое ругательство женам и детям чинили», «по щекам и палками били», а полковник Девин «челобитчиков бил и увечил насмерть» (С. Платонов, «Лекции»).

Такое впечатление, что Петр специально широко применял назначение на высокие должности иностранцев — проводников его «западной» внутренней политики, ибо свои могли жалеть своих. Петр своей «перестройкой» на западный манер довёл народ до иступления и нервного срыва, народ бежал не только к казакам, но и в Турцию, понимая, что ничего хорошего их там не ожидает.

Известный историк Костомаров, пытаясь хоть как-то найти оправдание Петру, выдвинул предположение, что Пётр любил не реальный русский народ, а тот выдуманный им идеал русского народа (лекало), который он хотел создать по европейскому образцу. К этому можно добавить — и поэтому реальный русский народ резал под европейское лекало как мясник, возомнивший себя портным-закройщиком.

Несмотря на такое легковесное отношение к статусу церкви, Петр с непонятной жестокостью преследовал спрятавшихся с давних пор в лесах старообрядцев. Старообрядцы протестовали по-своему: 2700 старообрядцев сожгло себя в Палеостровском скиту, 1920 человек — в Пудожском погосте.

Похоже, борясь с национальной одеждой, национальными обрядами, староверами, Петр боролся со всем национальным, с исконно русским,

аутентичным, с русской душой. Иначе не объяснить, зачем Петр организовал сбор со всех уголков России и монастырей древних летописей и их уничтожил, как и весь казанский архив. Когда в России шёл 7208 год не «от сотворения мира», как обычно пишут, ибо понятно, что «мир» в любом понимании был сотворён намного ранее, а от окончания «Большой войны» наших предков с китайской цивилизацией, то Петр решил поменять древнерусский календарь, который не рискнули менять даже креститель Владимир и позже христианская Церковь. И 19 декабря 7208 года ввёл своим указом европейский календарь — 1699 год. Пётр ввёл также Новый год по-европейски — с первого января, а до этого было с 1 сентября, с началом увядания Природы. Кстати, наши предки вели ещё летоисчисление и с более далёкого периода — от наступления Ледникового периода, «Великого холода», по которому, например, 2008 год — это 13016 год.

Таким образом – Пётр «великий» обрезал более пяти с половиной тысяч лет отечественной истории.

«Русские образованные классы, после и благодаря реформам Петра, в культурном отношении оказались в своеобразном положении как бы «непомнящие родства»», — фиксировал действительность в своей книге князь Святополк-Мирский. «Петровская реформа, как морской губкой стёрла родовые воспоминания. Кажется, что вместе с европейской одеждой русский дворянин впервые родился на свет. Забыты века...», — писал Ключевский.

Петр Первый не только изменил календарь, но и оригинально праздновал Новый год. Новый 1700 год он отметил буйным весельем в компании с «Всешутейным и Всепьянейшим собором» в течение двух недель. Жители Москвы были в страхе и ужасе, им было не до новогоднего веселья, вернее теперь встреча Нового года в исполнении Петра и его компании выглядела таким образом — компания в составе 100–200 человек врывалась в дома жителей, всё съедала и выпивала и требовала ещё, затем весело искала спрятанные запасы, опять всё съедала и выпивала, часто весело и шутя насиловала жену и дочерей. Во время этого разгулья, как утверждает Р.К. Масси — Петр вел себя «как необузданный юнец», это мягкая форма высказывания «необузданный жеребец».

«Неумение удерживаться, стремление овладеть буквально всякой женщиной, которая только смогла ему понравиться, привело к закономерному итогу: известно более 100 бастардов Петра. Что характерно, он им никогда не помогал, объясняя это очень просто — мол, если будут достойны, сами пробьются», — отмечал А. Буровский. Затем вся праздничная кампания моральных уродов Петра прихватывала приглянувшиеся вещи и драгоценности, назвав их святочными подарками, обнаруженные

деньги и шумно передвигалась дальше, пугая лихостью прохожих и выбирая следующий дом-жертву для «шутейного» пребывания.

Сатанинское отношение Петра было не только к родному народу, но, соответственно, и к родной Природе, как, например, выше мы наблюдаем варварскую вырубку дубовых рощ в Воронежской губернии. Историк Ключевский также отметил этот факт: «ценное дубьё для Балтийского флота — иное бревно ценилось в тогдашних рублей сто, целыми горами валялось по берегам и островам Ладожского озера...». Масштабы строительства у Петра были огромны, и масштабы бесхозяйственности таких же размеров. Затем Пётр кинулся в другую крайность и сделал «крайним народ» — под страхом смерти, поставив демонстративно виселицы на краю лесов, запретил крестьянам вырубку в лесах для своих нужд. Теперь крестьяне без особого разрешения и мзды не могли ни дом построить, ни сарай, ни печку протопить.

Поклонник Петра, неисправимый западник А. Герцен, писал о Петре Первом — «доводил денационализацию гораздо дальше, чем делает это современное правительство в Польше... Правительство, помещик, офицер, столоначальник, управитель (интендант), иноземец только то и делали, что повторяли — и это в течение, по меньшей мере, шести поколений — повеление Петра Первого: перестань быть русским и ты окажешь великую услугу человечеству» (Статья Герцена «Новая фаза русской культуры»).

Это страшное направление удара космополита Петра Первого объяснял знаменитый Карамзин:

«Искореняя древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, Государь России унижал россиян в их собственном сердце», «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государства, подобно физическому, нужное для их твёрдости».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Ноу-хау» Петра I в экономике и население подвластной территории

Мои критики могут сказать: «Не важно, какими методами Петр добивался успеха, но успех был очевиден», наглядный пример — город Петербург, выглядит убедительно, но ужасное состояние России в конце правления Петра, в том числе и экономическое, вызывает желание разобраться в причинах.

А большие экономические проблемы у Петра начались с Нарвской битвы.

Расправившись со стрельцами и поменяв календарь, Петр решил повоевать. Началась война между Польшей и Швецией, и Петр решил, что это удобный момент начать войну со Швецией и выйти к Балтике. В конце 1700 года Петр двинул 40-тысячную армию на шведскую Нарву. Франц Лефорт в 1699 году умер, но остальные кокуйские иностранные уроды продолжали возглавлять русскую армию. Оказалось, что после азовского похода Петр никаких выводов не сделал.

Армия под руководством Петра 3 октября подошла к городу Нарва на одноименной реке, и взяла город в осаду. Почти два месяца 40-тысячные русские войска под руководством Петра «великого» и бездарных иностранных генералов не могли взять город, который защищал гарнизон численностью не более полутора тысяч человек под руководством толкового командира. Петр, обладая таким огромным превосходством сил, надеялся на взятие крепости с первого штурма и не был готов к длительной осаде, то есть — через пару недель боёв закончилось продовольствие и боеприпасы. Голодные злые солдаты, ночующие в снегу, проклинали Петра и его иностранных генералов, начались болезни. В армии были настолько сильны роптания, недовольства и опасные настроения, что Петр не стал рисковать и покинул армию, якобы чтобы ещё собрать

армию и прислать её на помощь первой. Руководство армией передал иностранному «специалисту» герцогу де Кроа.

Швеция отправила небольшую армию во главе с королем Карлом Двенадцатым на помощь окруженной крепости. 30 ноября 12-тысячная армия шведов во главе с королем с марша атаковала русские позиции и разгромила русскую армию. В панике русские бросились бежать через реку на восток. Мост не выдержал бегущих и рухнул в реку, лишив русских пути к отступлению. Ничего не оставалось, как броситься в ледяную воду и пересекать реку вплавь. Только в дворянской коннице Б.П. Шереметьева утонуло более 1000 всадников. Всего же в результате этого боя погибло более 8 тысяч русских солдат и офицеров. Весь русский штаб во главе с де Кроа как-то очень легко предал «свою» армию в момент опасности и перешёл на сторону шведов. В этой ситуации Карл Двенадцатый не стал добивать русских и предложил капитулировать. Русская армия капитулировала. Шведы взяли в плен половину армии и пленили весь офицерский состав — 79 генералов и офицеров, забрали всю русскую артиллерию — 284 орудия. Оставшиеся свободными — голодные, в мокрых одеждах и больные солдаты без своих командиров поплелись зимней стужей по снегу 350 километров к Новгороду. Сколько их погибло по дороге, на территории, на которой Петр уже полностью отобрал продовольствие у местного населения, одному Богу известно.

В итоге, благодаря Петру и его иностранным друзьям, Россия осталась без армии и артиллерии, полностью беззащитной, не говоря уже о многих тысячах погубленных русских людей.

России здорово повезло, что Карл Двенадцатый решил не идти вглубь России, ибо он беспрепятственно дошел бы не только до Москвы. Петр в панике приказал крестьянам и горожанам рыть земляные укрепления. Поскольку, как правило, церкви стояли на возвышенностях, то на всём пути от Новгорода до Москвы Петр приказал засыпать церкви землёй, создав таким образом высокие холмы, и поставил на них пушки прескверного качества, наскоро изготовленные из церковных колоколов, хотя из всех снятых колоколов были использованы только 10%. Это, конечно же, было смешно и не помогло бы, опять пришлось бы собирать по Руси народное ополчение. Но повезло – молоденький шведский король, воодушёвленный победой над превосходящими русскими войсками, пошел воевать с давними заклятыми врагами – поляками, двинул свою армию на Польшу.

Петру же вдруг понадобилось большое количество денег — чтобы заново создать армию и её вооружить. Откуда взять деньги? Конечно, — у бедного народа. И Петр Первый увеличил налоговое бремя на народ в несколько раз, каких только налогов не было: подушные, корабельные, драгунские, рекрутские и ещё много различных «запросных» поборов:

на арбузы, на огурцы, на гробы, на заключение брака, на похороны, на свечи, на дрова, на печи с трубой и т.п. В общем, фантазии можно позавидовать. «Запросные» налоги сборщики налогов могли сами придумывать.

Помните, как большевики ввели налоги на яблоньки и груши, после чего в России садов не осталось. Удивительная аналогия кровавых большевиков с кровавым Петром на каждом шагу.

Даже принцип сбора большевики переняли у Петра — сборщики налогов, как и большевистские продотряды, были стимулированы — им разрешалось определенную часть от собранного брать себе на жизнь, то есть — чем больше собрал — тем больше доля сборщика.

Петр Первый ввел новый принцип сбора налогов — не с деревни или станицы, не с двора или дома, а – с каждого человека – подушный налог. Для этого он организовал поголовную перепись населения.

«Подушная подать собиралась военными примерно так же, как это делалось в Индии англичанами, а на острове Ява — голландцами», — пишет А. Буровский и цитирует историка Ключевского: «Полковые команды, руководившие сбором подати, были разорительнее самой подати. Она собиралась по третям года, и каждая экспедиция длилась два месяца. Шесть месяцев в году сёла и деревни жили в паническом ужасе от вооруженных сборщиков, содержавшихся при этом за счёт обывателей, среди взысканий и экзекуций. Не ручаюсь, хуже ли вели себя в завоеванной России баскаки времен Батыя».

Отбор продовольствия, лошадей и телег у крестьян был не менее жесток, чем у большевистских отрядов продразвёрстки и с такой же лёгкостью уничтожались миллионы людей. Редчайший случай и весьма показательный — международные террористы, захватившие власть в России в 1917 году и вопившее против монархии, хвалили только двух монархов: Петра Первого и немку Екатерину Вторую; при этом Петра хвалили до 1917 года, в СССР и после крушения СССР современные либерал-демократы, — и никто ничего о многочисленных больших и кровавых «минусах» Петра.

Не трудно догадаться, что творили солдаты и офицеры в домах на постое – «при квартирах солдаты и драгуны так несмирно стоят и обиды страшные чинят, что и исчислить их невозможно. А где офицеры стоят, то еще горше чинят... и того ради многие и домами своим не рады», — описывал свидетель тех времен (Семевский М.И. «Тайная служба Петра Первого», 1993 г. – А.Б.).

После того, как проходили «Батыем» военные сборщики налогов, к крестьянам приезжали армейские отряды, которые вынуждены были грабить своё мирное население. Ибо это опять Петр придумал очередное «ноу-хау» — чтобы сэкономить на армии, чтобы ей не платить приду-

мал очень простое и оригинальное решение — армия должна сама себе собирать с народа деньги. И для каждой армии определил территорию с народом для обирания. И армия занялась грабежом, чем больше грабанет — тем лучше будет жить. Удивительно просто и оригинально — Петр просто «гений». С учетом всего вышеописанного, и ещё с учётом насильственного забирания крестьян военными командами в армию — рекруты, на строительство фортификационных сооружений, флота, Петербурга, на новые заводы — можете вообразить положение простого народа, весь этот кошмар? Опять же — говорят Ад где-то далеко.

Деньги у простых людей были обобраны Петром Первым «покруче», чем демократы в 20 веке в начале «перестройки», до такой степени, что «Даже в Москве и в той многие ели без соли, цынжали и умирали», — отметил историк Ключевский. Неудивительно, что историки спорят — Петр Первый загубил 20 или 25% населения России, русского народа — 8 или 10 миллионов.

Симпатизирующий Петру Первому фанатичный западник, то есть «петровец» А. Герцен писал: «Петр Первый хотел создать сильное государство с пассивным народом. Он презирал русский народ, в котором любил одну численность и силу...». Но в том-то и дело, что русский народ — этот его «расходный материал», убывал при нём ужасающими темпами. Огромные российские «людские ресурсы» «тратились» легко и далеко не по-хозяйски, а о гуманности и говорить не приходится.

Перепись населения, проведённая Петром в 1710 году, показала сокращение населения России, в сравнении с предыдущей переписью в 1678 году, на — 20% (исследование М. Клочкова), а в северных областях сокращение было почти наполовину — 40%. Всего же исследователи отмечают к концу правления Петра «потерю» населения в количестве 10 миллионов, это 25% от всей численности, это не сравнимо даже с Холокостом евреев во Второй Мировой, с потерями русского народа в Гражданскую 1917 и в «перестроечный» период при демократах в конце 20-го века. Это был геноцид собственного народа. Петр «великий» решил «мудро» — «не заметить» действительность, неприятные перемены, и при сборе налогов с народа приказал исходить из статистики 1678 года. Такое впечатление, что какой-то жестокий враг захватил, оккупировал Россию и безжалостно её грабил, уморяя ненавистное население.

Собранными самым жесточайшим образом с народа «бюджетными» деньгами Петр Первый не мог грамотно распорядиться. Петр был не только жесток, но и неграмотен – не мог наладить элементарный контроль использования денег. При нем его приближенные «умыкнули» не меньше денег, чем олигархи при Б. Ельцине. — «Один Меншиков перевёл в заграничные банки сумму, равную почти полуторагодовому бюджету всей тогдашней России», — отметил в своём исследовании

Б. Башилов. Генерал-прокурор Ягужинский по-дружески откровенно признался Петру: «Мы все воруем. Только один более и приметнее, чем другой». Это, кстати, о «талантливых и даровитых людях, которыми Петр себя окружил» — о которых с восторгом пишут десятки современных восторженных Петром авторов.

Причем почти все экскурсоводы по «петровским местам» и восторженные авторы книг, обрисовывая симпатичный шаловливый образ «талантливого» Меншикова указывают, что он «немного подворовывал», пользуясь милостью его высочества — как о его мелкой милой шалости.

«Меншиков взял подряд на строительство канала из Волхова в Неву... Способ его создания оказался до невозможности оригинальным: 7 тысяч человек погибли при строительстве от голода и невыносимых условий жизни, 2 миллиона рублей, выделенные из казны, исчезли неведомо куда, а канал при жизни Петра так и не был построен, — указывает в своём исследовании А. Буровский. – Сейчас совсем забыто строительство канала из Волги в Дон, с тем же чудовищным результатом в виде огромного количества покойников». Такое могло быть только при умышленном попустительстве Петра — позволял «докармливаться». И это при том, что высшие привилегированные сословия при Петре были не податными, то есть, в отличие от огромного налогового бремени над простым народом, они были освобождены от всех налогов. Так происходил огромный «имперский» разрыв петровской аристократии с «подлым народом» и преклонение её перед «цивилизованной» Европой.

Таганрог Петр также не достроил, угробив огромное количество людей и денег, та же история и с строительством порта на Балтике недалеко от Ревеля в Рогервике. Мы и наши дети даже ничего не слышали об этих историях, от них это всё спрятали дабы «не марать» «величественный образ» и не показывать истинный образ Петра. Канал из Волхова в Неву называли «канавкой», — а теперь попытайтесь представить себе — сколько было украдено денег и уничтожено людей с 1703 года по 1725 с началом строительства нового стольного града Петербурга, который Петр назвал своим именем, хотя этот безбожник скромно придумал другое объяснение.

Кстати, знаменитый историк В.О. Ключевский утверждал, что после захвата Петром Ревеля и Риги были захвачены и «окна» в Балтику, которые можно было расширить, и мощнее укрепить, и не было острой необходимости в строительстве Петербурга.

Нельзя сказать, что Петр не боролся с коррупцией и не наказывал многих зарвавшихся мздоимцев. Петр даже организовал «антикоррупционные комиссии», которые не только мешали брать мзду, но следили, чтобы их подопечные не ленились и не занимались политической ересью.

Это выглядело «гениально» — это были военные комиссии из гвардейцев по наблюдению за работой учреждений и отдельных людей, как верно заметил А. Буровский — своеобразные большевистские тройки, которые могли судить тут же не по закону, а по здравому смыслу. Например, по этому приказу к фельдмаршалу Б.М. Шереметьеву был приставлен сержант Щепотьев, который был «постоянно пьян... и ракеты денно и нощно пущает, опасно, чтоб город не выжег», на которого Шереметьев жаловался: «Он говорил на весь народ, что прислан за мною смотреть и что станет доносить, чтоб я во всём его слушал» (А.Б.). То есть было отсутствие всякого здравомыслия, маразм.

Имея огромный «дефицит бюджета» для создания армии и при этом решив начать строить новую столицу, Петр мучительно думал, откуда взять деньги — с народа было уже не выжать, а грабить награбленное у своих миллионеров ему не хотелось — остался бы в полном одиночестве. И в 1702 году Петр Первый придумал «гениальную» уловку — пошел на крупномасштабное мошенничество: перечеканил имеющиеся серебряные монеты — уменьшил вес, отчеканил более легкие деньги, сохранив приказом их ценность, и таким образом на треть получилось больше денег. Но народ — не дурак, и в течение двух лет стоимость этих денег в обороте упала наполовину. Получилось всё наоборот — в конечном итоге Петр потерял больше денег. Пробовал Петр заработать денег и «рыночным» способом.

«Кроме организации нескольких «строек смерти» Петр «прославился» ещё и широчайшим распространением рабского труда в промышленности и даже в торговле. Известен доподлинный случай, когда государство, построив полотняные заводы для получения парусины, решило «отдать их торговым людям, а буде не похотят, хотя бы неволей», — объясняет в своей книге А. Буровский. Термин «крепостное купечество» или «крепостные капиталисты» прозвучит сюрреалистически, но ведь примерно так оно и было... В торговле так же насильственно создавались торговые «кумпанства», то есть компании... За всю историю петровского времени только дважды русские купцы вырывались за границу с товарами... лучше бы они этого не делали! Об одной такой попытке поторговать в Стокгольме мы знаем довольно подробно из доноса русского посланника Бестужева...

Дело в том, что «купцы» привезли в Швецию не что-нибудь, а каленые орешки и деревянные ложки. Чтобы сэкономить денег, они в гостиницу не пошли, так и варили кашу на костре, на берегу, собирая толпы любопытных, а потом ездили на санях (в августе месяце) по городу и драли глотки: «Кому орешков?! Кому ложек?!» Причём орали исключительно по-русски...».

Немного лучше были дела Петра в тяжёлой промышленности, которую он вынужден был развивать для военных нужд. Заводы по выплавке

чугуна работали не только на оружейные заводы, но продавали чугун как полуфабрикат в Европу. То есть чугун выплавлялся, пересекал из Урала на телегах огромные российские просторы и был в Европе конкурентоспособен... За счёт чего? Ответ прост — даже иностранцы удивлялись, что на содержание рабочих Пётр тратил не более, чем на содержание арестантов. Причём понятно, что на заводы Петр насильственно сгонял окрестных крестьян – приписывал к заводам, поэтому они назывались «приписными», они должны были умудриться что-то сделать в поле для кормления своей семьи и несколько месяцев по установленному графику проработать фактически бесплатно на заводе. При этом заводчики имели право скупать для заводов крестьян у помещиков — это были рабы. Понятно отношение народа к кровавому тирану — этому свидетельствовали многочисленные виселицы с воняющими трупами на краю заводов, бегство подальше и многочисленные народные восстания.

Петр против народа и народ против Петра

Чем мог ответить замученный и запуганный народ монстру? Любовью? Только проклятиями, дальними побегами в Сибирь, саботажем и вооруженной борьбой — восстаниями, старообрядцы тысячами себя сжигали. По учёту петровских чиновников в бегах числилось 200 тысяч крестьян и работников, и 20 тысяч рекрутов.

Не выдержав ужасных издевательств, подняли восстание в 1705 году жители Астрахани и расквартированные в городе стрельцы. Астраханцы и стрельцы расправились с ненавистными чиновниками Петра и организовались по народному принципу — по примеру казаков. Восстание расширилось, восставшие захватили ряд ближайших городов и крупный город Царицын.

Восемь месяцев не могли справиться с восставшими петровские полки во главе с фельдмаршалом Б.П. Шереметьевым. В 1707 году в Предуралье и Средней Волге подняли мощное восстание башкиры, у которых отобрали почти всех лошадей и «добили» неимоверными налогами. Башкир поддержали татары, восстание расширилось, приобрело опасный национальный окрас — запылали русские деревни и православные церкви. В результате жёстких расправ петровских армий часть башкир и татар убежали в Турцию. Петру повезло, что башкиры и татары не успели соединиться с восставшими на Дону казаками во главе с атаманами Максимовым и Булавиным.

Только через год Петр подавил это восстание, а двухтысячный отряд восставших во главе с атаманом Некрасовым ушёл от преследования в Турцию. В Турции столько собралось беглых россиян, что неудивительно, что в последующей войне с Турцией в 1710–1711 гг.

петровские армии потерпели ряд тяжёлых поражений, а Петр Первый был на волоске от пленения.

Победив в 1709 году под Полтавой шведскую армию, Петр Первый повернул армию против своего народа. «Создать победоносную полтавскую армию и под конец превратить её во 126 разнузданных полицейских команд, разбросанных по десяти губерниям среди запуганного населения, — во всем этом не узнаёшь преобразователя», — отмечал историк Ключевский. Зачистка «полтавской» армией была настолько жестокой и тотальной, что после этого не было ни одного бунта или восстания, народ был полностью подавлен жестокостью, насилием и страхом.

Кроме вышеуказанных военных карательных отрядов Петр учредил Тайную канцелярию — аналог НКВД. В результате на всей территории России велась жестокая тотальная война против своего народа.

Петр Первый создал настолько сильный репрессивный аппарат, своё преданное дворянство и сильную армию и так сильно придавил народ военной силой, что, как и большевики, не нуждался в управлении народом в технологической помощи церковников. Поэтому он и относился к церковникам соответственно пренебрежительно.

Но сама армия была при Петре гиблым местом, местом гибели огромного количества людей и не только по причине бездарности генералов, как мы наблюдали в Нарвской битве, но и по причине характерной для Петра организации. «Вебер считал, что на одного погибшего в бою приходится два или три погибших от холода и голода, порой ещё на сборных пунктах. Потому что, захватив рекрута (в плен. — Р.К.), на него одевали кандалы и делали на кисти правой руки татуировку в форме креста...

А держали рекрутов «... в великой тесноте, по тюрьмам и острогам, немалое время, и, таким образом ещё на месте изнурив, отправляли... жестокой распутицей, отчего в дороге приключаются многие болезни, помирают безвременно, другие же бегут и пристают к воровским компаниям — ни крестьяне, ни солдаты, но разорители государства становятся». Это цитата не из сочинений старообрядцев или опальных вельмож; это из доклада Военной коллегии Сенату в 1719 году», — отметил в своём исследовании А. Буровский. Петровская армия по словам знаменитого историка Ключевского была — «морильней».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Близкие против Петра и Петр против близких

У кровавого деспота и монстра были интересные отношения со своими близкими людьми. Мы наблюдали ранее — Петр ради душевного спокойствия своей любовницы Анны Монс и своего постриг в монахини и сослал в дальний монастырь законную супругу и царицу. А «Кокуйску царицу» засыпал подарками и учредил государственное жалование. Петр был в восторге от своей любовницы и в январе 1703 года подарил «Монсихе» Дудинскую волость в Козельском уезде — 295 дворов, и стал говорить окружающим, что он вскоре сделает её законной царицей, жениться на ней. Но через месяц Петр сделал пренеприятнейшее, страшное для себя открытие...

Оправившись немного от нарвского поражения, Петр, обнаружив, что шведский король Карл Двенадцатый застрял со своей армией в сражениях в глубине Польши, послал в конце 1701 года в разведывательный поход на запад, в Лифляндию, Б.П. Шереметьева(1652–1719). Неожиданно для Петра Шереметьев удачно прошёлся по Лифляндии: разгромил заградительные шведские отряды, взял без боя несколько городов, их ограбил, затем сжег и вернулся с богатой захваченной добычей: ценности, скот, лошади, много пленных, в основном мирное население. И воодушевлённый Петр зачастил с военными походами в прибалтийские земли. В 1702 году русские войска осадили важную стратегическую крепость Нотебург, расположенную в месте истока Невы из Ладожского озера. В феврале 1703 года Петр прибыл, чтобы лично руководить штурмом. Штурм удался — захваченному Нотебургу Петр дал другое иностранное название — Шлиссельбург, что в переводе — «ключ-город», похоже, что у Петра идеи строительства Петербурга ещё не было, и Шлиссельбург он рассматривал как опорную крепость — ключ к Балтике. Во время пышных торжеств в крепости по поводу победы

Петру попали письма участвовавшего в этом походе саксонского посланника Кенигсека.

Письма оказались от Анны Монс, любимой «Монсихи», которая, как оказалось, в отсутствие Петра время зря не теряла, не скучала — давно была любовницей Кенигсека, то есть давно наставляла Петру, царю, «рога». Состояние нормального, обманутого, с раненым самолюбием мужчины понятно, но о состоянии Петра в этот момент можно только догадываться... Тем более, что в письмах «Кокуйская царица» отзывалась о Петре, мягко говоря, нелицеприятно, жаловалась на его варварские замашки. Одновременно «Монсиха» присылала письма «с сердечками» Петру...

Несмотря на кокуйское воспитание Анны Лефортом, на давнюю «любовную» престижную связь между ней и царём, несмотря на многочисленные дорогие подарки от Петра, Анна Монс не хотела связывать свою жизнь с монстром; ей не хотелось выносить его пьянства, разнузданность, развращенность, оргии, ненормальность, она хотела выйти замуж за нормального культурного человека.

Кроме того, ей было неприятно, когда Петр мимоходом заваливался в спальню её лучшей подруги Елены Фадемрех. Существует насколько версий: по одной — письма «Монсихи» попали к Петру случайно, по другой — «добрый» курьер подсунул «по ошибке», по третьей — во время победного пира Кенигсек странным образом случайно утонул и в его вещах нашли зловещие письма. Скорее всего, верна одна из первых версий, и, зная характер Петра, можно сказать, что обнаружив измену, Петр в ярости приказал утопить конкурента, и сам за этим с удовольствием наблюдал.

Судя по последующим действиям, Петр, похоже, сильно любил Анхен, ибо не постриг её в монахини, не заточил в монастырь и не отрубил голову, как поступил с Марией Гамильтон в подобной же ситуации, хотя близкие отношения с Марией были несколько месяцев, а только ограничил её свободу домашним арестом, а потом долго наблюдал и мстил, гадил.

Озлобленный Петр перестал общаться с Анной. Но, когда в 1706 году Анна Монс хотела выйти замуж на прусского посланника в России барона Иоганна фон Кейзерлинга, ревниво-мстительный Петр, чтобы не допустить женитьбы, обвинил Анну в ворожбе. Следствие по этому делу длилось целый год, в течение которого 30 человек из окружения Анны были арестованы и подвергнуты жестоким пыткам. Только упорными стараниями дипломата-жениха в 1707 году следствие было прекращено, но почти всё подаренное Петр отобрал, конфисковал.

Вероятно, Кейзерлинг сильно любил Анну, ибо несколько лет добивался разрешения жениться на Анне и, наконец, всё-таки получив его

у Петра, женился на ней в июне 1711 года. И вроде бы — счастливый конец — для Анны, для обоих, но не тут-то было — стоило после «медового периода» барону Кейзерлингу отъехать от дома, как он погиб при загадочных обстоятельствах. Вероятнее всего, Петр по - прежнему старался жестоко мстить Анне; давно замечено — у людей сатанинского склада психики благородство отсутствует напрочь. Анна умерла от чахотки в 1714 году. Петр всё это время не был одинок и был вполне счастлив с другой любимой женщиной; эта история более трагичная для Петра.

Во время похода в Лифляндию войсками Шереметьева был захвачен город Мариенбург, в котором в семье пастора Глюка работала кухаркой и прачкой Марта Скавронская 1684 года рождения. По одной из версий её родители умерли от чумы, и её дядя шведский квартмейстер Иоган Рабе отдал сироту в дом пастора Глюка. Пастор её перекрестил и воспитывал. Но когда Марта родила ребенка, то пастор поспешил её выдать замуж за шведского солдата Иоганна Крузе.

И через два месяца после их свадьбы в Мариенбург вошли русские войска, вернее российские, ибо после Нарвского поражения у Шереметьева были многонациональные войска. «Шереметьев переправился за Нарову, пошел гостить в Эстонию таким же образом, как гостил прошлый год в Лифляндах. Гости были прежние: козаки, калмыки, татары, башкирцы, и гостили по прежнему... Шереметьев вошел беспрепятственно в Вешенберг, знаменитый в древней русской истории город Раков (Раквере) и кучи пепла остались на месте красивого города. Та же участь постигла Вейсенштейн, Феллин, Обер-Паллен, Руин; довершено было опустошение Ливонии», — писал Р. Мэсси о двух походах в Прибалтику в 1701 и 1702 годах.

Марта Скавронская, судя по фамилии, была полькой, ибо корень фамилии переводится только на польский язык — «скавронек» — это жаворонок, и на польский лад популярная фамилия звучит — Скавроньска. Но Марта — это популярное имя у немцев и шведов, а поляки шведские и немецкие имена не брали. Похоже, национальность Марты раскрывает ветхозаветное имя её отца — Самуил, а мудрый еврей подстраивался под историческую обстановку — когда Польша была до Риги, то фамилия была польская, а с приходом шведов появились у детей шведские имена. И фамилия дяди квартмейстера Рабе — у немцев и шведов тоже самое, что на Украине или в России — Рабинович. И. Н. Шорникова и В. П. Шорников в своём исследовании утверждают, что Рабе был мужем Марты, но больше информации о том, что всё-таки им был Крузе.

Марта Скавронская оказалась военной добычей казаков и башкир Шереметьева, потом 18-летнюю брюнетку приметил полковник Бауэр и забрал её в офицерские палатки, затем Марту приметил Шереметьев

и забрал в свои штабные апартаменты. Трофейная красавица была настолько хороша и ласкова, что Шереметьев привёз её с собой в Москву, где приметил её Меншиков, и Шереметьев не стал перечить и жадничать, а на пьянке в доме Меншикова 1 марта 1704 года хозяин похвастался своим приобретением Петру Первому. Российский царь заинтересовался и проверил — не соврал ли любимый друг... Молоденькая трофейная прачка ничего не умела, у неё не было образования, пастор Глюк не учил её грамоте, но она во время своих приключений в плену научилась хорошо угождать мужчинам, быть ласковой и весёлой, возможно Бог дал ей только этот талант. А вот это больше всего и ценил Петр Первый, именно это он и называл любовью. Сошлись «два сапога пара». Марта переехала к Петру.

Петр стал быстро залечивать душевные раны после Анхен. Окружающие заметили, что Марта не боится Петра в припадках гнева, и только она способна смело и ласково его утихомирить в этом состоянии, снять нервное напряжение. Петру пришлась по душе и весёлая нравственная позиция Марты — она наблюдала за его многочисленными увлечениями, не ревновала, не скандалила, а только шутила и посмеивалась над его частыми романтическими похождениями. А иногда было над чем посмеяться, — однажды очередной раз «поимев» приглянувшуюся жену какого-то офицера Прасковью, Петр подхватил от неё сифилис или какую-то другую неприятную венерическую заразу — болезнь, и страшно злой приказал её мужу выпороть свою жену — «негодную Фроську» (А. Б.).

В связи с этой историей и историей с Мартой можно вспомнить высказывание жены знаменитого философа Пифагора, очень уважаемой в Греции за мудрость Фиано. Когда её спросили: «На какой день очищается женщина после мужчины?», то Фиано ответила: «После мужа тотчас, а после чужого никогда».

Петру было комфортно с Мартой, после очередной «виктории» над чьей-то женой он делал ей комплимент: «ничто не может сравниться с тобою». Так счастливо и стали жить. Петр Первый законспирировал прачку Марту Самуиловну на русский лад — назвал Екатериной. Под страхом смерти окружающим было запрещено упоминать о происхождении Екатерины и её настоящее имя. У Марты-Екатерины обнаружилось очень крепкое здоровье — она легко рожала ему детей, их оказалось 11. Из них двух дочерей родила до их свадьбы, то есть были незаконнорожденные.

В 1708 году Марту третий раз перекрестили, она приняла православие, её крестным отцом при перекрещивании был сын Петра — Алексей, после этого Марту стали называть — Екатерина Алексеевна.

И получился неприятный казус — Петр женился на своей духовной внучке.

Когда после победы над шведами под Полтавой в 1709 г. Петр в 1711 году пошёл в Прутский поход против Турции, то Екатерина сопровождала его в походе, и даже командовала солдатами, а когда Петру грозил плен на берегу Прута и шведский король уже грозился водить его пленного на веревке, то Екатерина участвовала в труднейших переговорах с турками. Турки до пленения дело не довели. И Петр целым и свободным вернулся в Россию и ещё умудрился прихватить взятую в походе в плен дочь валамского (молдавского) князя Кантемира — знаменитого поэта, которую Петр изнасиловал и решил взять её себе в Россию, и заточил про запас в селении Черная Грязь, затем переименованном в Царское Село, но после этого «забыл» про молдавскую красавицу по принципу «ни себе — и никому», и в заточении она умерла. Опять можно подчеркнуть характерную для Петра циничную «бесхозяйственность» — в Прутском походе погибло 27285 человек, из них только 4800 погибло в боях с турецкими войсками, остальные 22 тысячи погибли из-за Петра Первого — в результате отвратительной организации военной кампании: от голода, холода и болезней.

После трагического Прутского похода Петр в 1712 году женился на Екатерине, и Екатерина становится официально двумужней. «С 1702 года исчезает всякое упоминание об Иоганне Крузе. Исчезает, правда, только из российских источников. Шведы очень хорошо знают, куда девался законный муж российской императрицы. Иоган Крузе служил шведскому королю ещё много лет, а под старость в гарнизонах на Аландских островах... Семьи Иоган тоже не завел и пастору объяснял, что жена у него уже есть и брать на душу греха он не станет... Он пережил свою законную жену, Марту-Екатерину, но не намного, скончавшись в 1733 году. Всё сказанное очень хорошо объясняет, почему в царское время считалось, будто Иоганн Крузе пропал без вести...

Марта-Екатерина была законной женой Иоганна Крузе. Она оставалась ею и тогда, когда Петр официально женился на ней в 1712 году. Она только стала двоемужницей и притом в случае судебного разбирательства должна была стать женой Иоганна, как венчавшегося с ней на 10 лет раньше царя», — отметил в своем исследовании А. Буровский.

Теперь Марта-Екатерина стала законной женой царя, то есть российской царицей, и её дети могли претендовать на российский престол. С этих пор Марта стала ревностно относиться к старшему сыну Петра от Евдокии Лопухиной — Алексею, и его семье.

Годом раньше Петр насильственно женил Алексея 11 октября 1711 года на родственнице жены императора Карла Шестого Софье Шарлотте-Кристине Брауншвейг-Вольфебюттельской, ибо Петр Первый строил какие-то замысловатые стратегические планы. Шарлотта приехала в Россию со своими подругами и держалась в стороне от рус-

ских, постоянно требуя у Алексея денег, о любви в этой семье трудно было говорить.

1715 год оказался переломным в отношениях Алексея с отцом, Петром. С 1710 года Петр Первый стал перманентно больным — в нем сильно развились все накопленные болезни от разгульной жизни, и в первую очередь сифилис. Петр стал ещё более раздражительным и свирепым. Уже в 1711 году болезни сильно его беспокоили, и он вынужден был в начале Прутского похода срочно уехать на лечение в Карлсбад на воды. После свадьбы с Екатериной Петр метался в поисках эффективного лечения и спасения жизни, — в 1712 г. поехал лечиться в русскую Померанию, затем опять в Карлсбад, затем в чешские Теплице. Но были только временные улучшения, а в общем ситуация ухудшалась.

В 1715 году здоровье Петра совсем ухудшилось, Петр настолько занемог, что уже исповедался и причащался, то есть думал, что может умереть. И встал «ребром» вопрос о преемнике власти. И в этой ситуации резко обострились все накопившиеся недовольства Петра сыном Алексеем.

Алексей сильно раздражал Петра своей непохожестью, он был уравновешенный, образованный человек, знал много иностранных языков, не увлекался военными играми, был нормальным, не пил в таких количествах и в таких компаниях, не организовывал «всепьянейшие соборы» и оргии, не было у него алчной властности и жестокости и т. д. — он Петру был чужой по духу, не было в нём того родного сатанизма. А выбора у Петра на было — других сыновей не было, хотя Петр понимал, что, мягко выражаясь, Алексей был не в восторге, что Петр ни за что удалил его мать от трона и даже заточил безвинную в монастырь. В 1709 году Петр даже послал Алексея в Дрезден на учёбу в фортификационную школу, надеясь увлечь его военным делом, видя, что Алексей, бесспорно, умный человек. Но Алексей так и не стал другим, остался собой.

Вторая царица Марта-Екатерина никак не могла родить Петру сына — наследника, она родила ему двух дочерей до женитьбы и после старательно рожала Петру детей каждый год, но всё получались девочки. Екатерина ревностно и тревожно смотрела в сторону семьи Алексея — не родился бы там ещё один наследник. В 1714 году в семье Алексея родилась дочь, но на следующий год — в 1715 году родился сын Петр, будущий император Петр Петрович. Династия продолжалась: Петр Первый — Алексей Петрович — Петр Алексеевич. Но судьба очередной раз коварно улыбнулась — в 1715 году Марта-Екатерина наконец-то родила сына и назвала, конечно же, Петр. Вот теперь прачка из Лифляндии с польской фамилией, шведским именем и еврейскими корнями могла побороться за установление в России своей династии. Началась жестокая неравная борьба.

Тональность отношения Петра Первого к старшему сыну резко меняется, Петр в 1715 году посылает Алексею письмо, хотя оба находятся в Петербурге, рядом:

«Того ради так остаться, коле мыслишь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно, но или измени свой нрав или нелицемерно удостой себя наследником или будь монах».

Это был неприличный шантаж, запугивание, но главное — требование невозможного, и Петр это прекрасно понимал, но он ненавидел чуждого ему родного сына, и любимая Марта к этому его активно подталкивала, науськивала. Петр с этого момента стал гнобить, преследовать своего сына Алексея. Петр ещё раз демонстрировал отсутствие всякого благородства и всю свою темную низость.

Алексей просто физически не мог изменить свою личность, а идти в монахи ему вовсе не хотелось — у него была семья: молодая красивая жена, навязанная отцом, и двое детей. И Алексей в 1715 году отказался от престола. Но неприятности Алексея не закончились. В начале 1716 года умерла супруга Алексея Шарлотта-Кристина. Петр к началу 1716 г. немного оклемался и поехал на лечение в Пермонт, а в 1717 году поехал на воды в Амстердам. Во время всех этих поездок по Европе пытался совмещать полезное с полезным: и лечился и вёл активные дипломатические переговоры с европейскими лидерами, чтобы сколотить блок против Швеции и Турции, но никто кроме Польши с ним не захотел связываться.

Но на протяжении всего этого вояжа и лечений Петр присылал Алексею многочисленные письма с угрозами — пытаясь заставить его уйти в монастырь, постричься в монахи, несмотря на то, что Алексей отказался от престола в пользу сына Марты-Екатерины. В письме от 19 января 1716 года Петр писал:

«А не буде того не учинишь, то я с тобой, как с злодеем, поступлю». В сентябре 1716 г. Петр ещё более жестко повторяет своё требование. Причём очень странно — никаких конкретных претензий Алексею Петр не предъявлял. Алексей понимал, что в случае отказа постричься в монахи ему грозит опасность, а его детям — большие неприятности. Но Алексей не хотел покидать общество, детей; к тому же в этот период «пошутил Купидон» — Алексея угораздило влюбиться в пленную крестьянку, крепостную, рабыню его наставника Н. Вяземского Ефросинью Фёдоровну. Алексей понимал, что отец никогда не разрешит ему жениться на его любимой. Пока Петр не вернулся в Россию, Алексей решил бежать из страны, подальше от Петра, и поехал с Ефросиньей в Вену.

Узнав о бегстве сына, Петр Первый был в бешенстве, это воспринималось как позор — сын убежал от отца-царя, самолюбие Петра было сильно ранено, а недовольство сыном дошло до крайней свирепости.

Он тут же потребовал от Австрии выдать сына. Но власти этой страны отнеслись к Алексею гуманно, не захотели заковывать его в кандалы и отправлять к Петру, а предложили Петру решить семейные неурядицы мирно, путём переговоров. Алексей поехал ещё дальше — в Неаполь, и из этого города послал в Россию в Сенат письмо с объяснением своего поступка. Дипломаты Петра — Толстой и Румянцев, преследовали Алексея по всей Европе, чтобы передать лживые обещания Петра.

И в этот момент следует обратить внимание на важный момент — о чём подло лгут десятки книг и учебников — о предательстве Алексея; за границей Алексей не вёл никакой антигосударственной деятельности, не организовывал никакого заговора: ни внутри России, ни за её пределами не сколачивал никаких иностранных блоков против России и не уговаривал европейских монархов идти войной на Россию или смещать с престола Петра ради своей власти — нет ни одного доказательства, ни одного факта. Можно единственно зафиксировать, что Алексею не нравилось отношение Петра к своему народу, его внутренняя жестокая политика, и он свою критику высказывал в беседах с иностранцами. Но внутренней политикой Петра были недовольны примерно 99% россиян, почти все, кроме небольшой кучки приближенных. А всё, что писали и пишут современные авторы против Алексея, — это повтор, перепевы совершенно необоснованных обвинений самого Петра Первого.

После того, как Петр чуть не умер в 1715 году, отношение к «больному пожилому льву» его «преданных» приближенных изменилось, и стали возможны события, которые до этого были немыслимы. Петр, несмотря на свою «любовь» к Марте-Екатерине и на свои болезни, старался не забывать свой «постельный реестр», — это был некий план, который невозможно назвать «планом покорения сердец приглянувшихся красавиц на ближайшее время», а что-то пошлое произносить не хочется. И Петру приглянулась фрейлина Екатерины — Мария Гамильтон, которая была выходцем из древнего шотландского рода. Как пишут многие авторы, больной многими венерическими заболеваниями Петр «распознал в юной красавице дарования, на которые невозможно было не воззреть с вожделением» — и стал утолять свои вожделения. Через несколько месяцев Петр по какой-то причине вдруг «разлюбил» Марию, перестал обращать на неё внимание, скорее всего пошёл дальше по «постельному реестру». Марию тут же «подобрали» приближенные Петра, после Петра «иметь любовь» с бывшей фавориткой царя было весьма престижно.

Во время же длительного отсутствия Петра в 1716–1717 гг. в России усилился бардак и различные безобразия. Деньги разворовывались в чудовищных объемах, а царица Марта — Екатерина Первая, решив, что статус её крепче некуда: Петр её обожает, наследника всё-таки ро-

дила, а основной конкурент от престола отказался и бросился в бега, — решила не мучить своё здоровое тело и позволить себе свободу в наслаждениях, тем более, что «любовь» Петра, в таком же понимании «любви» и Мартой, в связи с его болезнями стала слабеть.

«Число мимолетных увлечений Екатерины приближалось к двум десяткам. Из будущих членов Верховного тайного совета не воспользовались её милостями разве что только патологически осторожный Остерман да Дмитрий Голицын, продолжавший смотреть на «матушку-царицу» с высокомерным отвращением...», — отметил в своём исследовании А. Буровский. Петр второй раз оказался «рогатым», но он об этом ещё не знал.

Когда Петр вернулся в 1717 году в Россию, объявил царицей Марту-Екатерину и обнаружил, что из его кабинета, кабинета царя, пропали важные государственные бумаги, — стали искать шпионов. В это время дежурил старый доверенный денщик Иван Орлов — его и стали пытать с пристрастием. Орлов клялся и божился, что грешен во многом, но только не в шпионаже. Среди перечисленных им грехов оказалось, что у него давний роман с Марией Гамильтон. Лучше бы он этого не говорил для своего же блага. Фрейлина под пытками призналась, что изменила царю (!) и что вынуждена была сделать несколько абортов, внутриутробных отравлений, в том числе и от Петра. Изменить царю — это государственная измена, и завели новое следствие. Петр решил поступить оригинально — пошёл, всё рассказал Екатерине, надеясь, что та в ярости уничтожит свою подопечную, но та отреагировала спокойно и сказала, что всё давно знает и прощает фрейлину. Разочарованному Петру пришлось самому заняться судьбой девушки. Но в это время обманным путём уговорили вернуться в Россию Алексея, и Петр отложил разбирательство. Алексей поверил обещаниям Петра — не приносить ему и Ефросинье никакого вреда, Петр обещал даже разрешить им пожениться — когда они вернутся.

Но сразу при пересечении границы России 3 февраля 1718 г. Алексея арестовали, и началось следствие, Петр обвинил Алексея в измене. Всё окружение Алексея подверглось пыткам с пристрастием, на которые притащили Алексея и заставили смотреть на муки близких людей.

После чего многих «неправильно» влиявших на Алексея людей казнили: Кикина, Афанасьева, Дубровского, священника-духовника Якова Игнатьева. В ходе следствия сделали неприятное открытие — недовольных царём слишком много, но всех казнить не стали. Петр же в свободомыслии Алексея винил в основном «бородачей», то есть священников, жалуясь, что у его отца был один (т. е. — Никон), а у него — тысячи.

В процессе этого следствия вскрылась ещё одна неприятность для Петра — естественно, вспомнили об Евдокии Фёдоровне

Лопухиной, находящейся в монастыре — «старице Елене», и стали пытать её окружение на причастность к заговору, и обнаружили любовную связь Евдокии Фёдоровны с майором Степаном Глебовым. Петр-то думал, что заточенная в дальний монастырь первая красавица России 20 лет находится в изоляции и должна была уже давно помереть от несправедливости, одиночества и тоски. И Петр поднял крик об очередной государственной измене, начал ещё одно следствие.

Оказалось, что в 1709 году майор Степан Богданович Глебов занимался набором в рекруты в окрестностях монастыря и заехал глянуть на царицу, которая жила уже не в монастыре, а рядом в деревне иноком — «скрытно мирянкой». Между ними вспыхнула красивая любовь; Глебов стал наведываться к Лопухиной, привозить ей теплую одежду и продовольствие. После свадьбы Петра с Мартой-Екатериной в 1712 году отношения между Лопухиной и Глебовым стали близкими. Хотя мотаясь по службе по всей России, Глебов не часто заезжал к Евдокии, но судя по сохранившимся девяти письмам Евдокии они чувствовали себя счастливыми последние 6 лет, вот отрывок из одного письма:

«Светлый мой, батюшка мой, душа моя, радость моя, как мне на свете быть без тебя! Ох, любезный друг мой, за что ты мне таков мил! Уже мне нет тебя милее, ей Богу! Ох лапушка моя, отпиши мне, порадуй хоть мало. Не покинь ты меня ради Христа, ради Бога. Прости, прости, душа моя, друг мой!»

Петру на Лопухину было «давно наплевать», он забыл о её существовании, но этой историей было ранено не столько его мужское самолюбие, сколько чувство собственника, и очень гневило то, что оказалось, что Лопухина не очень-то страдала вдалеке в одиночестве и даже была счастлива.

Пыткам подверглось всё окружение Евдокии, включая её духовника Федора Пустынного и епископа Ростовского Досифея, которого колесовали, затем отрубили голову, и голову выставили в публичном месте на кол. У Петра бы хороший повод «разойтись вовсю» и получить много черного удовольствия.

Шесть недель подряд «доктора» Петра пытали майора Глебова. Так долго пытали, потому, что очень стойко и мужественно держался Степан Богданович и против чести законной царицы Евдокии Фёдоровны ничего не сказал. Некто Плейер доносил Петру: «майор Степан Глебов, пытанный в Москве страшно кнутом, раскаленным железом, горящими углями, трое суток привязанный к столбу на доске с деревянными гвоздями, ни в чём не сознался». В то время самому отъявленному преступнику, предателю давали максимум 15 ударов кнутом, а Глебову нанесли 34, фактически оставив без кожи.

Петр бесился, вопрос — «сломать» героя был для него принципиальным. Петр сам со своей буйной фантазией поучаствовал в пытках,

но майор Глебов держался. Тогда Петр Первый придумал пытку-казнь, которую в России в это время не практиковали — решил посадить на кол живым, а чтобы Глебов подольше и поужаснее помучился — Петр рассчитал и соорудил специальный кол с перекладиной, чтобы кол не пронзил быстро насквозь, и смерть не была скорой.

Во время казни на Красной площади Москвы 15 марта 1718 года в окружении толпы зевак Глебов на колу мужественно переносил ужасные муки, а находящийся рядом Петр, злорадно наслаждаясь его муками, умолял Глебова признаться в преступлении — если не перед Петром, то перед смертью — перед Богом. Степан Глебов монстру здорово ответил: «Ты, должно быть, такой же дурак, как и тиран... Ступай, чудовище, — и плюнул Петру в лицо, добавив: Убирайся и дай спокойно умереть тем, кому ты не дал возможности спокойно жить». Взъярённый тиран был побеждён силою духа мученика. Петр пробовал ещё зло издеваться над умирающим — по его приказу, шутя, одели мученику шапку и набросили тулуп — чтобы не замерз и не помер раньше времени и не испортил забаву царю.

18 часов Глебов медленно умирал мучительной смертью, рядом «дежурили» в ожидании покаяния архимандрит Лопатинский, священник Анофрий и иеромонах Маркел, который в отчете написал: «никакого покаяния им не принес». На вторые сутки, почувствовав близость смерти, Степан Богданович попросил этих троих причастить перед смертью, но все трое оказались трусами, забоялись недовольства Петра и отказали мученику, этим все вышеперечисленные «духовные лица» совершили страшный грех.

Петр Первый негодовал в своём бессилии, он был побеждён, было поражено его царское и личностное самолюбие — Петр Первый был уверен, что он, Петр — «самый крутой», мощный и всесильный царь. Три с половиной года метался побеждённый Петр со своим негодованием и раненым самолюбием, возможно, ему снились мучительные кошмарные кровавые сны, — и с того света на него смотрел с мудрой презрительной улыбкой непобедимый мужественный майор Степан Глебов. И Петр не выдержал и решил ещё раз с ним сразиться, на него напасть вместе со Святейшим Синодом — 15 августа 1721 года Петр Первый приказал Святейшему Синоду осудить Степана Глебова и предать вечному проклятию — анафеме.

Похоже, Петра не радовала даже окончательная победа русской армии над шведами в морском сражении у острова Гренгам 27 июля 1720 года, и конец затяжной Северной войны, зафиксированный в договоре со Швецией в этом же августе 1721 года. Ему важнее, главнее было победить майора Глебова.

Синод тянул с исполнением воли царя. Тогда Петр своё внутреннее поражение решил компенсировать усладой самолюбия — приказал

Сенату дать ему титулы, назвать его: Великим, Императором и Отцом Отечества — всё на что способна была его фантазия. И Сенат в октябре 1721 года в торжественной обстановке выполнил волю Петра. После этого воле Великого Императора и Отца Отечества не стали перечить и «бородачи» — 22 ноября 1721 года собрался Святейший Синод и «духовные иерархи» послушно осудили «злолютого преступника» и предали вечному проклятию.

Стало ли после этого легче Петру? Неизвестно; по-моему, только немного подсластил горечь, тем более в оставшиеся несколько лет жизни его ожидали очередные поражения. Возмутилась обделенная титулами оскорблённая загулявшая прачка-царица Марта-Екатерина Первая и по приказу Петра «Великого» 23 декабря 1721 года Сенат сделал ей новогодний подарок — преподнес титул «Императрицы».

Вернемся в 1718 год, после казни Степана Глебова. Смертельный вердикт вынес Петр и своему сыну Алексею. Суд во главе с Меншиковым приговорил Алексея к смерти. Вернее сказать — по велению Петра суд приговорил Алексея к смертной казни.

И 26 июня 1718 г., как отмечено в гарнизонной книге Петропавловской крепости, в 8 часов утра Петр прибыл в крепость к Алексею с 9-ю чиновниками — чтобы самолично казнить Алексея или лично присутствовать при его казни. Каким способом умертвили Алексея оказалось тайной, и до сих пор неизвестно, можно только гадать, что мог придумать сыну изощрённый Петр. На следующий день — 27 июня этот земной Сатана вовсю веселился со своим «всепьянейшим собором», широко, загульно празднуя юбилей Полтавской битвы.

К этому времени уже больше года длилось следствие «по делу» Марии Гамильтон. С ней Петр поступил оригинально, мстительно: хотя она ни разу не рожала, а делала аборты, но ей «пришили» какого-то брошенного новорождённого найденного мертвым, и это было основанием для Петра казнить свою бывшую любовницу. Мария умоляла его прилюдно до самой последней секунды. Петр сам подвёл шотландскую красавицу к палачу 14 марта 1719 года. После чего народ был свидетелем «знаменитой сцены» — Петр Первый поднял отрубленную голову Марии Гамильтон, прочитал окружающим долгую лекцию по анатомии, затем монстр поцеловал губы отрубленной головы и бросил её в грязь. Попробуйте ответить на вопрос — был ли Петр Первый человеком? По приказу царя подчиненные отрубленную голову вымыли, заспиртовали и поместили в стеклянном сосуде в музее — в Кунсткамере, куда Петр часто заходил отдохнуть и полюбоваться его красотой — уродами и отрубленными головами.

Два года Петр занимался не государственными делами, а следствием, пытками, казнями.

«Страна оказалась фактически никем не управляемой; исполнительная дисциплина была чудовищной, воровство чиновников сделалось бытовой нормой. Даже старых служащих, начинавших ещё при Алексее Михайловиче, развращало беззаконие, организованное самим царём...

Финансовая коллегия требовала отчетности из провинций, и в 1718 г. разослали по всей стране требования: прислать статистику доходов и расходов. Ни одной бумажки ни одна губерния не прислала; в 1719 году напомнили... опять молчание», — отметил в своём исследовании А. Буровский.

Но в личном плане всё бы хорошо — все «враги» — изменники казнены, полная «виктория!». Брауншвейг-люнебургский резидент Ф.Х. Вебер, описывая празднество Нового 1719 года в Петербурге отметил, что «царь уподобил себя патриарху Ною, который с негодованием до сих пор взирал на древний Русский мир...». Как видим, Петру уже 47 лет и он так и не полюбил Россию.

В 1719 году произошло печальное для Петра событие — умер от болезни последний сын от Марты-Екатерины Петр Петрович, планируемый наследник. Петр впал в апатию и хандру, его болезни усилились, и после долгих раздумий Петр в 1722 году изменил существующее веками законодательство о престолонаследии, ввёл право императора самому назначать наследника, чтобы не допустить к престолу внука Петра Алексеевича — сына казненного Алексея, и посадить на трон перед своей смертью трижды крещеную двоемужнюю еврейку с русско-шведским именем и польской фамилией. При этом получили шанс занять российский трон различного рода авантюристы — типа Меншикова, который мог надеяться, что после смерти Петра его давняя наложница может передать трон ему, назначить императором его, ибо это благодаря ему эта прачка стала царицей и императрицей.

В этот период Петру подсказали, что на юге от внутренних раздраев фактически развалилась Персия, и не мешало бы что-то у неё урвать. И Петр двинул на Персию огромную армию, которая легко, без особого сопротивления дошла до Баку. Дальнейшее продвижение остановила надвигающаяся на помощь Персии османская армия, в результате чего Петр был вынужден подписать в сентябре 1723 года мирный договор, выгодный для России — Персия уступила России Кавказ от Дагестана до Баку. Но все материальные и людские усилия, человеческие жертвы оказались напрасными, ибо сильно ослабленная во время правления Петра «Великого» Россия после его смерти не рискнула воевать с Персией и по Рештекскому договору 1732 г. и по Гянджинскому трактату 1735 г. всё завоеванное мирно вернула Персии обратно.

Если в Прутском походе в боях погибло около 5 тысяч русских солдат и офицеров, а 22 тысячи умерли по вине Петра в результате плохой

им организации похода — от холода и голода, то сколько загубил Петр Первый жизней на этот раз в Персидском походе мне не известно.

В 1723 году Петр Первый вынужден вынести смертный приговор за казнокрадство своему другу еврею П. П. Шафирову (1669–1739 гг.), но в последний момент смилостивился, и заменил казнь ссылкой.

52-летний Петр уже очень плохо себя чувствовал и позаботился о троне — в мае 1724 года устроил грандиозную церемонию коронации любимой Марты-Екатерины, именем которой предварительно в 1723 году назвал город в Сибири (Свердловск). Но как уже указывалось выше примерно с 1717 года Марта-Екатерина «пошла в загул» и имела много любовников, об этом многие знали, кроме Петра, придворные солидарно хранили тайну. Не прекратила она свои наслаждения став царицей, и императрицей, и коронованной. Через несколько месяцев после коронации Петр случайно вдруг открыл страшную для себя истину — его любимейшая Марта-Екатерина, императрица уже давно изменяет ему с камергером, наставила императору «рога», предала! Опять государственная измена! И с кем? — с Виллимом Монсом, братом той Анны Монс, которая также наставила «рога» царю. Петр был в шоке.

«... Есть свидетельства и того, что с 1724 года Петр попросту стал импотентом, и «матушка царица» окончательно пустилась во все тяжкие», — отметил в своём исследовании А. Буровский. В любом случае — Петр точно был сильно болен, и после выпитого огромного количества алкоголя мог вполне совсем ослабнуть, а младше его на 12 лет Марта-Екатерина благоухала здоровьем, а младше её на 4 года Виллим был придворным «Аполлоном» и «любовь» понимали по-петровски.

Сильно больной Петр «Великий» был в бешенстве и неописуемой ярости, прыгал, орал, тыкал охотничьим ножом в стены и во все, что подвернулось под руку, чуть не покалечил дочерей, разбил дверь.

Это был последний близкий ему человек, и тот предал. Меншиков давно сильно разочаровал Петра свой жадностью и хитростью и был уже в большой опале. Петр был опустошен, разочарован жизнью, потерял всякий смысл жизни, совсем одинок. Это было закономерным окончанием грязной жизни монстра: с грязи начал — всю жизнь в грязи и крови провёл — и грязью и кровью жизнь закончил. Он издевался над жизнями, над Жизнью, и Жизнь отвечал ему тем же. Боясь причинять себе же больше боли и сделать больше «открытий», Петр прервал следствие и отрубил голову Монсу 16 ноября 1724 года, посадил отрубленную голову на шест на Троицкой площади и зловеще привез Марту-Екатерину показать голову её любовника, не понимая, что это его же позор. Хотя свой позор постарался скрыть, замаскировать — в приговоре было сказано, что Монса казнят за взятки. Затем Петр приказал заспиртовать голову конкурента и поместить в Кунсткамеру. Другие измены не стали

известны Петру, ибо в этом были «кровно» не заинтересованы повязанные тайной приближенные, и в первую очередь ближайший друг Меншиков, который, по мнению некоторых исследователей истории, не прерывал связь со своей любовницей с 1703 года.

Шокированный Петр стал быстро хиреть, прогнал жену в отдельные комнаты, затем стал вводить санкции: запретил придворным принимать от императрицы приказы и указания, потом наложил «квестор» на выдачу ей денег, и императрице пришлось одалживать деньги у придворных; затем Петр разорвал своё завещание о престолонаследии. И не известно, до чего бы дошёл Петр в своей ярости, вернее — известно, если бы не его внезапная смерть 28 января 1725 года. Парадоксально звучит или закономерно — но всем была выгодна смерть тирана. И многие исследователи склоняются к выводу, что Петру ускорили смерть, «помогли» — отравили, и в первую очередь в этом были заинтересованы любимая Марта-Екатерина и «друг» детства Меншиков. Ибо если бы Петр смог дописать свою знаменитую прерванную смертью фразу: «Отдайте всё...», то, скорее всего, она была бы для них катастрофой, а так они — совершенно свободные, уже без всякого страха перед Петром, на вершине власти два года проводили в непрерывных пьянках и оргиях, когда, как писали заезжие иностранцы, у русского императорского двора за этим занятием слились воедино день с ночью. А. Буровский заметил:

«Петр как будто нарочно сделал все возможное для того, чтобы после него буквально ничего не осталось. Он убил умного, хорошего сына, который мог бы править после него; возвел на трон женщину, смертельно опасную для него же самого и совершенно непригодную для роли императрицы. Наконец, он словно специально привлек к власти людей, совершенно не способных стоять у руля государства».

Петр всю свою дворцовую «команду» сам собрал, породил, и при жизни их объединял, был центром их внимания и «скрепительным цементом», но со смертью Петра этот сплачивающий воедино «цемент» резко исчез, освободив подчиненных, и они — свободные от него, находясь иногда в трезвом и здравом уме, — жестко между собой интриговали, строили друг другу козни. Знаменитый историк Ключевский заметил: «Они начали дурачиться над Россией тотчас после смерти преобразователя, возненавидели друг друга и принялись торговать Россией как своей добычей».

«Вообще надо сказать, компания «птенцов гнезда Петрова» подобралась мало того, что зловонная и дурная, так ещё и на редкость нежизнеспособная: и недолговечная, и не оставившая потомства. Стоило скончаться Петру, как члены этого кружка передрались, предали друг друга и начали помирать один за другим. И в потомках эти люди были бесплодны. Если читатель сочтёт, что я злопыхатель и клевещу на пре-

красных людей — пусть назовет мне кого угодно из Меншиковых, Ягужинских, Головиных, Бутурлиных. Назовите хотя бы одного известного государственного деятеля, славного своими делами, учёного, писателя, художника...», — отметил А. Буровский.

Мы закончили рассматривать историю правления Петра Первого, осталось рассмотреть ущерб и трагические последствия.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Последствия правления Петра Первого

Во-первых, второй раз в истории России мы наблюдаем аналогичную ситуацию — после сильного монарха-тирана страна сильно слабеет и наступает смутное время. Все исследователи единодушны — Петр после себя оставил Россию не только в сильном материальном разорении, как Иван Грозный, но в отличие от Грозного ещё и в большом морально-нравственном разложении. Наступил «вялый» и блеклый исторический период, отмеченный многочисленными дворцовыми заговорами при отсутствии всякой нравственности, гегемонией иностранцев вплоть до воцарении их на русском престоле незаконными способами. Через 6-7 лет после смерти Петра Первого его знаменитого флота уже не существовало, флот весь сгнил, и нового никто не строил.

Умиляют многочисленные авторы различных учебников и книг, когда пытаются каким-то чудесным образом и одновременно сказать полуправду и солгать о правителе Петре, например: «Петр Первый был величайшей выдающейся личностью, хотя да — страну он оставил в полном разорении и народ его люто ненавидел». Так не бывает, уважаемые, — если страна осталась после его правления сильно разоренной и ослабленной, а народ сильно убыл, страшно нищ, в рабском скотском состоянии — то это означает, бесспорно, только одно — руководитель, правитель, царь, император, президент — очень большая и опасная бездарь, сумасброд и дурак или сумасшедший, или лютый враг своего народа.

Второе смутное время наступило бы в России после смерти Петра Первого повторно во всей красе: если бы любой из соседей задумал в этот момент напасть, то опять в Кремле, на этот раз — в Петербурге, властвовали бы иностранцы, впрочем, они и так вскоре властвовали без военных действий. На этот раз повезло с обстоятельствами и со-

седями — Польша и Швеция, измотав друг друга в очередной войне, с трудом восстанавливались и не помышляли о единоборстве, а южным соседям — Персии и Турции, как уже указывалось выше, в начале 30-х годов пришлось мирно отдать всё приобретенное в сражениях Петром, дабы избежать войны.

Правителям после Петра повезло и тем, что не вспыхнули в России народные восстания, и можно понять, почему для них это было положительным результатом правления Петра — Петр уничтожил четверть народа, остальную часть задавил страхом, зашугал на несколько поколений.

Лев Тихомиров в своем исследовании заметил одну вещь очень метко: «Монархия после Петра уцелела только благодаря народу, продолжавшему считать законом не то, что приказал Петр, а то, что было в умах и совести монархического сознания народа».

Во-вторых, в России появился новый управленческий, чуждый своему народу, эксплуататорский класс. «На самом деле Петр Первый осуществил не великие реформы, а великую революцию во всех областях жизни. Петр Первый уничтожает патриаршество и сам становится главой Православной Церкви, которой управляет через созданную особую канцелярию. Самодержавие — самобытную русскую форму монархической власти, он заменяет европейским абсолютизмом. Он безжалостно выкорчевывает все основы самобытной русской культуры и русского быта», — заметил Б. Башилов. Петр, оттеснив и придавив церковь, становиться единственным, главным идеологом кардинальных перемен.

Петр повторил печальный и трагический поступок Владимира-крестителя — он насильственно, очень жестоко попытался навязать русскому народу новую идеологию, очередную прозападную идеологию и прозападную систему ценностей, но навязал только верхнему слою, который помогал ему навязать чужеродное народу, «выкорчевал все основы самобытной русской культуры и русского быта» только в высшем управленческом слое. Произошла любопытная вещь — народ остался прежним, только был сдавлен насилиями и страхом, а верхний слой — господа сильно изменились при Петре, стали другими и это к ним относилась оценка Б. Башилова: «После смерти Петра началась самая нелепая страница истории русского народа. Те, кто стали вершить его судьбу, попирали его веру, презирали его обычаи, на каждом шагу издевались над его национальным достоинством». На эту тему князь Щербатов написал книгу «О повреждении нравов в России». А с другой стороны: «Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победой и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни своих бритых бояр», — писал внимательный Александр Сергеевич Пушкин. А в статье «Старый мир и Россия» закоренелый

петровец, страстный поклонник Запада А. Герцен также зафиксировал: «Крестьяне не приняли преобразований Петра Великого. Они остались верными хранителями народности».

Таким образом, в-третьих, в России, благодаря Петру, произошёл резкий разрыв общества на две части, появились два разных, очень далеко стоящих друг от друга класса: управленческий дворянский и народ. «Собственно, что сделал Петр? Своими указами он разорвал единый народ на две части. Одной из этих частей русского народа он велел внешне европеизироваться (подчёркиваю — в основном чисто внешне!). Другой части — только позволил; третьей и большей части — категорически запретил.

И тем самым указы Петра вбили клин между двумя группами населения: служилыми и тяглыми, жителями нескольких самых больших городов и деревенским людом. После Петра служилые верхи и податные низы понимают друг друга все хуже. У них складываются разные системы ценностей и представлений о жизни, и они все чаще осознают друг друга как представителей едва ли не разных народов», — особо отметил в своём исследовании А. Буровский.

Повторю: «разные системы ценностей» — когда у народа остались те же добрые «старые» морально-нравственные ценности предков, аутентичность, национальная самобытность, самоценность и достоинство, а «верхи», благодаря Петру, от этого отказались, изменились и ушли в другой новый облик, стали «новыми русскими», попытались стать космополитами и европеизироваться на западный манер, копируя, попугайничая и презирая своё «былое» национальное.

Часть «среднего класса»: обнищавшие дворяне, помещики, мещане и прочие восприняли реформы формально и только внешне изменились, окультурились: «Раньше сговаривали детей люди в старомосковском платье, в низеньких палатах, отцы и матери отдельно. Теперь люди в коротких кафтанах сговаривали в комнате с картинами и зеркалами, пия кофе и любуясь фарфоровыми безделушками. Ну что изменилось по сути? Единственное нововведение Петра в области культуры умерло вместе с ним: сразу же после его смерти начисто исчезли ассамблеи», — отметил А. Буровский.

Но верхние петровские управленческие слои изменились сильно, вернее — испортились сильно, не только стали из далёкой высоты смотреть презрительно на «дремучий» упёртый народ, «понимающий только кнут и виселицу», но и стали по примеру Петра презирать родной русский язык и переходить в общении на иностранные, совершенно потеряли морально-нравственные ориентиры.

«А может быть самое худшее — это колоссальное растление народа... опять же — не всего народа, конечно, а именно той части, которая теснее

всего взаимодействовала с Петром... Растление тех самых правящих 1% самое большое 2-3% населения Российской империи», — отметил в своём исследовании А. Буровский. Любопытно, что вышесказанное удивительно точно подходит всем реформаторам-перестройщикам: Екатерине Второй, большевикам, в начале 90-х, и к политической и экономической элите в начале 21 века.

Более того — при Петре некогда небольшая управленческая прослойка превратилась в жирный эксплуататорский слой, класс дворян увеличилось в 5 раз. А благодаря «табелю о рангах» и, несмотря на объявленный Петром симпатичный принцип продвижения по карьерной лестнице «по годности» — из 14 классов 7 верхних классов (с 8-го) чиновников получали право потомственного дворянства.

После петровских реформ князь Святополк-Мирский в своей книге уже мог смело написать:

«Главным недостатком общественной и государственной жизни новейшей России всегда являлась та духовная пропасть, которая существовала у нас между высшими и низшими классами населения... Русские образованные классы, после и благодаря реформам Петра, в культурном отношении оказались в своеобразном положении как бы «непомнящие родства»».

«Все реформы Петра вырыли глубокую пропасть между допетровской и петровской Россией. Гибельные последствия реформ Петра неисчислимы. В результате их в России вместо единого народа возникли как бы два особых народа: совершенно различных по вере, миросозерцанию, языку и одежде и быту», — фиксировал в своём исследовании И. Солоневич.

В-четвертых, народ полностью отвергли, отрезали от участия в управлении государством, обществом — остались в далеком прошлом Земские соборы, Думы, Вече и т. п. Государство и монархия благодаря Петру из регулятора и организатора жизни народа превратились в совершенно оторванного от народа злого господина, в жестокого эксплуататора и вампира. Народ этому чуждому государству и чуждой монархии был нужен только как объект налогов, источник денег, рекрутов и прочих людских ресурсов.

«Россия с Петра перестала быть понятной русскому народу. Он не представлял себе ни её границ, ни её задач, ни её внешних врагов, которые были ясны и конкретны для него в Московском Царстве, выветривание государственного сознания продолжалось беспрерывно в народных массах Империи», — отметил Г. Федотов («Размышление о России и революции»).

С Петра начали уничтожать государственное сознание народа, его «гражданскую позицию», народ перестал понимать и сопереживать за

государственные интересы, потому что — это были не его интересы, чуждые, антинародные. Это сильно тормозило развитие общества и государства — опять же благодаря Петру «великому». Петр фактически сказал народу: «Молчи, смотри и слушай внимательно подлый варварский народ, попробуй, гнида, только ослушаться или взбунтоваться...».

И так говорили все последующие монархи после Петра до Екатерины «великой» включительно.

Ведь это Петр «великий» своим Указом в 1711 году закрепостил крестьян до рабского состояния, когда крепостных крестьян стало можно продавать без земли и разрывая семьи... Его последователи-монархи эту тенденцию продолжили, закрепив рабство и рабочих, а Екатерина «великая» довела эту позорную и пагубную тенденцию до абсурда, до края, до восстания Пугачева.

Таким образом, в-пятых, благодаря Петру «великому» стала формироваться в России объективная база всех будущих катастрофических для России революций. Подчеркну — в предыдущей, в данной и в следующих книгах я буду внимательно рассматривать важнейший вопрос для каждого русского человека, для каждого россиянина и славян других стран — «Русский вопрос».

Понятно, что в созданной Петром ситуации народ относился неприязненно или даже враждебно к своему «родному» руководству, национальной власти, и понятно, что большое количество прибывших в Россию при Петре иностранцев только усугубляли в народе впечатление и отношение чуждости, враждебности, непонятливости.

В-шестых, эту пропасть между высшими и низшими российскими классами усугубили привлеченные в страну иностранцы, которые пребывали в России благодаря Петру и после его смерти. И благодаря Петру стали возможны тяжелые времена Бирона, Липмана, засилье иностранцев в науке — все эти Миллеры и Байеры, многочисленные масоны и масонские организации, и захват трона в России немкой Софией Фредерикой Августой Ангельт-Цербтской — Екатерины Второй, и её трагическое для России своими последствиями правление. Не случайно она додумалась поставить в 1782 году помпезный памятник Петру — «Медный всадник»; и сразу же в Петербурге возникла зловещая легенда о скачущем ночью кровавом царе. Петр привлек много иностранцев в армию, в управление страной и в образование. До чего довели немецкие управленцы астраханцев, народ — помним, как «воевали» под Нарвой — помним. Причем следует отметить, что если Петр своих соотечественников карал жесточайшим образом за малейшую провинность, кроме нескольких друзей детства, то к иностранцам оказывал впрямь христианское милосердие и всепрощение, например, герцог Огильви в бою под Нарвой совершил измену — перебежал к шведам,

но когда положение шведов ухудшилось — Огильви покаялся, и был Петром прощен, и опять поставлен на службу в русскую армию...

Повторюсь, — если мы рассматриваем поступки в России некоего морально урода Огильви или Кроа, немцев или евреев — мы всё время внимательно раздумываем и пытаемся разобраться в трагическом «Русском вопросе» не из любопытства или некой «чистой» научной истины, а чтобы попытаться не повторить трагических ошибок в будущем.

Авторы многочисленных учебников любят писать такую фразу во славу Петра: «Петр Первый много сделал для образования, открыл университет, пригласил в Россию много иностранных учёных, открыл Навигационную школу, Инженерную, Артиллерийскую, Адмиралтейскую, цифирные школы...

Это якобы должно означать, что Петр много сделал для развития науки, образования, культуры, нравственности. Но после этой голословности никто не раскрывает конкретику, реальность, как это делает в своём исследовании А. Буровский — в 1711 году дошло до того, что ученики Навигационной школы разбежались, чтобы не помереть от голода, солдаты их ловили, но поймали не всех... В 1714 году опять писались слезные челобитные, что ученики, пять месяцев не получая ни копейки, «не только кафтаны проели, но и босиком ходят, просят милостыню у окон...», » в Морской академии (в Петербурге! Под самым, что ни есть государевым оком!) сорок два гвардейца не ходили на учение затем, что стали наги и босы». В 1724 году Петр устроил личную ревизию академии — приехал на занятия. Выяснилось, что 85 учеников уже 5 месяцев не ходят на занятия «за босотою и неимением дневного пропитания»... После смерти Петра цифирные школы стали сливаться с архиерейскими, гарнизонными, горнозаводскими школами и постепенно исчезли...

Сохранилась потрясающая история про то, как Михайло Ломоносов вернулся из Германии и впервые вышел на работу в Академическую гимназию. В помпезном нетопленном зале на триста слушателей сидел одни-единственный скрючившийся от холода гимназист. И великий учёный не стал читать лекцию. Он подозвал к себе оборванного мальчика и спросил его: «Сегодня ел?» Гимназист помотал головой, и тогда Михайло Васильевич повел его к себе обедать...». Вот так учили иностранцы и Петр русских детей. Вот такая была реальность, правда. Хорошо, что появился Ломоносов.

«Между Петром Первым и Екатериной Второй он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом», — так высказался А. С. Пушкин о М. Ломоносове.

Хорошо известно, как иностранцы третировали, гнобили Татищева и Ломоносова. А если спросить, что конкретно сделали иностранцы

для России или какое научное открытие совершили, то возникнет неприятная пауза. Большое количество иностранцев хорошо устроились в России, получали прекрасный «пенсион», просто дурачили Петра и делали вид, что что-то делают для России. Историк К. Валишевский отметил — после Петра Первого «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, забирались во все доходные места в управлении. Вся эта стая кормилась досыта и веселились до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа».

После реформатора Петра «Великого» и Екатерины «Великой» многозначительно сказать: «знался с немцами» — мог тихо с благодарностью «великий» реформатор Ленин и «великие» реформаторы-«перестройщики» — друзья Гельмута Коля... Загадочные витиеватые повторы истории.

Пётр Первый по национальности был русским, и то, что петровское дело жестокой ломки русского духа и русской души продолжила немка Екатерина «великая» — неудивительно, даже закономерно, но многим исследователям истории закономерно и то, что эту ломку такими же жестокими способами продолжили в начале 20-го века приезжие кучерявые большевистские комиссары, которые легко и просто губили русскую душу вместе с жизнью русского человека. И если Пётр добивал православную церковь, сильно ослабленную после раскола, обезглавив и втиснув её в одно из министерств своего бюрократического аппарата, то большевики «успешно» продолжили эту тенденцию и завершили её взрывами церквей, храмов и физическим уничтожением священников.

В-седьмых, стоит обратить внимание на «научные достижения» иностранных учёных в России.

После управленцев и авантюристов потянулись в Россию и безработные в Европе учёные-миссионеры. Таковым был немец Готлиб-Зигфрид Байер, который в 1725 году переехал из Германии в Россию и стал русским историком. Это о нём написал Михаил Ломоносов: «Старается Баер не столько о исследовании правды, сколько о том, дабы показать, что он знает много языков и читал много книг».

И таких, как Байер, во времена Ломоносова было немало. В этом же 1725 году из Германии в Россию приехал ещё один знаменитый историограф России Герард-Фридрих Миллер, который приехал в Россию учиться, но из студента, благодаря своим покровителям, быстро превратился в профессора.

Эти учёные, чтобы оправдать «закономерное» засилье немцев на Руси и доказывали за русские харчи и золото, что славяне были изначально дикарями и варварами, и только пришедшие западные князья Рюрики всего (!) за несколько годков сделали Русь мощнейшим государством.

Костомаров возмущался М. Ломоносовым, что он резко выступал против Миллера, и даже якобы третировал его за то, что тот не считал скифов предками русских, и за создание им «норманнской» версии, по которой Рюрик произошёл из чухонцев и скандинавов, но как мы убедились в первой моей книге «До и после крещения...», М. Ломоносов был полностью прав, и боролся за истину, а не потому что был националистом и ксенофобом, каковым он, конечно, не был.

Миллер с 1733 по 1743 гг. путешествовал по России и собирал различные древние исторические документы, и насобирал их — 258 портфелей копий (!) первоисточников.

Был и третий «великий русский историк» Август-Людвик Шлецер (1735–1809 гг.). «Он поступал на редкость оригинально», — пишут в своём исследовании ученые РАН Л. И. Бочаров, Н. Н. Ефимов, И. М. Чачух и И. Ю. Чернышев. — «Скажем, есть какая-то русская летопись. Но в ней имеются моменты, которые никак не ложатся в канву его логических построений. Тогда «великий историк» просто-напросто объявляет непонравившиеся ему фрагменты текста искажёнными переписчиками и с чистой совестью правит древние письмена по своему разумению... Обратимся к многотомному фундаментальному академическому труду «Полное собрание русских летописей», где чёрным по белому написано: «Радзивиловская летопись — древнейшая, дошедшая до нас».

Почему мы столько внимания уделяем этой проблеме? Делается это для того, чтобы читатель чётко уяснил для себя — именно Радзивиловская летопись лежит в основании всей российской исторической науки и считается тем непогрешимым документом, в подлинности и достоверности которого подавляющее большинство современных историков не сомневается. Именно она послужила первоисточником для небезызвестного Шлецера, когда тот писал свои исторические экскурсы...

Удивительный факт: оригинал древнейшего русского летописного списка так и не был опубликован в течение нескольких столетий и увидел свет только в 1989 году...

Дальнейшее изучение подлинника летописного списка привело прямо-таки к ошеломляющим результатам. Тщательный анализ документа позволил сделать удивительный вывод: в летописи не просто недостаёт двух листов, в неё кем-то были вставлены дополнительные. И что за листы!

Первый из них, под арабским номером 8 и церковно-славянским номером 9, повествует... о призвании варягов на Русь. Этот лист — единственный во всей летописи, где говорится о том, что варяги пришли к нам с северо-запада, из Скандинавии. Именно он лёг в основу всей норманнской теории, целью которой было обосновать законность прихода к власти на Руси Романовской династии. Выкинь этот лист

из рукописи, и становится ясным, что легендарный Рюрик — не какой-то там пришлый скандинавский правитель, призванный на Русь дабы ввести её в лоно цивилизации, а самый что ни есть исконно русский князь... (внук Гостомысла).

Именно этот сфальсифицированный лист позволяет придворным историкам в угоду царствовавшей династии утверждать, что современный Новгород на Волхове и был в своё время одним из политических, экономических и культурных центров Руси. Хотя совершенно очевидно, что стоящий на отшибе среди болот и лесов, вдали от торговых путей город, добраться до которого было невероятно сложно, никак не мог выполнять эту роль. Почему же учёные в течение долгих лет не могли распознать фальсификацию? Дело в том, что подавляющее большинство историков работало не с подлинником рукописи, а с её копией. Подлинник правители Руси хранили как зеницу ока и допускали к нему самых проверенных и надёжных своих подручных. В числе первых из них были немецкие профессора Шлецер и Миллер — основоположники русской историографии. Попади оригинал летописи в руки любому честному учёному, заботящемуся исключительно об установлении исторической правды, фальсификация вскрылась бы немедленно».

Теперь понятно, почему современник названных немецких профессоров выдающийся русский исследователь Василий Никитич Татищев не мог при жизни издать свой труд «Историю Российскую», который был издан после его смерти Миллером, после проработки им этого труда...

«Мало того, что он (Миллер), по собственному признанию, допускал правку татищевского текста, — пишет названная четвёрка современных исследователей, — но после его работы над рукописями, они бесследно исчезли и не обнаружены до сих пор... После смерти Татищева все документы, которыми он пользовался, исчезли. Они исчезали целыми архивами, как это было в Казани и Астрахани».

Приложил немало усилий к этому, «помог и поклонник всего западного Пётр Первый, издавший указ всем епархиям и монастырям: «выслать в Москву, в Синод, находящиеся у них хроники и хронографы, написанные на пергаменте или на бумаге». Собрали, выслали и... пропали.

Стоит заметить, что не учёные немцы начали «обработку» истории России. Они только обработали дополнительно уже многое «сделанное» до них, они на завершающем этапе придали русской истории требуемый окончательный завершённый вид, якобы логичный и целостный. Ибо до них крупная ревизия летописных документов произошла во время трагической реформы патриарха Никона.

Романовы «занимались» историей и раньше, — зачистка документов-первоисточников началась сразу после воцарения Романовых Филаретом. Когда в 1613 году царём стал 16-летний Михаил Фёдорович

Романов, то фактически первые годы страной управлял его отец — Фёдор Романов, он же московский патриарх Филарет. Но «зачистка» летописных документов происходила и до этого времени, в предшествующий период смутного времени, когда различные боярские кланы и зарубежные силы боролись за престол в России. Историк Р. Скрынников в своей книге «Царство террора» пишет:

«Расцвет московского официального летописания в 1550-х — начале 1560-х годов и его полное прекращение после 1568 года были обусловлены... Трагичной была судьба приказных людей, руководивших летописными работами... Печатник Иван Висковатый был казнён... Если бы кто-нибудь из приказных, занявших место убитого И. Висковатого, на свой страх и риск описал Новгородский погром, он явно рисковал бы головой».

На это обратил внимание и историк Ключевский, который заметил, что именно в эту пору возникла и легенда о венчании Владимира Мономаха венцом византийского императора. Похоже, задолго до Фрейда и Юнга и прочих еврейских специалистов XX века по человеческому сознанию и подсознанию многие коварные мыслители прекрасно понимали значение истории в формировании сознания народа, его самосознания. Наш современник — академик Российской академии наук Анатолий Тимофеевич Фоменко утверждает: «Теория о монголо-татарском иге на Руси, как справедливо отмечал известный историк Л. Н. Гумилёв, была создана в 18 веке иностранцами (Баером, Миллером, Шлецером) в ответ на определённый «Социальный заказ», под влиянием идей о якобы рабском происхождении русских. Новая версия русской истории играла на руку пришедшей к власти династии Романовых. Им было необходимо исказить предшествующую историю, чтобы доказать законность своего воцарения на троне.

Напомню, что эта прозападно настроенная династия победила в гражданской войне (известной под именем Смута) исконно русскую династию Ивана Калиты (ханов-царей Орды, т. е. Руси, которые тяготели к Востоку). После этого была предпринята попытка ревизии истории, и мы видим существующий сегодня вариант, когда все прогрессивное якобы приходит в Россию с Запада, а всё плохое, враждебное возникает на Руси». В этом вопросе я пытался детально разобраться в своей первой книге «До и после крещения...».

Дело в том, что изменить задним числом историю, её сфальсифицировать очень сложно, ибо тогда необходимо изымать или исправлять много различных документов в разных странах, менять общую картину истории, что совершить практически невозможно. А значит — как ложью не накрывай, но неизбежно, как шило из мешка, вылезет истина в виде различных странностей и несоответствий.

В-восьмых, как уже обращалось внимание выше — Петр сильно замедлил развитие российского общества, России, не только втоптав все морально-нравственные ценности, но и своей «социальной» рабовладельческой политикой. В своём исследовании А. Буковский отметил: «при нем великое множество форм и видов неравенства сменились гораздо более однозначными формами рабства.

Он уничтожил все разнообразные виды собственности в крестьянской среде, не давая возможности черносошным крестьянам порождать и развивать буржуазные отношения собственности, как это происходило в 17 веке. Мало того, что при Петре общество стало несравненно менее свободным, чем было ещё при Софье... оно стало ещё и менее разнообразным, а это ещё хуже и опаснее. Ведь внутреннее разнообразие общества — залог его возможного развития. Чем сложнее, разнообразнее общество, чем более разные люди его составляют — тем легче отвечает такое общество на вызовы времени... А чем оно проще, тем с большим трудом общество приспосабливается к изменяющейся жизни». Застой после Петра продолжался до конца 18-го века и изменения начались только благодаря внешним факторам, и ожили, опять же, опасные негативные процессы, заложенные Петром Первым.

Убеждённый западник профессор Г. Федотов вынужден был признать:

«Петру удалось на века расколоть Россию на два общества, два народа, переставших понимать друг друга. Разверзлась пропасть между дворянством и народом (всеми остальными классами общества) — та пропасть, которую пытается завалить своими трупами интеллигенция 19 века».

Да, в-девятых, закономерно после Петра в конце 18 — начале 19 веков появилась в России часть своеобразной интеллигенции, поклоняющийся Западу — «западники». Самобытная, самодостаточная и со своим нормальным достоинством русская элита: бояре, дворяне, купцы — была заменена Петром на недотёп — «вечных» подражателей Западной Европы, «запоздалых» «прогрессивных», стыдившихся русского языка и презирающих свой народ-кормилец. После Петра стало хорошей манерой у дворян ругать «дикую» «варварскую» Россию. А затем дети этих дворян стали интеллигенцией: Белинскими, Огарёвыми, Герценами, Чаадаевыми и т. д. с их фанатичным преклонением перед Западом и презрительным отношением к «варварскому народу», образовалось новое противостояние «интеллигенция — народ» и «народ — интеллигенция». Вот без комментариев понятен знаменитый западник В. Г. Белинский:

Россия тьмой была покрыта много лет.

Бог рек: да будет Петр — и был в России свет», — В. Г. Белинский своеобразный «Маяковский» того времени: «Для меня Петр — моя

философия, моя религия, моё откровение во всем, что касается России. Это пример для великих и малых...», «Петр, Конвент научили нас шагать семимильными шагами, шагать из первого месяца беременности в девятый» (А. Б.).

Очень удачная аналогия: кровавый Петр и кровавые французские масоны-революционеры со своим Конвентом и гильотиной. Можно вспомнить ещё, какими «семимильными» способами реформировали Россию большевики после того, как её полностью разрушили. Между Петром и большевиками закономерны были Белинский, Добролюбов и их «интеллигентская компашка западников», а после них закономерно появились студенты-бомбисты — террористы: Нечаев, Перовская, Натансон и т. д., а после них до террористов-бундовцев и большевиков совсем «рукой подать». Ибо их учила уже совсем другая — прозападная интеллигенция, как например, доцент Московского университета Печорин написавший стихи:

Как сладко отчизну ненавидеть
И жадно ждать её уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницы пробужденья.

Чему хорошему могли научить молодежь, студентов эти образованные морально-нравственные уроды, интеллигенция? Вот закономерно и вырастали молодые нравственные уроды, бросающие в царей бомбы, хотя эти цари-жертвы были полной противоположностью Петру Первому...

«Одно несомненно: и «образовывали», и воспитывали учащихся в дореволюционной России со времен Петра Великого не в национальном, а в космополитическом духе, на западный, так сказать, манер. Отсюда и результаты», — отметил в своей книге по истории России Виктор Брачев.

Во второй половине 19 века, когда до трагических революций в России оставалось совсем немного, но почти никто не смог ещё разглядеть надвигающуюся трагедию, — результаты достижений Петра I во второй половине 19-го века фиксировал внимательный Ф.М. Достоевский:

«Ускорять же искусственно необходимые и постоянные исторические моменты жизни народной никак невозможно. Мы видели пример на себе, и он до сих пор продолжается: еще два века тому назад хотели поспешить и всё подогнать, а вместо того и застряли; ибо, несмотря на все торжественные возгласы наших западников, мы несомненно застряли. Наши западники — это такой народ, что сегодня трубят во все трубы с чрезвычайным злорадством и торжеством о том, что у нас

нет ни науки, ни здравого смысла, ни терпения, ни уменья; что нам дано только ползти за Европой, ей подражать во всем рабски и, в видах европейской опеки, преступно даже и думать о собственной нашей самостоятельности; а завтра, заикнитесь лишь только о вашем сомнении в безусловно целительной силе бывшего у нас два века назад переворота, — и тотчас же закричат они дружным хором, что все ваши мечты о народной самостоятельности — один только квас, квас и квас и что мы два века назад из толпы варваров стали европейцами, просвещеннейшими и счастливейшими, и по гроб нашей жизни должны вспоминать о сем с благодарностию...

Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла, наконец, до последних пределов. Дальше нельзя идти, да и некуда: нет дороги, она вся пройдена... Вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездною».

Достоевский предупреждал о надвигающейся Катастрофе, называемой революцией, но его современники воспринимали его слова как чудачества старого писателя, а потом, если остались в живых сидели далеко от Родины в нищете и терли в глубоком раздумье свои высокие узкие лбы...

Верно заметил из Аргентины Б. Башилов: «Петр Первый уничтожил массу народа во имя приведения Руси в культурный вид. Но лишив Россию основ самобытной культуры, он превратил её высшие социальные слои в вечных подражателей европейской культуре. Трагический результат общеизвестен: ни Европы из России не получилось, ни России не стало...

Наше двухсотлетнее (теперь уже: трехсотлетнее. — Р. К.) духовное рабство перед Западом будет оправдано только в том случае, если ценой этого духовного рабства после большевизма мы достигнем, наконец, сознания своей политической и культурной самобытности, как ценой татарского ига мы достигли сначала национального единения, а затем национальной независимости».

На этом считаю тему трагической роли Петра Первого в истории русского народа и всей России раскрытой достаточно, и, надеюсь, многим читателям понятной; и на этом рассмотрение данной темы заканчиваю. И продолжим далее рассматривать, обдумывать историю России и пытаться сделать ценные полезные выводы. Кстати, всё, что мы далее будем рассматривать, также во многом является «заслугой» Петра Первого, следствием его «великого» правления.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Между Петром «великим» и Екатериной «великой». Правление Екатерины I, Меншикова и Петра II

В первые же часы после смерти Петра Первого решилась дальнейшая судьба России в борьбе между двумя группировками: находящимися у власти приближенными Петра во главе с Мартой-Екатериной и Меншиковым, и оппозиционной — сторонниками законного наследника Петра Алексеевича, симпатизирующими Евдокии Лопухиной и древним дворянским и боярским родам. «Спор» был решен очень быстро в пользу авантюристов Екатерины и Меншикова — они подогнали к дворцу Семеновский полк во главе с Бутурлиным, и таким образом насильственно, под угрозой смерти к власти была приведена Марта-Екатерина, хотя фактически Россией стал управлять её давний любовник и протеже, которому она была должна «до гроба» — А. Д. Меншиков.

Меншиков не стал никому врать, как Ленин, что и прачка может управлять страной, и организовал в помощь Екатерине «Тайный совет», в который вошли: граф Апраксин, граф Головкин, граф Толстой, князь Голицын, барон Остерман и немного позже герцог Гольштинский. Раньше в России нечто подобное называли Радой или Избранной Радой или Ближней Радой, — теперь же этот совещательный и соуправляющий орган был назван с подсказки шведского масона Фика на западный масонский манер. А у Сената — то есть правительства отняли титул «правительствующего», он стал сугубо исполнительным органом.

Вообще-то в управлении Россией участвовали в разной мере все многочисленные любовники Марты-Екатерины, среди которых «обскакал» даже Меншикова португальский еврей Дивьер, который был воспитателем дочерей императрицы; теперь же она произвела Дивьера в генерал-лейтенанты и сделала его графом Российской Империи и се-

натором. Хотя, судя по известному приказу Екатерины Первой в апреле 1727 г., она к евреям относилась очень настороженно и разобралась в ситуации на Украине, скорее всего, с помощью Тайного совета:

«Сего апреля, 20 дня, Ея Императорское Величество указала — жидов, как мужского, так и женского полу, которые обретаются на Украине и в других российских городах, тех всех выслать вон из России за рубеж немедленно, и впредь их ни под каким образом в Россию не впускать, и того предостерегать во всех местах накрепко. А при отпуске их смотреть накрепко ж, чтоб они из России за рубеж червоных золотых и никаких российских серебряных монет и ефимков отнюдь не вывезли, а буде у них червонные и ефимки, или какая российская монета явится, и за оныя дать им медными деньгами...».

С этого момента можно прослеживать историю взаимоотношений российских императоров к евреям и наоборот. Но через месяц — в мае 1727 года, у Екатерины Первой вдруг стала вспухать нога и она умерла, успев перед смертью под диктовку Меншикова назначить своим преемником единственного оставшегося Романова — внука Петра Первого Петра Алексеевича — Петра Второго, при условии, что он женится на дочери Меншикова Марии. Поскольку Петру Алексеевичу было всего 11 лет, то это означало, что ещё долго будет править Меншиков со своим Тайным советом. Сразу после смерти Марты-Екатерины Меншиков сослал конкурента Дивьера в ссылку на Дальний Восток, предварительно лишив его всего. Меншиков 25 мая 1727 г. помпезно обручил Петра Второго со своей дочерью, после чего его дочь получила титул «Её Императорское Высочество» с содержанием 34 тысячи рублей, — и счастливый стал править страной, присвоив себе максимально возможное звание — генералиссимуса и полного адмирала. Молодого императора Меншиков для надёжности перевёз к себе домой к дочери.

Но сильно расслабившийся генералиссимус совсем не ожидал, что его старый «верный» барон А. И. Остерман, который занимался воспитанием Петра Второго в его доме, так настроит, «накачает» против него императора, с которым играл в «Брута и Цезаря». К тому же дочь Меншикова не нравилась 13-летнему императору, «не зажигала» — он называл её «мраморной статуей».

И когда в 1729 году Меншиков заболел, то Петр Второй и Остерман воспользовались этим — император объявил, что не желает опеки Меншикова, не желает чтобы его супругой была Мария Меншикова, съехал от настырного опекуна и сослал его в ссылку в Сибирь. Такой резкой пикировки судьбы Меншиков явно не ожидал. В России «застой» ещё более усугубился — испуганный Тайный совет перестал работать, Сенат тоже, а 14-летний император загулял: бесконечные охоты, пьянки, карты, оргии с проститутками, похоже гены деда стали проявляться.

В процессе этих занятий Петр Второй сдружился с князьями Долгоруковыми, отцом и сыном, у которых намерения были не лучше «меншиковских», которые подсунули молодому императору свою Екатерину Долгорукову, с которой молодой император стал сожительствовать, а 30 ноября 1729 года состоялась помолвка — свадьбу назначили на 19 января 1730 года. Но 6 января Петр Второй заболел черной оспой и 19 января 1730 года умер. У Жизни-Судьбы были какие-то свои соображения...

«На верху» остались Долгоруковы и Голицын, в роли «олигархов» без царя, которые понятно — хотели править сами, но не было никаких юридических на то прав, кроме того, они вынуждены были решать сложную задачу престолонаследия, ибо по понятным причинам дети умершей императрицы-прачки исключались, а других наследников по линии Романовых не было. Здесь мы сталкиваемся с серьёзной проблемой для государства и общества, с большим «минусом» закона о монархическом престолонаследии.

Когда «ломали голову» над сложной задачей, то Голицын предложил сделать как в Швеции, его поддержал Остерман, который, покопавшись в родословной Романовых, обнаружил дальнюю родственницу-помещицу в лифляндской глуши — Анну Иоанновну, прогоняющую скуку в окружении местных соотечественников Остермана — немецких помещиков, баронов и любовника Бирона, и подсказал им оригинальное, даже «гениальное» решение.

Правление Анны Иоанновны и немцев

Великое счастье сваливалось на голову ничего подобного не ожидающей праздной Анны — стать императрицей России при условии, что она, в свою очередь, примет условия-«кондиции» стороны, сделавшей ей такое сказочное предложение: не выходить замуж, не назначать наследников престола, не назначать воинских званий выше полковника и т.п. — в общем Голицыным и Долгоруковыми и Тайным советом в новом составе всё было глубоко и тщательно продуманно. Это была попытка ограничить самодержавие не в идейных соображениях, а в частных, локальных, своеобразная «конституционная» договорная монархия. И Анна Иоанновна с большой радостью согласилась на все «кабальные» условия и двинулась в столицу на трон.

Но «старый шахматист», он же «старый лис» А. И. Остерман затаил злобу на Голицыных, ведь именно он справился с всемогущим Меншиковым и расчистил от него дорогу Голицыным, а те, придя к власти, его не уважили. Кто такой этот Дмитрий Михайлович Голицын? Остерман этого сына стольника помнил ещё капитаном Преображенского полка, разве мог этот русский соперничать с таким человеком... Анд-

рей Иванович Остерман, он же — Генрих Иоганн Фридрих Остерман (1687–1747 гг.) сын немецкого бюргера, смолоду проявил свой пытливый незаурядный ум — учился в Бохуме, Зойсте, Дортмунде и в знаменитом Иенском университете, был сверхэнергичным и задиристым, и в 1703 году с друзьями кутил в немецкой пивной, после чего в пьяном виде стал танцевать странные танцы.

И когда наблюдавший за соседним столиком за этим «шоу» другой студент, сын ветеринара из Ганновера Г. Ф. Борхердинг рассмеялся, то пьяный Остерман подбежал к нему и проткнул безоружного шпагой насмерть. После этого преступления Остерман был вынужден податься от правосудия в бега, и, добежав до голландского порта, сел на русский корабль, где 17-летнему преступнику сразу предложили должность офицера. Таким образом Остерман оказался в России.

И в 1710 году грамотный и шустрый Остерман был уже личным секретарём Петра Первого. До сих пор этот Остерман является гордостью Германии, наличествует во всех немецких энциклопедиях. В России этот преступник из Германии сделал потрясающую карьеру: личный секретарь царя, затем «хитрый вестфалец» эффективно работал в Посольском приказе и в 1721 году царь удостоил его титула графа и поместья; затем этот «коварный в высшей степени» умудрился вытеснить с должности вице-канцлера самого Шафирова, этого польского еврея — подлого «до изумления», и занял его место; затем он в числе немногих вошел в Тайный совет и получил от Марты-Екатерины титул барона и сенатора.

Теперь он решил расправиться с Дмитрием Голицыным и его сторонниками и подсунул им «гениальный» план. Когда Анна Иоанновна дала согласие на «кондиции» и престол, в столице началось непонятное брожение — «кто-то» усердно распространял слухи среди военных против ограничений царской власти, против Тайного совета и т. п. И ещё при подъезде кавалькады Анны Иоанновны к столице её встретила «депутация» от Преображенского полка и некие «политические силы», требующие, установления в России крепкой авторитарной власти. Анну Иоанновну легко убедили доводы и гарантии и, прибыв в Петербург, она необычайно смело публично разорвала подписанные ею «Кондиции». Коронация Анны Иоанновны торжественно прошла 28 апреля 1730 года. Началась очередная «тёмная страница» российской истории — 10 лет правления Анны, Остермана и Бирона.

Анна Иоанновна, руководимая Остерманом, «естественным образом» решительно ликвидировала Тайный совет, и также «естественно» Д. М. Голицын оказался заточен в Шлиссельбургской крепости, в которой умер в 1737 году, пострадали Долгоруковы и все его сторонники. Новая власть спешно создавала свои структуры. Вместо Тайного совета

Анна по совету Остермана создала свой тайный совет, но назвала его — «Кабинет», который состоял из трёх человек: А. И. Остермана и его друзей — Г. И. Головкина и А. М. Черкасского. Фактически Анна стала афишей, «свадебным генералом».

Для надежности и уюта Анна Иоанновна притащила с собой из Лифляндии своего любовника герцога Курляндского Эрнста Иоганна Бирона (1690–1772 гг.), который стал играть роль второго человека в государстве, хотя иногда, наравне с Остерманом и первого, причем проявлял необычайную жестокость — мог даже казнить «за разговоры». Любая критика немецкого засилья заканчивалась казнью или ссылкой в Сибирь. Как писал историк В. Ключевский: «Бирон с креатурами своими не принимал прямого, точнее, открытого участия в управлении: он ходил крадучись, как тать позади престола.

Над кучей бироновских ничтожеств высились настоящие заправилы государства: вице-канцлер Остерман и фельдмаршал Миних».

Б. Башилов в своей серии книг «История русского масонства» (издана в России в 1992–1995 гг.) отметил: «эпоха правления Бирона, — это время утверждения европейского масонства в России... В 1731 году русское масонство имеет уже своего Великого Провинциального мастера — Джона Филипса».

Теперь Россия управлялась в том числе и масонской мудростью.

«Манера и система доносов и арестов приобрела невиданные масштабы и стимулировалась Бироном, как стратегия удержания у власти. А модной стала сатирическая ода Антиоха Кантемира против духовенства под названием «Не хулящих учение. К уму своему», — отметил Б. Башилов.

Для большей надежности Остерман поставил над войсками своего соотечественника Иоганна Бурхарда Христофора Миниха (1683–1767 гг.), приглашенного Петром Первым в Россию в 1721 году как специалиста по строительству. А министром финансов России Бирон поставил своего знакомого еврея из Курляндии Леви Липмана. Укрепляя власть и борясь с оппозицией, Остерман возродил Тайную Канцелярию розыскных дел — политический сыск. К власти и двору подтянули и подтянулись большое количество немцев. Власть в России оказалась полунемецкой в самом мягком определении. Остерман был счастлив и в 1739 году даже отчеканил медаль в свою честь.

Россия вынуждена была хлебать горькие последствия правления Петра Первого — в русском дворце сидели немцы, управляющие похотливой помещицей Анной. Как только умный и талантливый А. П. Волынский возмутился засильем немцев — его тут же казнили за ксенофобию, та же печальная участь постигла многих его единомышленников: П. М. Еропкина, А. Ф. Хрущева, многих сослали.

Остерман и Бирон нашли себе достойного «духовного союзника» — архиепископа новгородского Феофана Прокоповича, которого поставили руководить церковными делами — и им было репрессировано 9 высших церковных иерархов.

«Феофилакта Лопатинского и митрополита Варлаама арестовывают и лишают сана. По требованию Бирона запрещается распространение «Камня веры»... — отмечает в своём исследовании Б. Башилов. — В то время всякая попытка представителей православного духовенства возразить против насилия над православной церковью и против искажения её догматов на протестантский манер расценивалась как политическое выступление против правительства... В результате беспрерывного преследования к концу правления Бирона православная церковь оказалась в страшном упадке... В Архангельской, Вологодской, Новгородской, Псковской и Тверской епархиях за отсутствием священников было закрыто сто восемьдесят две церкви. Монашество уменьшилось почти наполовину» (Конкретные цифры в труде А. Доброклонского «Руководство по истории Русской Церкви»).

Немцы навели свои порядки, они не занимались варварской охотой — зайцев им привозили и они палили в них, сидя в креслах у дворца. Анна тоже веселилась от души — возродила по примеру «великого» Петра «потешные и шутейные» забавы, карнавалы, фейерверки и во многом «переплюнула» «великого» Петра — например шутейными свадьбами в «знаменитом» «Ледяном дворце». Из Неаполя был выписан Анной Иоанновной шут, которого под стать увлечениям «великого» Петра называли весьма странным именем — Педрилло.

В это время денег в стране не было — зарплату часто выдавали товарами, военный и торговый флот полностью перестал существовать — старый петровский сгнил, а на новый не было денег и желания строить. В своём исследовании «Феофан Прокопович и его время» Чистович пишет: «Бирон буквально грабил» (Б. Б.). «Бирон передал Липману в распоряжение все дела государства по части финансов и торговли, что позволило, видимо, одному из иностранных послов в России того периода написать, что «именно Липман управляет Россией»», — отметил виновников в своём исследовании А. И. Солженицын («Двести лет вместе»). Анна Иоанновна, живя в Курляндии, привыкла к частому общению с евреями и, придя к власти, в самом начале своего правления — в 1731 году, разрешила евреям торговать в Малороссии и Смоленской губернии, с 1734 года — на Слободской Украине, а по её указу 1736 года евреям даже разрешили поставлять водку в Великороссию из Польши. Друга Бирона Леви Липмана она сделала финансовым агентом при русском дворе и дала чин обер-гофкомиссара. Б. Башилов в своём исследовании отметил:

«Еврей Липман, которого Бирон сделал придворным банкиром, открыто продавал должности, места и монаршие милости в пользу фаворита и занимался ростовщичеством на половинных началах с герцогом Курляндским...». Бирон своему другу Шембергу отдал горные заводы и самые прибыльные промыслы.

Многострадальная Россия... — опять грабеж, гнет и уничтожение народа, уничтожение духовности и национальных традиций; и большая часть христианских священнослужителей поддержала чуждую власть. В 1730 году на политический Олимп всплыл из опалы ещё один «финансовый гений» — польский еврей П. П. Шафиров, которого в 1723 году за казнокрадство сам Петр Первый приговорил к смертной казни, затем заменил на ссылку. Немцы назначили этот талант соответственно — президентом Коммерц-коллегии. Поэтому совершенно закономерно — казна была пуста. Вспомнили, кстати, что при Петре Первом Шафиров участвовал в переговорах и послали его во главе посольства в Тегеран в Персию, в результате чего по Рештекскому договору 1732 г. и по Гянджинскому трактату 1735 г. отдали Персии всё завоеванное Петром Первым в Персидском походе.

Затем сами решили поиграть в «войнушку» и в 1734 году сунулись неудачно в Польшу. А затем в 1735 году «легендарный» Миних с неким иностранцем Ласси во главе русской армии решили поискать счастья в войне с Турцией — четыре года воевали: в 1736 году потерпели три подряд сокрушительных поражения от турок в Сербии, Боснии и Валахии, и загубили примерно 40 тысяч русских солдат, и ещё около 50 тысяч русских мужчин, соблюдая традиции организации военных походов Петром Первым, загубили во время похода в жару от недостатка воды, продовольствия и от болезней, — этот факт отмечают все исследователи, — половину армии выморили сами. Несмотря на это, в России народу ещё было много, и Миних опять собрал армию и в 1737 году, умудрился даже захватить Азов, Очаков и Перекоп, но потом фортуна повернулась... и, несмотря на победу под Хотином, российской стороне пришлось подписывать в 1739 году позорный Белградский договор, по которому всё завоеванное отдали обратно и даже более того, — получилось, что 4 года воевали зря и главное — зря погубили ещё несколько десятков тысяч русских солдат. При этом в столице в феврале 1740 года праздновали заключение Белградского договора с таким размахом и торжеством, что у обывателей возникло впечатление, что Турцию разгромили «в пух и прах».

Чем ответил народ чужой власти? Как обычно — массово подался в казаки-разбойники, в партизаны. Официальная власть реально контролировала ситуацию только в городах, на всей остальной территории орудовали тысячи различных разбойничьих отрядов. Ситуация дошла

до того, что «немецкие» власти, опасаясь вторжение разбойников, — распорядились вырубить вокруг Москвы и Петербурга кустарники и леса, как гитлеровцы против белорусских партизан вдоль дорог и вокруг городков во Вторую мировую.

После смерти Анны Иоанновны в 1740 году власть в России стала ещё более немецкой. Перед смертью Анна и Бирон «ломали голову» как оставить при власти Бирона и переиграть друга Остермана. Анна остановила своё внимание на немецкой племяннице из Ростока Анне Леопольдовне, и Бирон предложил женить на ней своего сына, но Леопольдовна закапризничала. Тогда пошли по более сложной схеме: Анна Леопольдовна вышла замуж за австрийского принца Брауншвейг-Беверн-Люненбургского Антона Ульриха, от которого родила сына Иоанна — и 2-месячного ребенка Иоанна Шестого Анна Иоанновна объявила преемником российского престола, а до его взросления назначила регентом Бирона. Но Остермана переиграть трудно. Началась дворцовая война между немцами.

Бирон наслаждался властью всего три недели. Остерман с Минихом, пользуясь общей неприязнью к Бирону, 8 ноября 1740 года просто послали солдат во главе с адъютантом Миниха Манштейном и арестовали Бирона, всех его приближенных и заключили в Шлиссельбургскую крепость, затем отправили в далекую ссылку. После чего правительницей до взросления императора-младенца была объявлена его мать Анна Леопольдовна, а «первым в империи» она назначила Миниха, чем задела самолюбие Остермана, а Миних повел себя властно как настоящий первый. После нескольких дворцовых «шахматных» интриг отношения между двумя старыми стратегами накалились, и в марте 1741 года Миних совершил обманный маневр — подал в отставку, надеясь, что Анна Леопольдовна будет его уговаривать, а он поставит условие убрать Остермана. Но «вестфальский хитрец» уже был готов к этому ходу и приготовил Леопольдовну — Миниха обвинили в неуважении к власти, отобрали все титулы и одобрили отставку. Теперь Россией стали править опять Остерман и муж Леопольдовны Ульрих, которому Анна дала титул генералиссимуса, почти все коллегии возглавили немцы, но России от этого легче не стало.

Наконец, немцы своим «мудрым» и жестким властвованием «достали» и верхние русские сословия, и наконец-то стало пробуждаться и возмущаться национальное достоинство и самосознание. Долго и мучительно назревал очередной переворот, на этот раз русский. «Главные» немцы в борьбе между собой сильно ослабили свои позиции. Единственной альтернативой существующей власти в случае переворота была дочь Петра от Марты Скавронской — Елизавета Петровна, которая долго колебалась — нарушить присягу, данную малолетнему императору,

или нет. Инициаторами переворота были: выходец из запорожских казаков Алексей Разумовский, Салтыков, еврей из Дрездена Грюнштейн и гренадеры Преображенского полка.

Арест правительницы, её супруга Ульриха, Остермана и Миниха прошел 25 ноября 1741 года очень легко. И все перечисленные вместе с императором были заточены в Петропавловскую крепость. Никого не казнили, ибо Елизавета милостиво объявила об отмене смертной казни. Всю семью Леопольдовны сослали в ссылку тайным маршрутом в Архангельскую губернию в Холмогоры.

Елизавета Петровна и Петер Третий

Через 7 месяцев после возвращения трона русским Елизаветой Петровной раскрылся новый заговор по её свержению, а через год ещё один. Поэтому, чувствуя себя не очень уверенно, уже в 1742 году императрица Елизавета Первая объявила наследником российского престола после неё живущего в немецком городе Киле своего иностранного племянника, внука Петра Первого герцога, Шлезвиг-Гольштинского Готторнского Карла Петера Ульриха — Петра Третьего, и 14-летний Карл Петр в 1742 году прибыл в Россию, где его перекрестили из лютеранства в православие.

Забегая вперед, можно утверждать, что этот выбор был большой ошибкой Елизаветы — во-первых, на российский трон опять садился иностранец, а во-вторых, главное — Петр до конца своей жизни считал Россию чужой, а Голштинию и лютеранство родными, и прусский король Фридрих Второй был для него образцом для подражания. Ещё большей ошибкой был выбор Елизаветой невесты для Карла-Петра в 1745 году — 16-летней Софии Фредерики Августы из малюсенького княжества Ангальт-Цербстского, — в Россию приехал «второй Остерман».

В 1747 году был раскрыт очередной заговор против Елизаветы Петровны, в котором оказались замешаны масоны, — иностранцы пытались всеми способами вернуть свои позиции в России. Б. Башилов в своем исследовании указывает, что в масонскую ложу, участвовавшую в этом заговоре, входили братья Захар и Иван Чернышевы, которые после этого были уволены из армии и уехали за границу. Мы встречали уже в 1731 году в России бироновского Великого Провинциального мастера — Джона Филипса, который возглавлял, возможно, первую масонскую организацию в России, а теперь мы наблюдаем уже первую попытку масонских организаций активно влиять на политическую жизнь в России. После того, как в 1750 году в Петербурге была создана масонская ложа «Скромность», масонские организации в России стали возникать как грибы после дождя.

Поэтому можно понять обеспокоенность императрицы Елизаветы Петровны и её окружения, когда они решили не рисковать и перевели плененного императора Иоанна в 1756 году из Холмогор в Шлиссельбургскую крепость, заточили в одиночную камеру на долгие годы и, поставив специальную стражу, дали указание убить Иоанна в случае попытки его освобождения, ибо именно Иван Шестой имел юридические основания вернуться на престол. В июле 1764 года офицер караульной охраны Шлиссельбургской крепости В. Я. Мирович, будучи участником очередного заговора, попытался с сообщниками освободить узника, — и охрана убила императора Ивана Шестого. Роль масонов в истории России рассмотрим впереди, в отдельной главе.

Елизавета Петровна правила 20 лет до 1761 года. Она окружила себя русскими людьми, вернулись старые фамилии: В. Долгорукий, Трубецкой, Нарышкин, Черкасский, Бестужев-Рюмин, появились новые — А. Разумовский и Шуваловы. С приходом русского правительства начались «чистки» немцев, Тайная канцелярия продолжала работать в другом направлении. Множество лютеранских храмов были закрыты и превращены в православные, подверглись гонениям и иерархи православной церкви, поддержавшие немцев, церковь опять обложили налогами. В период чисток от иностранцев попали под удар и евреи. В 1742 году императрица издала указ:

«Как то уже по неоднократным предков нашим указам, по Всей нашей Империи жидам жить запрещено. Но ныне нам известно учинилось, что оные жиды ещё в нашей Империи под разными видами жительство своё продолжают... А пока же наше матернее намерение есть от всех чаемых нашими верноподданными и всей нашей Империи случиться могущих произойти худых последствий крайне охранять и отвращать, того да всемилостивейше повелеваем: из всей нашей Империи, как то великороссийских, так и то малороссийских городов, сел и деревень, всех мужеска и женска пола жидов, какого бы то звания и достоинства не были, со всем их имением немедленно выслать заграницу и впредь оных ни под каким видом в нашу Империю ни для чего не впускать».

По утверждению еврейского историка С. М. Дубнова, из России было выслано 35 тысяч евреев. Но евреи были упорны в достижении своих целей и решили пойти окольным путём, и в 1743 году еврейские купцы «уговорили» многих членов Сената. Но российский Сенат не был похож в своих правах на польский Сейм, и когда Сенат стал упрашивать императрицу Елизавету разрешить евреям торговать на территории России, то вопрос был решён быстро и категорично знаменитой фразой:

«От врагов Христовых не желаю интересной прибыли».

Императрица Елизавета Петровна внесла большой положительный вклад в историю России самим фактом переворота, в результате которо-

го русские люди смогли стать у власти в России. Хотя непосредственно само её правление талантливым трудно назвать, она вообще мало участвовала в управлении государством, а по примеру отца — возобновила ассамблеи, бесконечные балы на французский манер, почти обязательным стал французский язык, во дворце французский дух сменил немецкий. Несмотря на тайное венчание с Алексеем Разумовским в 1742 году, окружила себя целой толпой любовников: братья Шуваловы, братья Воронцовы, Лелин, Сивере, Мусин-Пушкин, Войчинский, и ещё множество «второстепенных» или мимолетных. Так и не родив ни одного ребенка, Елизавета с 1757 года стала невыносимой истеричкой и в декабре 1761 года после долгой мучительной болезни умерла. Но стоит отметить, что сплоченная этим оригинальным образом команда управленцев неплохо служила России.

При Елизавете Сенат опять стал Правительствующим и активизировал свою работу, кроме того — освобожденные от немецкого гнета высшие слои стали развивать торговлю и промышленность, стали строить торговые корабли и заводы, была даже уменьшена подушная подать, но крепостничество — рабство собственного народа осталось, как и крепостничество-рабство при заводах. Свободолюбивых русских спасало одно — Россия, её просторы, куда они убегали в огромных количествах, и их кормили реки, леса, свободные ещё непаханые земли и лихие промыслы.

Удивительным образом при смене национального окраса власти стала стабильно побеждать российская армия: в 1743 г. в войне со Швецией, в семилетней войне с Пруссией с 1756 г. — в 1759 году русские войска даже захватили Франкфурт-на-Одере и Берлин, и Фридрих Второй и вся Пруссия была на грани полного краха. Но её спасла смерть Елизаветы Петровны и воцарение на престоле Петра Третьего, который тут же остановил войну и заключил мир со своим кумиром Фридрихом Вторым, и вернул своей Пруссии все завоеванные русской армией в тяжелых сражения города и территории; получилось — вся семилетняя война и многие десятки тысяч жизней русских солдат — зря, как и резкое геополитическое усиление России. В России на царский престол взошёл очередной морально-нравственный урод, «чужой», с такой же супругой, и в России началась очередная «темная страница» истории. Для чего Бог подвергал таким испытаниям Россию?

Можно посочувствовать и Петру Третьему — его воспитывал в Киле граф Отто Брумлен как наследника шведского престола, Петр так к этому старательно готовился, даже шведский язык выучил. А Шведы после поражения в 1743 году под Або от русских войск обязались перед Россией Карла Петера на свой престол не приглашать. Рухнула мечта Петера, и всё из-за этих русских, из-за этой России, а тут ещё этой

варварской Россией править придется. Поэтому Петр Третий даже не скрывал своего презрения к России, русским, православию. И вполне закономерными были его указы в самом начале его правления — в январе 1762 года в пику православной церкви отменил все предыдущие указы о преследовании старообрядцев и пригласил их из окраин, из-за границы вернуться в Россию. Затем в марте 1762 года откровенно напал на церковь — отобрал своим указом все монастырские земли. Этими своими первоначальными действиями стал порождать своих недоброжелателей и врагов. И даже большая подачка дворянству в виде указа от 18 февраля 1762 года о даровании дворянству свобод и вольностей в виде отмены обязательной службы государству не вызвала симпатий к Петеру, ибо в результате этого указа во многом пропадал смысл дворянства как служилого класса.

Русских дворян беспокоило ещё и другое — в России стали прибывать приглашенные Петром многочисленные немецкие «специалисты»: прусский генерал Корф, барон Унгерн, дядя Петера — Георг Гольштейн-Беккерский и другие; многие в России поняли — наступает очередное немецкое владычество, новая «бироновщина», а хорошо помнили ещё и старую. Особенно задело национальное достоинство русских то, что по приглашению Петера прибыли недавние побежденные прусские офицеры и стали жестоко исступленно муштровать русских солдат и офицеров. И более того — Петер решил послать русскую армию в помощь Фридриху Второму в его войне против Дании, проливать свою кровь в чужих интересах никому не нравилось. Поэтому недоброжелателей среди русских вокруг Петра Третьего было огромное количество, дело было за заговором, за инициатором убийства ненавистного чужака. Историк Ключевский писал о Петре Третьем: «самое неприятное из всего неприятного». Ко всему прочему с обезображенным оспой лицом Петр Третий являлся ещё одним монстром в российской судьбе.

По иронии судьбы и Петера и России инициатором стала немка София Фредерика, на русский манер названная Екатериной Алексеевной, супруга императора, которой Петер пригрозил развестись и сослать в монастырь за её неприкрытый разврат и измены. Такая перспектива разгулявшейся Фредерике-Екатерине совсем не нравилась. Оказалось, что Фредерика Августа обладает не просто властолюбием, а патологическим стремлением к власти. И на пути к этой вожделенной власти жизнь и смерть мужа это ничто. Фрау Ангальт-Цербстская оказалась мастерицей «мадридского двора». Она хладнокровно сыграла на русском патриотизме и на отсутствии оного у Карла Ульриха — арестовала этого страстного поклонника своей нации. К этому времени она уже сколотила свою «верную» команду из своих любовников: Салтыков, Апраксин, Понятовский, Григорий Орлов, от которого была беременна

в 1762 году; побывал в её спальне и английский посол Вильямс, — а это была уже государственная измена, которую милостиво и солидарно простила Елизавета Петровна.

Захват власти в России Екатериной Второй вместе со своими любовниками произошел очень легко — 28 июня 1762 года объявили перед Измайловским полком Петра Третьего низложенным с престола, а Екатерину — императрицей. Петера арестовали, и он отказался от престола и попросил отпустить его в любимую с детства Голштинию, но его циничная супруга, прожившая с ним 17 лет, решила иначе — его отвезли в загородный дворец в Ропшу и убили, объявив, что умер от скоротечной болезни. После чего ещё и оклеветала его.

После убийства Петра Третьего царский трон по праву переходил к его старшему сыну Павлу, родившемуся в 1754 году, а Екатерина могла быть только регентшей, но властолюбивая Екатерина не допустила его к трону, и нарушив ещё раз закон — узурпировала власть. Это двойной противозаконный захват власти в России. А иностранные державы уведомила весьма оригинально: «Народ, который занимает треть известного света, единодушно вручил нам скипетр»...

В феврале 1763 года раскрылся заговор против Екатерины во главе с Никитой Паниным, после которого возник второй, в основе которого лежала идея освобождения и воздвижения на престол узника императора Иоанна Шестого. Но этот вариант был предусмотрен и предупреждён Екатериной — был дан указ страже в таких случаях убить его, что и было исполнено. Это второе династическое убийство «великой» Екатерины.

И с этого момента в судьбе русского народа, в истории России начинают наслаиваться великие последствия двух «великих» императоров: Петра Первого и Екатерины Второй. И какие из этих двух последствий было для России более трагичным — трудно даже определить; в любом случае они к началу 19 века слились и мощно понеслись к катастрофическому 1917 году, к миллионам загубленных жизней.

И в следующей части книги рассмотрим «заслуги» Екатерины «великой», с которыми мы сегодня сталкиваемся ежедневно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЕКАТЕРИНА «ВЕЛИКАЯ». ЕЩЁ ОДНО НАЧАЛО ТРАГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Изучая эту тему, я просмотрел несколько (7–9) учебных пособий по истории для старших классов и студентов вузов, изданных в России между 1998–2008 гг., и не обнаружил ни в одном из этих учебных (научных) изданий даже скромной заметки по поводу российско-еврейских отношений на протяжении более 200 лет совместной жизни и влияния еврейских деятелей на историю России. В этой части вы увидите, какой огромный и важный объём исторической информации есть в этой теме.

Почему в нашу Ельцинско-Путинскую эпоху разгула свободы слова так усердно скрываются исторические факты, события, правда? Почему молодым россиянам, нашим детям, представляют ложную историю, очень выкроенную? Почему в головы молодых поколений россиян целенаправленно вкладывают только избранную информацию, ложь?

Это делается потому, что история, факты оказывают огромное влияние на формирование сознания и мировоззрения, а в наше время кому-то надо, чтобы сознание молодых людей было искривлено и убого. Именно в рассматриваемый нами период произошло одно из решающих, ключевых исторических событий, приведших впоследствии напрямую к восстанию масонов-декабристов, попытавшихся повторить французскую революцию, и к революциям в России 20-го века, и к трагическим итогам позорной «перестройки».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новшества Екатерины «великой»

Первым делом указом от 22 июня 1763 года Фредерика-Екатерина создала «Канцелярию Опекунства Иностранных» во главе со своим

главным любовником и убийцей мужа Григорием Орловым. Для чего? — Чтобы помочь России немцами или вернее — помочь неустроенным в Германии немцам. По призыву российской императрицы в Россию двинулись караваны немецких колонистов. Если русских крестьян она в самом начале своего царствования фактически сделала рабами помещиков, то немецких колонистов всячески поощряла и лелеяла, раздавая лучшие должности, земли и предоставляя всем колонистам финансовую помощь. Началось очередное шествие немцев в Россию, инициированное сверху.

Если Петр Первый, Анна Иоанновна с Бироном и Остерманом, и Петер Третий запустили в Россию тысячи немцев в верхние управленческие слои, то Фредерика-Екатерина «великая» решила создать в России средний немецкий класс. При этом, храня свою национальную, расовую чистоту, Фредерика Ангальт (Е.-II) строго приказала не впускать в Россию холостяков и незамужних фрау, чтобы они не смешивались с подданным ей варварским народом, чтобы не было кровосмешения «породистых» немцев и их ассимиляции с русскими, поэтому немцы должны были въезжать только семьями.

Многие немецкие искатели карьеры и богатств в России, столкнувшись с этим строгим приказом своей землячки, заключали спешные авантюрные браки со случайными особами противоположного пола перед самым пересечением немецкой границы или в портах. Обозы с тысячами немцев двинулись в Россию. И, мягко выражаясь, странно слышать от нашего современного профессионального историка В. Брачева («Масоны у власти», 2008 г.) следующую нелепицу: «Екатерина II, как известно, сама будучи немкой по происхождению, немцев тем не менее недолюбливала».

После захвата власти в России Екатерине Второй пришлось задуматься над еврейским вопросом, решение которого инициировали евреи через российский Сенат — «при первом же появлении в Сенате только что воцарившейся Екатерины II — там на очереди стоял вопрос о дозволении евреям въезжать в Россию», — утверждает в своём исследовании Солженицын. По утверждению историка С. М. Соловьёва — новая императрица осторожничала: «Начать царствование указом о свободном въезде евреев было бы плохим средством к успокоению умов; признать же свободный въезд евреев вредным было невозможным». На самом деле признать ограничения евреев было возможным, ибо в то время таковые действовали в большинстве европейских государств.

Что можно было ожидать ещё от этой властолюбивой аферистки? Конечно же — афер и тайных заговоров. Просвещенная в истории России Фредерика-Екатерина прекрасно знала отношение к евреям Петра Первого, Меншикова, Екатерины Первой и указы Елизаветы Петровны, но решила наводнить Россию и евреями, тайно...

Вот как это описал в своей книге (в 1924 г.) еврейский исследователь В. Мандель:

«... намерение императрицы пустить в Россию евреев выразилось, так сказать, в заговоре её с приближёнными лицами, отразившемся в переписке с рижским генерал-губернатором Брауном, в коем всему делу и был придан конспиративный характер.

В письме, доставленном Брауну секунд-майором Ртищевым, значилось:

«когда от канцелярии опекунства будут рекомендованы некоторые иностранные купцы Новороссийской губернии, то им разрешить проживание в Риге для производства торговли...

Ежели, наконец, из Митавы прибудут три или четыре требований к казне, то выдать им паспорта, без указания их национальностей и не наводя справок об их вероисповедании... Для удостоверения своей личности эти люди предъявят письмо находящегося в Петербурге купца Левина Вульфа...» (А. И. Солженицын «Двести лет вместе»).

Таким таинственным образом начато было Екатериной «великой» водворение евреев в Россию.

«Как видно, самодержавие Екатерины Второй не лишало её необходимости считаться с мнением и вкусами окружающих её лиц и даже широких масс русского народа...», — такие правильные выводы делает еврейский исследователь А. Мельский о коварной антирусской политике императрицы.

Евреи к этому времени жили по всей Европе. Как мы уже видели — им прекрасно жилось в Польше, — зачем им надо было ещё рисковать и так упорно стремиться в Россию? По утверждению этого же еврейского исследователя, евреи тайком внедрялись в Россию целостными функциональными группами. Вот как это описывает Мандель:

«Евреи, которые водворялись в Новороссию, были митавские купцы — Давид Леви, Моисей Арон, Израиль Лазар и рабочий Яков Маркус, к которым заботливая Екатерина не преминула присоединить раввина Израиля Хаима и его помощника Натана Абрама из Бирзена и даже моэля Лазаря Израиля, очевидно в видах устроения религиозных потребностей будущей еврейской общины» (1764 г.).

Так продолжалось несколько лет. Затем, убедившись, что евреев в России уже много, а российское населения не возмущается, погромов нет, Екатерина с ноября 1769 года издаёт уже официальные указы о въезде евреев в Россию. Евреи, естественно, обожали новую «цивилизованную» российскую императрицу и всячески выражали ей любовь, восторги и оды. Мандель:

«В приложениях к Бильбасовской истории Екатерины Второй есть ода, которой Шкловские евреи приветствовали Екатерину, когда

она прибыла в их город в 1780 году. Ода на еврейском языке с переводом на русский и на немецкий языки. Заключительная строфа гласит:

«Ты дозволила нам проживать в твоей стране в мире и безопасности, под сенью твоего благоволения и под охраной твоего скипетра, в согласии с природными жителями страны. Как и они, мы восхищаемся твоим величием, как и они, мы проникнуты бессмертием твоей славы, и, как они счастливы этим, что мы твои подданные».

Такой же торжественной одой встретили Екатерину и Могилёвские евреи, и Полоцкие, последние устроили в её честь на реке Двине шикарную иллюминацию.

Екатерина «великая» под предлогом, что её муж скоропостижно скончался и не успел удовлетворить её сексуальные потребности, начала своё знаменитое распутство с окружающими её дворянами, раздавая своим любовникам не свои земли. Российские императоры, несмотря на свои недостатки, однако, не были похожи на европейских в том, что не дарили из «народных средств» огромные имения и дорогущие дворцы. Только Екатерина «великая» начала дарить своим «бой-френдам» дворцы, огромные суммы денег, и обширные земли вместе с тысячами крестьян.

Причем при Екатерине число эксплуататоров-паразитов чиновников высших восьми классов с 1777 по 1787 гг. возросло с 6 тысяч до 12 тысяч, то есть, бюрократический аппарат удвоился. Екатерина усиливала негативную тенденцию, начатую Петром Первым — усугубляла разрыв, безнадежный отрыв правящего класса от народа. В то же время при Екатерине в 1766 году усыпальница великого князя Дмитрия Михайловича Пожарского в Суздали была разобрана, исчезла для русских; у Екатерины «великой» «не нашлось» для этого небольшой суммы денег, вернее — желания сохранять память о русских героях, о русском достоинстве и гордости.

«Разбрасывая миллионы рублей своим любимцам и представителям знати, Екатерина скупилась отпускать деньги на духовные учебные заведения. На содержание семинариста отпускалось в год от 8 до 16 рублей... Ещё в более тяжелом положении оказались старообрядцы. Старообрядческие церкви и скиты разрушались, древние святые книги сжигались... Старообрядцев отдавали в солдаты, посылали на каторгу... Время Екатерины — время массовых самосожжений, бегства старообрядцев в Сибирь...» — отметил в своём исследовании Б. Башилов. Очередной раз верховная власть, на этот раз в лице немки Екатерины Второй, стала гнобить и уничтожать всё национальное в России.

««Великая Екатерина — верное чадо Православной Церкви» — это легенда, не имеющая под собой никаких реальных исторических оснований, — объяснял в своём исследовании Б. Башилов. — Екатерина

Вторая — гонительница и разорительница Православной церкви, едва ли была она вообще религиозной... Из-за уничтожения на Мурмане опоры русской колонизации монастыря Трифона Печенежского, часть Мурмана захватывается Норвегией...

Митрополит Арсений был сослан в Николо-Карельский монастырь. Древняя Ростовская митрополия, существовавшая 800 лет, по приказу Екатерины закрывается. После поступившего на Митрополита Арсения нового доноса (о критике Екатерины), Екатерина приказывает «лишить его монашеского чина и переименовав Андреем Вралем, послать к неисходному житью в Ревель...

Коменданту Ревеля, своему соотечественнику Тизенгаузену, «глава православной Церкви» писала о мужественном православном пастыре в следующем игривом тоне:

«У нас в крепкой клетке есть важная птичка. Береги, чтоб не улетела. Надеюсь, что не подведёшь себя под большой ответ. Народ очень почитает его исстари и привык считать своим»...

Митрополит Арсений по приказу великой лицемерки, болтавшей в письмах Вольтеру и Дидро о своей «любви к свободе» и раздавшей в крепостную кабалу миллионы свободных крестьян на Украине и в России, был заключен в сырую камеру под водяными воротами, шириной в три аршина. В этом каменном гробе заживо погребенный Митрополит Арсений просидел семь лет вплоть до смерти в 1772 году... Дело дошло до того, что с 1763 по 1774 годы обер-прокурорами святейшего Синода были масоны Мелиссино и Чебышев... Сменивший масона Мелиссино П. П. Чебышев открыто проповедовал безбожие»». И это не все «подвиги» и «заслуги» Екатерины «великой» по отношению к церкви.

Михаил Назаров в своём историческом исследовании «Вождю Третьего Рима» (2005 г.) указывает:

«Екатерина устроила настоящее гонение на Церковь: было закрыто более половины монастырей. Масонство... расцвело пышным цветом, принадлежность к ложам становилась показателем образованности в среде российской знати. В своём подражательстве Западу дворянство перешло на французский язык, оставив русский язык «простонародью».

В то же время оно, освобождённое в 1762 г. от обязательной государственной службы, потеряло своё единственное оправдание господствовать над крепостным крестьянством. Это внесло раскол в общество и незаживающую рану в русское самосознание, часто побуждая даже совестливых дворян (таких, как А. Н. Радищев) доходить до просвещенческого антимонархического бунтарства».

Интересно, — почему в современных учебниках для студентов и школьников авторы не пишут всю правду об этой «просветительни-

це»? Чтобы не ломать «большевистские» стереотипы? Или продолжают врать, чтобы не затрагивать национальные чувства немцев? Кто по своей необразованности и глупости или враждебности к России назвал эту коварную немку — «великой»?

Продолжая печальную традицию Петра «великого» Екатерина «великая» совершила оригинальную подачку помещикам в виде рабства российских крестьян, рабства не своего народа. После её указов самым страшным грехом, наказуемым самым жестоким образом, была жалоба крестьянина на несправедливость помещика. В провинции начался беспредел над совершенно бесправным народом и знаменитый разврат под стать развратной императрице.

Друг просвещенной Екатерины, либерал и демократ Вольтер просвещал: «Народ всегда несдержан и груб, — это быки, которым нужны ярмо, погонщик и корм». И это его и его полоумного соотечественника Руссо она приглашала на жительство в Россию на дармовые русские харчи и обещала обеспеченную и спокойную жизнь... (Почему полоумного Руссо? — объясню немного позже подробнее в данной книге).

Русский народ ответил просвещенной любительнице рабства потрясающим всенародным восстанием Емельяна Пугачёва и Салавата Юлаева в 1773–1775 годах, потопленным немкой-императрицей в крови. «Пугачёвщина — это ответ народа на чуждую ему форму западноевропейского рабства, сменившую прежнюю форму крепостной зависимости. Пугачёвщина — это ответ народа на манифест вольности дворянству, освобождавшего дворянство от всяких обязанностей Государству, но оставляющего крестьян в полной зависимости от дворян... Мощный размах восстания Пугачёва объясняется тем, что народ поверил ему, что он спасшийся православный царь, который вернет Русь на путь предков», — объяснял в своем исследовании Б. Башилов.

Каким-то образом похоть, свирепая жестокость, безмерное тщеславие и властолюбие шагают вместе. Фредерика — Екатерина напоминала сочетанием этих качеств в себе худших римских тиранов.

Это был очередной монстр в российской истории, неслучайно поставивший помпезный памятник Петру Первому; только в отличие от всех предыдущих — с мягкой улыбкой, с имиджем философа-просвещенца и... — и ужасно коварный и опасный по последствиям для России.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Захват Польши и последствия

Внимательно изучая этот очень важный по своим последствиям фрагмент истории России, — раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией, обнаружил оригинальные «маневры» с историческими фактами некоторых современных российских авторов книг и учебников, которые пытаются объяснить смысл оккупации Польши тем, что «мудрая и предусмотрительная» Екатерина решила захватить Польшу страхуясь, защищая Россию от французской революции, создавая якобы защитный буфер, и поэтому в 1793 году произошло это событие — например, учебник для 10 классов по истории России АН Боханова и А. Н. Сахарова (2006 г.).

Эти авторы специально «забывают» указать, что первый раздел Польши произошел в 1772 году — почти за 16 лет до первых революционных действий во Франции. Для чего эти сокрытия-ложь — понятно... Следует честно сказать, что три державы, повязанные родственными и национальными связями, сговорились и в сугубо корыстных целях решили разделить Польшу. Другие наши авторы утверждают «классическое»: несли цивилизационный прогресс и пользу «братским» народам и... поэтому вскоре закрыли старейшие в Европе польские университеты, да и многие гимназии.

Третьи наши авторы озвучивают «самый» веский аргумент: «Россия вернула в свои пределы старорусские земли» или — «Земли, которые когда-то принадлежали Руси, воссоединились в составе Российской империи». При этом эти авторы «забываю» упомянуть, когда это было с некоторыми из этих земель, а было это — до 10 века; если исходить из этого критерия, то необходимо перекроить всю географическую карту и оставить Россию в рамках территории между Киевом и Старой Ладогой, а всё остальное, включая всю Сибирь и Урал отдать коренным

народам... Это тот случай, когда совершенно необоснованный русский национализм, шовинизм «не дружит» с здравым умом.

Кстати, знаменитый Муравьёв и Великие князья Романовы восседали в Варшаве 150 лет, до 1917 года... — когда это Варшава была российским городом и российской территорией?

В Ираке коалиция западных стран в 21 веке захватила Ирак — чтобы захватить нефть, а смысл захвата Польши той коалицией не поддается даже рациональным объяснениям.

Первый раздел Польши состоялся в 1772 году, второй — в 1793 г., третий и последний в 1795 году. В результате этого вместе с польскими землями и поляками российское правительство получило примерно миллион евреев и более десятка освободительных восстаний поляков.

В этой ситуации возникли две проблемы. Во-первых, возникал вопрос — какая от этого выгода России и русскому народу? Мало было в России земель? И необходимо было ещё захватить земли Польши? Польша была заклятым врагом, которого необходимо было победить, завоевать и нейтрализовать? — Нет, после подписания «вечного мира» в 1686 году Польша ни разу не нападала на Россию, наоборот — была союзником в войнах. Захватывая Польшу, было понятно, что не просто гордые, а — гоноровые поляки с оккупацией не согласятся и будут отчаянно сопротивляться, что и показало полтора десятка польских освободительных восстаний до конца 19 века и немало польских студентов, террористов-бомбистов со «святой целью» покушавшихся на российских царей.

Пётр Первый участвовал в нескольких войнах, в которых поляки были у него в союзниках, и относился к ним как к соседнему славянскому народу. Он прекрасно видел и понимал, что натворила в Польше демократия и её носители. Пётр контролировал в Польше ситуацию, влияя на выборы короля. Его войска маршировали по польским городам, и он в любой момент мог захватить Польшу, ослабленную ещё и длительной войной со шведами. Но он этого не делал, хотя и имел моральное право вспомнить захват поляками Москвы и отомстить; Пётр думал об укреплении защиты и безопасности России.

Поляки в течение многих столетий успешно воевали с немцами, начиная с Германика и рыцарей различных орденов — то за выход к морю, то за спорные земли, то защищаясь. Теперь немка Фредерика — Екатерина, вместе с захватом власти в России получила большую военную силу, которой и решила воспользоваться против поляков. Это как раз была одна из тех тщеславных бездумных имперских политических акций в самом худшем понимании. Минусы и ущерб был очевиден, а пользы — никакой. Причём доля самих поляков в своей трагедии: как в ослаблении своего государства беспредельной демократией, так и в окончательном

решении была велика. Например, польский сейм — конкретно «Гродненский сейм» 1793 года при условии сохранения шляхетских вольностей проголосовал за раздел Польши. Это было предательство элитой своего народа, а польских Мининых и Пожарских в то время в польском народе не оказалось.

Через два года польский народ понял всю произошедшую трагедию и взбунтовался под руководством Тадеуша Костюшко. Причем восстание вспыхнуло на австрийской территории — в Кракове, а для его подавления прибыла русская армия — войска во главе с Суворовым, которая умудрилась вначале потерпеть серьёзное поражение от польского ополчения.

Результат всего этого — многие десятки тысяч погибших русских солдат в борьбе с польским народом, ещё больше погибших поляков; другие негативные последствия даже сейчас трудно оценить, ибо они продолжают развиваться и сегодня. Весь последующий XIX век Россия выглядела в глазах европейской общественности из-за этой оккупационной акции агрессором и жандармом Европы. Только за одно это Россию пинали и поносили в Европе и Америке все, кому не лень, в том числе Маркс и Энгельс. Александр Пушкин им советовал:

...Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона...
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда Сия семейная вражда...

Уверен, — смысл произошедшего в 1772 году не понимали — ни русские, ни поляки, — только великая «немка» Фредерика-Екатерина.

Напомню — когда и как эта семейная вражда началась. До 16 века эти два славянских народа жили мирно и даже дружно, помогая друг другу — сражаясь плечом к плечу против крестоносцев под Грюнвальдом и Псковом. А когда в 1585 году в результате брака на польский престол взошёл шведский король Зигмунд (Сигизмунд), то он применил старую уловку «разделяй и властвуй» и внёс вражду между христианами — православными и католиками вначале внутри Польши, отдавая предпочтения и преимущества католикам. До этого в Польше люди обоих христианских вероисповеданий жили мирно, и никто на этом не акцентировал внимания.

Исследователь истории И. Лютостанский в своей работе «Талмуд и евреи» (1879 г.) отметил:

«В Польше, при короле Сигизмунде, когда были кровавые гонения на Православие, иудеи тоже прилагали все старания, чтобы исполнить закон Талмуда и его враждебные относительно христиан повеления. «Те храмы, прихожане которых никаким насилием не могли быть обращены в унию, отданы были в аренду евреям; ключи храмов и колоколен перешли в еврейские корчмы... Приходилось платить до пяти талеров за каждую литургию, то же самое за крещение или погребение» (цитата из «Истории русской церкви» Филарета).

А когда православные в Польше были унижены и подавлены, эта тенденция вышла за границу Польши и пошла в сторону России. Явно рукой шведа Зигмунда двигали интересы бурно развивающейся в тот период Европы и болезненно-ущемлённого Ватикана, который жаждал компенсации и побед после проигранной истории с Лютером и потери части Европы. И вместо очередного крестового похода догадались стравить между собой славянские народы, направив один против другого. В первом случае мы наблюдаем «выдающуюся роль» шведа Сигизмунда во вражде русских и поляков, а в рассматриваемом — «выдающуюся роль» немки Фредерики-Екатерины.

В «смутное время» начала 17 века поляки оккупировали Россию на короткий срок, но после этого негативное отношение русских к полякам сохранялось несколько веков.

А затем после 150-летней оккупации Россией Польши, после более десятка потопленных в крови русскими солдатами польских освободительных восстаний у поляков выработалась негативная родовая память по отношению к русским. Для поляков наш великий Суворов — это кровавейший палач, казнивший многие тысячи поляков, а Сибирь — это место ссылки нескольких сотен тысяч поляков. «Присоединение Польши, древнего самобытного государства, к России надо уже признать ошибкой, которая принесла в дальнейшем России тяжелые политические последствия...» — отметил в своём исследовании в далёкой Аргентине Б. Башилов

Акция Фредерики-Екатерины по захвату Польши была, бесспорно, ошибкой. В необъятной России и так было огромное количество неосвоенных земель. Зачем были нужны ещё эти? Польша была больна своей «демократической» болезнью и плюс к этому заражена извне. Россия, заглотив Польшу, «естественно» заразилась её болезнями, теперь это были уже российские болезни-проблемы, причём хронические, за упорным развитием которых в российском организме мы будем наблюдать внимательно в последующих главах.

И эта трагическая история «семейной вражды» дошла до 20-го века, в котором, благодаря «подвигам» с обеих сторон, ещё более усилилась,

дошла до 21 века, и сегодня опять её мастерски используют «доброжелательные» политики Запада, подогревая старые болевые точки, противопоставляя два соседних славянских народа, и решают свои «национальные» интересы... А им на радость с российской стороны раздаются высокопарные бездумные речи «имперцев» развалившегося СССР, которые вместо того, чтобы думать, как сохранить от развала Россию и как возродить Россию процветающей, вальяжно высокомерно «мудрствуют»...

Поэтому чтобы этот козырь западных умников убрать, необходимо хотя бы раз теоретически разобраться в этом историческом моменте. Наши «имперцы» упорно твердят о гуманной русской имперской политике XIX века и её благотворном влиянии на развитие подданных народов и старательно избегают оглашения возмутительных фактов запрещения польского языка на польской территории, о русификации якобы не польского населения, а исключительно белорусского; молчат, надеясь на безграмотность окружающих, о массовом закрытии польских университетов и школ, о физическом уничтожении русской регулярной армией сотен тысяч участников многочисленных польских освободительных восстаний — всего около полутора миллионов поляков.

А когда вопрос земельных претензий отпадал, тогда возникали весьма оригинальные объяснения политической целесообразности и славянской любви. А. А. Башмаков (1858–1943 г.):

«Нельзя понять всей глубины русско-польской драмы без любви. Вот почему мы её не имеем, пока будем исключительно вращаться в тех естественно ощущаемых нами чувствах негодования и недоверия, которые грешный перед нашей государственностью поляк возбуждает в русском обществе своими глубоко-захватывающими действиями, клонящимися к постепенному внутреннему расшатыванию нашей Империи, так сказать мирными средствами. Тем не менее,... хочу сосредоточить ваше внимание; я разумею чувство племенной любви. Поверьте, что между народами психология таинственной любви та же самая, как в отдельном человеке...

Нам, русским, этот мир понятнее и ближе, нежели полякам, потому именно, что мы — победители, мы лишили их когда-то славной их государственности, мы их втянули в мирное шествие нашего «двуглавого орла», которому они верить не хотят, вспоминая со вздохом свой «белый орёл»...

Дать полякам то, к чему естественно стремится их народный гений, именно самостоятельную государственность, — мы не можем, каковы бы ни были те братские (славянские) чувства...

А эта невозможность основана на понимании тех исторических причин, которые породили польский вопрос... 1) поглощение Россиею

Польши было неизбежной необходимостью для устояния обоих народов (русских и поляков) перед пожирающей волной германизма;

2) присоединение Польши было в 18 столетии необходимою ступенью для достижения Россиею возможности бороться с Турцией и для решения восточного вопроса.

Ясно, что всякое непосредственное призвание в наши дни силы народовластия, при участии польских голосов, к переделке установившегося здесь равновесия будет равносильно непосредственному стремлению к уничтожению одного из коренных устоев Русской Империи» («Народовластие и Государева Воля», 1908 г.).

А вот объяснения современных псевдопатриотов (XXI век) — Михаил Муравьёв:

«После разделов поляки восставали, но это было восстание шляхты за господство над крепостными» — выглядят слишком натянуто-лживым чтобы выглядеть даже смешным. Второй вариант объяснения М. Муравьёва не лучше первого: «в русском самосознании до сих пор существует комплекс вины за усмирение польских восстаний... В советскую эпоху, учитывая, что Польша была социалистической страной, официальная наука практически умалчивала о самих польских мятежах. Но стесняться нам, русским, нечего. Все польские восстания против России были национально-захватническими». — Оригинальность на грани безумия или сверхнаглой лжи.

У современников с обеих сторон не должно быть никакого комплекса вины, никакого комплекса обиды — холодный объективный исторический анализ, обсудили: белое признали белым, а чёрное черным, и забыли, — совместное лучшее будущее соседей должно быть разумной прерогативой над прошлым, пусть даже трагическим. Но благодаря старательным «обелителям» истории и сторонникам полезности имперских захватов для чужих народов — два соседних славянских народа будут ещё долго смотреть друг на друга враждебно на радость врагам России. Но всегда есть надежда, что здравый разум с обеих сторон победит горячие гордые национальные эмоции и в поляке и в русском.

Вернёмся к главному персонажу этого конфликта — к «великой» Екатерине и понаблюдаем за другими последствиями для России её «великой» политики.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Опыт просвещенной Европы в еврейском вопросе

Перед тем, как захватить Польшу, российское руководство должно было просчитать две вероятные самые крупные проблемы — это быть готовым к подавлению освободительных восстаний поляков, и просчитать последствия того, что подданными Российской Империи становилось более миллиона евреев, которых до этого момента российские монархи по различным причинам старались не пускать на российскую территорию. Уже через 20 лет после раздела Польши Екатерине пришлось задуматься и решать обнаруженную проблему — как поступать с приобретёнными «попутно» евреями? Оставлять? Выдворять? Разрешить им селиться по всей территории России? Какую внутреннюю политику по отношению к ним выработать? Или вообще забыть об этой теме, ничего не усложнять, как будто проблемы не существует.

Ситуация на присоединённых польских землях оставалась прежней; если помните предыдущую главу о Богдане Хмельницком и о ситуации на Украине, — евреи владели на этих территориях почти 100% всего — от зерна, спирта и до табака. Фактически с экономической и даже с политической точки зрения Белоруссия, Литва и часть Украины полностью принадлежали евреям и являлись неофициально еврейскими владениями.

Вот как описывает сложившуюся ситуацию на вновь приобретённых Россией землях исследователь еврейской истории и культуры Ольга Соболевская: «ещё со времён средневековья именно они (евреи), составляли большинство населения белорусских городов, занимались исключительно торгово-предпринимательской и финансовой деятельностью»; они «будучи членами закрытых «еврейских обществ» (до 1844 г. — кагалов) сами избегали контактов с иноэтническим окружением» (Сборник Рутмана и Киммеля).

В этот исторический период, в течение 23 лет (1772–1795 гг.) евреи беспрепятственно переселялись в российские города, в том числе в Москву и в Петербург.

Еврейская Энциклопедия указывает (С): «Евреи стали водворяться в Москве вскоре по присоединении в 1772 г. белорусского края... В конце XVIII века число евреев в Москве было значительно... Некоторые евреи, записавшись в здешнее купечество, завели крупную торговлю... Другие же евреи занимались продажей заграничных товаров на своих квартирах или постоялых дворах, а также в разнос по домам, что в ту пору было вообще запрещено».

Эта торговля не по правилам в больших масштабах наносила ощутимый ущерб российским купцам и не могла их не беспокоить и не раздражать. Их обращения по этому поводу к новому руководству России — к императрице Екатерине II (1762–1796 гг.) долгое время оставались безрезультатными. Императрица упорно «не слышала» российских купцов и потворствовала еврейским.

Что же случилось? Почему такое резкое изменение политики после Елизаветы Петровны, Екатерины I, Петра Великого... Почему российское руководство изменило заветам предков?

Вероятнее всего потому, что, во-первых, все перечисленные выше царственные особы не были её предками, и вообще она не была русской, она была немкой. Во-вторых, возможно она чувствовала себя в «варварской» России более цивилизованной, и у неё был свой взгляд на евреев, которые были ограничены в правах во многих европейских государствах.

Если это был «самый просвещенный монарх» в мире, то Екатерина «великая» должна была знать историю взаимоотношений с евреями в Европе и приобретенный опыт совместной жизни, и над ним задуматься. А задуматься было над чем... Хотя бы — почему? — По причине религиозной ксенофобии или по другим причинам из многих стран изгонялись евреи? Рассмотрим эту историю, опыт, довольно подробно, ибо в будущем будем сталкиваться с «еврейским вопросом» много раз.

В 38 году в Александрии, в которую пригласил евреев Александр Македонский, во время небольшой уличной стычки евреи убили двух греков, и греки устроили погром еврейских кварталов.

С тех пор между ними происходили постоянные стычки почти во всех городах. Среди евреев появились тайные убийцы или другим словом — террористы, которых называли сикирии (кинжальщики). Они внезапно на улице кинжалами убивали греков и евреев, которые с греками общались. Происходила городская партизанская, террористическая война, люди боялись ходить по улицам. (Вот она — история первых террористов). Особенно тяжёлая обстановка была в крупных

портовых городах Кесарии и Александрии. После всего этого в 64 году греки устроили погромы богатых еврейских кварталов при молчаливом сочувственном попустительстве римлян.

Евреи организовали оборону, а затем «ответили» — началась большая взаимная резня. Конфликт перекинулся в другие города и втянул римлян. Так началось восстание евреев под предводительством Симона Бар-Гиора против римлян, греков и своих. Великий полководец Александр Македонский не смог предвидеть подобных последствий своих решений.

Забегая вперёд, стоит отметить, что последние жестокие уличные бои евреев с греками произошли в середине XIX века (полтора века назад) в России, за портовую Одессу; итог известен.

Тогда, в римской империи, евреи дошли до жесточайшего свирепства, фанатики не только убивали греков, римлян и других нечистых, в том числе евреев, заподозренных в сочувствии к язычникам, но и сожгли дворцы своего царя Агриппы и его дочери. Богатейший Иерусалим, в котором дороги из богатых еврейских кварталов в храм были устланы дорогими коврами (!), превратился в ад и в результате «чисток» был устлан трупами. Бар-Гиора со своими свирепыми войнами убил даже лучших членов еврейского Синедриона, — первосвященников. Два года (64-66 гг.) продолжалось подобное...

Предводители римлян, занятые борьбой за власть в Риме, не сразу отреагировали. Но в 67 году римляне двинули свои легионы на усмирение восставших, причём с ними был иудейский царь Агриппа. Началась война между римлянами и иудеями, которая длилась несколько лет (67-70 гг.).

В 70 году римляне окончательно победили, полностью разрушили Иерусалим и сожгли главный иудейский храм. В этой войне погибло около миллиона евреев, около сто тысяч евреев римляне пленили, а остальных разогнали по окраинам своей империи. Таким образом произошла пятая национальная Катастрофа в истории еврейского народа (предыдущие смотри — «Лекции президентам по истории...»).

После описанных событий ещё в 116 году евреи подняли восстание на Кипре и в Египте. Эти восстания были жестоко подавлены римлянами. Когда же римляне подавили в 135 году последнее восстание евреев под предводительством Бар-Кохбы, который прослыл своей свирепой жестокостью и убивал евреев, симпатизирующих римлянам, то римляне предприняли меры чтобы подобное не повторилось. Они максимально рассеяли евреев по всем уголкам своей империи, предприняли меры по уничтожению духовности и религии еврейского народа, а их духовного лидера священника Акиву публично на эшафоте разодрали на куски щипцами. После гибели Иудеи и Иерусалима часть евреев поселилась

в Северной Африке, часть — на Аравийском полуострове, часть — в Турции и Персии, а часть — в Западной Европе среди туземцев, варваров.

В Азии евреи расселились от Аравийского полуострова до Крыма и Каспийского моря, где было некогда Хазарское царство, в определённый период ставшее еврейским. Особенно много евреев поселилось в Персии. С персами, как помните из Библии, у евреев сложились издавна «интересные» отношения. И с начала IV века начались стычки евреев и персов, огнепоклонников, сторонников религии Зороастра. В одной из таких стычек были убиты два священника-мага. После чего в период 438-457 гг. персы устроили большую резню и погромы, многие еврейские школы и синагоги закрыли, немало евреев казнили и много выселили со своей территории.

Однако около 520 года евреи восстали, изгнали из города Махузы персов и объявили себя независимым еврейским княжеством. Персы жестоко подавили это восстание.

Примерно в этот же период, в 500 году, на Аравийском полуострове под непосредственным влиянием еврейских священников принял иудейство царь Йемена Абу-Кариба и обратил в иудейство своих подданных — арабов. И в это царство потянулись евреи. Но еврейско-йеменское царство просуществовало недолго — в 530 году эфиопский царь с войском напал и полностью уничтожил его.

В начале VII века на Аравийском полуострове зародился Ислам, и воинственные отряды Мухаммеда с девизом — «Нет Бога кроме Бога, и Мухаммед Его пророк!», — уничтожали неправедных. Евреи не оценили размах движения и не признали в Мухаммеде пророка и жестоко за это поплатились. Одна из жён Мухаммеда была еврейка по имени Зейнаб, которая попыталась отомстить Мухаммеду — отравить его. Но первым вкусил отравленную пищу соратник Мухаммеда и тут же умер. Мухаммед казнил эту жену. Но позже арабы относились к евреям очень хорошо, как к праведным — верующим в Одного Единого Бога. Вместе с ними они достигли больших высот в развитии в конце первого и начале второго тысячелетий, когда вместе захватили Испанию. Отношение арабов к евреям было очень хорошим вплоть до двадцатого века, до того момента, когда евреи решили захватить Палестину и создать своё государство Израиль.

В северных провинциях Римской империи, в которые входили территории многих современных европейских государств, евреям жилось хорошо. Среди туземцев, варваров, каковыми были сегодняшние французы, швейцарцы, австрийцы и немцы, — евреи были гражданами Рима и пользовались соответствующими правами и льготами. Кроме того, чувствовался очень большой разрыв в развитии, в цивилизованности, это вообще была встреча двух разных цивилизаций. Поэтому евреям

было легко торговать в обоих направлениях, что они успешно и делали, доставляя варварам ткани, посуду и разные побрякушки. Ситуация сильно осложнилась для евреев с принятием римским императором Константином христианства. Фактически христиане пришли к власти, а для них евреи ассоциировались с казнью Иисуса Христа и непризнанием в Иисусе Бога. И уже в 325 г., после Никейского собора, евреям на всей территории Римской империи было запрещено обращать другие народы в свою веру, запретили браки между евреями и христианами, и если до этого момента Пасху праздновали все вместе, то теперь христиане перенесли сроки и стали праздновать отдельно от евреев. Кроме того, евреев обложили повышенными налогами. Если до этого момента антисемитизм возникал на экономической почве, то теперь возник ещё и на религиозной.

Император Феодосий (408–450 гг.) также оказался антисемитом и запретил евреям занимать высокие государственные должности, строить новые синагоги и держать в своих домах христиан в качестве прислуги. В 476 году полчища «варваров», обольщённые богатствами Римской империи, вторглись с севера, захватили, ограбили и разрушили Рим. Римской империи не стало. Евреям от этого лучше не стало, ибо варвары вскоре приняли христианство...

Хорошо жилось евреям только в Италии, особенно в Венеции. В других же странах свободу евреев существенно ограничивали. Так во Франции церковные соборы в Орлеане (533–541 гг.) запретили браки христиан с евреями, объявили также, что рабы, служащие евреям, но принявшие христианство, объявляются свободными. На волне своего подъёма и успеха христиане старались всех христианизировать, в том числе и евреев.

В 576 году в городе Клермоне после долгих уговоров христианского епископа только один еврей пожелал поменять веру; и его, как вероотступника, другие евреи жестоко наказали. Но наказуемый был уже христианином, поэтому христиане возмутились и устроили большой погром евреев, во гневе разрушили и синагогу.

Стоит отметить важный факт в истории евреев в этот период, — несмотря на жестокость судьбы и рассеяние, евреи стали собирать-восстанавливать по крупицам свои древние знания, древние национальные и религиозные традиции, то есть — свою религию и духовность. Раввин Акива во втором веке н.э. собрал сборник «Тайные свитки». Это была предварительная работа по собиранию и систематизации наследия еврейских мудрецов. В 188 году вышел сборник комментариев к Священным текстам под названием «Мишна» — «Второзаконие». Это можно назвать вторым этапом к созданию Талмуда. Непосредственно Талмуд как некое целостное религиозно-мировоззренческое учение в 36 томах

появился в Иерусалиме в 469 году, а в 505 году появился более доработанный вариант — так называемый «вавилонский» Талмуд.

Таким образом, через полтысячелетия после римской Катастрофы, была осуществлена очень важная преемственность для следующих поколений — восстановлены древние религиозные догмы и накопленная многими веками мудрость. Кроме того, была осуществлена ещё одна важная задача, — чтобы все еврейские общества, рассеянные по всему миру, имели единое учение. По характеру толкования это было гибкое учение фарисеев. К этому времени евреи наладили связь между разбросанными общинами, Талмуд размножили и распространили по всем странам среди всех общин.

Таким образом, Талмуд явился единым духовным учением, Священной книгой, скрепляющим, соединяющим евреев в единый еврейский народ, в нацию. С этого момента евреев можно считать организованным единым народом, который хотя и был рассеян по многим странам, но представлял собой уже единую организацию. Мы наблюдаем картину самовосстановления еврейского народа, восстановление своей изначальной самобытности, аутентичности.

Евреи редко переходили в христианство, чаще всего они вынуждены были перекрашиваться формально, а тайно исповедовать свою религию или при удобном случае возвращались обратно.

История первого тысячелетия знает немало интересных фактов взаимоотношений евреев и христиан.

Писатель и журналист из Израиля Израэль Шамир в своей книге «Власть Каббалы» (2006 г.) пишет:

«В 614 году местные палестинские евреи объединились со своими вавилонскими единомышленниками и помогли персам завоевать Святую Землю. Двадцать шесть тысяч евреев участвовало в нападении. После победы персов евреи осуществили массовый холокост палестинских христиан. Они сжигали церкви и монастыри, убивали монахов и священников, бросали в костёр книги. Непревзойденной красоты базилика Рыб и Хлебов в Табре, храм Вознесения на Масличной горе, церковь св. Стефана Первомученника напротив Дамасских ворот, собор св. Сион на Сионской горе возглавляют длинный список разрушенных храмов... Церковь Рождества была спасена чудесным образом: когда евреи приказывали её разрушить, персы заартачились. Они сочли мозаичное изображение трёх волхвов над дверью портретом персидских царей и защитили церковь. Но этими варварскими разрушениями погром не окончился. Когда Иерусалим сдался персам, тысячи местных христиан попали в плен, и были загнаны в пустой пруд Мамиллы...

Оксфордский профессор Генри Харт Милман в своей «Истории евреев» описывает это событие:

«И вот наступил долгожданный час триумфа и мщения, и евреи не упустили случая. Они смыли осквернение святого града реками христианской крови. Говорят, что персы продавали несчастных пленников с молотка. Мстительность евреев оказалась сильнее их алчности: они не только не пожалели свои сокровища ради приобретения этих невольников, но и казнили всех, за кого так щедро заплатили. Современники говорили, что погибло 90 тысяч человек...».

А современник и свидетель этой бойни Стратегий из лавры Саввы Освященного так описывал расправу: «Вслед за этим мерзкие евреи... возликовали чрезвычайно, ибо они терпеть не могли христиан, и задумали дьявольский план... и сейчас они купили христиан из пруда. Сколько душ они погубили в пруду Мамиллы! Сколько погибло от голода и жажды! Сколько священников и монахов они предали мечу! Сколько дев, отказавших отвратительным насильникам, предано смерти врагом! Сколько родителей заколото на трупах своих детей! Сколько людей привели туда евреи и зарезали, как скот на бойне, сколько стало святыми мучениками!»

«Холокост палестинских христиан в 614 году хорошо документирован, и каждый может найти его описание в старых книгах, — отмечает Израэль Шамир. — Но в современных путеводителях и учебниках он не упоминается. Эллиотт Горовиц, в своём блестящем обзоре еврейской исторической апологетики описал, как практически все еврейские историки утаивали факты и переписывали историю. Их укрывательство продолжается и по сей день. Недавние израильские публикации свалили вину на персов, как они перекладывают ответственность за резню в Сабре и Шатиле».

Одна из самых длительных и бурных историй того периода — это совместная жизнь евреев и христиан в Испании, где христиане начали притеснять евреев с 589 года. Вскоре испанские евреи наладили связь со своими сородичами из Северной Африки с целью уговорить воинственных африканских арабов (мавров) напасть на Испанию. Но в 694 году заговор испанцы раскрыли. И король приказал: за то, что евреи хотели «насильственно присвоить себе власть в государстве, — все они (евреи) объявляются рабами и раздаются в крепостное владение господам (христианам), которые не имеют права отпускать их на волю. Дети, начиная с семилетнего возраста, отнимаются у своих родителей и отдаются на воспитание христианам» (С. М. Дубнов).

Таким образом, произошла шестая национальная Катастрофа в истории еврейского народа. Получилась некая египетская копия пленения. Но, в конце концов, план заговора евреев сработал, и в 711 году полчища арабов хлынули в Испанию. Арабы очень легко завоевали Испанию, так как евреи их воспринимали как друзей, как освободителей, — и сами

во всех городах Испании устраивали резню христиан и фактически сделались полновластными хозяевами городов ещё до прихода мавров. Всех испанских христиан евреи не вырезали, но элиту испанцев почти всю уничтожили.

Арабы (мавры) ничего менять не стали и дали евреям полную свободу. Со всех сторон в это арабо-еврейское государство потянулись евреи. Образовалось арабо-еврейское государство, расцвет которого пришёлся на X–XI века. В течение пяти веков (до 1215 г.) это арабо-еврейское государство по многим причинам, в том числе и благодаря большой концентрации еврейских денег, стало прекрасной процветающей страной, центром человеческой цивилизации на тот период истории.

Тогда появилось большое количество знаменитых арабских и еврейских философов, медиков, писателей и поэтов. Можно указать большое количество прекрасных, великих арабских и еврейских мыслителей. Но здесь мы напомним имя только одного великого еврейского философа Авицеброна или — Соломон бен Иегуда ибн Гебироль (1021–1055 гг.), который некогда дал замечательный ответ на свой же очень важный вопрос: «Если ты спросишь: «Почему в душе нет запечатлений мудрости, и она нуждается в обучении и припоминании?».

В это время в другой части Европы начались первые крестовые походы... Инициатива крестовых походов была временным выходом из кризиса христианства в этот период, в том числе и из кризиса разложения руководства христианской церкви. В 1096 году христиане организовали первый крестовый поход в Иерусалим, для освобождения «гроба Господа». Крестоносцы — ополченцы двигались с германских городов вдоль Рейна на юг и везде по дороге совершали потрясающие погромы евреев. Это был расцвет в Европе антисемитизма в первую очередь на религиозной почве. Захватив в 1099 году Иерусалим, крестоносцы согнали в синагогу евреев и подожгли её. Для евреев в Европе наступили очень тяжёлые времена. Очередные крестовые походы в 1146 г. и в 1187 г. также сопровождались еврейскими погромами. Весь этот период преследований евреев в Европе, связанный с началом крестовых походов и до XVII века включительно (6 веков) можно назвать седьмой Катастрофой в истории еврейского народа.

В 1190 году прошли массовые погромы евреев в Англии. Евреи вынуждены были удирать в Испанию и в Польшу, которая, как рассмотрели раньше, в это время приветливо их принимала. Во Франции, в Париже, в 1242 году, после научного диспута еврейских и христианских теологов, было сожжены 24 телеги, груженные экземплярами Талмуда, а первое изгнание из Франции было в 1080 году. Крестовые походы закончились, но преследования евреев продолжались.

В 1287 году евреев изгнали из Берна. В Англии по приказу короля были закрыты все синагоги, а в 1290 году король Эдуард издал указ о выселении в 4-месячный срок всех евреев из Англии. Евреям пришлось уезжать во Францию и в Испанию, которая к тому времени была уже захвачена христианами. Но в Испании христиане не стали мстить и преследовать евреев, многие из которых при христианском короле были министрами.

Французского короля наплыв евреев в его страну не обрадовал. И в 1306 году французский король Филипп Красивый приказал выселить в месячный срок всех евреев из страны, при этом они должны были оставить во Франции своё имущество. В 1315 году король Людовик Десятый разрешил евреям вернуться во Францию, но уже в 1320 году во Франции начался очередной крестовый поход под названием «пастуший», который также сопровождался погромами евреев. А в 1394 году король Карл Шестой опять издал указ об изгнании евреев из страны.

Так как к этому моменту начались еврейские погромы и в Испании, то большая часть евреев уехала в Польшу, Италию и Турцию.

В этот период, в начале XIV века, среди евреев появилось загадочное тайное учение — «Зогарь» («Сияние»). Скорее всего, это учение было связано с именем выдающегося еврейского мыслителя Леви бен Герсона (1238–1340 гг.), который написал трактат под названием «Войны Бога», где была окончательно сформулирована идеология поведения, жизни евреев на чужбине, которой они во многом придерживаются и до сих пор.

В Европе положение евреев ещё более ухудшилось с введением в христианстве инквизиции. Во многих городах Европы евреям разрешалось жить только в отведённых им кварталах — «гетто».

В Испании, в которой евреям жилось мирно, хорошо, и они занимали важные государственные посты, в 1391 году после антиеврейской проповеди в одном из христианских храмов города Севилья начались страшные еврейские погромы, в результате которых были разрушены все синагоги, и погибло около 4 тысяч евреев. Много евреев из Испании убежало в Португалию, где способствовало превращению этой страны в богатую морскую державу.

В 1349 г. во время немецкого погрома погибло 6 тысяч евреев в немецком городе Майнц, и в этот же период взбунтовавшийся немецкий люд разгромил еврейскую общину в Кёльне, количество погибших неизвестно. 1394 г. — король Франции Карл Шестой изгнал евреев. При этом должники крестьяне освобождались от долгов перед евреями. Примерно в этот период евреев изгнали из Сицилии. В 1420 году евреи Сарагоссы чудом спаслись от погрома, а в 1481 году подверглись репрессиям в Севилье.

«В борьбе с христианской государственностью иудеи опирались на огромную денежную мощь диаспоры, традиционно контролировавшей всю финансовую жизнь континента. Их интриги в немалой степени способствовали падению Византии в 1453...», — объяснял митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев).

В 1492 году испанцы в войне с арабами (маврами) победили их и захватили их столицу Гренаду. Для полной сатисфакции король Испании Фердинанд издал указ о выселении евреев, друзей арабов (мавров), с территории всех владений Испании. При этом евреям запрещалось забирать с собой золото, серебро и драгоценности. Евреи сильно уговаривали испанского короля отменить свой указ и предлагали огромный денежный выкуп, но король не изменил своего решения. Большинство испанских евреев (сефарды) пошли в соседнюю Португалию к своим сородичам, которых называли там «португезами». Но в 1498 году евреев изгнали и из Португалии.

Много евреев уехало в Италию, особенно в Венецию. А ещё больше уехало в Турцию к симпатизирующим арабам и опять в Польшу. В связи с Турцией случился интересный исторический факт. Около 1524 года из Турции в Европу приехал еврей по имени Молхо с сотоварищами. Молхо вступил в тайные переговоры с римским Папой, а затем с германским императором. Молхо долго убеждал их организовать крестовый поход в Турцию, чтобы помочь евреям в готовящейся войне против турок. После размышлений на уговоры не поддались, и в 1532 г. Молхо сожгли на костре.

В Италии с 1553 года также начались гонения евреев и были выделены в крупных городах для них гетто. В этом году в Риме были сожжены публично тысячи изъятых экземпляров Талмуда.

В начале следующего века, в 1614–1615 годах, произошли крупные погромы евреев в Германии, инициированные немецкими ремесленниками по конкурентным причинам.

Примерно в этот период раввином Иоселем Каро (1488–1575) была создана скандальная «боевая» религиозная книга «Шулхан-Арух», первое издание которой вышло в 1565 г. в Венгрии.

В вышеназванной книге, в главе «Поругание Святых Даров Христовой церкви», И. Лютостанский перечисляет согласно названию главы более 30 происшествий, например:

«... В 1426 г. в Вене женщина христианская продала иудеям СВ. Дары, за что король Фридрих велел иудеям эту женщину казнить... В 1434 г. в Декендорфе иудеи, добыв СВ. Дары, искололи и в кузнице били молотами с поруганием, потом бросили в печку. За это виновные были казнены...

В 1508 г. апреля 5 дня был уличен раввин в поругании Св. Даров в костеле Панны Марии в Кракове, публично сознался и был казнен...

В 1696 г. в Сандомире женщина в великий четверг, приобщаясь, вынула Св. Дары и, положив их в платок, хотела отнести иудеям, была поймана и сама созналась, раскаявшись, затем в городе была публично сожжена на костре...

В 1698 в Раве были пойманы 6 евреев и два слесаря-христианина, которые обокрали костёл, вынесли серебряные и золотые священные сосуды, где и было ими сделано поругание над Св. Дарами. Христиане-слесари были повешены, а иудеи перекупом и протекциями освободились на поруки и бежали... В 1696 году в Польше крестился раввин Самуил; иудейский кагал присудил его к смертной казни, убийца иудей был взят и выдал свой судейский персонал — 50 иудеев были арестованы и после обличения казнены».

В 1670 году австрийский император Леопольд издал указ о высылке всех евреев из Вены и герцогства австрийского. И, несмотря на предложенный евреями огромный денежный выкуп, довёл до исполнения указа. Большая часть евреев уехала в Польшу, а часть в Голландию.

В 1675 году во время Голландской войны между немцами и французами произошёл погром еврейской общины города Трира, жители которого обвинили евреев в тайной помощи французским войскам. С похожей ситуацией мы столкнемся в Первой мировой войне.

На этом этапе сделаем небольшую остановку и суммируем рассмотренные события в Европе с XI по XVII века. Как мы видели, в этот период на протяжении полутысячелетия в Европе бушевал ярый религиозный антисемитизм, который вылился в страшные убийства, грабежи, изгнания и многочисленные гетто для евреев. Когда В. Познер сегодня, в 21 веке, с первого канала ТВ утверждает, что только в России были погромы, то уверен — он знает историю своего народа... и откровенно блефует, давит «виной» на русских, надеясь на их неграмотность.

При этом прошу читателей хорошо запомнить отношения европейцев к евреям в рассмотренный шестивековой период седьмой Катастрофы евреев, и в какие трагические события эти отношения вылились — чтобы сравнить их с отношением российских властей и российских народов к евреям, когда они массово появились в России благодаря «великой» Фредерике-Екатерине.

Потому что, забегая немного вперёд, необходимо отметить — несмотря на отсутствие в России подобного религиозного антисемитизма, подобных кровавых побоищ, изгнаний и организаций гетто, ко второй половине XIX века установилось такое отношение еврейского сообщества к российским властям, что возникает много недоуменных вопросов...

Стоит также хорошо запомнить этот период истории евреев в «цивилизованной» Европе — чтобы в дальнейшем нашем исследовании понять речь лидера еврейской общины в середине XIX века Адольфа Кремье.

Когда в конце XVI века образовалась независимая Голландская республика, то свет в конце туннеля засиял для многих евреев. Вскоре выяснилось, что эта республика противопоставляет себя Риму и всему католицизму, с которым у евреев были устойчивые ассоциации с преследованиями их христианами. И тысячи евреев потянулись со всех концов планеты в Голландию, где им была предоставлена свобода и равные гражданские права. Не без помощи больших еврейских капиталов Голландия через несколько десятилетий стала мощной, богатой морской и даже колониальной державой. И составила сильнейшую конкуренцию Испании, Португалии, Франции и Англии.

Кромвель в Англии, глядя на расцвет и растущую мощь Голландии, начал агитировать английский парламент и правительство разрешить въезд евреев в Англию по «причинам практическо-экономического характера», так как это будет «полезным для осуществления империалистических экспансионистских планов».

По этому вопросу в английском обществе разгорелись очень бурные, горячие споры и диспуты.

В результате чего в правительстве не было единого мнения, оно колебалось и не решалось что-либо положительное по отношению к евреям предпринять. Закончилось всё тем, что в 1655 году Кромвель встретился с лидером еврейской общины в Европе — Манассом бен-Израилем. После чего евреи массово и тихо стали въезжать в Англию, а правительство закрыло на это глаза.

Здесь стоит обратить внимание на ту загадочную радостную готовность евреев поселяться в различных странах, в которых их ещё нет. Казалось бы — хорошо евреям живётся в Голландии, в Польше, в Турции — ну и сконцентрировались бы в этих странах и жили бы себе компактно и мирно, зачем им рисковать и с такой настойчивостью переезжать в Англию на постоянное жительство и в другие страны, как только в этих странах их перестают преследовать? Это загадочное стремление селиться среди других народов, пронизывать другие народы своим присутствием...

В 1629 г. во Франции король Филипп Четвёртый со своими придворными пытался решить проблему монополии евреев в торговле, которые так же искусно выкачивали деньги у португальцев и у населений колоний, что «нигде нельзя найти богатого человека, который не был бы евреем».

Императрица Мария Терезия Австрийская в 1717 приказала: «Впредь ни одному еврею, как бы он не назывался, не должно давать права жительства здесь без моего письменного разрешения», и при этом она объяснила свой поступок: «Я не знаю более вредной для государства чумы, чем этот народ, вследствие его умения путём обмана, ростовщи-

чества и денежных сделок доводить людей до нищенства и заниматься всеми теми делами, которые вызывают отвращение всякого честного человека». К подобным выводам пришли запорожские казаки, украинские крестьяне и Богдан Хмельницкий в середине 17 века, трагическую ситуация на Украине в течение нескольких веков мы наблюдали ранее.

Вы, наверное, обратили внимание, что на все преследования и насилия, случившиеся с евреями в Европе, они не отвечали вооружённым сопротивлением и т. д. Неужели они вели себя как агнцы и не сопротивлялись? Или здесь кроется какая-то мудрость или загадка?

В своей книге «Клич птицы Феникс» современный исследователь еврейской темы А. В. Трехлебов приводит яркий и поучительный пример мудрости евреев: преследуемые евреи во Франции из города Арли в 1489 году попросили мудрого совета у более мудрых евреев из Константинополя. Вот ответ-совет еврейских мудрецов:

«Любезные братья о Моисее, мы получили ваше послание, сообщающее о несчастьях, постигших вас. Мы глубоко огорчены этим известием. Мнение великих сатрапов и раввинов следующее:

Вы говорите, что у вас хотят отнять ваше имущество. Сделайте ваших детей купцами, чтобы они постепенно отняли у христиан их имущество.

Вы говорите, что христиане покушаются на вашу жизнь. Сделайте ваших детей врачами и аптекарями, чтобы они могли покушаться на жизнь христиан.

Вы говорите, что они разрушают ваши синагоги. Сделайте ваших детей христианскими священниками, чтобы они разрушали христианскую Церковь.

Вы говорите, что вам причиняют много других неприятностей. Сделайте ваших детей адвокатами и нотариусами, пусть они всегда принимают участие в государственных делах, чтобы, поработив гоев, вы могли господствовать над миром и отомстить им за себя.

Не уклоняйтесь от этих повелений, которые мы вам даём, и вы на опыте увидите, что вместо того унижения, в котором вы теперь находитесь, вы достигнете вершины власти.

Подписано: Князь константинопольских иудеев. 21-го ноября 1489 г.».

Эти мудрые, проверенные на опыте советы давались в конце XV века. В конце 20-х годов XX века Гитлер и его партия после социологического исследования, отрывки которого будут представлены в следующей книге, подняли в немецком обществе большой шум как раз по поводу того, что в Германии именно вышеперечисленные профессии, должности заняты непропорционально, преимущественно евреями. А Сталин, когда после Второй мировой войны начал чувствовать чаще проблемы

со здоровьем и обнаружил, что среди лечащих его врачей немало евреев, то из-за страха перед ними на основании нескольких подозрительных фактов инициировал «дело врачей».

Нетрудно заметить и сейчас, в конце XX века — начале XXI века, что евреи составляют значительную часть врачей, владельцев аптек, адвокатов, нотариусов, бизнесменов в различных странах: от США и Франции и до Чехии и России. Немало их можно встретить и среди христианских священников, особенно православных. Вернемся к Фредерике-Екатерине «великой».

И если Екатерина Вторая была на самом деле такой «великой просветительницей», то она должна была быть сама просвещённой и — знать известные выводы и высказывания своего знаменитого земляка и реформатора — Мартина Лютера о евреях:

«Их учили такой огромной смертельной ненависти к неевреям их родители и раввины с самой ранней юности и продолжают питать их ненависть в течение всех лет жизни, и эта ненависть пропитала их кровь и плоть, наполняет костный мозг и стала неразделимой от всего их существа».

Мартин Лютер: «Их Талмуд и их раввины учат, что убийство не должно считаться грехом, если еврей убивает нееврея... Не является также грехом и нарушение клятвы, принесённой нееврею...

Евреи наших дней всё ещё придерживаются этих доктрин и следуют примеру своих отцов, пользуясь любой возможностью использовать на практике свои намеренно искажённые интерпретации Слова Господа, свою скупость, своё ростовщичество, убийства, и учат своих детей поступать таким же образом», «Нет и не было под солнцем более кровожадного и мстительного народа, чем жиды. Они душат и уничтожают остальное население и на этом основании считают себя Богом избранным народом». Мартин Лютер:

«Может быть, мягкосердечные и добрые христиане думают, что я слишком суров и крут с бедными и страдающими евреями, полагая, что я высмеиваю их и отношусь к ним с таким сарказмом. Честное слово, я слишком слабый человек для того, чтобы быть способным высмеивать такое сатанинское племя». Мартин Лютер:

«Все трусливые воздыхания и вожделения их (евреев) сердца преисполнены желанием когда-нибудь поступить с нами, язычниками, так же, как они поступили с язычниками в Персии во времена Есфири. О, как любят они эту книгу Есфирь, которая так созвучна с их кровожадными, жаждущими мести и убийства устремлениями и надеждами! Солнце никогда ещё не освещало более кровожадного и мстительного народа, который потому воображает себя народом Божьим, что должен убивать и душить иноверцев».

Даже итальянец Джордано Бруно, который реформировал «небо», и тот счёл необходимым высказаться по данному земному вопросу: «Евреи — народ, всегда низменный, раболепный, бесчестный, обособленный, замкнутый, избегающий сношений с прочими народами, которых он преследует зверским презрением, навлекая на себя этим самым совершенно заслуженное презрение с их стороны». Такой толерантный европейский просветитель, как голландец Эразм Роттердамский, и тот возмущался: «Грабёж и сдирание шкуры с бедного человека, производимые евреями, превосходят все меры, и далее терпеть его, прости Господи, невозможно».

Этому замечанию созвучны выводы, которые сделал известный еврейский исследователь Соломон Лурье в своём научном труде под названием «Антисемитизм в древнем мире»:

«Презрение к евреям настолько вошло в обиход, что наименование еврея получило наконец нарицательное значение в смысле всего грязного, некрасивого... Для автора этой работы уже тогда было несомненно, что причина антисемитизма лежит в самих евреях, иными словами, что антисемитизм — явление не случайное, что он коренится в разнице между духовным обликом еврея и нееврея». Если Екатерина II сомневалась в Мартине Лютере, не уважала Эразма Роттердамского и считала, что справедливо сожгли просвещенного Джордано Бруно, то она могла бы прислушаться к своему кумиру французу Вольтеру:

«Эта маленькая нация не скрывает своей непримиримой ненависти ко всем остальным народам. Её представители всегда жадны к чужому добру, подлы при неудаче и наглы при удаче». Вольтер:

«Евреи — ничто иное, как невежественный и варварский народ, который издревле соединяет грязнейшее корыстолюбие с отвратительнейшим суеверием и непреодолимейшей ненавистью ко всем народам, среди которых они терпимы и за счёт которых они обогащаются». А древний философ Плиний заметил: «Нет тысячи евреев, а есть один еврей, помноженный на тысячу».

Знаменитый государственный деятель Америки Бенджамин Франклин (1706–1790):

Где бы ни было, в стране, где поселяются евреи, независимо от их количества, они понижают её мораль, коммерческую честность, изолируют себя и не поддаются ассимиляции. Если мы, путем Конституции, не исключим их из США, то менее чем через двести лет они ринутся в большом количестве, возьмут верх, проглотят страну и изменят форму нашего правления.

Если вы не исключите их, то менее чем через двести лет наши потомки будут работать на полях, содержа их, в то время как они будут потирать руки в своих конторах».

Оглядываясь назад на всю предыдущую историю евреев, включая до нашей эры, трудно отделаться от впечатления, что очень давно, там — в Междуречье, Бог создал евреев как классическую антиномию-противоположность другим народам, которые сталкиваясь с евреями, проходят своего рода испытание на мудрость — глупость, силу — слабость и т. п.

Далее в нашем исследовании мы понаблюдаем — справились ли с этим испытанием славянские народы? Украинцы во главе с Б. Хмельницким, как мы наблюдали ранее, пошли на крайние меры.

А белорусы и русские — какие примут решения? Это мы понаблюдаем в следующих главах книги.

А пока стоит обратить внимание, что, как мы выше наблюдали, история взаимоотношений европейских государств и наций к евреям очень насыщена событиями и трагична, но никто из многих тысяч учёных на протяжение нескольких веков не догадался совершить в этой теме научного исследования, чтобы понять некоторые истины действительности и, возможно, некоторые закономерности. Это касается и многочисленных западноевропейских психологов, социологов, историков, философов, политологов в 20 и 21 веке. Крайне загадочно. А ведь многое понять необходимо, хотя бы для того, чтобы избежать очередных погромов, Катастроф и Холокостов.

Группа ученых Института нравственности (г. Санкт-Петербург) во главе с профессором В. А. Чигиревым издали в 2007 году книгу под названием «Феномен еврейства как загадка истории культуры», в которой сделали выводы и из истории и из Библии, из Ветхого Завета, написанного самими евреями. Познакомимся с их трудом и с их выводами в следующей главе. Далее в ссылках на книгу Института нравственности буду использовать сокращённое название этого института — (ИН).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Закономерности и часть исторического образа

Яков Рабинович из Израиля написал для евреев в России интересную толстую книгу под названием «Быть евреем в России: Спасибо Солженицыну» (М. 2005 г.), в которой написал:

«Активное участие в работе над ошибками русского писателя (А. Солженицына) принял его коллега по литературному цеху, писатель Виталий Коротич. Тот самый — бывший редактор перестроечного «Огонька»... Солженицын, по мнению Коротича, недостаточно знаком с менталитетом еврейского народа и в силу этого односторонне, а зачастую довольно предвзято освещает эту тему, приходя к весьма странным выводам». Конечно же, В. Коротич ни одной ошибки у Александра Солженицына не нашел и сильно опозорился голословным участием в третировании великого писателя, ибо Солженицын в своём исследовании исходил не из менталитета евреев, а строго из исторических фактов. Но в этой главе я постараюсь учесть это замечание Я. Рабиновича.

При исследовании 3-тысячелетней истории евреев видно, что это одна из древнейших наций на земле, длительность истории которой несравнима с западноевропейскими нациями. Причём вся эта длительная история, как наблюдали выше, изобилует множеством бурных исторических событий в разных регионах Азии и Европы. Ни один самый кассовый голливудский приключенческий фильм не сможет сравниться с этой реальной историей.

В череде этих исторических событий, как мы уже заметили ранее, бесспорно прослеживается закономерность. — Еврейский народ приходит на территорию другого народа, адаптируется в его среде и к его условиям (берёт даже себе характерные имена и фамилии этого народа) и, не допуская смешанных браков, выстраивает деловые отношения с руководством страны, народа. После этого, используя экономику и ме-

стную специфику, и преимущества своего закрытого корпоративного образа жизни — резко наращивает своё благополучие.

И когда этот процесс доходит до стадии подавления коренного народа, естественным образом возникает конфликт, который завершается только двумя вариантами: или окончательным подавлением коренной нации, или принятием мер коренной нацией против доминанты евреев — изгнанием евреев, их уничтожением, порабощением и т. д. Наблюдаемая закономерность этого процесса удивительным образом напоминает биологические процессы в природе в отношениях «хищник — жертва» — в растительном мире, в животной и микробной популяциях, в любом живом организме в первоначальной стадии болезни и т. д.

С другой стороны, в этой истории ярко высвечиваются трагические стороны жизни еврейского народа. Большая часть исторической жизни нации проведена в рабстве, в оккупации, в изгнании и преследованиях, — и, соответственно, в борьбе против всего этого. Что, естественно, не могло не отразиться на психологии и так изначально специфичного характера, и на формах, методах борьбы против врагов. Выработанные качества характера, методы выживания и борьбы оказались очень эффективными. Несмотря на все исторические злоключения, еврейская нация выжила и на многих исторических этапах жила лучше других.

При этом редкие периоды ассимиляции с различными нациями чередовались со строжайшими мерами по её пресечению. Так происходило обновление генофонда, и, одновременно, сохранялись основы специфичности, аутентичности нации.

Теперь подумаем над некоторыми закономерностями, аспектами жизни и психологии еврейского народа и их мудрости, независимо от их географического местожительства и соответственно названия: сефарды (североафриканцы), ашкенази (европейские), тамилы (индийские евреи), фалаша (эфиопские евреи), кайфэнь (китайские евреи), жиды, евреи и т. д.

Национальная сплоченная корпоративность

«Иудей, не помогающий другому иудею, подозревается в гойском происхождении, учит Талмуд», объясняет в своей книге израильский писатель Исраэль Шамир. Взаимопомощь друг другу заповедана евреям в религиозных книгах, как религиозная обязанность. Сплочению нации способствовало и требование несмешения в браках с другими народами: «Не берите из дочерей их жён сынами своими и дочерей своих не отдавай в замужество за сыновей их» — Библия, Исход 34–16. То же самое в Библии, 2 Ездра 8:81–82: «... их дочерей не берите за сыновей ваших, и не ищите мира с ними во все времена...». В «цивилизованные»

20-21 века у евреев стали возникать смешанные браки, но их количество по сравнению с «чистыми» небольшое. До 20 века евреи в любой стране активно взаимодействовали с окружающим обществом, но при этом жили обособленно в кагалах или гетто, которые в средние века для них создавали не только правители других народов, но и они сами, чтобы жить в своей национальной атмосфере.

Евреи руководствуются в семейной, бытовой и общественной жизни внутри своей диаспоры в первую очередь своими законами и указаниями своих лидеров, сверяя их с законами, принятыми в стране проживания. Этот образ жизни даёт ряд существенных преимуществ:

— обмен информацией, что всегда являлось важнейшим элементом, особенно в торговле;

— преимущество централизованного управления. Например, одно дело — когда глава (муж или жена) каждой семьи в отдельности принимает решение по мере своего ума. Совсем другой эффект, когда важные для семей решения принимает признанный всеми авторитет-мудрец или совет умнейших;

— рациональное использование средств среди семей, специально оговорённое внутренним законом беспроцентное субсидирование друг друга; преимущество пользования общей кассой под руководством одного авторитета;

— коллективные скоординированные действия, например, в ремесле или особый эффект получается в торговле и ростовщичестве, когда и конкуренты легко вытесняются и получаются сверхприбыли;

— закрытость информации, которая обеспечивается отсутствием чужаков, даёт те же эффекты. По этой же причине достигается максимальная сплочённость и скоординированность действий;

— приоритетное руководство своими законами в случае, когда они не совпадают с законами, принятыми в стране проживания — даёт другую степень свободы действий, те риски, на которые законопослушные граждане не идут, — идущим дают преимущества и суперприбыли. А обратная сторона рисков — наказание за нарушение законов?

Здесь следующая логика:

во-первых, далеко не в ста процентах случаев нарушение закона обнаруживаются вообще;

во-вторых, может случиться временной фактор, то есть — нарушение закона может обнаружиться не сразу, а через некоторый отрезок времени — возможно даже большой. А к моменту обнаружения может многое измениться: поменяются законы; поменяется или исчезнет само государство или лидер (фараон, король, султан, царь); за давностью само нарушение покажется уже незначимым; со временем сам нарушитель станет недосягаемым для закона (уедет в другую страну, займёт высокий

государственный пост или станет депутатом, к моменту обнаружения будет уже очень старым);

в-третьих, выгода — суперприбыль может быть несоразмерной, больше чем наказание;

в-четвертых, можно — занять активную оборонительную позицию (когда часть суперприбыли себя же защищает): нанять для защиты высококлассного адвоката (общеизвестный факт, что евреи всегда старались вырастить в своей среде своих высококлассных адвокатов);

— поставить в зависимость чиновника государства до или после нарушения: подкуп чиновника деньгами, дорогими подарками или услугами; включение его в преступную схему с обеспечением доли суперприбыли; элементарное запугивание; трудоустройство родственников чиновника и т. д.

В этой связи стоит заметить, что одно дело, когда защищается один человек или одна семья, и совсем другой эффект, когда осуществляется коллективная, корпоративная защита, с подключением другого уровня связей и средств. Завершая рассмотрение этого аспекта необходимо обратить внимание, что для нарушителей законов еврейской национальности (по сравнению с нарушителями других национальностей) кардинально изменилась ситуация в лучшую сторону с середины XX столетия (нашей эры), с образования национального государства Израиль, которое, как известно, принимает всех своих земляков без разбора их виновности и никакому другому государству их не выдаёт. Чем многие и пользуются. То есть рассматриваемый нами аспект является частью национальной политики.

Если теперь окинуть мысленно вышеизложенное и суммировать все перечисленные преимущества, то становится понятным, какое большое преимущество имеет еврейская семья перед египетской семьёй или, например, немецкой, российской и т. д. Это явное преимущество национальной организации перед одним человеком или одной семьёй. Держаться вместе и помогать друг другу в любой точке планеты — это у евреев не просто хорошие манеры или традиции, — это строгий священный религиозный закон, действующий и в наше время. Хотя внешне это (по мудрости еврейской) не афишируется, не демонстрируется публично.

Реакция коренных народов и конкуренция в борьбе за лучшую жизнь

У многих читателей (неевреев) может возникнуть закономерный вопрос — как с евреями успешно конкурировать? Ответ одному человеку или одной семье — бесполезно, шансов никаких. Против организации

может выступить только организация — государство, которое обязано защитить интересы всех своих граждан. Из приведённого выше анализа видно — чтобы в государстве сделать граждан других национальностей равными евреям, необходимо как минимум разрушить национальную организацию евреев или граждан других национальностей сплотить в аналогичные организации. Например, далее в нашем исследовании мы увидим, как российский царь Николай I в первой половине XIX века будет мучительно пытаться разрушить еврейскую национальную организацию, которая в то время называлась кагальной.

В истории мы встретим не раз — когда не получается ликвидировать национальную организацию, то приходится компенсировать-урезать преимущества, получаемые от её существования. То есть, государство в лице фараона, короля, царя, канцлера, президента или правительства должно принять парадоксальное решение: чтобы добиться фактического равенства, должно пробиться через шум о равенстве и ввести некоторое неравенство — ввести различные налоги для евреев и неевреев, различные условия-ограничения торговли, проживания, занятия должностей и т. д. или принять радикальные силовые меры. Здесь мы имеем знаменитый парадокс равенства, когда в любом государстве (при наличии в нём евреев) по закону все равны, но в реальности обнаруживается — в обществе, из-за наличия еврейской национальной организации, далеко не все равны. В условиях всеобщего равенства евреи, благодаря своей специфике, имеют большое преимущество.

Египетские фараоны более трёх тысяч лет тому назад столкнулись именно с этой проблемой и задумались... Из Библии мы знаем озабоченность фараона: «Вот племя израильское размножается и может стать сильнее нас». Этот пример, кстати, касается не только евреев, например, недавно албанцы в Сербии в Косово настолько размножились, что решили отделиться вместе с исторической сербской территорией, что привело к большому кровопролитию. Такой же процесс демографического усиления и вытеснения албанцами, турками, алжирцами, марокканцами и т. п. мы наблюдаем в Западной Европе, коренных народов которой явно в скором будущем ждут серьезные проблемы.

Что предпринимали фараоны перед тем, как принять радикальное силовое решение, история умалчивает, но если принимались какие-то другие меры, то, видимо, желаемого результата они не дали и только ещё пуще разозлили фараона. В истории подобная ситуация-проблема повторялась много раз, и радикальные силовые меры против евреев в истории человечества принимались довольно часто, начиная от фараона — и до римского императора, от средневековых европейских королей — и заканчивая Гитлером.

Уже в начале исследования у нас получился анализ исторического феномена. Но десятки и сотни миллионов людей, миллиарды — не делали подобного анализа. Они только фиксировали факт сильного различия в благосостоянии между ними и евреями и задумывались... — А дальше или соглашались с положением вещей и терпели, или апеллировали о помощи к своим правителям или объединялись и принимали радикальные силовые решения против евреев, которые выглядели как стихийные народные антиеврейские погромы.

Итак, у нас вырисовываются три этапа: приход евреев в какую-то страну, в какой-то народ; затем пришедшие евреи успешно развиваются и «сильно означают своё... присутствие в той стране» (Н. Гоголь), что естественно наносит некий ущерб коренному населению; а далее эта ситуация приводит к раздражению и агрессии со стороны населения или властей, что приводит к различным формам насилия по отношению к евреям (рабство, резня, погромы и изгнания); в истории человечества мы встретим эту схему много раз. Бывают также случаи отсутствия агрессии к евреям и некая форма совместного сосуществовании, или случаи с трагическим исходом для коренного народа.

«Один из результатов пребывания Авраама в Гераре описывается как демографическое вырождение местного населения... Такой же результат мы видим и в рассказе о пребывании евреев в Египте, где демографическое вырождение египтян отражено темой «гибели египетских младенцев» и темой «тщетности попыток фараона» ограничить рождаемость у евреев... — указывает группа учёных Института Нравственности в вышеуказанной книге. — «Причина исхода, по ветхозаветным данным, та, что «халдеи выгнали их» (т. е. евреев — Кн. Юдифь, 5). Исторические же данные говорят о том, что сразу после царствования Хаммурапи наступает эпоха упадка и разорения не только Ура, но и всего Вавилонского царства...

Очередной исход и направление дальнейшего пути санкционируется, как обычно, «велениями Бога», поэтому по последовательности таких велений можно восстановить последовательность архитипических циклов. «Бог их сказал, чтоб они... шли в землю Ханаанскую; они поселились там и весьма обогатились золотом, серебром и множеством скота» (Юд.).

Затем хананеи просят их удалиться, ибо «голод накрыл лице земли ханаанской». Следует новое повеление Бога: иди в Египет. Там евреи «оставались, пока находили пропитание, и умножились там до того, что не было и числа роду их. И восстал на них царь египетский,... и египтяне прогнали их из себя». Агадическая литература тоже совершенно однозначно указывает на то, что египтяне не только не пытались удержать евреев у себя, но, напротив, прилагали все силы, чтобы избавить-

ся от них: «Положению осла и всадника его подобны были египтяне и израильтяне в последние дни перед исходом: кара за карой сыпались на Египет, и кряхтел он, и говорил: «Когда же наконец освобожусь я от оседлавшего меня Израиля?» — Агада (М. 1993, с. 62.).

Далее в истории человечества идут десятки подобных примеров: от Йемена до европейских стран, включая 20-й век, Германию и Гитлера. ИН:

«В постримское время в проявлении архетипа наблюдаются особенности, связанные с ролью религии еврейского происхождения — христианства. Дело в том, что хотя эта религия и «легализовала» еврейство, но с отрицательной оценкой, в результате чего в государствах христианского культурного круга на политическую активность еврейства были наложены конфессиональные ограничения. Талмуд обошёл их, разрешив евреям притворное крещение...

Не удивительно, что Восточную Римскую империю (Византию) разрушила, предварительно внутренне ослабив, такая тонкая идеологическая диверсия, как наделение статусом государственного вероисповедания исихазма — созерцательной разновидности православия (о политическом исихазме см. Горюнков С. В. «Мертвая царевна и спящий народ. СПб. 2006 г.)...

Роль же идеологической диверсии в самой Западной Европе сыграла более отвечающая духу западного христианства Реформация. Она подготовила почву для дальнейшей борьбы еврейства за политическое равноправие — за так называемую «еврейскую эмансипацию» (17-19 вв.)...

Хронологически начало эпохи научного материализма совпадает с началом эпохи так называемой еврейской эмансипации, — эпохи выхода евреев из обособленного, изолированного способа существования. И это легко понять: эмансипация потому и оказалась возможной, что лишь на родственном для себя мировоззренческом фоне, «привитом» не-еврейским культурам Европы, евреи смогли, наконец, выглядеть «такими же, как все», что раньше, в силу религиозных причин, было невозможно. Более того: блестяще подготовленные всей предыдущей историей к деятельности в новой для нееврейских народов духовной атмосфере, они естественным образом выдвигаются на главные роли в обществе. Отныне научно-материалистическая парадигма мышления (светская форма иудаизма) становится для них «привилегированным полем возможностей», на котором во всемирном масштабе развертывается процесс дальнейшей «евреизации» человеческой культуры.

Заявив претензию на «тотальную объяснительность», материалистическая парадигма мышления впервые в истории человеческой мысли наукообразно обосновывает право человека и общества на безнравственность... (Поэтому) Эмансипация, в свою очередь, заявила о себе взрывом

революционных движений и, в конечном счёте, крушением главных европейских и евразийских империй: Австро-Венгерской, Российской и Османской.

А эквивалентом «исхода» на этом историческом этапе можно считать перемещение еврейского «центра влияния» из Европы в Северную Америку — в США».

Многими исследователями замечено, что с конца 90-х годов 20 столетия вектор действий этого еврейского «центра влияния» направлен на Москву, которая в российском масштабе также является еврейским «центром влияния» на российское общество и политику российского государства.

«Именно структура архетипа лежит в основе той эмпирической реальности, которая в просторечии известна под названием «жидомасонского заговора».... Сам термин «заговор» призван здесь оглупить и скомпрометировать очень важную проблему, чтобы воспрепятствовать её обсуждению и изучению на более высоком уровне», — отметили ученые Института Нравственности.

С третьим этапом многое понятно, и самый сложный вопрос его — как жить вместе мирно и без кровопролитий и погромов и чтобы обе стороны жили успешно, в процветании и благополучии; этот вопрос мы рассмотрим подробно в последней книге этой серии.

А пока ещё будем внимательно изучать историю и вернемся к первому этапу — успешной адаптации евреев в другом народе, в другой стране.

Успешные технологии адаптации в чужой среде

На первом этапе мы всегда видим образ очень милого, мирного, обаятельного, доброго, тактичного и даже услужливого мудрого еврея, приятного в общении во всех отношениях — как раз его обычно показывают еврейские идеологи и СМИ, — и не врут, — это понятно и закономерно. А как мог иначе вести себя еврей на чужбине среди чужих народностей?

Он был вынужден вести себя очень приспособительно, чтобы его приход-появление, как чужака, который объективно привлекал внимание и обуславливал настороженность, не вызывал неприятия, подозрения и агрессивности. Этот талант приспосабливаться на первом этапе отмечают сами евреи — раввин Адин Штейнзальц: «... это наша поразительная способность видоизменяться, приспосабливаться, становиться похожими на людей, среди которых мы живём... Способность... впитывать окружающую культуру... Наша адаптация — это внутреннее преображение. С языком чужого народа к нам приходит глубокое понимание его духа, его чаяний, его образа жизни и мыслей.

Мы не просто обезьянничаем, а становимся частью этого народа», «мы оказываемся в состоянии понять этот народ лучше, чем он сам понимает себя» (С). — И здесь, возможно, без перехлёста.

По мере того, как евреи обживались на новом месте и в новом народе, они зачастую постепенно теряли толерантность по отношению к другим нациям. И это чаще всего и подводило евреев, создавало им проблемы и трагедии — о чём свидетельствует история. Ибо, когда они через некоторое время уже ярко и ощутимо обозначали своё присутствие, занимали господствующее, доминантное положение в какой-то стране и среди другого народа и при этом выделялись своим благополучием и богатством, которое нельзя было скрыть, и вели себя нетактично — вызывающе, нагло и презрительно к другим национальностям, тогда коренные народы поднимали вопрос о разном уровне жизни и о социальной справедливости, — начинались разборки, эмоции и... резня, погромы, изгнание.

На следующем этапе идет следующий эффективный приспособленческий приём к данной людской среде — адаптация к местному народу — взятие других имен и фамилий, накладка на их истинные еврейские — чтобы не выделяться из немецкой среды, русской, польской и т. п. Следует отметить, что этот прием евреи совершают легко в отличие от некоторых других народов, которым поменять имя и фамилию предков даже и фиктивно, чтобы приспособиться к новой чужой среде, морально тяжело, и иногда неприемлемо по принципиальным соображениям.

«Неотъемлемым элементом воспроизведения архетипа с древних времен является тенденция к сокрытию евреями — когда это возможно и необходимо — своего еврейского происхождения. Эта же тенденция широко бытует и в поведении современных евреев, использующих целью сокрытия «очищенные» анкетные данные, «аборигенные» имена и фамилии и т.д...», — отмечают ученые ИН.

Они же указывают, что это приводит иногда к смешным и горьким ситуациям:

«Типичная сценка из практики нынешних российских СМИ: сидят в теле- или радиостудии три-четыре еврея и озабоченно обсуждают тему типа: «Почему это мы, русские, такие нецивилизованные и некультурные?» Кроме этого можете обратить внимание ещё на один «феномен», вернее — закономерность: в России министр российской культуры Мойша Швыдкой будет десятки раз в своей «Культурной революции» на телеканале «Культура» обсуждал героев Булгакова: профессора Преображенского и Шарикова, ни разу не обсуждал Швондера.

Ученые ИН много внимания уделили еврейской «технологии невест»:

«В одном месте Книги Ездры провозглашается абсолютный запрет на смешанные браки с неевреями; однако во многих других местах этой же книги осуждаются лишь браки с иноплеменными женщинами, а когда дело доходит до практического отделения евреев от неевреев, то изгоняются лишь иноплеменные жены с детьми, и ни слова не говорится об иноплеменных мужьях...

Иосиф Флавий, например, откровенно пишет в своих «Иудейских древностях» о том, что Моисеево установление о смешанных браках не признаёт законными браки с иноземными женщинами, но ничего не говорит об иноземных мужчинах (т. 1, кн.8, гл. 7; кн. 11, гл. 8)...

Глубинная же суть Моисеева установления о смешанных браках вполне ясна: она заключается в том, что базовые стереотипы мышления и поведения закладываются в самом раннем детстве, когда формирование ментальности ребенка целиком определяется материнским влиянием на него. По этой причине и само наследование еврейского типа ментальности, а значит, и преемственность архетипа, могут быть обеспечены именно и только еврейскими матерями...».

Возможно, имеют место и какие-то доминантные родовые наследственные признаки на генном и полевом уровне, которые передаются по наследству именно женщинами, вынашивающими в своей утробе 9 месяцев младенца, поэтому при муже любой национальности еврейка рожает еврея. В любом случае в еврейском народе был и есть закон: ребенок от матери еврейки независимо от национальности мужа является евреем, признается всеми евреями и государством Израиль евреем.

Оказывается, этот закон можно применить в адаптивных целях, в экономических и политических.

ИН: «Наиболее древние указания на архетип (архетип — устойчивый шаблон коллективного поведения. — Р. К.) содержит ветхозаветный рассказ о пребывании Авраама в Египте (Книга Бытие). Суть рассказа сводится к тому, что Авраам, придя с женой своей Сарой в Египет и, во избежание каких-то опасностей, объявив Сару своей сестрой, вводит её в дом фараона; благодаря этой хитрости он обогащается, в то время как дом фараона оказывается поражен «тяжкими ударами», затем правда открывается и Авраам с Сарой покидают страну (Бытие, гл. 12).

Точно такая же ситуация описывается даже в рассказе о пребывании Авраама с Сарой у герарского царя Авимелеха... И она же восстанавливается в ключевых своих звеньях из контекста тех глав книги Бытие и исход, которые посвящены описанию пребывания евреев в Египте за период времени от Иакова до Моисея.

Смысл архетипа отчасти разъяснится, если учесть, что Авраам, Исаак, Иаков и другие ветхозаветные патриархи являются в глазах современных исследователей не историческими личностями, а персо-

нификаторами родоплеменных делений. В этом случае вся ситуация начинает выглядеть следующим образом: появившись в Египте, евреи отдают местному населению своих сестёр (женщин на выданье), т.е. вступают с местным населением в смешанные браки.

При этом евреи явно что-то недоговаривают египтянам относительно своих женщин: если в ветхозаветном рассказе Авраам скрывает, что Сара — его жена, то по агадическому рассказу он пытается провести Сару в Египет в сундуке, наподобие контрабандного товара, что указывает на кодовую природу обоих сюжетных мотивов...

Тот же самый архетип коллективного еврейского поведения выявляется и на материале ветхозаветной Книги Эсфирь, причём здесь уже становится более понятным смысл той странной недоговорённости в отношении еврейских женщин... Эсфири, оказывается, запрещено говорить о своём еврейском происхождении («Не сказывала Эсфирь ни о народе своём, ни о родстве своём; потому что Мардохей дал ей приказание, чтобы она не сказывала» — Эсф. гл. 2:10) В остальном ситуация та же... В нашем случае такими клишированными фольклорными «заготовками», пусть и слабо выраженными, являются имена «Мардохей» и «Эсфирь»: религоведы давно заметили, что в этих именах отразились воспоминания об ассиро-вавилонском культе Мардука и иштари (Эштари, Эстери). Культ этот восходил к соответствующему вавилонскому мифу, который был усвоен евреями во времена так называемого «вавилонского пленения»...

В ситуации, когда скрыть принадлежность еврейских женщин к своей общине невозможно, в ход идёт притворное отречение от общины. В этом плане показательна Книга Юдифь. Её главная героиня является олицетворением всех еврейских женщин (что следует из значения её имени — «Иудеянка», так и из содержания Песни, которую Юдифь поёт в конце книги), говорит Олоферну:

«Я — иудеянка, но не хочу более иметь с иудеями ничего общего». Последняя вариация архетипа особенно широко представлена в новейшей истории евреев, где их притворное отречение от своей общины постоянно маскируется то их «крещёностью», то «культурной эмансипированностью», то «классовой солидарностью», то исповеданием «общечеловеческих ценностей»....». Как отмечает в своей книге израильский писатель Исраэль Шамир в наше время скрыть своё происхождение при желании легче, ибо: «Мел Брукс давно заметил, что у еврейских девушек — самые аккуратные носики, сделанные лучшими пластическими хирургами».

Та же «шаблонная» технологическая история повторилась в средневековой Польше, где польский король Казимир влюбился в очередную еврейку «Эсфирь», и дал евреям большие привилегии. «Эсфирь» родила

ему двух сыновей — Шмерка и Пелка, и которые в свою очередь, будучи по еврейскому закону евреями, могли уже претендовать на польский престол, и если бы это произошло, то Польша оказалась бы под еврейским владычеством, как Персия или Хазария. «Два хода — и в дамки». Польская шляхта евреев к власти не допустила, но в результате этой истории Польша стала местом скопления почти всех евреев Европы, в том числе и гонимых инквизицией и европейскими монархами; и польский период назван евреями «золотыми веками», хотя теперь, в 21 веке, они, говоря о Польше и поляках, употребляют такие выражения, как «традиционные антисемиты» и т. п.

Как видим, «технология невест» использовалась для закрепления своего положения в чужом народе, в чужой стране, в целях своей безопасности и для дальнейшего улучшения своего положения.

Наш знаменитый исследователь истории Лев Гумилёв также обратил внимание на эти исторические закономерности: «В конце 8 века между Тереком и Волгой появилось множество детей от смешанных еврейско-хазарских браков. Однако судьба их была различна в зависимости от того, кто был отцом ребенка, а кто матерью. И вот почему.

Все евразийские племена считали ребенка членом рода отца. Законнорожденный ребенок имел долю в родовом имуществе, право на защиту и взаимопомощь и участие в родовых культах... У евреев же этническая принадлежность совпадала с принадлежностью к общине. Право быть членом общины, а следовательно евреем, определялось происхождением от еврейки...

Получалось, что сын от отца хазарина и матери еврейки имел все права отца и возможности матери. Его учили еврейские раввины, а члены общины помогали делать карьеру или участвовать в торговле, род отца защищал его от врагов и страховал в случае несчастий от бедности. А сын еврея и хазарки был всем чужой. Он не имел права наследования доли отца в родовом имуществе, и не мог обучаться Талмуду...». Казалось бы — и всё хорошо: евреи ассимилировались с местным народом, растворились в нём. Но не так всё оптимистически получилось в суровой действительности. Подводя итог, Л. Гумилев отмечает: «Евреи извлекали из хазарского этноса детей либо как полноценных евреев (мать — еврейка), либо как бастардов (отец — еврей), чем обедняли хазарскую этническую систему и тем самым вели её к упрощению.

При непосредственном наблюдении казалось, что здесь просто цепь случайностей, но на самом деле это был направленный процесс, который за 80 лет (за два поколения)... дал весьма ощутимые результаты: в стране появилась популяция людей, говорящих по-хазарски, имевших родственников из числа хазар и тюрков, адаптированных в ландшафте,

но не бывших хазарами по этносу и культуре» («Древняя Русь и великая степь, М.,1992 г.).

Об этой истории много писал известный автор многих книг Алексеев («Аз Бога ведаю»).

После вышеописанного Л. Гумилевым процесса завладеть Хазарией, фактически — захватить таким образом Хазарию и сделать рабами хазарский народ, оказалось несложно — «смешанные» хазарские верхи стали перекрещиваться в иудаизм, который закономерно стал единственной господствующей религией, а евреи стали господствующим властным классом, а наёмные войска смотрели за порядком в стране, чтобы превращенные в рабов хазары не вздумали бунтовать, и еврейские каганы Хазарии умудрились обложить данью не только соседние народы и княжества, но в одно время в их кабалу попала и Киевская Русь. Подобная история была в начале 6-го века в Йемене, и вторая попытка в Персии, которую на этот раз евреям с таким же успехом повторить не получилось

«Речь идёт, как видим, не просто о хорошо известной способности евреев образовать в местах своего проживания «государства в государстве» (свои общества в чужих государствах), но о конкретном механизме осуществления этой способности: о материнском счёте родства, благодаря которому всякое не-еврейское государство, принявшее в себя евреев как равноправных членов социума, продуцирует через некоторое время в самом себе еврейскую «общественность», контролирующую рычаги экономической, политической и культурно-информационной власти данного государства... — констатируют истину ученые ИН. — Дело в том, что «продуктами смешения» оказываются здесь не только «собственно-евреи» — дети еврейских матерей, но и «полуевреи» — дети еврейских отцов. То есть еврейство обнаруживает свойства не монолитного, а диффузного образования, внутри которого степень выраженности еврейской ментальности оказывается представлена двумя крайними полюсами: от ярко-демонстративной в «центре» до осторожно выжидательной на «периферии».

И этим обстоятельством серьёзно затрудняется решение проблемы чёткой идентификации евреев. Существует немалое количество людей, осознающих и проявляющих себя евреями, но не подпадающих под какое-либо формальное определение их «еврейства».

В неблагоприятных (с еврейской точки зрения) условиях такие люди ведут себя как представители местного этноса, а в благоприятных — как евреи. Их-то существование и оказывается основным условием успешности евреизации общества, потому что именно они являются главным адресатом, восприемником, накопителем и транслятором разрушительной для коренного этноса еврейской ментальности. И они же

создают собою ту непроницаемую ширму, в тени которой технически осуществляется «евреизация» общества — его разложение изнутри путём всестороннего культивирования и распространения идей государственного, национального и религиозного нигилизма... Замечено, что именно евреям свойственно обычно нигилистическое отношение к национальным, государственным и религиозным ценностям других народов, что на бытовом уровне давно уже осознаётся неевреями как еврейская антисоциальность (например, ни одному немцу, англичанину или чеху не вздумалось заявить, что знаменитые произведения Шолохова написал не Шолохов... — Р. К.)...

Дело в том, что русских поносят, главным образом, «русские евреи» (не считая зарубежных «экспертов по России», у которых это связано с профессиональной необходимостью раздувания застарелых межнациональных конфликтов. — Р. К.). В других же странах евреи занимаются тем же самым, но уже в отношении тех народов, среди которых им приходится жить, например, у того же Шафаревича показано истинное отношение евреев к немцам, которым «внушалось, что они — опасное для соседей стадо ослов, способное по своей тупости растоптать нормальных людей»...

И отсюда же эпизод из романа И. А. Гончарова «Фрегат Паллада», где описывается, как на борт корабля был однажды принят в качестве пассажира представившийся англичанином коммерсант.

За обедом в кают-компании этот коммерсант привёл офицеров фрегата в полное недоумение тем, что в разговоре об англичанах откровенно поносил их. «Как же так? Англичанин, а ругает в присутствие иностранцев своих же соотечественников!» Но недоумение очень скоро рассеял наиболее проницательный офицер: «Господа, ведь это жид!» — «Ах, вот оно что! Как же мы сами не догадались? Ну, тогда всё понятно»... (Опять же — история М. Швыдкого с героями Булгакова и Швондером. — Р. К.)

Антисоциальность эта, опять-таки, весьма своеобразна: она — не от бескультурья, как это обычно бывает у неевреев, а наоборот — совершается как бы от имени самой «культуры». То есть она выражается в целом спектре причинно-мотивированных коллективных действий евреев: от их вечных разговоров о невыносимости жизни среди «умственно-неполноценных гоев» до прямой готовности взрывать и уничтожать любой не соответствующий их представлению о «культуре» общественный уклад. Поэтому и саму еврейскую антисоциальность приходится рассматривать не как правовую, а как духовную, культурно-историческую проблему...

Сами отдельно взятые евреи могут в ряде случаев совершенно искренне пребывать в иллюзии своей личной дистанцированности

от архетипа, могут совершенно непритворно считать себя «незаинтересованной стороной», но, бессознательно для самих себя подчиняясь бытовым социальным установлениям среды (а исключений практически не бывает), они автоматически, независимо от своей воли оказываются вовлечены в безостановочный режим работы архетипа, в механическое воспроизведение одного и того же, не меняющегося на протяжении тысячелетий, поведенческого шаблона...». Тема антисоциальности близка к теме патриотизма коренных народов и к патриотизму самих евреев.

Патриотизм, космополитизм и деньги. Фактор чужбины

Сохранению аутентичности еврейской нации, её специфичности, конечно же, способствовал огромный патриотизм евреев. При этом закономерно, что евреи очень критично и шумно реагируют на патриотизм народов, среди которых они живут, называя его шовинизмом, фашизмом, коричневой чумой и т. д. Понятно, что патриотизм евреев и патриотизм коренного народа имеют векторы разной направленности, чаще всего противоположной, что с неизбежностью порождает вражду и отторжение.

Поэтому евреи старались и стараются нейтрализовать или убрать с пути чужой патриотизм.

С появлением в современную эпоху газет, радио и телевидения, которые в своём большинстве «чудным образом» оказались в их владении, задачи борьбы с чужим патриотизмом стало решать намного проще, чем до появления средств массовой (СМИ) информации, которые также равно можно назвать — средствами влияния на сознание (СВС).

При этом еврейский патриотизм дивным образом сочетается с показным космополитизмом, выступает как декларируемый элемент тактики и стратегии по отношению к другим народам, в адаптации и сглаживании противоречий. Эту тему хорошо отобразил Николай Гоголь:

— Почему же он надел чужое одеяние? — спросил Тарас Бульба.

— Потому что лучше, потому и надел — ответил ему корчмарь Янкель.

— Так это выходит, он, по-твоему, продал отчизну и веру. (Тарас)

— Я же не говорю этого, чтобы он продавал что; я сказал только, что он перешёл к ним. (Янкель)

— И ты не убил тут же на месте его, чёртова сына, — вскричал Тарас.

— За что же убить? Он перешёл по доброй воле. Чем человек виноват? Там ему лучше, туда и перешёл». Итак, благодаря Николаю Гоголю, мы явились свидетелями диалога между горячим патриотом Тарасом и евреем-космополитом Янкелем и увидели, как легко можно оправдать

предательство. С одной стороны, прав патриот Тарас Бульба, гнев его праведен. Но вникните в логику космополита Янкеля — ведь он тоже, по-своему, прав. Столкнулись две правды в одном месте и в одно время. Сразу ассоциативно возникают понятия об относительности и знаменитый надменный, немного насмешливый и презрительный вопрос Пилата: «Что есть Истина?»...

Если подходить с общих позиций и довольно абстрактно, то нельзя сказать, что кто-то из них прав, а кто-то не прав — оба правы. Но если рассматривать эту ситуацию конкретно, с привязкой к конкретной территории, к интересам конкретного народа, то картина вырисовывается совсем другая.

Понятие территории входит обязательно в понятие народ, нация и государство. Территория под названием Украина была для украинца Тараса его землёй, Родиной, здесь испокон веков жили его предки. При этом стоит заметить, что Тарас не был, говоря современным языком, — идейным государственником, даже наоборот — он был вольным казаком. Обращаю внимание — этот анализ имеет важное значение для понимания современности, так как часто, якобы, трудно объяснить некоторые «непонятные» поступки российских еврейских олигархов.

Для еврея Янкеля территория под названием Украина была не его земля, на ней жили украинцы, это была для него чужбина, его земля, земля его предков была где-то далеко на юге, и на ней властвовали неевреи. Янкель привык жить на чужбине, так жили и многие поколения его предков, и это было для него уже нормальным состоянием — что Венгрия, что Чехия, что Белоруссия, что Литва — всё чужбина. Понятия конкретного государства, чьей-то Родины, для него относительны, одинаковы и их могло бы вообще не быть. И если Янкель решит, что ему лучше жить не на Украине, а на соседней чужбине — в Венгрии или Литве, то он возьмёт свою семью и деньги — и переедет с одной чужбины на другую, откроет там корчму или станет торговать зерном.

Деньги для Янкеля в этой ситуации играют огромнейшую роль, — они транспортабельны, они универсальны, они обеспечат ему и его семье жизнь в любой стране-чужбине. Он не будет на чужбине загонять свои деньги в чужую землю и пытаться выращивать бульбу или гречку. Он прекрасно понимает, что случись беда на чужбине, на которой он живёт, то он не заберёт с собой купленный кусок чужбины-земли, удирая от «произвола» чужаков, хозяев этой национальной территории.

Таким образом, еврей (его образ мышления, его жизненная философия) является во многом заложником судьбы скитальца, закономерным следствием и результатом истории-судьбы его народа.

Евреи когда-то сделали открытие, что деньги могут порождать себя — деньги, так появились еврейские ростовщики и их ростовщиче-

ские конторы, а затем их более «продвинутая» форма — банки. Получалось, что деньги теперь можно было зарабатывать не трудом и неким творчеством, а имея достаточно большое количество денег, их можно было «давать в долг под процент» «под рост», который уже позволял владельцу денег жить в достатке не трудясь, и даже при этом наращивать свои денежные капиталы. С одной стороны, это форма паразитирования, а с другой стороны, деньги владельца не лежали как запас, а «работали» в жизни, «на рынке», в том числе и пользу какого-либо государства, что-то производя и возвращаясь с прибылью. Деньги превращались в охотничью собаку, которая сама, без выстрела хозяина, а только по команде хозяина «фас» ходила на охоту и возвращалась с добычей-прибылью.

«Так, иудаизм, хотя и представляет собой достаточно малочисленную конфессию, обладает в целом значительными «деньгами». Это связано в первую очередь с тем, что сами современные понятия собственности, как неотторжимого от человека и утверждаемого вечным законом начала, и денег, как способной к постоянному приращению сущности, были впервые привнесены в мир иудаизмом, и только опосредованно через него перешли в более поздние формы монотеизма: в частности, на рубеже 14–15 вв. они были усвоены христианством...», — отметил в своём исследовании В. В. Можаровский.

На этом этапе исследования отметим, что из сложившегося фактора «судьба-чужбина», возникают неизбежно и закономерно своеобразное мировоззрение, своеобразная философия жизни и своеобразный образ жизни. Из сложившегося фактора «судьба-чужбина» вытекают следующие следствия:

- особая роль денег в жизни и судьбе евреев, и особое к ним отношение;
- особый вид деятельности, связанный с мобильностью — ростовщичество, торговля, ремесленничество;
- характерные черты характера, закономерно сложившиеся веками;
- особое отношение к семье и её огромная роль. В условиях чужбины еврей обязательно идентифицирует себя со своей семьёй. Семья в этих условиях — это единственный оазис, единственная опора и цель, единственная забота; единственный элемент нации и Родины. В течение многих веков еврей работал для своей семьи, на свою семью, но не для блага чужой нации или чужого государства. Своей нации он помогал по мере необходимости, но бесспорно в большей мере, чем рядовой член другой любой нации. Чужая нация или государство получали выгоду, пользу от еврея постольку, поскольку он работал на свою семью, то есть — остаточную пользу. Сложившаяся специализация евреев способствовала

развитию торговли в государстве, что далеко не всегда приводило к процветанию этого государства. Но сама жизненная идеология евреев никак не способствовала идеологическому, духовному укреплению любого государства и самой его идеи, идее государства, как такового. Для еврея не важна была земля, важно было, чтобы его окружали люди, которые нуждались бы в его услугах и могли заплатить за них деньги. То есть, если, например, крестьянину, чтобы выжить, нужна была земля для обработки, то для Янкеля и ему подобных нужны были люди другой нации, ибо он получал выгоду, в основном, от торговли и банкирства (ростовщичества). А страна или национальность народа особой роли в этом не играет, хотя, конечно, лучше чтобы и то и другое было побогаче.

Еврей Карл Маркс даже умудрился использовать лозунг Янкеля в своих политических целях в деле оболванивания пролетариата, провозгласив космополитический лозунг: «Где хорошо — там и Родина», чтобы снять с пролетариата национальный патриотизм.

Обратим внимание на тему космополитизма, как яркую мировоззренческую особенность еврея. Рассмотрим тот случай, когда космополитизм не просто противостоит идеологически местному патриотизму, а помогает максимально реализовать принцип наибольшей выгоды, корысти, прибыли.

Вспомним высказывание Карла Маркса о своём народе: «Деньги — это отчуждённая от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей... Бог евреев сделался мирским... Только после этого смогло еврейство достигнуть всеобщего господства и превратить отчуждённого человека, отчуждённую природу в отчуждаемые предметы, в предметы купли-продажи...».

Этот анализ Маркса очень важен по своему значению для понимания еврейской нации. Обратим внимание, что Карл Маркс, следуя озвученной истине, попытался вначале создать «истинную» теорию, а затем её практически осуществить, то есть, попытался соединить теорию и практику в философии и в жизни. До него философы: Декарт, Кант, Фихте, Гегель и т. д. — только теоретизировали... Маркс уверенно и не без оснований утверждал, что евреи, как и еврейский дух стяжательства, именно при христианстве и благодаря христианству как удобной среде, получили своё наивысшее развитие, достигли наивысшего развития. Мало того, Маркс отмечает, что христианство, благодаря евреям, заразилось принципом стяжательства, само развило его, и Маркс говорит с сарказмом: «Христианство возникло из еврейства. Оно снова превратилось в еврейство».

Здесь следует заметить, что христианство превратилось в еврейство не случайно. А по необходимости выжить. Если христианство

этого не сделало бы, то христианские народы на нашей планете вообще не смогли бы в экономике конкурировать с еврейским народом.

С точки зрения морали и нравственности, ситуация на нашей планете в 20-21 веках стала хуже. Последние годы даже один из главных идеологов и финансовых олигархов Запада, один из лидеров еврейской общины, Джордж Сорос, возмущается безнравственностью принципа (своего) выгоды-корысти: «Рыночные ценности способствовали подрыву традиционных ценностей... Реклама, маркетинг, даже упаковка нацелены скорее на формирование предпочтений потребителя, чем, как то утверждает теория невмешательства, на их удовлетворение».

Хотя, «Сам Адам Смит сочетал нравственную философию со своей экономической теорией», — констатирует действительность Сорос. Этот практический, рациональный принцип выгоды-корысти противоречит идейным патриотическим принципам самоотдачи, самоотречения, жертвенного служения Родине, своей нации, — духовности человека.

«Родина» — есть слово, исполненное глубокого смысла, приобретаемого или в момент превращения варвара в культурного человека или снова утрачиваемого, как только цивилизованный человек усваивает девиз «Где хорошо, там и отечество», — заметил немецкий философ О. Шпенглер.

Известный российский философ Николай Бердяев также обратил внимание на этот исторический фактор: «То, что еврейский народ... совсем лишился государства и жил скитальцем в мире, изломало и искалечило душу еврейского народа. У него накопилось недоброе чувство против всех народов, живущих в собственных государствах» и его пресловутый интернационализм — по Бердяеву «есть лишь обратная сторона его болезненного национализма». Итак, мы можем зафиксировать — еврейский патриотизм часто переходит в жесткий еврейский национализм.

Интернационализм и космополитизм в руках еврейских идеологов, комиссаров и политиков выглядит опасным оружием против патриотизма и национального самосознания коренных народов, для достижения евреями своих национальных целей. Русский мыслитель Василий Розанов долгие годы обожал евреев, был страстным юдофилом, вращался в их обществе и дружил со многими видными евреями в России, старательно изучал их, и написал для следующих поколений русских:

«Скрывая или оставляя в тени тот факт, что сами евреи воистину поклоняются Молоху своего национализма, что кроме национализма они и не имеют никаких других питательных духовных корней и даже сам «Бог», Существо всемирное и всечеловеческое, — для них есть исключительно «еврейский бог», нимало не пекущийся о других народах и даже к другим народам враждебный, — евреи в то же время уничтожа-

ют, высмеивают и всячески выедают народное чувство, сознание своей истории и государственную гордость у французов, у немцев, у русских» («Евреи и «Трефные христианские царства», 1913 г.).

Вернёмся к фактору «судьба-чужбина», к его влиянию на личность еврея. В восьмом веке до нашей эры евреи потеряли независимость, которую, если не учитывать небольшие фрагменты в их истории, фактически обрели только в 1948 году н. э., то есть совсем недавно.

Многочисленные восстания евреев были безуспешными и потопленными в крови. Более двух тысяч лет пленения, изгнания и скитания... Могли ли эти «две тысячи лет» пройти бесследно?

Чтобы это понять и прочувствовать, стоит, например, вспомнить несколько веков господства Османской империи на Балканах и его последствия для коренных народов.

В конце XIX века (нашей эры) немецкий философ Ницше впервые обратил внимание на историческое формирование сознания. Требования цивилизованного общения и хороших манер, правильная схема поведения веками закладывались в умы, в сознание и у многих людей закреплены в подсознании, как условный рефлекс — совесть. И даже если нас плохо воспитывали в детстве и не вводили необходимую схему поведения в привычку, то мы всё равно чувствуем смутное подсознательное неудобство, некую внутреннюю плохость и дискомфорт при определённых плохих действиях, ибо это сигнализирует уже генетика, подсознание, где уже на протяжении веков закрепились правильные рефлексы — привычки поведения. На основе этих философских выводов Ницше и Фрейд создали популярную ныне науку психоанализа.

И когда мы видим характерные черты личности человека еврейской национальности, то они формировались веками и тысячелетиями, благодаря специфической истории этого народа, во многом фактору-чужбине и тысячекратно повторяемой раввинами одной и той же науки жить хорошо и побеждать других. Рассмотрим некоторые типичные особенности еврея, его качества.

Как результат «фактора чужбина» — это большое трудолюбие, трудоспособность, трудоёмкость в «своих», в любимых сферах деятельности. Это огромное желание еврея работать, рождающееся из понимания им того, что кроме, как на себя, на свой собственный труд, надеяться больше не на кого. Понимания того, что только собственный труд является основой собственного благополучия, что никто сундук с золотом не подарит, никакое прекрасное царство на земле само собой не наступит и никакого дармового чудесного рая земного не будет. Вот труд может вершить чудеса.

Трудоспособность напрямую зависит от такого божественного качества, как — энергетика человека, его энергетичность, что естественно

противоположно — вялости, усталости, нежеланию действовать, пессимизму. Фактор чужбины приводит к максимальному психическому напряжению и, соответственно, к максимальному выделению биологической энергии. Знаменитый американский инженер и исследователь данной темы Генри Форд особое внимание обратил на это качество евреев:

«Евреи никогда ещё не бывали усталыми и истощёнными. Они никогда не знали, что значит слово «невозможно». Это является отличительным признаком тех, кому известна точная путеводная нить в лабиринте жизни. Неверное и постоянное блуждание под влиянием мотивов и влияний, источник которых неизвестен и цели непонятны, истощает дух. Хождение ощупью во мраке порождает упадок сил. Неевреи в течение столетий это делают. Евреи, имеющие ясно представление обо всём, что происходит, не знали этой усталости».

Как результат «фактора чужбины» — это впечатляющий интеллект. Вы видели когда-либо еврея (еврейку), работающего грузчиком, токарем, прядильщиком, дворником и т. д.?

В зависимости от внешней ситуации и внутреннего напряжения человек иначе себя ведёт среди родных, среди друзей, среди просто знакомых на работе или на учёбе в университете. Особенно интересно ощущается психологическое самочувствие во время экзаменов, при приёме на работу или в окружении враждебных, потенциально опасных людей. Все описанные случаи отличаются состоянием ума, сознания, — его концентрацией, вниманием и, главное, — напряжением и максимальной формой эффективности. Многие философы обращали на это внимание, а великий Гёте ещё и красиво описал:

Мой пыл поэтический был невелик,
Покуда мне счастия виделся лик;
Но только мне жизнь угрожала бедой,
Он вспыхивал ярко, как огневой.

А для еврея — это постоянное состояние, постоянно высокий уровень напряжения на чужбине, среди чужих, это уже как привычка. «Чтобы жить по существу, должны жить в состоянии кризиса. Чтобы распробовать жизнь, следует не только рисковать, но и терять... Вкус жизни, её реальное проявление — в пограничных ситуациях», — верно заметил Карл Ясперс. Именно в критических моментах, в моментах максимального напряжения человек раскрывается полностью, раскрывается весь его потенциал, который при обычной благополучной жизни чаще всего используется слабо.

В случае же с евреями максимально проявляется истина — «Необходимость обостряет разум».

И благодаря этому фактору по объективной причине еврей получает естественное преимущество перед расслабленным коренным жителем.

У евреев это развитие интеллекта по причине напряжения, привычка жить и работать с постоянно высоким напряжением ума закреплялась веками из поколения в поколение. На протяжении многих веков работа с деньгами: торговля и ростовщичество, — также обусловили специфику этого типа ума.

Но евреи умудряются тему своего выдающегося ума трактовать по-своему.

«Мысль о том, что в основе непохожести евреев на всех других людей лежит особый тип мышления, высказывалась на протяжении последних двух тысячелетий неоднократно... Например, известный этнограф начала 20-го века Л. Я. Штернберг считал, что «еврейский народ обязан своим всемирно-историческим значением такому свойству еврейской национальной психологии, как сведение всей истории к одному фактору (так называемый «редукционизм мышления»).

Или давно известно, что евреи занимают в массе своей такие сферы умственной деятельности, которые связаны так или иначе со счётно-формализующей функцией: математика, шахматы, финансовые операции и т. д.», — отметили ученые ИН.

Ещё проще объяснения у некоторых евреев — на старом религиозном тезисе избранности: Бог этот народ избрал себе любимым, выделил, и, следовательно, — наделил особым умом, особым интеллектом... Как объяснима «любовь» к счёту, так и объяснима закономерная «любовь» к юриспруденции. ИН: «... очень характерна мелочная регламентация повседневного быта, его так называемая «табуация»... И неверно было бы утверждать, что с упразднением кагала и с так называемой эмансипацией евреев ушла в прошлое и эта сторона их жизни.

Дело в том, что именно на основе мелочной регламентации быта и связанной с ней ролью раввинов как арбитров в практике разрешения постоянно возникающих противоречий между теми или иными предписаниями Талмуда развивалось гипертрофированное «правовое самосознание» евреев, т. е. их склонность решать между собой спорные вопросы исключительно на основе формально-юридического манипулирования условными статьями права, а не на основе коррекции права такими общепризнанными в нееврейской среде неюридическими понятиями, как «правда», «совесть» и «справедливость»».

Следующим результатом «фактора чужбины» можно отметить качество «граничащее» с хорошим умом — хитрость. В условиях чужбины

еврей по понятным причинам не мог проявить свою агрессивность, по крайней мере, напрямую — как насилие. Поэтому агрессивность проявлялась через мощный ум — как хитрость. Очень категорично заметил Макс Гендель: «Евреи больше руководствуются качеством хитрости... Расовое чувство в них настолько сильно, что они различают только два класса людей — евреи и гои. Они презирают другие нации и, в свою очередь, презираются ими за свою хитрость, корыстолюбие и жадность».

Говоря о хитрости, стоит заметить ещё два аспекта этой темы. Когда решают похожую проблему два ума, но ума разного уровня развития, разной мощности, то объективно в результате всегда будет два решения: одно хуже, а другое лучше, то есть один из двоих проиграет. А так как понятие хитрости есть понятие относительное и субъективное, то с позиции менее умного ума — лучшее решение всегда можно назвать хитрым, а его автора — хитрецом.

Кто-то, внимательно читающий Библию, может даже подумать, что сам Моисей учил евреев чему-то не очень лицеприятному, воспитывал неправильно, посоветовав евреям «одолжить» у знакомых египтян различные драгоценности на короткий срок якобы для праздника — «... и обобрал он Египтян» (гл. 12, 36). На самом деле это не так, а намного всё проще — Моисей, планируя побег и многолетнее пребывание народа где-то в укрытии подальше от глаз египетских властей, нуждался в ценностях для обмена их на продовольствие, для товарообмена с другими народностями. Другое дело, если некий еврей сам манипулировал этим фактом — учил, думал или оправдывал себя — «уж если сам Моисей так учил поступать...».

Говоря о хитрости, коварности следует заметить, что можно одно и того же результата добиться двумя способами: жестокой силой, войной что-то отобрать, а можно это же отобрать «мирным» бескровным, и даже в этом случае «гуманным» способом — хитростью.

«Что касается совершения несправедливости вообще, то оно осуществляется либо насилием, либо хитростью: по своему нравственному значению это одно и то же. На пути насилия я достигаю этого с помощью физической причинности; на пути хитрости — посредством мотивации, то есть причинности, прошедшей через познание; иначе говоря, я достигаю этого тем, что подставляю воле другого человека обманные мотивы, в силу которых он, думая следовать своей воле, следует моей», — объяснял выдающийся немецкий философ А. Шопенгауэр. Этот «высший пилотаж» хитрости, Лжи мы часто наблюдаем сегодня. Кстати, некоторые наблюдения в этой теме могут помочь успешно адаптироваться людям многих национальностей в чужой стране.

Жестокость и мстительность

Говоря об «историческом» происхождении многих своеобразных черт евреев, мы уже обращали внимание на суровость судьбы еврейского народа, на часто жесткие условия жизни и выживания, которые не могли не сказаться на менталитете еврейского народа. Плюс к этому тяжелый, жестокий случай с 40-летней жизнью в пустыне. Наши современные идеологи из Концептуальной партии генерала Петрова и Зазнобина — «мёртвоводники» — «концептуалисты», утверждают, что Моисей и его жрецы за 40-летний период жизни в изоляции в пустыне сформировали совсем новую нацию — узкозапрограммированных прагматичных биороботов. Я с этим не согласен, ибо уже указывал на проявление характерных черт евреев во время жизни в Египте до побега, до пустыни, поэтому-то и возник конфликт с египетскими властями, и никто их не «программировал».

Но возможно, что в условиях 40-летней изоляции и старательного перевоспитания могли появиться дополнительные, характерные в последующем, черты еврейской нации. ИН:

«Пребывание в Синайской пустыне было использовано Моисеем также и для усиления дисциплинарной политики, поскольку предыдущие 400 лет относительно стабильного проживания в Египте во многом переродили «межэтническое сообщество», сделав его недостаточно управляемым и послушным. Поэтому основное содержание текстов, отражающих синайский период еврейской истории, сводится, главным образом, к описанию той «воспитательной работы» и тех жестоких методов её проведения, которые были призваны вдохнуть новую жизнь в древнюю программу циклического воспроизведения архетипа».

На эффект воспитательной работы в пустыне указывал самый большой мировой авторитет в вопросах психологии и психоанализа Зигмунд Фрейд, а он знал свой народ и пытался анализировать его качества с научной точки зрения. З. Фрейд:

«Моисей опустился к евреям. Он сделал из них свой народ... и мы рискуем заявить, что это был именно тот человек, который создал евреев. Именно ему еврейский народ обязан своим жизненным упорством, но также и хорошей долей враждебности, которую он испытал и продолжает испытывать».

Поскольку З. Фрейд был евреем, то и пресловутая еврейская враждебность у него является хорошей, чего не могут сказать представители других народов. Но З. Фрейд тактично умолчал о немного другой грани, другом аспекте характера, о чём сам Моисей (в Библии) в конце своей жизни с удовлетворением отмечает:

«Ибо я знаю упорство твоё и жестоковыйность твою» (гл. 31, 27).

Итак — враждебность и жестоковыйность, то есть крайнюю жестокость. Поэтому, как мы знаем из истории человечества и из той же Библии, — евреи самым жестоким образом уничтожали целые народы и их лидеров в библейские времена, были самыми «эффективными» работорговцами и рабовладельцами в средневековье; а та жестокость еврейских террористов в России до 1917 года и ещё более ужасная еврейских комиссаров после октября 1917 года — потрясает человеческое сознание.

Осенью 1996 года (3.10.96 г.) на второй телепрограмме телевидения Израиля интересные откровизмы в «научном стиле» озвучивали два «гиганта мысли» еврейского сообщества, победители «перестройки» в России и выборов 1996 г. — Березовский и Гусинский. Гусинской в этой программе раскрыл «рецепт», секрет успеха в этой борьбе за это «ничьё» российское общенародное богатство: «меньше правил, больше правил силы, больше правил агрессии», «жесткость».

Жестокость евреев можно объяснить и ещё с одной стороны. Знаменитый итальянский учёный Чезаре Ломброзо изучал вопрос влияния на психологию и характер народов местности проживания: рельефа местности, климата проживания, наличия реки или моря и т. д. С этой же стороны подошёл и наш современник, один из первых советских диссидентов Добровольский Алексей Александрович, который был в начале убеждённым православным христианином, а потом пошёл дальше — в неоязычество, и вот что он написал в своей книге:

«С господства христианства в Европе началась новая историческая эпоха беспощадной войны с Природой и, прежде всего, с ЛЕСОМ. Дух Пустыни против Духа Леса.

Каждому роду-племени присуще своё врождённое почитание Высших Сил... Каждый имеет своё самородное восприятие Вселенной... Лес, как и пустыня, это, прежде всего, мироощущение. Лес наиболее полнокровно олицетворяет собой Дух Живой Природы. Славяне — дети Леса.... Волхвы стяжали Светлого Славного Духа в родных лесах. Наше мирочувствование было солнечным, жизнеутверждающим, и в этом его коренное отличие от иудо-христианского мракобесия.

Иудейское единобожие, отрицающее самоценность одухотворённой Природы, есть не что иное, как отражение в душе жителя пустыни убожества пустынной жизни (где даже море называется — Мёртвым). Иудаизм (и ответвившиеся от него христианство и ислам), являясь найболее грубым выражением бесплодного духа пустыни, проникнут неприятием, нетерпимостью, безжалостностью к Природе. Рождённый в пустыне не любит леса, боится его... И потому в пустыне произрастает только зловещая кабалистика, чернокнижие да звездочётство.

Предчувствием собственной обречённости явилось иудео-христианское вероучение о светопреставлении, об уничтожении Земли и всего

живого на Ней... Служители тёмных сил целенаправленно превращают Землю в безжизненную пустыню, в огромный могильник...

Родственный Дух Леса, Дух Жизни, изначально присущий славянам, противостоит чужеродному библейскому духу пустыни, как СВЕТ ПРОТИВОСТОИТ ТЬМЕ, ДОБРО – ЗЛУ, ЖИЗНЬ – СМЕРТИ. Идёт последнее великое борение».

Вышесказанное — это не предположение и не фантазия Добровольского, ибо в Библии, в Ветхом Завете, т.е. — в еврейской религиозной священной книге сказано:

«Я развеял их по всем народам, которых они не знали, и земля сия опустела после них,... и они сделали вожделенную землю пустынею» (Зах. 7:14).

Итак, требующая выносливости жесткость пустыни и противоположность её — сочность, весёлость и радость леса; в одной ситуации Солнце — враждебное и испепеляющее, в другой — радостная благость, дающая жизнь.

Еврейский народ в результате своей тяжёлой истории, совершенствуя постоянно свою науку выживания и благополучия, дошёл до такого уровня силы, что когда добивается победы — не в состоянии контролировать свою силу, силу эмоций, явно переходит многие меры — и эта сила превращается в деспотизм, диктаторство и более того. Это как, например, некий восточный воин долгими годами идёт по пути физического и духовного совершенства и, наконец, обретает сверхсилу, но по какой-то причине отсутствия некоего понимания меры, недостатка нравственности или недостаточного контроля за своей психикой из-за пустяка может сорваться, и его сила превращается в страшную тёмную силу, ломающую всякие понимания справедливости, меры, человечности, просто благородства и благородства победителя.

И в истории мы наблюдаем жестоковыйность евреев такой степени, что о благородстве победителей-евреев или финансовых олигархов-евреев говорить предельно трудно. «У евреев мы видим поразительное отсутствие того, что называется душевным благородством...», — отмечал известный немецкий мыслитель Артур Шопенгауэр. Впрочем, на эту тему могут многое рассказать современные российские менеджеры, маркетологи и бухгалтера, которыми руководят еврейские управленцы или еврейские собственники бизнеса.

При отсутствие благородства и при наличия жестокости закономерно наличествует мстительность.

Когда мы говорим о жестокости и мести евреев, то в первую очередь приводим в пример всем хорошо известные кровавые картины из Ветхого завета. А нам говорят — это было ещё до нашей эры, более 2 тысяч лет назад, тогда времена были такие варварские, все народы так

поступали. Когда мы указываем на сверхжестокость, фашизм в России после 1917 года, то нам говорят — в этом участвовали и русские, правда — забывают сказать «обманутые русские».

Но вот что на эту тему объясняет израильский писатель Исраэль Шамир в своей книге «Власть Каббалы» (М. 2006 г.) о событиях недавних — в 20-м веке:

«Слово «мстительный» имеет негативную окраску в любой из христианских или мусульманских культур. Еврейская культура, напротив, полна помыслов о мщении, поскольку она строго следует талмудическому прочтению Ветхого Завета... Нам, евреям, лучше других известно об этом, что заметил блестящий американский журналист еврейского происхождения Джон Сак, в своей книге «Око за око» (1996 г.) — холодящей кровь истории об ужасающей мести евреев немецким мирным жителям после окончания Второй мировой войны.

Книга рассказывает о пытках, «внесудебных казнях», массовых отравлениях и прочих ужасах. Вряд ли эту книгу вам удастся найти, поскольку еврейский истеблишмент с успехом конфисковал тираж из книжных магазинов.

Но, возможно, вам удастся отыскать другую книгу на эту тему, написанную Майклом Элкинсом, который на протяжении многих лет был корреспондентом BBC в Иерусалиме... Элкинс прославляет и описывает в розовых тонах даже ужасающую попытку убийства миллионов немцев путём отравления вод Рейна... Неудивительно, что месть стала неотъемлемой и будничной компонентой политики Израиля. Нападения на палестинцев у нас называют актами возмездия... 14 октября 1953 года Ариэль Шарон со своими солдатами злодейски убил около 60 крестьян, женщин и детей в деревне Кибие.

Вторжение в Ливан в 1982 году, во время которого было убито 20 тысяч ливанцев и палестинцев — христиан и мусульман — было сделано в отместку за покушение на израильского посла в Лондоне...

Одержимость евреев местью с лёгкостью пересекла океан. Голливуд был создан евреями, а месть стала одной из самых излюбленных тем голливудского кино...

Посмотрим хронику BBC с разных концов планеты. Из Палестины сообщает глава агентства ООН по беженцам Питер Хансен: » Мы получаем ужасающие сообщения. Вертолёты поливают из пулемётов жилые кварталы. Танки расстреливают города по клеточкам, оставляя сотни раненных. Бульдозеры сносят дома беженцев, а продовольствие и лекарства на исходе. Десятки трупов лежат на улицах лагеря беженцев в Джанине. Собор Рождества снова пылает как в 614 году».

Тем временем в Нью-Йорке десятки тысяч евреев собрались на площади, чтобы выразить поддержку резне палестинцев, проводимой

израильтянами. Полтораста тысяч еврейских демонстрантов вышли на улицы Парижа, чтобы выразить свою солидарность с Израилем».

Это уже привычная картина и в 21 веке — безжалостные военные акции против палестинцев.

Иррациональные факторы

Ученые Института Нравственности: «Возьмём такой ярко характеризующий еврейскую ментальность пример, как причисление евреями себя к племени «избранных». Оказывается, что здесь мы имеем дело с самым обычным для родоплеменного общества явлением: как показали исследования этнографов и лингвистов, сами этнонимы первобытных обществ этимологически расшифровываются как «настоящие», «истинные», «избранные» люди в противовес «ненастоящести» всех остальных представителей человеческого рода...

Типичный архаизм угадывается и в постоянном стремлении евреев оказывать влияние на то или иное нееврейское общество путём совершения символистических актов со скрытым значением. Здесь достаточно указать на наиболее известные примеры неявного еврейского вторжения в чужую общественную жизнь: на тенденцию приурочивания памятных для неевреев дат к еврейским праздникам, на факты возведения каббалистической эмблематики в ранг официальной символики нееврейских государств, на практику использования условного (непонятного неевреям) языка для кодирования значимых с еврейской точки зрения событий.

В основе всех такого рода действий лежит так называемый «магический» способ восприятия действительности, предполагающий возможность бесконтактного целенаправленного воздействия на окружающую реальность посредством определённой ритуальной практики (это так называемый «матричный» метод — путём воздействия своей мыслью, мыслями воздействуют на «мыслеполе» планеты — эгрегор мыслеполя, на ноосферу, как на базовую-матричную мысле-программу будущих событий. — Р. К)...

Примеры такого рода можно было бы множить и множить. Но даже сказанного здесь вполне достаточно, чтобы понять, насколько прав был Д. Рид, сравнивания еврейство с кистепёрой рыбой целикантом, которая вплоть до недавнего — в середине 20-го столетия — обнаружения ихтиологами её живых экземпляров считалась ископаемой».

Можно сравнивать с кем угодно — хоть с оставшимися ящерами, но стоит обратить внимание на то, что является бесспорным — все эти архаические, древнеплеменные методы и практики евреев, сохранение ими знаний и культуры своих древних предков — являются очень

эффективными, поддерживают аутентичность-самобытность евреев, обуславливающую невозможность смешения евреев с другими народами и поразительную живучесть их общин, их диаспор среди других народов, в других государствах. Вся эта тематика интересна и до конца ещё не изучена, поэтому в ней сохранилась некая таинственность, которую заметил Н. Бердяев:

«Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы... Но единство исторической судьбы и есть иррациональная тайна... Еврейский народ глубоко чувствует это таинственное единство исторической судьбы».

Если все характерные черты евреев объяснить историей, то это будет не верно, ибо не полно. Ведь многое осталось от самого изначального происхождения народа, фундаментальное, генетическое, заложенное законом разнообразия этого мира, отличие от других народов — что прошло через всю историю, не изменилось, и осталось характерным. И это изначальное отличие неотъемлемо связано с древней религией евреев. Еврейский историк Гершон Шалом заметил: «если евреи попытаются себя объяснить только из истории, они должны будут прийти к самоликвидации...».

«У нас в душе постоянно звучит властный зов», «в нас есть какое-то ядро», «эти характерные черты так глубоко в нас заложены, что мы не можем просто взять и отбросить их по своей воле», — признаётся о чем-то глубинном Раввин Адин Штейнзальц (С.).

Об этой тайне немного в другом аспекте высказывается Амос Оз: «Достаточно лишь мимолётного взгляда, чтобы убедиться, что все эти люди — евреи. Не спрашивайте меня, что такое еврей. Сразу видно, что ты в окружении евреев... И это — волшебство. Это — вызов, это — великое чудо...

Быть евреем означает чувствовать: где бы не преследовали и мучили еврея, — это преследуют и мучают тебя», — объяснял это единство еврейский мыслитель Амос Оз (С). То же самое пояснял Луис Брандес, лидер сионизма в Америке, член Верховного Суда США с 1916 г. — когда «страдают люди еврейской крови, наше к ним сочувствие и помощь идут инстинктивно, в какой бы стране они не жили и, не спрашивая об оттенках их веры или неверия» (С.).

Не следует путать этот феномен с другим явлением — «Если в Москве еврею наступят на ногу, то все евреи от Москвы до Сан-Франциско закричат от боли», — отметил знаменитый А. Шопенгауэр. Ибо здесь мы сталкиваемся с феноменом принадлежности большинства СМИ евреям, и их дружная защитная или наступательная акция в своих СМИ, и не только в СМИ.

«Он даже на еврея не похож. Только когда глядишь ему в глаза», — отметил в своих мемуарах наблюдательный деятель СССР Вячеслав Михайлович Молотов, говоря о Каменеве.

Глаза человека — это прежде всего глаза его души, окна души, поэтому они о многом говорят, отражают суть человека, его духовность, его Бога. А выбор Бога и духовности еврейской нации мы рассматривали во второй части этой книги.

Итак, в этой главе мы рассмотрели многие факторы, которые формировали еврейскую нацию, её отличительные черты, её характерную психологию, это и место жизни — пустыня, и судьба-история скитальца, и главное — религия. Учёный психолог из Санкт-Петербурга В. В. Можаровский отметил:

«В качестве политического мышления иудаизм представлен корпоративным догматическим мышлением, где совершенным и законченным субъектом выступает не отдельная личность, а весь народ Израиля. Евреи в целом — это не национальность, только в Израиле живёт 82 национальности, и не раса — фалаши, например, негроиды, также есть среди евреев монголоиды, даже индейцы Перу, не говоря уже о различных оттенках европеоидной расы. Евреи — это прежде всего религиозный менталитет, с характерным типом поведения и особенной установкой мышления.

Эта установка не обязательно должна осознаваться, и также аргумент о том, что, например, в современном Израиле большинство евреев не являются религиозными, тоже ничего не говорит. Ибо ментальная установка действует независимо от того, считает себя человек религиозным или нет (например — на первом канале телевидения еврейский политтехнолог В. Познер постоянно убеждает всех, что он атеист, однако поступает как религиозный...— Р. К.)

Более того, как раз то, что безрелигиозные евреи все-таки уезжают в Израиль, подтверждает действие этой установки. Если бы, например, венгры стали переезжать на Урал, потому что они когда-то оттуда произошли, или если бы немцы потребовали Иран и Центральную Азию как свою праисторическую родину и т. д. в притязаниях евреев на Палестину не было бы ничего уникального, связанного... Сохранение неизменной установки на трансцендентное приводит к сохранению религиозного менталитета, а он является центральным основанием политического тела, из которого в разных направлениях всегда возможно развернуть идентичные векторы экономики, финансов, культуры, семьи, государственности, а в случае с еврейским народом, даже идентичного языка, который был восстановлен только на рубеже 20-го века, на источнике религиозных текстов....

Таким образом, центральным в политической жизни является её религиозно-ментальное содержание, определяющее собой все вторичные сферы. Всё это подтверждает религиозное основание, на котором единственно возможно было восстановить государство Израиль, преемственное

древнему еврейскому государству и идентичное с ним, несмотря почти на 2 тысячелетний перерыв в реальном политическом существовании. А также поясняет то, почему уничтожение религиозно-ментальных оснований государственности приводит к тому, что и сама политическая система может сохраняться по инерции не более одного физического поколения, например, СССР, ибо оно приводит к неизбежному разложению политического тела».

Осталось нам обратить внимание на эти религиозно-ментальные, особенно на «специфические».

Мы наблюдали многие исторические факторы, сформировавшие, «воспитавшие» еврейский народ, но миллионы молодых евреев на протяжении тысячелетий воспитывали и воспитывают многочисленные религиозные учителя и раввины в религиозных школах и синагогах на основании древних религиозных книг. Заглянем в некоторые из них.

Фактор религиозного воспитания

Это «любимая» тема многих критиков евреев, ибо написанное с воспитательной целью в древних религиозных книгах, кроме нормальных «мирных» наставлений «не убий», «не прелюбодействуй» и т. д., и наказание смертной казнью за тяжкие преступления, удивляет и потрясает многих неевреев своими «специфическими» наставлениями.

На эту тему можно цитировать священную книгу христиан Библию — Ветхий Завет:

«О прочих же народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобны слюне... эти народы, на ничто тобою признанные (3 Ездры, 6:56–57). По поводу запрещения смешанных интернациональных браков уже цитировалось выше. «Второзаконие» (12:2–3): «Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим... и разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того». В этом случае, конечно, трудно говорить о толерантности, терпимости; интересно, что именно эта заповедь была очень точно использована византийскими епископами и священниками с Владимиром-крестителем в России в 10 веке.

Можно много цитировать неприятного и ужасного из «Книги Навина» и части «Числа».

В сугубо еврейской религиозной книге Талмуде есть также много шокирующего и самое знаменитое:

«Лучший из гоев достоин смерти» (Абода зара, 26, в Тосафот). В многочисленных трактатах, комментирующих Талмуд, также немало «странных» наставлений:

«Убивайте праведнейшего из акимов; он повинен смерти уже тем одним, что не еврей, и по тому самому не может быть чем-либо годным» (трактат «Ялкут-Рубени», л. 93,1.);

«Всех, кто не обрезан, иудеи должны не только обманывать, но и убивать. Если бы представлялась возможность, следовало бы истреблять их публично; а пока это недоступно, то необходимо хитростью и обманом доводить до унижения, подготовляя конечное их истребление. Увидев гоима, сорвавшегося в пропасть или упавшего в пропасть, куда спущена лестница, иудей должен отнять её» (Mucher Maimon. В комментарии на трактат Талмуда «Ахедин», л. 121);

«Не следует бриться у гоя, так как он может легко перерезать горло еврею» (комментарий Раши на Талмуд «Авойде-Зура»).

Может, это уже очень старые учебники? И по ним уже никто давно евреев не учит как жить?..

Но в 2005 году в России разразился громкий скандал по поводу религиозной книги, толкующей Талмуд, под названием «Шулхан арух» («Накрытый стол»), изданной в 2001 году, по поводу которой было возмущенное публичное письмо «пятисот». Ещё в 1997 году на эту книгу обратил внимание Алексей Васильевич Трехлебов в своей книге под названием «Клич Феникса», в которой среди многих тем он исследовал и еврейский феномен. Правда, Трехлебов утверждает, что создал эту книгу раввин Иосифом Каро (1488–1577 гг.) из города Цафет, впервые издавший эту книгу в Венеции в 1565 году. И А. В. Трехлебов приводит некоторые цитаты из этой книги, вот несколько на выбор (акум — христианин):

«Закон № 9.... Когда еврей проходит мимо еврейского кладбища, то ему следует говорить:

«Слава Тебе, Господи, что ты столь праведно создал их», а перед кладбищем акумов он должен сказать: «В большом стыде будет ваша мать и т. д.». Когда еврей видит хорошо выстроенные дома акумов, он должен говорить: «Дома надменных разорит Господь», но когда он видит развалины дома акума, он должен произнести: «Господь есть Бог отмщения».

Закон № 13. «Еврейской акушерке не только разрешено, но она обязана помогать в шабаш еврейке и при этом совершать всё, что при иных условиях оскверняло бы шабаш. Наоборот, помогать акумке запрещается даже, когда это возможно было бы сделать без осквернения шабаша, ибо она должна рассматриваться, как животное».

Закон № 15. «В праздники, когда запрещается всякая работа, запрещено и стряпанье; каждому разрешается изготовлять лишь сколько ему необходимо для еды. Тем не менее когда ему надо готовить для себя, дозволяется в тот же горшок прибавлять кушанья и больше, чем нужно

для него самого, даже если прибавляемое назначено для собак, потому что мы обязаны давать жить и собакам. Прибавлять же кушанья для акума строго запрещается, так как мы не обязаны давать ему жить».

Закон № 23. «Свидетелями могут считаться лишь те, которые именуются людьми. Что же касается акума, либо еврея, который сделался акумом и который ещё хуже акума, то они никак не могут считаться людьми, стало быть и их свидетельские показания лишены всякого значения».

Закон № 24. «Когда еврей держит в своих когтях акума (в халдейском языке стоит выражение «ма аруфия», т. е. обдирать, беспрестанно обманывать, не выпускать из когтей), тогда дозволяется и другому еврею ходить к тому же акуму ссужать ему в долг и, в свою очередь обманывать его так, чтобы акум, наконец, лишился всех своих денег. Основание в том, что деньги акума суть добро, никому не принадлежащее, а первый, кто пожелает, тот и имеет полное право завладеть ими».

Закон № 28. «Когда еврей ведёт дело с акумом, и придёт другой еврей и обманет акума, всё равно — как: обмеряет ли, обвесит, или обсчитает, тогда оба еврея должны поделиться ниспосланным от Иеговы барышом».

Закон № 73. «Считается большим грехом подарить что-нибудь акуму. Тем не менее, ради мира, бедным среди акумов дозволено подавать милостыню, навещать их больных, отдавать их покойникам последний долг и утешать родственников умершего, дабы акумы могли подумать, что евреи им друзья, так как они высказывают участие».

Затем эта книга была переиздана в России в 2004 году с удалением неприятных для неевреев мест.

Во вступлении к «Кицур Шульхан Арух» руководитель КЕРООР раввин З. Коган откровенно пишет:

«Редакционный Совет КЕРООР счёл необходимым опустить в этом переводе некоторые галахатические указания... помещение которых в издании на русском языке было бы воспринято населением России, не придерживающимся иудаизма, как неспровоцированное оскорбление. Читатель, который захочет прочесть «Кицур Шульхан Арух» в идеально полном объёме, приглашается в ешиву, чтобы изучить эту и многие другие святые книги в оригинале». Подобную «тактичность» дабы не вызывать раздражение и враждебность гоев евреи практиковали и ранее, например — еврейский собор в 1631 году в Польше постановил «На будущее время подобные места в Талмуде заклеивать белой бумагой, а при печатании на местах, трактующих о Христе, оставлять пробелы».

Обративший на это внимание активный петербургский патриот Константин Душенов пишет:

«То есть, один из лидеров российского еврейства признаёт оскорбительными для нееврейского населения России некоторые положения иудейского кодекса поведения, но считает возможным приглашать своих соплеменников для изучения этих оскорблений в ешивах — еврейских школах, финансируемых из (российского) государственного и местных бюджетов.

Чтобы немного понять, на что намекает З. Коган, можно воспользоваться переводом оригинала «Кицур Шульхан Арух» немецкого судебного эксперта — учёного-гебраиста доктора К. Эккера, сделанного им для судебного процесса в Германии в 1883 г., перевод которого был издан в России в 1906 году; познакомимся ещё с некоторыми наставлениями «Кицур Шульхан Арух»:

«Его (нееврея) семя рассматривается как семя скотины» (Тосефта-дополнение к Талмуду Кетобут, 3б).

«Запрещается спасать их (неевреев-акумов), когда они близки к смерти. Например, когда увидишь, что один из них упал в море, то не выручай его, даже если он хочет заплатить... Дозволено испытывать на акуме лекарство — полезно ли оно?» (Иоре де» а 158-1).

«Когда еврей обокрал акума и его (еврея) принуждают к присяге... тогда он должен в сердце своём объявить присягу недействительною, потому что он принуждается к ней (Иоре де» а 329-1, Хага). (Вот что значит — «клятва еврея»).

«Деньги акумов суть как бы добро бесхозное, и каждый, кто пришёл первым, завладеет им». «По отношению к акуму не существует обмана» (Хошен га-мишпат 156–5, Хага; 227–26; 328–2, Хага).

Еврейские лидеры, оправдываясь, говорят с телеэкранов, что это очень старая книга и никакого отношения к сегодняшним дням не имеет — тогда зачем эту книгу издавать в наше время и учить еврейскую молодёжь ксенофобии, ненависти к другим народам? Ведь во вступлении к этой книге глава КЕРООР З. Коган пишет, что «Кицур Шульхан Арух» — это «хрестоматия еврейской цивилизации нашего времени... Эта книга вам совершенно необходима. Вы можете поступать так, как в ней написано, и быть уверенными, что выполнили волю ВС-вышнего».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РОССИЯ ПРИ ПАВЛЕ I, АЛЕКСАНДРЕ I И НИКОЛАЕ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Трагедия белорусов и технология хлебного бизнеса

После смерти Екатерины II российским императором в конце 1796 года стал её сын Павел (1754–1801 гг.) — Павел Первый. Советскими «специалистами» по истории России был создан образ этого императора как малодушного, никчемного человека, неспособного руководить государством.

И только после внимательного изучения современными историками этого периода — «вдруг» обнаружились многие положительные черты в образе Павла.

Пока Павел осваивался со своим новым статусом, входил «в должность», в его империи происходили трагические события — последствия правления его матери, с которыми он должен был разобраться и справиться. Зимой 1797 года, через год после введения черты оседлости, в Белоруссии крестьяне стали массово умирать от голода. При этом никаких природных катаклизмов и напастей не было. Но белорусы умирали семьями и деревнями. В чём причина гуманитарной катастрофы этого народа? В многолетнем неурожае? — Нет.

Вот какие причины голода 1797 года приводит в сборнике двух еврейских составителей: Рутмана и Киммеля исследователь истории еврейского и белорусского народов Галина Синило: «... причиной суть евреи на арендах и шинках удерживаемые... которые последнее с крестьян высасывают».

Много уделил этому трагическому «загадочному» событию А. Солженицын в своей большой выдающейся работе «Двести лет вместе», но многие острые вопросы и ответы он старается тактично обходить или избегать, надеясь, что умный читатель сам завершит анализ и сделает правдивые выводы, легко додумает. Но оказывается (!) как раз в этом его обвиняют еврейские критики: «Чем же было вызвано такое

упорство евреев, почему, несмотря на представленные льготы, они не спешили заселять этот край. Солженицын не отвечает на этот вопрос и даже не ставит его...», — якобы поймал на ошибке Солженицына радостный Я. Рабинович из Израиля в своей книге «Быть евреем в России: Спасибо Солженицыну» (М., 2005 г.). Ловкий Рабинович явно «играет на публику», потому что в этих вопросах прекрасно разобрался знаменитый поэт и выдающийся государственный деятель Гавриил Романович Державин (1743–1816), который при императоре Павле занимал должности президента Коммерц-коллегии и министра юстиции, и который дал ответы в своём докладе российскому императору под названием «Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного и обуздания корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и о проч.» — и Солженицын это хорошо показал. В этой главе постараемся ещё более детально разобраться в некоторых важных вопросах, связанных с голодомором в Белоруссии.

Российское правительство ничего не предпринимало (кстати, о благодатной имперской политике... по отношению к белорусам), ситуация у белорусов была просто потрясающе безвыходной и отчаянной. Если раньше ответственность за белорусов лежала на поляках, то теперь за судьбу белорусов отвечали русские; если раньше в суверенной Польше помещики имели право суда над евреями, и это был весомый сдерживающий фактор, ибо родной помещик не был даже экономически заинтересован в саморазорении и обеднении, то теперь, при российской власти, это было отменено, и евреи получили максимальную свободу. Была полная зависимость крестьян от евреев.

Вырождение и уничтожение белорусов путём чрезмерной эксплуатации, угнетения, через голод стало конкретной реальностью в тот период. Фактически наблюдался геноцид одного народа над другим — Холокост евреев над белорусами при попустительстве русских и поляков. И если в конце XX века евреи выставили требования к России о финансовой компенсации за неравноправие и притеснения в советский период, то уж белорусы евреям могут выставить такие же требования на более веских основаниях.

Дополнительное присутствие русских войск и русских чиновников после последнего раздела Польши крайне усугубило положение на бывших польских землях. Русские не убрали структуру иерархической власти в захваченной Польше, и сверху поставили ещё свою. Таким образом, крестьянину пришлось кормить ещё большее количество эксплуататоров.

Теперь евреям, владеющим монопольно торговлей сельхозпродукцией и арендой земли, пришлось выжимать из крестьян по самому максимуму, чтобы сохранить свою прибыль, оплатить аренду владельцам

земли — польским помещикам и магнатам, внести налоги в российскую казну и задобрить русских чиновников взятками. А ведь пески Белоруссии — это не чернозём Украины. Это только в сегодняшний, да в советский период, благодаря современным агротехнологиям, собирают на этих песках 30–50 центнеров зерна с гектара пашни, а тогда это было около 10 центнеров.

И положение оказалось ужасным. Выхода к морю у белорусов не было, торговля не развивалась. Вот как точно описал эту картину великий белорусский поэт Якуб Колас:

Наше поле плохо родит,
Нищий тут живёт народ.
Весь в грязи он, бедный ходит,
Льёт над пашней тяжкий пот...
Крест замшелый при дороге,
Купа тощих тополей...
Так тоскливо, что в остроге,
На кладбище веселей...
Край родной, родное поле,
Ты глядишь, как сирота,
Грустен ты, как наша доля,
Ты — как наша темнота.

(отрывок из стихотворения «Край родимый»).

Стоит заметить, что такой уровень угнетения, эксплуатации был закономерным. Столкнулись две абсолютно различные цивилизации с потрясающей разностью интеллекта и морально-нравственными ценностями. Если говорить о белорусах того периода в условиях еврейской тирании, то они были на уровне рабов. Они были очень уж терпеливые и мирные, или в такой степени угнетены, затюканы и запуганы, что, даже умирая от голода, не поднимали восстаний. Они, как правило, только активно присоединялись к народно-освободительным восстаниям других народов: украинцев против поляков, поляков против шведов, русских против французов, поляков против русских. Постараемся вникнуть более подробно в технологию смертельного обнищания крестьян. Ибо мы ещё не раз с этим столкнёмся при изучении истории.

Очень хорошо описал эту технологию в своих мемуарах непосредственный очевидец — знаменитый еврейский историк Шимон (Семен) Маркович Дубнов, дневником и мемуарами которого мы в этой главе воспользуемся, тем более, что современный израильский аналитик истории Я. Рабинович в своей книге «Быть евреем в России: Спасибо

Солженицыну (М., 2005 г.) сделал упрек А. И. Солженицыну: «В книге А. Солженицына «Двести лет вместе» проигнорированы исследования выдающегося историка Шимона Дубнова и его единомышленников».

Толстенная книга мемуаров и дневников Дубнова, изданная Еврейским университетом в Москве, предстала перед россиянами в 1999 году. Дубнов прекрасно показывает, как евреи, жившие в районных городках-местечках, монопольно захватили торговлю между деревней и городами.

Было несколько способов перехода результатов крестьянского труда к еврейским торговцам. Первый — сельхозпродукция скупалась евреями у помещиков, панов, магнатов, крупных арендаторов.

С. М. Дубнов жил в еврейской семье в XIX веке в Белоруссии, и как свидетель дословно описал ситуацию: «В дни наезда гостей во дворе (еврейского трактира) было шумно: кучера с лошадьми и повозками, евреи-факторы, увивавшиеся около приезжих панов с предложениями своих услуг по части сбыта сельских продуктов или добывание займов на проценты».

Этот вид бизнеса имел свои плюсы и минусы. Плюсом было то, что можно было купить сразу большую партию, например, зерна. И хотя эту партию можно было купить по низкой цене благодаря неразворотливости помещика, благодаря его слабости к алкоголю или слабой информированности, но всё же с этой публикой евреям было не очень удобно работать из-за её довольно высокого образовательного уровня. Кроме того, иногда помещики, паны и магнаты были сами посредниками между крестьянами и рынком. Поэтому цены у них не могли быть самыми низкими, и соответственно прибыль еврейских спекулянтов была не самая высокая.

Еврейским спекулянтам выгодней было скупать хлеб и другую продукцию у тёмных, безграмотных и запуганных местных крестьян. Евреи, специализирующиеся на скупке продукции непосредственно у крестьян, специально селились на окраинах городов и местечек, вдоль дорог на въезде в города, что и описывал С. М. Дубнов: «одно предместье, Форштат, расположенное у большой дороги к губернскому городу Могилёву, было сплошь заселено евреями. Зажиточные из них содержали постоялые дворы с кабаками для приезжих в город крестьян, продавали им водку и нужные в деревенском хозяйстве орудия в обмен на зерновой хлеб и другие сельские продукты».

Польский офицер В. Крестовский служил в уланском полку недалеко от города Свислочь и описал в своём очерке характерную ситуацию на местном базаре:

«Каждый воскресный день в Свислочи с раннего утра подымается особенное движение. Жидки торопятся выслать своих «агэнтов»

на все выезды и ближайшие перекрёстки дорог, ведущие к местечку. Это в некотором роде сторожевые посты «гандлового люду» (гандловый — торговый)...

Везёт себе белоголовый хлоп (крестьянин) на своём возу «каранкову», а то и целую «корцову» бочку «оброку» или «збожа»... как вдруг на последнем перекрёстке налетает на него с разных сторон ватага еврейских «агэнтов». Хлоп моментально оглушен, озадачен и закидан десятками вопросов, летящих вперебой один другому: «А что везёшь? А что продаешь? А чи запродал вже кому?...»

Холоп не знает, кому и что отвечать, а жидки между тем виснут к нему на задок, карабкаются на воз, лезут с боков и с переду, останавливают под узду лошадёнку, тормошат ошалелого хлопа, запускают руки в овёс или жито, пробуют, смакуют, рассматривают, пересыпают с ладони на ладонь и при этом хают — непременно хают, во что бы то ни стало, а другие — кто половчее да увертливее — насильно суют хлопу в руку, в карман или за пазуху сермяжки кое-какие деньжонки, и не столько денег, сколько запросил хлоп, а сколько самим вздумалось по собственной своей оценке...

Та партия жидков, которой удалось всунуть в руку продавца сколько-нибудь деньжонок, решительно овладевает и хлопом, и его збожем (зерном), и его возом... Прежде всего жидки торопятся сбросить на землю мешки с овсом или житом (пшеница), лишь бы только быстрей с возу долой, дабы потом явное доказательство, что товар уже продан, на тот случай, если бы несговорчивый хлоп вздумал бы упираться (и стеганул свою лошадку и драпать, выбросив деньги. — Р. К.)...

Пока одни меряют, пересыпают да отсыпают, другие стараются разными приятными разговорами и расспросами отвлечь внимание хлопа от совершаемого дела, и этот манёвр всегда почти удаётся им как нельзя лучше. Зерно умышленно просыпается из меры на землю и спешно подметается мётлами в какой-нибудь укромный уголок, ибо просыпка этого рода в общий счёт не идёт, хотя, в конце концов, и составит собой несколько лишних гарнцев (горшков), дающих возможность к лишнему гешефту.

...Но вот перемерка да пересыпка окончена, оброк спешно убран в еврейские амбары, и хлоп, ощущая ничтожность насильно всунутого ему задатка, начинает требовать окончательного расчёта; но евреи с крайним удивлением ответствуют, что деньги уже получены им сполна, дескать, Бога не бояться, требуя с них вторично уже полученную плату. При этом для окончательного ублагодушения хлопа ему иногда подносится ещё один келих (стакан) водки; а буде хлоп упираться — то расправа с ним коротка... Озадаченный, раздосадованный... хлоп, сообразив, что на такую ничтожную сумму не приобретешь ничего путного для сво-

его хозяйства, махнёт рукой и повернёт до корчмы...» (из исследования Ю. Мухина).

А в корчме эти деньги получает понятно кто, да ещё его напоят в долг... Кроме того, если этому крестьянину всё-таки необходимо приобрести соль, плуг или материю на сарафаны и штанишки детям, то ему охотно дадут кредит (и желательно — когда он в пьяном виде) и сами же продадут этот товар («по самой дешевой цене»). Поэтому когда удивляются: «Это абсурд! — Как это еврейский шинкарь мог схватить свободного крестьянина за волосы и затолкнуть в свой трактир?

Когда этот крестьянин перед этим «ресторатором» в беспросветных долгах, то «запынив» крестьянина на дороге у трактира, трактирщик считал, что имеет право спросить его о долгах, напомнить о накапливающихся процентах и после этого со словами: «Ты — неблагодарный, живёшь за мой счёт и настолько меня не уважаешь, что даже не зайдёшь в мой трактир — чтобы выпить за моё здоровье и за хороший урожай?!»

«Здесь широко практиковалось «хлебное ростовщичество»: еврей давал нуждающемуся крестьянину денежный заем под залог его будущего урожая и часто приобретал после уборки хлеба значительную часть его по низкой цене. О таких людях говорили: «он живёт от мужика (эр лэбт фун гой)» — объяснял еврейский историк С. М. Дубнов, свидетельства которого относятся ко второй половине XIX века — к периоду, по историческим меркам, совсем недавнему. Но подобное происходило на протяжении веков в разных странах вслед за проникновением в них евреев.

(А если кто-то из читателей потрудится узнать — кто скупил в период недавней российской «перестройки» большинство элеваторов и мукомольных предприятий, то ему не покажется удивительным вопрос — почему в начале XXI века при рекордных урожаях зерна и сверхнизких ценах на него — в России произошёл рост розничных цен на хлеб?).

Итак, какую мы видим реальность — этот гоголевский еврей Янкель в XIX веке уже не загонял насильно кулаками славянского мужика-гоя в свой кабак на водку. Но от этого презренному гою легче не было. Тёмному, безграмотному крестьянину по-прежнему, продавали водку по высокой цене. Помимо водки по завышенным ценам шли вилы, вёдра и грабли. Денежные займы выдавались под большие проценты. Давали ему, безграмотному или пьяному, сельхозорудия и водку в долг на кабальных условиях — под долговые расписки, в которых залогом была вся будущая сельхозпродукция и его ничтожный клочок земли. При этом скупались результаты годового труда всей крестьянской семьи по сверхнизким ценам.

Что происходило на практике, в жизни? Крестьянин, собрав урожай, рассчитывался с долгами. При этом, как правило, не сразу со всем

долгом. Так как долги за счёт процентов нарастали очень большие, то фактически и всего урожая не хватало на его погашение. Долги принимали непреходящий накопительный и перманентный характер. Поэтому крестьянин оплачивал собранным урожаем только часть долга, оставляя на прокормление семьи на осень, зиму, весну и половину лета только необходимый минимум для сохранения семьи от голодной смерти.

Но если на него «наезжали», вынуждая отдать больше, то семья погибала от голода. У соседей по улице (или деревне) было не занять, так как они находились в подобной же смертельной ситуации. На оставшуюся часть долга продолжали расти чудовищные проценты.

В этих условиях не могло быть и речи об отправке на учёбу даже одного из крестьянских детей.

В этих условиях не могло быть и речи о содержании большой крестьянской семьи. А численность евреев, между тем, непрерывно росла. Об этом говорят факты — в начале XIX века в России оказалось около одного миллиона евреев, а к концу этого же века в России проживало уже семь миллионов евреев. То есть, чтобы прокормить всех евреев или крестьяне должны были больше производить, или у крестьян необходимо было больше отбирать, или евреи должны были расселяться среди большего количества крестьян, расширяя своё жизненное пространство, расселяясь на больших территориях России, что мы в дальнейшем и будем наблюдать.

В этот момент можно привести высказывание современного российского еврейского идеолога, редактора популярной газеты Танкреда Голенпольского, который в полемике с Солженицыным заявил: «Мне просто не понятно, в чём вина евреев, за что им каяться... Я могу говорить о том, что еврейская буржуазия и русская буржуазия в равной мере эксплуатировали народы России...».

В данном случае русская буржуазия точно не эксплуатировала белорусов, а исключительно еврейская, и определенная доля вины лежит на российских чиновниках.

Парадоксально то, что белорусы, вымирая таким образом от голода целыми деревнями, не поднимали восстаний, подобно украинцам. Наступила ли от непомерной эксплуатации, запугиваний полная деградация духа, погас ли, или был уничтожен естественный инстинкт самосохранения? Жизнь крестьянина была настолько мучительной и страдальческой, что продолжать ее становилось для него бессмысленным. Как утверждали древние греки — лучше умереть в бою с теми, кто привел к гибели твоих детей, чем умирать от голода, стоя на коленях! Может у белорусов в голове было слишком много христианских установок, может белорусы были просто большими «толстовскими» христианами, чем украинцы?.. Или вообще — большими христианами,

если в 2007 году в России со всех центральных каналов российского ТВ наставлял россиян митрополит Иоанн из Псково-Печерского монастыря: «обиды терпеть и за обидчиков молиться», то тем более белорусов в тот период уговаривали, им внушали христианские священники и православные и католические...

Когда во второй половине XIX века в российской глубинке вспыхнули крестьянские бунты-погромы против евреев, то это означало только то, что туда добрались евреи и установили порядки, подобные белорусским, описанным С. М. Дубновым.

Трагедия славянских крестьян усугублялась ещё тем, что невозможно было пойти к другому еврею и продать что-то подороже, ибо это не одобрялось, вызывало гнев и наказание «придурка», да и было совершенно бесполезно, так как существовал корпоративный сговор в этом бизнесе по получению сверхприбылей. Кроме того, местные паны и помещики, благодаря стараниям евреев, строго приказывали крестьянам — урожай никуда не вывозить и никому другому не продавать — только вот этому шинкарю или конкретному еврейскому торговцу.

Кто-то из «умных» читателей может предложить выход, а почему бы крестьянину не перевезти своё зерно в другой город или дальше в Россию, где его не знают, где нет долгов, где есть вроде бы свои — и продать подороже...? Это очень наивно. Все пути были перекрыты. Обратимся за разъяснениями опять к еврейскому историку С. М. Дубнову:

«Семья извозчиков по имени Каплун имела монополию перевозки пассажиров и товаров по этой дороге (Мстиславль — Могилёв); никто не смел с ними конкурировать, ибо не раз случалось, что Каплуны отравляли лошадей «чужих извозчиков»». И такая ситуация была на всех дорогах того края.

А конкурировать в отравлении лошадей было также бесполезно, так как это была монополия всего еврейского сообщества, которая всегда могла найти деньги на покупку новых лошадей. Тем наивным людям, которые думают, что это были частные случаи, рекомендую посмотреть популярную ныне театральную постановку («Театр на Фонтанке») под названием «Крики из Одессы», где еврейский автор исторически верно показал еврейскую монополию на перевозки из одесских портов, из Одессы.

«Насчёт истребления христиан мы приведем наставление авторитетного раввина Якова Хазижшета, который откровенно говорит следующее: «Вся надежда на распространение Израиля зиждется на том, что должно до основания извести всех гоимов. Все страны земного шара обещаны нам. Затем уже от размножения нашего и акклиматизации зависит господство наше над всеми и всем...

Какая радость охватывает меня, когда вижу, как все города, местечки и селения быстро населяются как бы из земли вырастающими евреями,

а гоимы из всех торговых пунктов и центров вытесняются на окраины! Они стали и должны стать нашей рабочей животной силой», — отметил в своём исследовании Ипполит Лютостанский. Когда сегодня, в 21 веке, слышу от различных «псевдопочвенников» — «мертвоводников», «анастасийцев» фантаста Мегре и даже казачьих организаций, что оставшиеся не у дел в городах, не приспособившиеся в бизнесе русские люди должны ехать в далекую провинцию и пахать землю, реализовывать красивую идею родовых поместий, — то я вспоминаю оптовиков в городах и слова раввина Хазижшета...

Говоря о закономерной разности между евреями и белорусами, впрочем, — как и между евреями и русскими, стоит очередной раз обратить внимание на истину, озвученную Артуром Шопенгауэром:

«Если негры по преимуществу попали в рабство, то это является результатом того, что они по сравнению с другими человеческими расами отстали в интеллектуальном развитии».

То же самое можно сказать и о славянских народах в ту пору. Встретились две цивилизации, где одна умнее другой. Это как в фильмах о прибытии инопланетян. Интеллектуальная разница была огромна, особенно в мудрости самоорганизации нации. Это тот случай, когда большая интеллектуальная разница, при отсутствии миролюбия и при наличии агрессивности, объективно выглядит как хитрость и, соответственно, выливается в несправедливость. А. Шопенгауэр:

«Что касается несправедливости вообще, то она осуществляется либо насилием, либо хитростью: по своему нравственному значению это одно и то же. На пути насилия я достигаю этого с помощью физической причинности; на пути же хитрости — посредством мотиваций, то есть причинности, прошедшей через познание; иначе говоря, я достигаю этого тем, что подставляю воле другого человека обманные мотивы, в силу которых он, думая следовать своей воле, следует моей».

Вернёмся к истории и посмотрим, как на эту трагедию своих славянских братьев отреагировали новые хозяева Белоруссии — русские, российское руководство, новый император Павел.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Защитник белорусов

Как решать «еврейский вопрос» и как решать проблему голода в Белоруссии? Напомню — в 1794 году Екатерина II решилась на выселение евреев в города и обложила их двойным налогом. В городах от этого легче не стало, и христианские общины Ковны, Каменец-Подольска, Киева, Вильны обратились к Павлу с ходатайством о выселении евреев из перечисленных городов. Павел Первый эти ходатайства отклонил. А для выяснения причин белорусской трагедии Павел учредил первый Еврейский комитет и командировал в Белоруссию одного из умнейших людей той эпохи — Гаврилу Романовича Державина (1743–1816 гг.). В этой теме опять воспользуюсь большим исследованием А. Солженицына «Двести лет вместе» и исследованием его оппонента из США С. Резника «Вместе или врозь?».

Державин посетил Белоруссию, детальнейшим образом изучил проблему и написал доклад под названием: «Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта Евреев», в котором утверждал: «приехав в Белоруссию, самолично дознал великий недостаток у поселян в хлебе... самый сильный голод, что питались почти все пареною травою...». Крестьяне «тощи и бледны, как мёртвые», — свидетельствовал Державин. Далее Державин «собрал сведения от благоразумнейших обывателей... относительно образа жизни Жидов, их промыслов, обманов и всех ухищрений и уловок, коими... оголаживают глупых и бедных поселян, и какими средствами можно оборонить от них несмысленную чернь, а им доставить честное и незазорное пропитание...»

Поместья сдавались евреям в аренду на короткие сроки, и те спешили выжать максимум за этот срок с этого места. Поэтому, по свидетельству Державина: «крестьян изнурительными работами и налогами приводят в беднейшее состояние и превращают... в бобыли», «отняты все способы

у поселян быть зажиточными и сытыми», «Там (в корчме) выманивают у них Жиды не токмо хлеб насущный, но и в земле посеянный, хлебопашные орудия, имущество, здоровье и саму жизнь»,

«Жиды ездят по деревням особливо осенью при собрании жатвы. И напоив крестьян со всем их семейством, собирают с них долги свои и похищают последнее нужное их пропитание», «пьяных обсчитывая, обирают с ног до головы, и тем погружают поселян в совершенную бедность и нищету»,

«Всего же более упражняются в деревнях... в раздаче в долги всего нужного крестьянам, с приобретением чрезвычайного росту, и потому, попав крестьянин единожды в их обязанность, не может уже выпутаться из долгу». Державин назвал евреев — «искусные грабители».

Державин предложил ряд мер — «в деревнях и в пустых отдалённых местах отнюдь их (корчмы) не иметь», евреям «продажи вина ни вёдрами, ни чарками производить не дозволять...», рекомендовал запретить помещикам краткосрочную аренду. Державин:

«Нравственный характер евреев в последние века изменился к худшему, и вследствие этого они стали вредными подданными» и Державин взялся «нравственно и политически возродить евреев», «ослабить их фанатизм... истребив в них ненависть к иноверным народам, уничтожить коварные вымыслы к похищению чужого добра».

Державин предложил осуществить меры, которые сделали ли бы евреев более открытыми, светскими, цивилизованными, — открыть для евреев светские школы, запретить новые кредиты крестьянам, переселить евреев в новые области, приобщить к крестьянскому труду и т. д. А если кто-то не захочет перестроиться — «дать тем свободу выйти за границу».

За все эти предложения критики Державина назвали его — «фанатичный юдофоб». Один из них, современный идеолог из США, — Семён (Шимон) Резник, главный оппонент А. Солженицына, комментируя предложения Державина, написал: «излагается радикальная программа перековки «евреев рода строптивого и изуверного», «он считал нужным истребить не евреев, а только «истребить в них ненависть к иноверным народам, уничтожить коварные вымыслы к похищению чужого добра». И С. Резник делает интересный вывод, что программа Державина — «совершенно утопическая и ханжеская». То есть получается, что ненависть к другим народам не искоренить? И никоим образом не уничтожить страсть к чужому добру?..

На помощь Шимону Резнику в борьбе против Державина и Солженицына пришёл «мудрец» из Израиля Яков Рабинович, который написал толстенную книгу «Быть евреем в России: Спасибо Солженицыну (М., 2005 г.), в которой также утверждает, что Державин хотел спасти

белорусский народ и перевоспитать евреев — «истребив в них ненависть к иноверным народам, уничтожить коварные вымыслы к похищению чужого добра».

«Как же совладать с этим злом? — ёрничает по этому поводу Я. Рабинович и врёт-додумывает за Державина: Самое простое — уничтожить его носителей. Но Державин как милосердный христианин был «к врагам христовым» очень даже великодушен».

Старательный Державин не остановился на крестьянской проблеме и, как представитель верховной власти, исследовал отношение евреев к государственным налогам. И тут оказалось, что они сильно «экономят» — не доплачивают налоги, ибо старательно укрывают истинное количество евреев налогоплательщиков: «Без особливого чрезвычайного средства трудно им сделать справедливую перепись: ибо живя по городам, местечкам, дворам господским, деревням и корчмам, беспрестанно почти перебегая друг к другу. Называют себя не туточными жителями, а гостями, из другого уезда и селения пришедшими», «да к тому же все одеты в одинаковое чёрное платье».

К этому случаю у С. Резника есть универсальное оправдание: «... противостояние в дореволюционной России происходило между властью и обществом; евреи участвовали в нём лишь постольку, поскольку сами были частью российского общества».

Толерантный и искренний Державин даже ходил к еврейским кагальным старейшинам, чтобы обсуждать с ними существующие проблемы и пути их решения, а те ему отвечали — «евреи способности и привычки к хлебопашеству не имеют и в законе своём находят к тому препятствие», «сверх нынешних их упражнений, никаких других способов, служащих к их продовольствию, не предвидят, и не имеют в том надобности, а желают остаться на прежнем положении» (С).

Как видим, руководители еврейских общин не видели надобности что-то изменять или зарабатывать на жизнь производственным трудом. Обратите внимание на очень важный момент, — еврейские иерархи ссылались на свои религиозные законы, которые, якобы, запрещали им заниматься производственным трудом и предписывали жить за счёт других.

Интересно — как это объясняют современные еврейские идеологи? Вот что пишет из США в своём «параллельном» исследовании главный оппонент А. Солженицына С. Резник:

«Но главное зло евреев, согласно Державину, состояло в том, что они не заняты производительным трудом, а живут за счёт окружающего православного населения, добывая себе пропитание всякими поборами, обманами и «спаиванием»... Евреи занимались этим промыслом лишь постольку, поскольку помещики этим заниматься не хотели, отдавая его в аренду или на откуп.

Если эти откупа и аренды доставались преимущественно евреям, то не в силу какого-то предпочтения, а потому, что христиане либо не умели, либо чурались этого занятия. Державин, конечно, всё это знал, но, сделав козлами отпущения евреев, тут же на месте с такой горячностью стал искоренять еврейское «спаивание»... Из этого «гениального» анализа-опровержения бесспорно выходит, что крестьян обязательно и необходимо было споить, но.. — возникла проблема: помещики не хотели это делать, а все прочие христиане либо чурались этого, либо, может и хотели кого-либо споить, но не умели это сделать масштабно. Но ситуацию спасли евреи, вернее — вынуждены были, — они и умели, и не чурались и даже хотели... Браво, господин Резник и компания его соавторов, — это вершина научного доказательства и опровержения. Нам повезло с критиками А. Солженицына.

Не менее оригинально действует и далёкий помощник Резника из Израиля Яков Рабинович, этот «однополчанин» Резника пишет в своей книге:

«На самом деле, виноделие и виноторговля находились в руках помещиков, которые имели на это монополию (наряду с государством). Евреи занимались этим промыслом лишь постольку, поскольку помещики сами им заниматься не хотели, отдавая его в аренду им на откуп. И если эти откупа и аренды доставались преимущественно евреям, то не в силу какого-то предпочтения, а потому, что христиане либо не умели, либо чурались этого занятия. Державин, конечно, все это знал, но, сделав козлами отпущения евреев, тут же, на месте, с такой горячностью стал искоренять еврейское «спаивание»...». Как бесспорно видим — кроме первого предложения ловкий Рабинович слово в слово, буква к букве — всё передрал, скопировал из книги С. Резника двухлетней давности, не сославшись на Резника, понимая, что этот «контрольный выстрел» в сознание россиян Резник ему простит. Но всё-таки совестливый Рабинович решил внести свою лепту и расширить свою «доказательную базу»:

«И даже Лесков (писатель) приводит убийственный по наглядности пример: за насколько лет до составления его «Записки» власти проводили эксперимент: евреям было запрещено заниматься шинкарством. И что же? Оказалось, что местные крестьяне вовсе не спешили их заменить. «Беспокойный и грязный шинкарский промысел» крестьян не прельщал. Потребление зелья заметно снизилось...» — делал «открытия», ерничал и «доказывал» свою позицию Я. Рабинович, параллельно доказывая совсем другие истины. Конечно, вспомнить произведение Лескова «Жидовская кувырккалегия» Я. Рабинович «забыл»...

Создаётся такое впечатление, что так устроено сознание-менталитет Рабиновича, Резника и им подобных «бизнесменов», что они даже

не предполагают вариант — что можно жить и не производить самогон, водку и не заниматься шинкарством... Это им непостижимо... Когда они наблюдают эту «ненормальность», то приходят в удивление, в ужас, в сарказм — как это возможно? Что за тупость? — Ведь этим обязательно надо заниматься! Без этого Мир рухнет в Бездну! И только евреи, одни евреи опять спасли Человечество!

Но ещё больше радости вызвало у Рабиновича то, что он обнаружил, что царское правительство, увидев резкое падение денежных поступлений от акцизных сборов с винокурения, всё-таки сняло евреям запрет на винокурения (самогоноварение). Попались! — Следовательно, по логике Рабиновича, главным виновником спаивания крестьян было царское правительство, а не евреи, евреи просто были вынуждены... пополнять царскую казну. На этот раз евреи спасли экономику Российской империи от неминуемого краха! Трёхкратное «Ура!» евреям-спасителям!

Хотя вопросы к российскому правительству и в самом деле возникают — почему при выборе: судьба братских, родных белорусов или пополнение «бюджета», выбор был сделан в пользу последнего?

На самом деле не так всё было просто в этой истории с Державиным; борьба за белорусов, вернее за бюджет еврейского сообщества велась длительная и коварная.

Не прошел мимо этой проблемы и выдающийся мыслитель человечества Ф.М. Достоевский, который в 1873 году писал(«Дневник писателя»): «“Гражданин”(журнал) уже сообщал раз, в особой статье, подробный бюджет теперешнего нашего кабака: возможности нет предположить, чтобы кабаки могли существовать лишь одним вином. Чем же, стало быть, они окупаются? Народным развратом, воровством, укрывательством, ростовщичеством, разбоем, разрушением семейства и стыдом народным — вот чем они окупаются!

Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабак снесли; а в кабак приняли! Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц?

...Вот нам необходим бюджет великой державы, а потому очень, очень нужны деньги; спрашивается: кто же их будет выплачивать через эти пятнадцать лет, если настоящий порядок продолжится? Труд, промышленность? Ибо правильный бюджет окупается лишь трудом и промышленностью. Но какой же образуется труд при таких кабаках? Настоящие, правильные капиталы возникают в стране не иначе как основываясь на всеобщем трудовом благосостоянии ее, иначе могут образоваться лишь капиталы кулаков и жидов. Так и будет, если дело продолжится, если сам народ не опомнится; а интеллигенция не поможет ему.

Если не опомнится, то весь, целиком, в самое малое время очутится в руках у всевозможных жидов, и уж тут никакая община его не спасет: будут лишь общесолидарные нищие, заложившиеся и закабалившиеся всею общиной, а жиды и кулаки будут выплачивать за них бюджет. Явятся мелкие, подленькие, развратнейшие буржуа и бесконечное множество закабаленных им нищих рабов — вот картина! Жидки будут пить народную кровь и питаться развратом и унижением народным, но так как они будут платить бюджет, то, стало быть, их же надо будет поддерживать...».

Исследование Державина насторожило еврейских иерархов, они почувствовали опасность перемен и решили что-либо предпринять, как-то противодействовать. Вместо того, чтобы постараться опровергнуть факты и выводы, обнаруженные Державиным, они решили действовать против самого Державина и постараться его очернить, скомпрометировать. Логика такова — если осквернить сам источник информации, то и всё выходящее из него будет скверным и не достойным доверия.

Интересно, что точно также решили «доказывать» обратное против Солженицына сегодня, в XXI веке — Дейч, Резник, Рабинович и их огромная компания единомышленников.

Тогда, в конце XVIII века евреи не ограничились критикой — они написали жалобу императору и в Сенат на Державина, обвиняющую его в том, что он избил «смертельно палкою» беременную женщину, в результате чего получился выкидыш. Сработало, — Сенат начал расследование, Державин утверждал, что и в глаза никакой женщины не видел. Он не только крайне возмутился, но и серьёзно забеспокоился самим фактом расследования Сенатом, в котором еврейские «лоббисты» могли дать совсем непредсказуемый ход делу.

Вот как комментирует из США Резник и его компания этот момент истории:

«Когда же в Петербурге попытались дать жалобе ход, Державин учинил невероятный скандал, обратился за заступничеством к государю... Конечно, он отрицал, что видел эту женщину, а поступление жалобы объяснил происками евреев, пытавшихся его скомпрометировать и даже планировавших убить, так как почуяли в нём своего врага. Впоследствии он утверждал, что его пытались подкупить...».

Вообще, поражает возмущение и негодование Резника и Рабиновича тем что Державин посмел защищаться от евреев, и бросился искать защиты у самого императора... Как будто это запрещённый прием. Как посмел?

Конечно, всякий подкуп Резник и Рабинович отрицают — не было тогда проблемы коррупции у чиновников и у масонов при Павле Первом;

подкуп и взятки тогда не практиковались... А ведущая еврейская газета в России «Международная Еврейская газета» № 41–42 за ноябрь 2007 г. сообщает об интересном национальном празднике:

«1798 — указом Павла Первого освобождён из Петропавловской крепости Рабби Шнеур-Запман Борухович. Он попал в тюрьму по доносу виленских раввинов, завидующих влиянию и авторитету хасидов в массах. Следствие в Тайной канцелярии шло быстро, так как хасиды собрали на выручку «учителя» 60000 тысяч рублей, подкупили кого надо, и всё закончилось в два месяца оправданием. Рабби стал свободным, и с тех пор 19-й день месяца кислев (ноябрь) является праздником ХАБАДа»

Указание «впоследствии» имеет немаловажное значение, потому что попытка подкупа самого Державина произошла уже при другом императоре. А тогда, при Павле I, Сенат выявил истину и оправдал Державина. У еврейских лидеров осталось мало способов остановить инициированный Державиным процесс. Убийство Державина, без всяких сомнений, только усугубило бы положение евреев, хотя сам Державин, судя по его поэтическим рассуждениям, был готов к такому случаю:

И смерть, как гостью, ожидает,
Крутя, задумавшись усы.

Какие ещё варианты оставались у еврейских лидеров (?) — только попытка остановить процесс подкупом самого Державина, хотя его общеизвестная честность и благородство не оставляли радужных надежд. Ситуация, казалось бы, была безвыходная — на уровне Державина проблему не решить, и Сенат встал на сторону Державина, после чего всё зависело от императора Павла, который и инициировал разбирательство.

Неожиданный, но не новый для российской истории поворот событий помог евреям. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. заговорщики убили Павла I, и, естественны образом, решение еврейской проблемы зависло на неопределённое время... Совершенно верно комментирует Еврейская Энциклопедия: доклад Державина «привёл в то время к меньшим практическим результатам, чем можно было ожидать, так как благодаря перемене царствования, Державин потерял своё значение».

И, «естественно» Еврейский комитет прекратил своё существование. Таким образом, — одну заинтересованную сторону в убийстве российского императора обнаружили, но были и другие, которых мы рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Желающие убить императора Павла

Если отца Павла Первого убили из-за власти, как и многих до него властителей, то Павел Первый погиб, бесспорно, не из-за власти — не по причине того, что кто-то страстно желал захватить власть в России, а по причине своей новой «перестроечной» политики. При этом на этот раз «перестройка» носила во многом редкий — положительный характер. А это вызывает интерес к самой личности Павла Петровича, изучить которую нелегко потому, что как заметил Б. Башилов:

«Разоблачить эту сложную, хитросплетённую систему мифов о Павле Первом несравненно труднее, чем разоблачить мифы о мудрой «императрице-философе» и о «Златом веке Екатерины»».

«Собрав все анекдоты, подумаешь, что все это какая-то пестрая и довольно бессвязная сказка; между тем, в основе правительственной политики (Императора Павла) внешней и внутренней, лежали серьёзные помыслы и начала, заслуживающие наше полное сочувствие», — отметил знаменитый историк Ключевский.

«Павел знал в совершенстве языки: славянский, русский, французский, немецкий, имел некоторые сведения в латинском, был хорошо знаком с историей и математикой» — свидетельствовал в своих мемуарах Саблуков. «В основе его характера лежало величие и благородство — великодушный враг, чудный друг, он умел прощать с величием, а свою вину или несправедливость исправлял с большой искренностью», — свидетельствовала княгиня Ливен. В своих мемуарах великодушие и благородство императора Павла отмечали многие его современники.

«До 42 лет Павел Первый прожил на двусмысленном положении законного наследника престола, без надежд получить когда-нибудь этот престол на законном основании. Сначала на его пути стояла мать,

потом встал сын, которого она хотела сделать императором», — отметил Б. Башилов.

Поэтому можно понять психическое состояние Павла и его отношение к матери Фредерике-Екатерине, которая долгие годы незаконно занимала его место на троне, убив ради власти его отца. Поэтому неудивительно, что его современники отметили такую отрицательную черту Павла, самую опасную для его «имиджа», как раздражительность, которая могла быстро перерастать в яростный гнев. Это позволило его недругам, опираясь на эти случаи, утверждать, что у Павла «с головой не всё в порядке» и далее продвигать эту идею вплоть до полного сумасшествия Павла. Башилов в своём исследовании утверждает, что у Павла эти вспышки раздражительности не были от рождения, а появились вдруг загадочно перед достижением совершеннолетия, и это было результатом попытки его отравления.

«Раздражительность Павла происходила не от природы, а была последствием одной попытки отравить его», — утверждал князь Лобанов-Ростовский. «По мнению историка Шильдера, большого знатока всех событий «Златого века», это покушение можно отнести к 1778 году. Инициаторами отравления были Орловы, мечтающие разделить власть с Екатериной», — писал Башилов.

Взойдя на престол, Павел рассчитался со своими врагами оригинальным благородным способом, — он их не казнил, а, например, заставил убийцу его отца Алексея Орлова во время торжественного переноса праха Петра Третьего идти впереди гроба своей жертвы и нести дрожащими руками царскую корону. Это благородство с его врагами во многом и привело к удачному покушению на него.

Павел уничтожил авантюрный закон Петра Первого1721 года о престолонаследии и ввёл свой, который опирался на клятву Земского собора 1613 года. В результате чего престол опять стал наследовать старший сын императора. При этом Павел сильно уменьшил значение Гвардии, которая участвовала в дворцовых переворотах. Постарался навести порядок в армии, что оказалось немаловажно перед грядущей войной с Наполеоном. Ибо до этого, как свидетельствовал Безбородко — русские высшие офицеры носили шубы с муфточками и передвигались со слугами — со свитой младших офицеров. Более того — накануне вступления Павла на престол в 1795 году — 50 тысяч из всех 400 тысяч солдат были растащены по домам для домашних услуг. Так что строительство современными солдатами дач для генералов — это отнюдь не новое явление.

Павел сурово карал за казнокрадство маминых фаворитов и за мздоимство чиновников, — отправлял воров в отставку и в ссылку. Павел I мешками сжигал напечатанные «от балды» Екатериной «вели-

кой» бумажные деньги, и отдал в казну даже семейное царское серебро; в результате чего — рубль стал укрепляться, а финансовое состояние страны — улучшаться.

Павел Первый поменял внешнюю политику — освободил из тюрем многочисленных польских повстанцев, дал им свободу и объявил во внешней политике отказ от захватнической имперской позиции: «Теперь нет ни малейшей нужды России помышлять о распространении своих границ, поскольку она и без того довольно уже предельно обширна...» (канцлеру Безбородко).

После гибели Павла солдаты ещё долго вспоминали его добрым словом, потому что при его правлении они были всегда накормлены, в новом обмундировании, регулярно их водили в бани, в казармах была образцовая чистота, офицеры не позволяли себе издевательств над солдатами. За плохое обращение с солдатами император Павел лично с офицеров и генералов срывал погоны и отправлял в Сибирь. У определенной части высшего офицерского состава эти действия вызывали неприязнь, тем более что Павел смекалистого и старательного поручика А. А. Аракчеева произвел генералом и сделал ближайшим помощником.

Император Павел Первый сделал значительные шаги к освобождению из рабства российских крестьян: ввёл трёхдневную барщину, разрешил подавать жалобы на помещиков, отменил очередной рекрутский набор крестьян в солдаты; запретил продавать крестьян без земли, запретил помещикам принуждать крестьян работать в праздничные дни, а в рабочую неделю помещик мог использовать крестьян на барщине всего три дня. Понятно, что этими добрыми делами Павел навлек на себя недовольство помещиков.

«Непростые» отношения сложились Павла I с масонами. С воцарением Павла I масоны надеялись, что наконец-то к власти в России пришёл их человек — масон, «масонский царь», ведь он уже много лет состоял в масонской организации. И начало было для них обнадёживающим — новый император освободил многих масонов, вернул в столицу бывших при его матушке в опале по «масонскому делу» Н. Новикова и А. Радищева. Но затем, по мнению масонов, он стал совершать странные поступки.

Приехав для коронации в Москву, Павел через мастера масонской ложи «трех мечей» профессора Маттеи собрал масонов и выступил перед ними с речью, в которой пытался их убедить, — что, учитывая события во Франции, им следовало бы прекратить свою деятельность.

«Мы имеем ряд иностранных свидетельств (все они относятся к 1797 году) о запрещении Павлом I масонских лож в России. Современный исследователь Всеволод Сахаров также однозначно придерживается этого мнения, хотя и называют другую дату запрета масонских лож

Павлом Первым — 1799 год... Можно предположить, что обстоятельство это основательно осложнило отношения Павла I с масонами. Отсюда попытка ряда авторов связать убийство императора 11 марта 1801 года с масонским заговором против него».

Хотя неизвестно, чтобы в законодательном порядке Павел I запрещал масонские организации, ведь 15 января 1800 года А. Ф. Лабзин открыл в Санкт-Петербурге новую масонскую ложу «Умирающий сфинкс». Если только этот «Умирающий сфинкс» был сугубо тайным и название многоговорящим...

Понятно, что российский император не хотел, чтобы в России произошли такие же страшные для монархии события, как во Франции. И для этого он ужесточил черту оседлости, закрыл все частные типографии и запретил всякий ввоз иностранной литературы, дабы не кривились мозги подданных; и даже запретил демонстрировать пристрастие к французской моде — запретил носить башмаки с пряжками, круглые шляпы, жабо, фраки и т. д.

Пытаясь пресечь опасную разлагающую европейскую мораль, Павел в начале 1800 года запретил ввоз в Россию всяких иностранных книг и отправку детей на обучение в Европу. И элита вынуждена была переходить в общении между собой с иностранных языков на свой «дремучий» русский. Павел выдвинул с низов и сделал своим помощником одного из самых образованных людей того времени — Шишкова А. С., который в своём произведении «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» писал: «Какое знание мы можем иметь в природном языке своём, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках французов, прилепляются к их нравам, научая презирать свои обычаи...». Это был уже кардинальный поворот от позиции Петра Первого и Екатерины Второй.

Павел стал наводить порядок в России, особенно в нравственно духовной сфере под флагом знаменитой его фразы: «Для меня не существует ни партий, ни интересов, кроме интересов государства». Именно с такой установкой он уничтожил Жалованную Грамоту Дворянству 1784 года, устранив этим многие «врожденные» привилегии дворян и попытался облегчить жизнь крестьянам. Более того — теперь дворян за нарушения могли подвергать телесным наказаниям — розгами и кнутом. Объявленный Павлом принцип: «Закон один для всех, и все равны перед ним» ударял в первую очередь привилегированных маминых фаворитов. Понятно, что дворяне от этого были не в восторге, и многие стали врагами Павла.

Даже его недоброжелатель профессор М. Зызыкин в своей критической книге к Павлу «Тайны Императора Александра Первого» отметил, говоря о Павле: «Он же проломил в своём почти не реализованном за-

конодательстве глухую стену, разделявшую свободных от несвободных, построенную Екатериной Второй, за что народная память воздала ему вечное почитание в виде свечей у его гробницы, не прекращающихся до революции 1917 года».

В СССР к странностям императора Павла относили его увлечение Мальтийским рыцарским орденом. Б. Башилов в своём исследовании объясняет это увлечение:

«В течение ряда лет русский император лелеял мысль сгруппировать вокруг Мальтийского ордена все духовные и военные силы Европы, без различия национальности и вероисповедания, чтобы подавить движение, которое угрожало не только «престолам и алтарям», но также всему существующему порядку в мире... Умер Павел Первый — умерла вместе с ним и идея создания в России духовного рыцарства, — религиозного ордена, возглавляющего борьбу против масонских орденов, активно боровшихся с религией и монархиями». Этому способствовали и исторические обстоятельства — остров Мальта был захвачен англичанами и Мальтийский орден или — орден госпитальеров был в 1798 году разогнан, и у Павла появился повод воссоздать мальтийский орден и наполнить его новым актуальным содержанием. Свой патриотический масонский орден Павел назвал: Державный Орден Святого Иоанна Иерусалимского.

Создать против волков белого волкодава-оберега Павел не успел. Интересно, что в разгар террористической войны 1901–1906 гг. эта идея опять возникнет с той же целью у издателя Суворина.

Увлечением мальтийцами Павел нажил себе ещё одного врага — иерархов православной церкви, — ведь Мальтийский орден — орден Святого Иоанна, которого Павел был Магистром, был католический, а униатское-союзническое мирное отношение к другой христианской ветви православными иерархами не приветствовалось, хотя Павел ввёл в ордене два приорства: православное и католическое.

Кроме этого, Павел сочувствовал и помогал старообрядцам — когда сгорел их скит в Керженце, то император Павел помог им в восстановлении личными средствами.

С учётом того, что примерно 90% дворян в то время в России были масонами, то даже, имея таких верных и умных помощников как А. С. Шишков (1754–1841) и А. А. Аракчеев (1769–1834), с этой большой шепчущейся масонской массой ему трудно было справиться.

В стремлении пресечь французскую «антимонархическую ересь» Павел послал русские сухопутные войска во главе с А. В. Суворовым и морские во главе с Ф. Ф. Ушаковым на помощь Италии, Австрии и Турции от французских «революционных» войск. Адмирал Ушаков в тяжелом сражении освободил от французов остров Корфу, а затем все Иониче-

ские острова, заселенные греками, после чего пошёл к берегам Италии, где русский морской десант захватил Неаполь и Рим. А русская армия под командованием Суворова совместно с австрийской в 1798 г. разгромила французскую армию в сражении на реке Адде и захватила Милан, Турин и другие города Северной Италии. На следующий год по просьбе Австрийской империи Суворов с армией пошел на помощь австрийской армии в Швейцарию, совершив знаменитый переход через Альпы, и в двух сражениях разбил французскую армию генерала Массена.

Вначале Павел возмущался поведением союзника Австрии — то вели на грани предательства, подставляя русскую армию под самую большую боевую нагрузку, то долгое время на своей и смежной территории не снабжали русскую армию продовольствием, экономили. Русская армия «путешествовала» по Европе вдали от России голодная и измотанная. Затем Павел сообразил, что Австрия и Англия используют русскую армию не столько в пресечении французской ереси, сколько в своих геополитических интересах, пытаясь выжать из неё максимум пользы минимальной ценой, стараются «загребать жар чужими руками».

И Павел вышел из антифранцузской коалиции, тем более, что он внимательно наблюдал за действиями Наполеона и понял, что тот наконец-то решил пресечь весь этот кровавый революционный масонский ужас и кавардак во Франции и навести порядок, и фактически своей диктатурой возвращался к монархии. «Павел Первый внимательно присматривался к происходящим во Франции событиям. А ход этих событий был таков, что Павел понял, что Первый Консул Бонапарт стремится к подавлению революции, уничтожению республики, восстановлению монархии.

Когда Наполеон разогнал Директорию, а затем и Совет Пятисот, Павел сразу понял, что это начало конца французской революции. Дальнейшие события подтвердили правильность этого вывода. Вскоре Наполеон быстро и энергично расправился с якобинцами и разрешил вернуться во Францию 141 тысяче эмигрантов, — утверждал академика Тарле (Б. Б.). — Наполеон сообщил Павлу Первому, что он желает отпустить на родину всех русских пленных, попавших в руки французов после разгрома осенью 1789 года корпуса Корсакова». Это был благородный примирительный жест.

Если Россия меняет кардинально своё отношение к Франции, и оно становится дружеским, то «автоматически» меняются отношения России к Англии, заклятому врагу Франции. И как минимум свои геополитические интересы Англия вынуждена будет отстаивать не кровью русских солдат, а своих и австрийских. Вторично напряжение между Россией и Англией возникли по поводу захвата любимой Павлом Мальты. Долгое время две эскадры — Ушакова и Нельсона кружили вокруг Мальты, «играя в шахматные игры». Когда Павел Первый в ян-

варе 1799 года назначил князя Д. Волконского начальником гарнизона Мальты, то английский посол в Петербурге Ч. Витворт заявил протест, и Павел был вынужден назвать Волконского мягче — командиром русских войск на Мальте. И в апреле 1800 года дал приказание Ушакову взять штурмом Мальту, но англичане его опередили, захватили и назначили своего коменданта. Разъяренный Павел второй раз вышел с антифранцузской коалиции и ответил: указом от 21 ноября 1800 года наложил эмбарго на английские корабли в российских портах, а их было около трёхсот, ссылаясь на нарушение Англией договора от 30 декабря 1798 года о совместных действиях против Мальты.

Наполеон в это время решился на важный стратегический ход против Англии — решил захватить основную сырьевую колонию Англии Индию, у него уже был опыт большого похода в Египет; и пригласил поучаствовать в этой операции Павла в геополитических интересах России. И Павел согласился, и, по согласованию с Наполеоном, издал 12 января 1800 года приказ, по которому атаман Донского казачьего войска генерал Орлов с армией в 23 тысячи солдат и с пушками с севера должен двинуться в «месопотамский поход» в Индию. И Орлов с армией через месяц пошёл в далекий поход.

В «столице мира» Лондоне такого не ожидали, там начался переполох, и правители Англии с ужасом представили, что могут потерять Индию, на которой зарабатывали огромные деньги, и с которой тащили не только чай и золото, но несколько столетий алмазы и изумруды бочками... (это основа даже современного благополучия Англии). Английские «мудрецы» стали срочно решать — что делать? Как остановить русские войска? Как найти управу на Павла?

И ничего лучшего не придумали, как воспользоваться сетевой масонской организацией, и «старшие братья» дали соответствующее указание по иерархии младшим в Россию, убийственный механизм был запущен. Оставалась «техническая сторона» замысла — английскому послу необходимо было найти исполнителей и организовать заговор. Это была нетрудная задача, ибо стоит отметить, что заговор против Павла неспешно готовился его недоброжелателями с самого начала его правления, с самого начала его радикальных реформ. Ведь в отставку был отправлен, оторван от «кормушки» последний любовник 67-летней Фредерики-Екатерины Платон Зубов (1767–1822), который был на 38 лет младше императрицы, что не могло не льстить старой развратнице, поэтому она осыпала любовника шикарными дарами, поместьями с тысячами крестьян, генеральским чином.

В последние годы жизни Екатерины «великой» Платон Зубов умудрился занимать одновременно 13 высших государственных постов, и на всех «завалил работу», только «кормился».

Естественно, руководствуясь здравым умом и интересами государства, Павел отправил в отставку со всех постов пылкого маминого усладителя и отправил почему-то в ссылку не в далекую Сибирь, а за границу — в Европу. По дороге в почётную ссылку Зубов шикарно кутил, а в Риге объявился его друг и единомышленник Пален фон дер Петер-Людвиг (1745–1846), назначенный Екатериной генерал-губернатором Курляндии, который помпезно и торжественно встретил «незаконного» изгнанника. Павел по этому поводу возмутился и в письме Палену написал:

«... с удивлением уведомился обо всех подлостях, вами оказанных в проезде князя Зубова через Ригу...». И Пален был уволен и сослан в своё имение, но затем по причине «кадрового голода» восстановлен на службе. Зубов же кутил в Германии, вел себя неприлично и выражался непристойно, поэтому был возвращен в Россию и жил в своём поместье в Виленской губернии.

Поэтому масоны «стартовали» против Павла Первого не «с нуля», ими уже давно проводилась подготовительная работа по подготовке им угодного наследника-императора, — масон Пален описал как он настраивал сына Александра против Павла:

«Я старался разбудить самолюбие Александра и запугать альтернативой — возможностью получения трона, с одной стороны, и грозящей тюрьмой или даже смертью, с другой. Таким образом мне удалось подорвать у сына благочестивое чувство к отцу...» (Б. Б.).

А теперь, когда «приспичило» и срочно необходимо было убрать с российского трона Павла, эта подготовительная работа пригодилась. Трудно избежать замечания по поводу аналогии и повторов технологии — и сейчас, в 21 веке, в России с различных центральных каналов телевидения различными псевдоисторическими сериалами пытаются подорвать честь и гордость наших дедов и отцов, победивших фашизм, — подорвать благочестие к ним, пытаются презрительными шутками, например, на телеканале ТНТ, вызвать легкомысленное, даже насмешливое и презрительное отношение к нашим великим предкам, и даже пытаются вогнать нам стыд за них, преследуя те же цели власти в России.

При этом над этой задачей очень серьёзно работают в России различные иностранные фонды, иностранные институты, «гуманитарные» программы, лектории и конференции против ксенофобии...

В начале 19-го века «естественно» идейным и финансовым центром организации заговора стал английский посол Ч. Витворт и русские, давшие масонскую клятву верности в английской масонской ложе. Причём Витворту здорово «повезло» — его любовницей была родная сестра опального Платона Зубова — Ольга Зубова, которая со своими родствен-

никами и слугами играла роль «оперативной связи». «Исполнительным директором», «диспетчером» заговора стал «родной» иностранец генерал-губернатор столицы Пален фон дер Петер-Людвиг, который после отставки Ф. Ростопчина фактически возглавлял иностранную коллегию и «по работе» был вынужден часто общаться с Ч. Витвортом.

Идейным вдохновителем изначального «старого» замысла свержения императора Павла в помощь Витворту и Англии исследователи приписывают генерал-майора Н. П. Панина (1770–1837), который был отправлен Павлом послом в Берлин, чтобы наладить сближение с французами, но Панин оказался горячим поклонником своей духовной родины — Англии, и всё делал наоборот. И когда правда вышла наружу, то Панин в ноябре 1800 года был Павлом уволен и отправлен в ссылку в родное поместье в Московскую губернию, и во время заговора там находился.

«Не надо забывать, что поход в Индию начался 27 февраля 1801 года, а через 11 дней после его начала Павел Первый был убит заговорщиками, находившимися в тесной связи с английским правительством. В исторической литературе усиленно доказывается, что поход не удался. На самом же деле поход был прекращён. Александр Первый, взойдя на престол, немедленно послал приказ начальнику отряда, чтобы он вернулся обратно в Россию».

Когда претендент в президенты России А. В. Богданов в начале 2008 года гордо заявлял, что он масон, и приводил положительные примеры русских масонов из истории России и даже их огромной патриотичности он «совершенно забыл» этот важный «подвиг» масонов в истории России.

Понаблюдаем ещё за «технической стороной» заговора. Причем меня интересует не сам акт убийства, который любят мусолить многие исследователи — кто и что сказал оскорбительное, кто первым ударил, чьим шарфом и кто душил, кто навалился; — понятно что это убийство группой заговорщиков — «груповуха» — и это достаточно. Меня интересует другое — организация заговора.

Перед заговором Пален выхлопотал у Павла возвращение в столицу Платона Зубова, который возглавил Кадетский корпус, и который по-прежнему люто ненавидел Павла за сброс с «Олимпа». Активное участие в заговоре принял ещё один «родной» иностранец — рожденный в Ганновере Левин Август Беннигсен, который по национальности, вероятнее всего, был евреем.

Силовое прикрытие заговору по традиции обеспечивали гвардейцы — «славные» петровские «потешные» полки: Преображенский под командованием П. А. Талызина и Семеновский под командованием Л. И. Депрердовича.

Как видим, в заговоре участвовали в основном чужие и «свои» иностранцы, они же масоны, и бывшие мстительные фавориты Екатерины — также масоны, и «петровские» полки. По поводу убийства Павла О. П. Платонов в своём исследовании отметил:

«По масонским каналам к подготовке заговора были привлечены крупные функционеры Великой Ложи Англии и прежде всего английский посол в России Ч. Витворт, а также представители герцога Зюдерманландского и лож шведской системы».

Таким образом, можно сказать, что заговор против императора Павла совершили: Англия и масоны, как инструмент заговора, и екатерининское прошлое России, желающее отомстить и взять реванш; и — заговор явился закономерным следствием процессов, начатых Петром «великим». Павел Первый попытался провести правильную перестройку, попытался радикально исправить ошибки и последствия Петра «великого» и Екатерины «великой», но не хватило сил, прежде всего коллективных, единомышленников, и «ошибки» и «последствия» Петра Первого и Фредерики-Екатерины перебороли Павла Первого, убили его.

Стоит отметить, что фактически заговор был раскрыт, была «утечка информации», и Павел знал о скором покушении, но ничего серьёзного не предпринял для предотвращения заговора. Как мы наблюдали раньше, он был сторонником мягких мер, и даже своих заклятых врагов не казнил, а отправлял в формальные ссылки домой, в родные поместья, а они снова возвращались и окружали его. Кроме этого, близких помощников в тот момент рядом не было — как раз в этот период Фёдор Ростопчин проиграл «дворцовую» войну Палену и был оправлен в отставку; своего любимого Аракчеева, который имел большое влиянием в армии, Павел тоже отправил в ссылку в родное поместье за то, что тот прикрыл родного брата, положил «под сукно» жалобу на него; вроде мелочь — но Павлом был соблюден принцип справедливости «все равны перед законом», и это сыграло по иронии Судьбы зловещую роль в его жизни.

Зная о заговоре, Павел приказал прибыть в столицу своим доверенным генералам — Ф. П. Линдереру и Аракчееву, но «Узнав, что Павел отправил курьера к Аракчееву, Пален задержал его на некоторое время. А когда Аракчеев прибыл в Петербург, его задержали на заставе, сообщив, что Император запретил кому-либо въезд в столицу», — отметил в своём исследовании Б. Башилов.

Заговорщикам необходимо было юридическое обоснование, легитимность заговора, поэтому они старательно пытались приобщить к заговору сына Павла Александра, который должен был быть и гарантом их безопасности после убийства отца, императора. Александр не был конченным морально-нравственным уродом и долго не давал согласие.

Для достижение цели заговорщики-масоны использовали все возможные средства — запустили упорные слухи: что Павел решил не допустить к престолу Александра, и решил назначить наследником трона некоего европейского племянника; что он разлюбил его мать, ненавидит её и собирается постричь в монахини и заточить в монастырь, вспомнили и его любовь — княгиню Гагарину и т. п. — короче говоря: вытащили весь «компромат» и включили бурную фантазию. Кстати, таким же образом будут старательно дискредитировать, очернять образ Николая Второго перед 1917, только на этот раз — перед всем народом, готовя свержение-революцию.

Повторю важное свидетельство в мемуарах Палена: «Я старался разбудить самолюбие Александра и запугать альтернативой — возможностью получения трона, с одной стороны, и грозящей тюрьмой или даже смертью, с другой. Таким образом мне удалось подорвать у сына благочестивое чувство к отцу...» (Б. Б.). В результате с большим трудом, но Александра уговорили участвовать в заговоре против отца.

Узнав, что в заговоре участвует его сын Александр, Павел Первый решил обратиться к совести и сыновнему чувству, и днем 11 марта 1801 года обязал сыновей присягнуть ему в церкви на верность. Сыновья присягнули. Но Александр не отказался от «благословения» заговору, но не хотел брать смертный грех на душу, не хотел допустить убийства отца и потребовал у заговорщиков не убивать отца, сохранить ему жизнь, потребовать только отречься от престола. И убежденные сторонники «общечеловеческих ценностей» поступили оригинально, вернее традиционно:

«Я дал ему слово: я не был настолько лишен смысла, чтобы внутренне взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную, но надо было успокоить щепетильность моего будущего государя... и я обнадежил его намерения, хотя был убежден, что они не исполнятся», — откровенно признавался в своих мемуарах фон дер Пален. Масоны были уверены, что арестовав и запугав Павла Первого, они не добьются от этого «Дон Кихота» отречения от престола даже в пользу своего сына, поэтому они решили убивать. Но они понимали опасность и ответственность убийства императора, поэтому договорились, что объявят, что Павла Первого схватил апоплексический удар и он от этого умер.

Поэтому на теле убитого императора не должно было быть огнестрельных или колотых ран, ибо тело придётся представить в доказательство смерти от болезни офицерам и солдатам, поэтому они пришли к единственно возможному способу убийства — удушению.

По свидетельству М. И. Кутузова, который ужинал вместе с императорской семьёй, Павел Первый, уходя в свои покои после ужина, посмотрел в зеркало и сказал: «Чему быть, тому не миновать».

Когда удушили Павла, то есть — не сдержали обещание Александру, по свидетельству генерала Уварова, Пален вошел в покои Александра, взял за руку сидевшего убитого горем и сильно поникшего мрачного наследника, поднял его, и фактически скомандовал: «Будет ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардии!» Пален спешил успокоить солдат и быстро завершить переход власти к Александру.

У заговорщиков на последнем этапе возникла непредвиденная проблема — они грубо, «грязно» сделали свою смертельную работу, — на шее Павла была ярко видна ссадина от удушения, и его лицо было в ярких синяках и ссадинах, то есть — были явно видны следы насильственной смерти, поэтому срочно ночью был вызван «свой» лейб-медик Вилие, который должен был привести в порядок изуродованное лицо Павла, замаскировать следы насилия. Но Вилие с поставленной задачей не справился, хотя и старался. Тогда убийцы додумались привезти ночью живописца Якова Меттенлейстера, которому поставили задачу закрасить, загримировать лицо убитого. У художника получилось лучше, но не совсем хорошо. Поэтому на следующий день, когда представили в доказательство смерти от апоплексического удара тело Павла публике, солдатам и офицерам, то надвинули треугольную шляпу на лицо Павлу и торопливо прогоняли людей мимо гроба.

После похорон масоны ещё долгие годы прикрывали и оправдывали своё убийство, издеваясь над именем, честью и достоинством императора Павла, всяк его очерняя: называли самодуром, тираном, психически ненормальным, умалишенным, чудаковатым идеалистом, русским Дон Кихотом, рыцарем былых времен. Интересно, что даже в СССР, где в начале 30-х годов Сталин закрыл и разгромил последние масонские организации, партийные идеологи, «ученые» историки и просто учителя любили издеваться, подтрунивать и подшучивать именно только над императором Павлом. Повторюсь:

«Собрав все анекдоты, подумаешь, что все это какая-то пестрая и довольно бессвязная сказка; между тем, в основе правительственной политики (Императора Павла) внешней и внутренней, лежали серьёзные помыслы и начала, заслуживающие наше полное сочувствие», — отметил историк В. О. Ключевский (1841–1911), который сам был масоном Ложи Шотландского устава «Космос».

«Разоблачить эту сложную, хитросплетённую систему мифов о Павле Первом несравненно труднее, чем разоблачить мифы о мудрой «императрице-философе» и о «Златом веке Екатерины»».

Интересно, что даже в наше время самые фантастические выдумки врагов императора Павла повторяют знаменитые телеведущие-идеологи с «честными» глазами, и как на яркое доказательство ненормальности Павла Первого приводят, например, «факт», что однажды на параде

он скомандовал неугодившему ему плохой выправкой полку: «Шагом марш... в Сибирь». На самом деле это не исторический факт, а историческая ложь врагов Павла Первого. Ни один из историков не смог установить дату и название полка, которому Павел Первый якобы отдал такой приказ.

В первый год своего царствования Александр мягко разделался со всеми участниками заговора и убийства своего отца — отправил в отставку и подальше от столицы. Ч. Витворт тут же после выполненного задания уехал в Англию за почестями, а его любовницу О. Зубову-Жеребцову судили за измену; участник заговора и убийства продвинутый масон Н. А. Саблуков получил за участие сразу после убийства генеральское звание, но уехал в «родную» Англию, на «духовную» родину, где был принят торжественно и с почестями и через несколько лет вернулся в Россию для продолжения «работы». Зубов сидел в одиночестве страшным помещиком в своём виленском поместье яко Дракула, фон дер Пален сошёл с ума и, пересыпая с ладони в ладонь драгоценные камни, орал: «Кровь, кровь!». Беннингсен также сошел с ума и выехал на парад в нижнем белье.

Так что для себя, кроме личной сатисфакции и выполненного масонского долга-задания, участники заговора большой выгоды не получили. А мы впервые в истории России увидели действия и роль «пятой колонны». Для России от этого убийства также не было никакой пользы, одни минусы, и к тому же позорное кровавое пятно в истории.

«В 1801 г. заговор под руководством Александра лишает Павла престола и жизни без пользы для России», — прокомментировал современник тех событий Н. М. Муравьёв.

Планируемую выгоду получила Англия и еврейское сообщество в России; повторюсь — совершенно верно комментирует Еврейская Энциклопедия, что опасный для евреев доклад Державина «привёл в то время к меньшим практическим результатам, чем можно было ожидать, так как благодаря перемене царствования, Державин потерял своё значение»; и, «естественно» — Еврейский комитет прекратил своё существование.

За соучастие в убийстве отца совесть мучила Александра до конца жизни, он усердно молился и каялся, и его историю правления и его борьбу с масонами и еврейским сообществом мы рассмотрим в следующей главе.

Все хранившиеся документы со времен правления Павла Первого и связанные с его убийством уничтожил его сын император Николай Первый в 1852 году после открытия им памятника Павлу Первому в Гатчине. Когда во время торжественной церемонии открытия памятника сдернули покрывало, то покрывало упало, а веревка осталась на шее

статуи Павла... Растроганный этим мрачным символичным знаком Николай Первый расплакался и сжег все указанные документы.

Гибель Павла долго была тайной, хотя устные пересказы воспоминаний участников передавались из поколения в поколение. И только в начале 20 века знаменитый издатель А. В. Суворин выпустил сборник документов «Цареубийство 11 марта 1801 года».

Закончу эту главу двумя известными высказываниями Павла I:

«Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое»,

«Я надеюсь, что потомство отнесется ко мне беспристрастно».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Попытка Александра I изменить древний народ

> Царизм почти совершенно запрещал евреям заниматься земледелием.
>
> ***М. А. Лурье (Ю. Ларин)***

Итак, очередным российским императором стал старший сын Павла — Александр Первый (1777–1825 гг.). Александр получил прекрасное образование, знал несколько европейских языков и внимательно наблюдал за правлением бабушки и отца. Александр искренне переживал за судьбу Родины и критически относился к правлению своей любимой бабушки: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон, все части управляются дурно; порядок кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов», — писал Александр в письме Кочубею. Но к радикальной политике «сильной руки» отца также относился критически.

Александр I заявил, что не будет править, как его отец, будет править по примеру своей бабки, и соответственно вернул дворянам их права, отобранные императором Павлом.

Масон Фредерик Сезар де Легарп (1754–1838 гг.) участвовал в воспитании Александра 13 лет и результат этого был соответствующим.

«Воспитанный республиканцем Лагарпом, Александр Первый по своим взглядам наполовину монарх — наполовину республиканец», — отметил Б. Башилов. Легарп, находясь в России, своими публикациями пытался активно участвовать во французских событиях.

Цели масонов видны из письма Александра своему учителю Лагарпу 27 сентября 1797 года:

«Но когда же придёт и мой черед, тогда нужно будет стараться, само собою разумеется, постепенно образовать народное представительство,

которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конкуренцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если бы Проведение благословило нашу работу, удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный...». Масоны были счастливы, не зря старались много лет, и оставалось только водрузить Александра на российском троне. И как мы выше наблюдали — они не стали ждать, когда император Павел умрет естественной смертью. Но обман, коварно не сдержанное слово не убивать отца сильно потрясло Александра и оттолкнуло его от любимых масонов. Состояние молодого императора ёмко описывает его друг польский вельможа Чарторыйский:

«Трудно описать все отчаяние Александра, когда он узнал о смерти своего отца. Отчаяние это продолжалось несколько лет и заставляло опасаться, чтобы от него не пострадало здоровье Александра. Угрызения совести преследовали его, сделались исходным пунктом его позднейшей склонности к мистицизму. Император Александр никогда не мог простить Панину и Палену, что они увлекли его совершить поступок, который он считал несчастьем всей своей жизни. Оба эти лица были навсегда удалены от двора» (С. Платонов «Лекции по русской истории», Петроград, 1915 г.).

От двора были удалены только непосредственные участники заговора, но масоны в России при Александре Первом продолжали процветать. В 1802 году А. А. Жеребцов открыл в Петербурге ложу «Соединенные друзья», а в 1803 году розенкрейцеры открыли тайную ложу «Нептун», которую возглавил сенатор П. И. Голинищев-Кутузов. Почти каждый год открывались всё новые ложи, которые сейчас даже трудно перечислить. Создатель масонской ложи «Умирающий сфинкс» А. Ф. Лабзин с 1804 года стал издавать масонский журнал «Сионский вестник».

В результате вышеописанных событий и специфического воспитания у Александра был сложный характер, сложные взгляды на различные вещи и такая же судьба. Какую же всё-таки политику повёл новый 23-летний российский император?

Александр Первый во многом повторил путь реформ своего отца. Александр объявил амнистию и освободил из тюрем и ссылок более 1000 человек и запретил пытки; восстановил Жалованную грамоту дворянству, отобранную отцом, но нарушил их монопольное право на землю — теперь землю могли покупать купцы, мещане и отпущенные на волю крепостные; армии вернул русскую форму.

Пожалуй, самым прогрессивным был указ Александра Первого от 23 февраля 1803 года «О свободных землепашцах». По этому указу помещики, если захотят — могут освободить своих крестьян, как отдельными семьями, так и целыми селениями. Этот указ фактически предусматривал отмену крепостного права на добровольной основе

и благородном решении господ, хотя, к великому сожалению, эти черты проявились у ничтожно малого количества.

Ещё до издания этого указа Александр I обратил внимание на ситуацию в своих западных землях, на трагедию белорусов, и в конце 1802 г. создал при правительстве новый (второй) Еврейский комитет — «Комитет о благоустроении евреев», который возглавил сенатор Д. О. Баранов. Перед комитетом стояли те же задачи: изучить проблему и дать рекомендации. В него опять входил Державин, который к тому же был ещё и министром юстиции.

А. Солженицын в своем двухтомнике многие острые вопросы-ответы старается тактично обходить или избегать, надеясь, что умный читатель сам завершит анализ и сделает правдивые выводы, и оказывается (!) как раз в этом его обвиняют еврейские критики — «Чем же было вызвано такое упорство евреев, почему, несмотря на представленные льготы, они не спешили заселять этот край. Солженицын не отвечает на этот вопрос и даже не ставит его...» — поймал на «ошибке» радостный Я. Рабинович из Израиля. Ну что ж, чтобы меня не обвиняли в подобной ошибке, — придётся разобраться с этим вопросом- загадкой.

Название комитета Александра I было более чем странное, ибо евреи и так были благоустроены лучше всех. Они составляли в некотором роде элиту, которая принципиально не опускалась до земледельческого труда. А уж кого надо было благоустраивать, вернее, спасать от смерти, так это белорусских крестьян. Организован этот комитет был явно издевательски, ибо в него вошли ярые противники перемен — польские магнаты Адам Чарторыжский и Северин Потоцкий, участник убийства царя Валериан Зубов — все трое владели обширными землями на новом западе России. И в случае выселения евреев с этих земель, по утверждению самого Державина, у них «была бы знатная потеря их доходам».

Кроме того, на этот раз для объективной работы комитета было разрешено приглашать видных деятелей из еврейского сообщества. Несмотря на это, сам факт появления комитета, в который опять входил Державин, вызвал большой переполох в еврейском сообществе, что подчеркнул в своём исследовании еврейский историк Ю. Гессен.

Главы кагалов собрались в 1802 году в Минске для обсуждения этого вопроса и решили направить делегацию ходатаев в столицу для противодействия — «чтобы они (сановники) не делали у нас никаких нововведений». Для этого мероприятия объявили сбор средств, а для успеха мероприятия объявили также трёхдневный жертвенный пост для всех евреев края.

И вот что начало происходить по свидетельству Державина:

«Тут пошли с их стороны, чтоб оставить их по-прежнему, разные происки. Между прочим г. Гурко, белорусский помещик, доставил

перехваченное им от кого-то в Белоруссии письмо, написанное от одного еврея к их поверенному в Петербурге, в котором сказано, что они на Державина, яко на гонителя евреев, по всем кагалам в свете наложили херем или проклятие, что они на подарки по сему делу собрали 1000000 и послали в Петербург, и просят приложить все старания о смене генерал-прокурора Державина, а ежели этого не можно, то хотя покуситься на его жизнь...

Польза же их состояла в том, чтобы не было им воспрещено по корчмам и деревням продавать вино...» (Как видим, водочный бизнес в России и в те времена был очень прибыльным, опасным, и его судьба решалась на самом высоком уровне).

Кроме этого, как утверждает об этой истории ЕЭ, лидер еврейской общины Петербурга Нота Ноткин в 1803 году «представил... в комитет записку, которой пытался парализовать влияние державинского проекта». Но, вероятно, он не был уверен в эффективности этой записки, потому что, по свидетельству Державина, он «пришёл в один день к нему, и под видом доброжелательства, что ему одному, Державину, не перемочь всех его товарищей (по Комитету), которые все на стороне еврейской, — принял бы сто, а ежели мало, то и двести тысяч рублей, чтобы только был с прочими его сочленами согласен». Возмущённый Державин «решился о сем подкупе сказать Государю и подкрепить сию истину Гуркиным письмом».

Но по признанию Державина весь эффект его посещения с этим вопросом императора аннулировал фаворит императора Сперанский, который «совсем был предан Жидам» (Державин).

Как видим, расклад в комитете был таков, что часть его членов, польские земельные магнаты, была кровно не заинтересована менять ситуацию, то есть облегчить участь белорусских крестьян и спасти их от смертельного голода. А другие русские члены Комитета, кроме Державина, будучи далеки от этой проблематики и, в отличие от Державина, не видевшие воочию катастрофического положения крестьянства и, вероятнее всего, получившие взятки, — не пожелали ничего спасительного для белорусского крестьянства сделать. Поэтому неудивительно, что Державин остался в одиночестве и печально констатировал результат работы Еврейского комитета — «при первом собрании Еврейского комитета открылось мнение всех членов, чтоб оставить винную продажу... по-прежнему у Евреев».

Этот случай можно считать первой крупной политической победой еврейского сообщества, его лидеров, над российским правительством. Это была победа еврейской прагматичной мудрости.

Если для одних это было победой, а для других — позором, то для белорусского крестьянства это был смертельный приговор. После

этого закономерно следовало ожидать очередного голода с массовыми смертельными исходами.

Несмотря на выводы Еврейского комитета, в 1804 году император Александр I, вероятно не без стараний Державина, решил перестраховаться, и, желая ограничить распространение евреев по территории Российского государства, издал положение «Об устройстве евреев», которое предусматривало выселение евреев-корчмарей из деревень в трёхлетний срок и запрещало евреям поселяться в столице и городах. То есть Александр Первый усилил черту оседлости для евреев, и кстати, теперь уже и Александра I можно было уверенно назвать антисемитом.

Впрочем, в этом же году император ввёл равноправие евреев в получении образования.

Еврейский комитет, в котором поменялись члены, в декабре 1804 выработал основополагающий документ — «Положение о евреях», в котором разрешалось еврейским купцам, фабрикантам и ремесленникам пересекать черту оседлости «на время по делам», подтверждалась личная свобода, неприкосновенность собственности, и даже разрешалось покупать земли, но без крепостных крестьян, с правом нанимать работников.

Но в этом положении неожиданно оказалось постановление о запрете корчм. Такое впечатление, что евреи решили, что вопрос был решён окончательно, расслабились и не проконтролировали процесс создания «Положения...», в котором звучало радикально: «Никто из евреев... ни в какой деревне и селе не может содержать никаких аренд, шинков, кабаков и постоялых дворов, ни под своим, ни под чужим именем, ни продавать в них вина и даже жить в них». Предписано удалить еврейское население из деревень в течение трёх лет — до 1808 года.

Это решение евреи оценили и оценивают до сих пор почти как фашистское, — российские власти оставили без куска хлеба еврейские семьи... На практике это решение не было выполнено — «... не было осуществлено и решение 1804 года, и многие последующие; однако выселения неоднократно начинались, прекращались, потом снова возобновлялись, и этот кошмар дамокловым мечом висел над головами тысяч семей (еврейских) на протяжении многих поколений», — сетует Семён Резник.

Разве можно сравнить этот «кошмар», с кошмаром голодной смерти белорусских семей...

Еврейский комитет серьёзно рассматривал вопрос выселения евреев из деревень, из сельских районов Белоруссии, чтобы спасти белорусское крестьянство. Но в 1804 году сенатор И. А. Алексеев воспрепятствовал принятию этого решения — доказывая, что это решение экономически невыгодное для России. Белорусы после этого должны проклинать сенатора Алексеева, как своего злейшего врага.

А куда должны были уезжать евреи? В городах размещать всех евреев было нежелательно, во избежание проблем. По этому случаю предлагалась совершенно утопическая мера — склонить евреев к земледельческому труду на пустующих землях Новороссии, Астраханской и Кавказкой губерний. Фактически российское правительство начало осуществлять рекомендации Державина.

Еврейский историк Ю. Гессен назвал это предложение очень точно — «наивный взгляд... на природу экономической жизни народа (еврейского)...». В случае отказа от «предложения» оставалось воспользоваться ещё одним советом Державина — «дать тем свободу выйти за границу». Но в этот момент «заграница» и помешала исполнить задуманное. В Европе начал бузить с армией Наполеон, который по оценке современных еврейских исследователей был антисемитом, ибо с его уст вылетело следующее: «Французское правительство не может равнодушно смотреть на то, как низкая, опустившаяся, способная на всякие преступления нация захватывает в своё исключительное владение обе прекрасные провинции старого Эльзаса. Вред, причиняемый евреями, не происходит от отдельных лиц, но от всего этого народа в целом. Это черви и саранча, опустошающая Францию...»;

«со времён Моисея были ростовщиками и угнетателями. Нужно предупредить легальными мерами самосуд, к которому рано или поздно придётся прибегнуть в отношении к ним. Они рискуют, что в один прекрасный день их перебьют, как это не раз бывало с ними и почти всегда по их вине. Нужно запретить евреям торговлю, вследствие их злоупотреблений, как воспрещают золотых дел мастеру его ремесло, когда он пускает в продажу фальшивое золото» (30 го апреля 1806 г.).

Это Наполеон выражал убеждения относительно благоустройства своей родины — Франции. А в отношении Пруссии, которую он планировал захватить, у него были другие идеи. Хорошо понимая особенности еврейства, знаменитый полководец решил ими воспользоваться и учредил в Париже «Собрание Евреев». Этим он задумал обратить на свою сторону евреев различных стран, что по замыслу должно было облегчить ему реализацию его агрессивных планов. В 1806 году Наполеон захватил Пруссию и уравнял в ней евреев в гражданских правах. После чего Наполеон смело брал их в свою армию, и они охотно в неё шли.

У евреев и теперь двойственное отношение к ловкому Наполеону — антисемит, но давший евреям равноправие в Европе, то есть, в какой-то мере, — уважаемый антисемит.

В этой ситуации Александр Первый решил поступить осторожно — в 1806 году перед новым Комитетом поставил задачу и намекнул на ответ: «не нужно ли принять каких-нибудь особенных мер и отсрочить переселение Евреев».

Ситуация в Европе продолжала усложняться, и 29 декабря 1808 года царь своим указом распорядился оставить евреев в покое «до дальнейшего впредь повеления». С этого же года перестали брать с евреев двойной «екатерининский» налог.

В этот период 1806–1808 гг. случилось весьма неожиданное — заработал план переселения евреев. Вдруг евреев заинтересовало переселение. Беднейшая часть евреев стала массами подавать заявления на освоение земель в Новороссии. Они получали государственную ссуду, скот, ежедневные кормовые и выезжали в Херсонскую губернию, где для них за государственный счёт строились дома.

Изумлённое и обрадованное такой перемене, правительство, по утверждению Никитина, — «не скупилось ни на деньги, ни на разумные распоряжения, ни на симпатии к переселенцам».

Что из этого получилось, о том свидетельствуют доклады государственных инспекторов, — распашку земли евреи «производят большей частью наймом русских», а когда пытаются неумело что-то сделать сами, то приходиться «исправлять недостатки наёмными рабочими».

Многие переселенцы «отнюдь не ожидали, что их самих будут принуждать непременно заниматься сельскими работами». Возможно поэтому многие из них, получив ссуды и скот «то появляются в колониях, то исчезают без спроса и бесследно», другие ещё проще: «Режут скот на пищу, а после жалуются на неимение скота».

Эйфория государственных чиновников от переселенческого бума евреев скоро прошла, ибо переселенцы постоянно «всё надеются на вспоможение казны». Похоже, цели переселения у сторон были совсем разные. «Расходы казны на поселенцев требовались вдвое и втрое намеченных», — замечает А. Солженицын.

Несмотря на войну с Наполеоном и одновременно с Турцией и Швецией, Александр внимательно наблюдал за ситуацией в стране и в 1809 году организовал очередной Комитет по еврейскому вопросу под руководством сенатора Попова. Как утверждает в своей книге «Популярная история евреев» (2000 г.) современный еврейский исследователь, живущий в Англии, Пол Джонсон (он же являлся советником премьера Англии — Тони Блэра, а до этого был советником Маргарет Тетчэр) — чередой нескольких царских указов черта оседлости для евреев окончательно была оформлена к 1812 году.

Последние предвоенные указы императора Александра Первого были весьма примечательны, в них были приняты оригинальные решения — зная из доклада Баранова о случившей трагедии в Белоруссии, император решил запретить евреям жить в деревнях, и даже туда заезжать по своим делам. Евреи должны были жить в своих местечках районного

и областного масштаба. При этом император Александр запретил евреям спаивать крестьян, запретил им торговать спиртным.

Вот как это комментирует Пол Джонсон:

«Больше всего вреда причинило евреям положение, согласно которому евреям нельзя было жить или работать в деревнях, а также продавать крестьянам спиртное». Вероятно как компенсацию за белорусов в 1812 г. лидер еврейской общины Зундель Зонненберг просил царя: «чтобы евреям были дозволены всякая торговля, откуп и курение вина во всей России» (С).

То ли советники у императора были не совсем умные, или он сам поленился думать, но явно было, что принятые меры были недостаточны для устранения трагедии и её избегания в будущем. Потому что возникал ряд логичных вопросов. Кому крестьянам сдавать хлеб? Как миновать города, заселённые евреями, которые являлись центрами торговли? Как этот хлеб вообще куда-то вывезти из деревни при существующей еврейской монополии на транспортировку?

А чудовищные долги крестьян перед еврейскими торговцами? Их никто не отменял, а они, накопленные еврейской мудростью, обеспечивали крестьянским семьям беспросветную кабалу на несколько поколений. К тому же очень сомнительно, что принятые указы на местах соблюдались, ибо невозможно поверить, что в те времена российские чиновники не брали взяток, достаточно почитать об этом у Салтыкова-Щедрина.

В этот момент, перед войной 1812 года, стоит глянуть на советников Александра Первого. Первым и самым знаменитым был, бесспорно, М. М. Сперанский (1772–1839).

ГЛАВА ПЯТАЯ

Замысел заговора Сперанским

Он шьет нам кафтан по чужой мерке,
новая форма его законов чужда русским.
Карамзин о Сперанском

М. М. Сперанский был сыном священника, соответственно учился в духовной семинарии, женился на англичанке Элизе Стивенс, совершил головокружительную карьеру на государственной службе и вписал своё имя в историю российского масонства. Сам император Павел в декабре 1800 года наградил Сперанского орденом и званием «почетного кавалера Державного Ордена Святого Иоанна Иерусалимского». С 1803 года по 1807 Сперанский работал директором департамента внутренних дел, а с 1807 года статс-секретарем императора Александра Первого.

С самого начала своего правления Александр окружил себя своими друзьями молодости, которые были его помощниками-советниками, этот кружок советников называли «Негласным комитетом», но к концу 1804 года Сперанский фактически вытеснил, переиграл этот совет и стал единственным доверенным советником — дворцовым мудрецом, монопольным советником, влияющим на ум и сознание российского императора.

И в этом своём исключительным положении Сперанский стал «душой» Комиссии по составлению законов и при этом умудрялся совмещать роль руководителя собственной масонской ложи «Полярная звезда» и разрабатывать в масонской теории-религии свою «сиентифическую» (научную) концепцию.

Поскольку М. М. Сперанский курировал по-прежнему «духовные дела» в России, то решил помочь кадрами Духовной академии в Петербурге и в 1807 году пригласил из Европы одного из самых выдающихся

теоретиков и практиков масонства — еврея Аврелия Фесслера (1756-1839 гг.) для преподавания древнееврейского языка, знание которого «срочно» понадобилось Академии. Естественно, Сперанский ввёл Фесслера в свою масонскую ложу, а вскоре этот иностранец стараниями Сперанского был назначен членом Комиссии по составлению законов, и стал верным помощником Сперанского.

Стоит отметить, что Сперанский придавал специфическое фундаментальное значение законодательной деятельности — он считал, что создает в России Конституцию.

В связи с М. М. Сперанским хочу отметить один яркий «загадочный» феномен — о нем написано очень много книг, научных работ — более двухсот, из них почти все, кроме 2 работ, относятся к Сперанскому очень положительно, их авторы говорят о Сперанском: знаменитый реформатор, талантливый государственный деятель, гений, самородок, выдающийся философ и т. п.

И только примерно 1% исследователей, повторяя некоторые из перечисленных лестных эпитетов и признавая выдающиеся умственные способности Сперанского, подчеркивали, что Сперанский очень коварный и опасный для России деятель, иллюминат. В данной главе не буду рассматривать все идеи реформ Сперанского, а покажу только одну линию, самую интересную. При этом буду опираться, в основном, на представленное в интернете исследование бесспорных трёх поклонников «талантов» Сперанского — Д. И. Луковской, С. С. Гречишкина и В. И. Морозова (далее сокращение Л-Г-М).

Самую бурную деятельность Сперанский развил в период 1810–1812 гг., когда Наполеон уже готовился напасть на Россию. При этом все исследователи-обожатели Сперанского признают тот факт, что Сперанский был не только выдающимся высокопоставленным масоном, но он был франкофилом в том понимании, что он был по своим убеждениям республиканцем, поклонником французской революции, а Наполеон был для него кумиром.

При этом подчеркну статус Тайного советника государя Сперанского в России перед опасной войной: «Без преувеличения можно сказать, что в 1810–1811 годах величайшей империей управлял Сперанский», — восторженно отметили Л-Г-М. Впрочем, это он делал с 1805 года, но только после 1810 года вдруг встревожились окружающие, стали бить в набат — писать письма и доносы на Сперанского. Почему встревожились? — Во-первых, в столичных придворных кругах вдруг стали наблюдать, что любимец императора стал постоянно злословить на императора, насмехаться, ёрничать и издеваться, и то же самое стали делать его «братья» по разуму из его ложи: Вильде, Цейер, Магницкий и прочие.

Этот «грешок», «легкомысленное поведение» Сперанского отмечают все его многочисленные восторженные обожатели и теперь в 21 веке, например: «Сперанский — язвительный острослов вольтерьянского закала — был крайне неосторожен в высказываниях подобного рода. Например, в перлюстрированном полицией письме на французском языке он позволил себе дорого обошедшуюся (ставшую крылатой) шутку: «Наш Вобан — наш Воблан», — отметили Л-Г-М. Хотя каждый исследователь истории мало-мальски изучивший личность Сперанского и все поклонники Сперанского прекрасно понимают, что словосочетание «легкомысленное поведение» или «неосторожен» никак не подходит к осторожному мудрому «шахматисту» «высокой степени», и звучит как полнейший абсурд.

Ещё более смешно выглядит попытка выкрутиться из неприятной ситуации и даже умудриться обвинить кого-то другого — Л-Г-М: «Балашов (министр полиции А. Д. Балашов. — Р.К.) подстрекал Сперанского к нелицеприятным высказываниям о государе, которые уязвляли болезненное самолюбие Монарха, которые незамедлительно передавал царю». Но Александр Первый упорно не хотел слышать ничего против своего любимого «гуру» Сперанского, ничему не верил.

Мудрый Сперанский ловко защищался, страховался и талантливо лавировал перед императором:

«Меня укоряют, что я стараюсь все дела привлечь в одни руки. Вашему Величеству известно, сколь укоризна сия в существе её несправедлива, но во внешнем виде она имеет все вероятности», — писал Сперанский в письме императору и делал «ход конем» — предложил государю снять с него немного нагрузку, освободить от «финляндских дел», но оставить по-прежнему главой «Комиссии по составлению законов», тогда — «Они почтут меня ниспровергнутым, я буду смеяться их победе, а Ваше Величество раз навсегда освободите себя от скучных предположений».

Читая письма Сперанского императору, трудно отделаться от впечатления, что сам Карнеги учился искусству общения, психологии у Сперанского.

В 1810 году по идее Сперанского и после его большой кропотливой работы был создан в помощь императору по управлению страной Государственный совет, состоящий из 35 человек. Вернее сказать — Сперанский уговорил, убедил императора создать этот «помогающий думать» орган. А в следующем — 1811 году Сперанский положил перед Александром Первым свою научную записку под названием «О силе правительства», в которой есть такие строки:

«Должно различать силу Правительства от силы Государства. Сколько бы Государство в самом себе ни было сильно, но в настоящем поло-

жении Европы без силы Правительства оно двигаться сильно и долго сохранять себя не может. Первый источник силы Правительства суть законы».

Зачем этим пропитывал Сперанский императора? Чего этим хотел достичь? Сперанский со своими единомышленниками был главным законотворцем в России и готовил императора к мысли о необходимости перераспределения властных полномочий между самодержавием и правительством в пользу последнего, увеличив власть правительства. Как мы помним из предыдущей главы, масоны в лице швейцарца-учителя Лагарпа убедили Александра в отречении от монархии в пользу республиканской формы правления и он их заверил: «когда же придёт и мой черед, тогда нужно будет стараться, само собою разумеется, постепенно образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конкуренцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если бы Провидение благословило нашу работу, удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный...»; но после его обмана и убийства отца — Павла Первого Александр далеко удалил от себя опасных масонов-заговорщиков и «откатился» назад на позиции абсолютной просвещенческой монархии. И теперь масоны в лице Сперанского и его единомышленников окружили Александра Первого и опять упорно «гнули свою линию», добивались принципиальной важной стратегической цели — ликвидации монархии и введения республиканской формы правления.

Сперанский уже давно разрабатывал идею народного представительства во власти и в 1805 году предоставил императору проект, по которому предлагал создать иерархию дум: волостная, уездная или окружная губернская и высшая — Государственная дума, эдакий лифт-конвейер продвижения законодательной инициативы. Фактически Сперанский предлагал Александру перейти самому от абсолютной монархии к конституционной. При этом проект Конституции Сперанский сам давно разрабатывал, и хотя был готовый образец французской конституции, которую привез с собой из Парижа от масонской братии в 1804 году масон-единомышленник и близкий друг Сперанского М.Л. Магницкий. Но Александр I не рискнул пойти на этот радикальный эксперимент, и проект отложил.

И именно после того, как Александр Первый отбросил этот фундаментальный проект Сперанского, Сперанский перешел к другой тактике, к «непонятным» спешным маневрам и к некрасивой безосновательной критике императора. Фактически Сперанский запустил уже проверенную на опыте во Франции «стандартную» масонскую технологию-программу свержения монарха, и «странная» тотальная критика императора — это первый этап обработки «масс», окружающих по дискредитации

власти, очернение монарха, его унижение, «стеб» над ним, — вызов к нему отрицательных эмоций: презрения, неуважения, уничижения и т. п. — уничтожающих легитимность, поддержку окружающих, народа, и оправдывающих, облегчающих его свержение.

Теперь мудрец старался уговорить императора перераспределить властные полномочия в пользу правительства. Вероятнее всего, по поводу «научной» записки Сперанского Александр Первый с кем-то из окружающих советовался, ибо она стала гласной и предметом обсуждения. Несмотря на тотальное масонское окружение, идею Сперанского многие не поддержали, и первый против Сперанского пошел в атаку единственный титульный российский историограф Н. М. Карамзин, причем не стал полемизировать и спорить со Сперанским, а резко и дерзко атаковал самого императора, чтобы он не вздумал принять опасные и ошибочные предложения Сперанского:

«Можешь всё, но не можешь законно ограничить её (самодержавную власть. — Р.К.)... Требуем более мудрости хранительной нежели творческой», — писал Карамзин государю в своей «Записке о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях».

Дело в том, что в это время не один Сперанский был мудрецом, самым умным, но и Карамзин к этому моменту уже во многом хорошо разбирался и прекрасно понимал, к чему клонит Сперанский. Ведь не зря Н. М. Карамзин (1766–1826 гг.) объехал Европу, беседовал с И. Кантом и другими выдающимися умами, и главное — во время ужасной кровавой «великой» французской революции был в Париже, и непосредственно наблюдал, какой кошмар там творился... и он не хотел повторения этого в родной России. И очередной «гениальный» проект реформы Сперанского был отложен.

А в это время Наполеон уже заканчивал подготовку к походу на Россию, его войска уже концентрировались в Померании и на левом берегу Немана в устрашающих количествах. Уже все осведомленные люди понимали, что нападение «союзника» по Тильзитскому договору 1807 года неизбежно. И Сперанский в этой ситуации делает очередной «гениальный» «странный» ход, — утверждая, что война между Россией и Францией вот-вот начнется, и, ссылаясь на то, что Наполеон бесспорно гениален в военном деле и Александр Первый опять опозорится, как в сражении под Аустерлицем в 1805, когда огромная русско-австрийская армия была разгромлена Наполеоном и Александр чудом избежал плена, Сперанский предлагает срочно созвать Государственную думу и поручить ей вести войну против Наполеона...

Ещё можно понять, когда создается Государственная дума как законодательный орган или представительный совещательный, но быть военным штабом... — такого в истории ещё не было...

Ни один здравомыслящий человек этого представить даже не может, это за гранью здравого смыла, абсурд. Или Сперанский хотел собрать Государственную думу, чтобы она решила — воевать с Наполеоном или не тратить зря людские жизни и сдаться на милость талантливого европейского гегемона... Интересно и странно, что ни один из нескольких сотен исследователей истории — восторженных почитателей таланта Сперанского, не пытается даже анализировать эти «странности», не пытаются задать себе эти вопросы и попробовать дать ответ...

А «ларчик» просто открывается — Сперанский, уставший от бесполезных маневров, отчаявшись, решил пойти на лобовую авантюру по прямой аналогии с французскими событиями и помочь своему любимому кумиру Наполеону; ведь аналог Государственной думы во Франции назывался: Генеральные Штаты, а как мы хорошо помним ещё из уроков истории в школе, когда король Франции в 1791 году созвал Генеральные Штаты для решения кризисной ситуации, то «неожиданно» под воздействием масонов эти Генеральные Штаты объявили себя Национальным собранием — альтернативным монархии центром власти, начался перехват власти, началась «великая» Французская революция. Национальное собрание резко противопоставило себя королю, воззвало народ к оружию, и этот вооружённый народ уже 14 июня взял штурмом Бастилию.

К счастью, в то время в России не один Карамзин был умным, в элите хватало людей со здравым рассудком, которые прекрасно понимали к чему ведет предводитель масонской ложи «Полярная звезда» Сперанский. И как отмечают переживающие за Сперанского его горячие поклонники — на него Александру Первому «рекой потекли устные и письменные доносы».

«Недруги Сперанского всячески старались очернить его в глазах государя, выставить его врагом государства, предателем интересов и национальной безопасности России. Заговор против Сперанского зрел и ширился — пишут в своём исследовании вышеназванных три автора: Л-Г-М.

Далее эти три современных исследователя истории просто сами загоняют себя в постыдный тупик:

«Некоторые авторы явно демонизируют масонство Сперанского, утверждая, что все его преобразования были инспирированы зарубежными масонскими кругами...

Доносы содержали и элементы правды, например, статс-секретарь (Сперанский. — Р.К.) без ведома и дозволения Государя знакомился с секретными дипломатическими и военными документами, друзья работавшие в министерстве иностранных дел и других структурах, просто привозили бумаги ему в домашний кабинет».

Ладно, был бы какой-то один идиот или тупица, но группа авторов — три исследователя дружно пытаются объяснить нарушение закона и шпионаж: «просто привозили бумаги в домашний кабинет»... Это кем надо быть в наше время, чтобы так упорно и отчаянно лживо «прикрывать», спасать достоинство своего кумира?

А тогда в высших слоях столичного общества все знали не только о франкофилии Сперанского, но что он часто встречается с французским послом Коленкуром, что они давно являются близкими друзьями, и понятно, куда стекается секретная информация, вернее — понятно куда утекает...

Шум вокруг Сперанского и Александра Первого поднялся невероятный — «доносами» на Сперанского просто завалили, но российский император упорно не хотел верить в измену ближайшего советника, «друга», доверенного «мудреца», не хотел ничего видеть, терпел и не принимал против Сперанского никаких репрессивных мер. И «количество перешло в отчаянное качество» — один из самых образованных людей России того времени Ростопчин Фёдор Васильевич (1763–1826 гг.), который учился в Лейпцигском университете, много путешествовал не только по Германии, но и по Голландии, Англии, Турции, под командованием Суворова участвовал в штурме Очакова, получил от Павла Первого генеральский чин, занимал пост министра иностранных дел в первые годы правления Александра I, и по свидетельству его современников был воспитан в высочайшей степени, тактичен, обладал тонким слогом, очень обаятельный и приятный в общении, почтительный даже к врагам, «чрезмерно учтив» — не выдержал и в резкой, дерзкой форме фактически предъявил императору Александру Первому ультиматум (отрывок письма Ростопчина Александру I):

«Осыпанный милостьми Вашего Императорского Величества... секретарь Сперанский и Магницкий есть первые лица, которые, обольстив и склонив к себе неистовых мошенников: Яблонский... (идет перечень), продают вас с сообщниками своими мнимому вашему союзнику, который успел в желании своём, и чрез посредство удаления войска Вами из всей Финляндии и даже самого Петербурга в известный вам Край, через то открыл себе самый благодетельный и свободный путь к Петербургу. Уже разбойничья его шайка собрана в Стральзунде... и Померании из 120 тысяч, ожидает ежеминутно повеления двинуться на пагубу нашего Отечества...

Я знаю всё подробно, даже где хранится переписка Наполеона с обнаженными злоумышленниками...

Не он ли (Сперанский. — Р.К.) Ваше Величество был орудием в прошедшее время, когда Ваше Величество при Тильзите быв обманутым, заключили мир и мир для России самый невыгодный, бремя коего и тя-

жесть вы уже испытали, от которого финансы Ваши опустели и способы поправления исчезли... Итак, Ваше Величество, наступило время занятое поправлением Монархии и критического её положения избрать нужных людей к сему важному делу, сие есть искусство...

Письмо сие есть последнее, и если останется недействительным, тогда сыны Отечества необходимостью себе поставят двинуться в Столицу и наступательно требовать как открытие сего злодейства, так и перемены правления. Граф Ростопчин и Москвитяне».

Согласитесь — не часто можно встретить в такой форме требование сместить второго человека в государстве, «визиря», «русского Ришелье».

Мудрый Сперанский под предлогом защиты России на её западных рубежах убедил стянуть войска из Прибалтики и столицы в Польшу, и на входе дать сражение Наполеону. Наполеон мог разгромить русскую армию и в Польше, и двигаться свободно на Петербург и Москву(!), тем более, что в Польше для русской армии была ловушка: во-первых, была уже договорённость Наполеона с польской элитой, по которой Наполеон гарантировал полякам возвращение суверенитета и воссоздание свободной Польши, а поляки, понятно, ради этой святой для них цели были готовы сражаться в рядах наполеоновских войск неистово, и было совершенно понятно, что польские войска, в том числе и в составе русской армии, обязательно перейдут на сторону Наполеона, притом, возможно, в самый неподходящий, критический момент.

Во-вторых, сама по себе Польша в случае военных действий на её территории была большой ловушкой, потому что было совершенно понятно, что как только начнутся боевые действия, то начнется тотальное восстание поляков за независимость — и польская земля будет гореть под ногами русской армии, а с каждого куста будут палить партизаны.

И в-третьих, Наполеон мог начать отвлекающие сражения в Польше, где русская армия увязла бы, неся огромные потери по перечисленным выше причинам, а сам высадиться в Прибалтике и прямым ходом идти по свободной от войск территории к двум российским столицам — это как раз и пытался объяснит в своём категоричном письме императору Ростопчин, тем более, что Наполеон и в самом деле стал строить в Померании в спешном порядке суда для переброски своих войск на прибалтийское побережье, минуя Польшу.

Таким образом второй человек в Российской империи, находясь в столице рядом с императором, помогал как мог своему кумиру Наполеону и своей любимой Французской республике...

Но и это ещё не все «гениальные» реформы «гениального» реформатора. Сперанский предложил Александру Первому в связи с войной резко увеличить налоги с населения и ввести новые, и появившиеся

дополнительные средства переправить в Польшу для усиления польской армии, и, возможно, чтобы она не перешла на сторону французов. Мало того, что по вышеуказанной причине собранные огромные деньги просто пропали бы и более того — достались бы врагу, но главное — резко увеличенный налоговый гнет вызвал бы сильное недовольство народа и создал бы революционные настроения и революционную ситуацию... — что и требовалось по технологическому замыслу, и благодарный народ с ликованием встречал бы освободителя Наполеона, как встречали его евреи в захваченной Наполеоном Пруссии...

Вот это Александр Первый смог понять отчетливо и, отвергая очередной раз предложение Сперанского, ответил: «... ежели ещё сие выпустить (увеличение налогов. — Р.К.), то неминуемо должно ожидать народного противу себе озлобления».

Теперь, вероятно, плюс к резким и даже неуважительным возмущенным протестам Карамзина, Ростопчина и многих других патриотов Отечества российский император сам стал смутно о чём-то неприятном и даже страшном догадываться.

«Увы, Александр I дрогнул и для сохранения спокойствия общества решил принести в жертву своего верного сподвижника, которого враги в довершении ко всему беспочвенно обвинили во взяточничестве (мол, только в Петербурге у него 11 домов и т. д.)», — сокрушаются современные поклонники «гения» Сперанского Л-Г-М, по мнению которых, как мы видим, российский император оказался слабовольным, коварно предал верного друга и цинично принес его в жертву разбушевавшемуся обществу негодяев...

Как видим, судьба знаменитой Отечественной войны и России во многом определялась ещё до начала военных действий — в идеологическом противостоянии патриотов России и масонов.

Но не сразу «сказка» про Сперанского сказывалась... Российский император ничего пока репрессивного против Сперанского не предпринял, а только учредил тайный следственный комитет для исследования деятельности Сперанского и вообще масонов, о чём Сперанский, благодаря своим «братским» связям, скоро узнал, что видно из его письма масону А. Н. Оленину 11 сентября 1821 года, (как раз после законодательного запрещения существования масонских организаций в России Александром Первым 21 августа 1821 года): «В 1810 или в1811 году повелено было дела масонские подвергнуть рассмотрению особого секретного комитета».

Следственный комитет вдруг выяснил, что Сперанский вместе со своими единомышленниками с октября 1811 года готовился уже к приходу Наполеона и серьёзно прорабатывал проект управления Россией без монарха или «помимо монарха», а только с помощью Государст-

венного совета, Сената и Министерств, а во главе этого исполнительного аппарата был создан идейный мозговой центр — «Безгласный комитет», в который кроме «гениального» Сперанского входили иностранцы: барон Амфельд, Яков Де-Санглер, и для страховки, усиления и прикрытия пытались приобщить к нему главного полицмейстера А. Д. Балашова.

Когда в результате следствия многое «странное» и удивительное открылось, то тогда и сейчас фанатичные поклонники Сперанского, вернее — идеологические, как и в 1901–1906 годах, валили и валят всё на Балашова, на козни и провокации «охранки». Хотя, вероятнее всего, Балашов сам играл на «два фронта», страховался на «всякий случай» на будущее, если проект Сперанского сработает или если придет новая власть в лице всемогущего Наполеона. А когда началось следствие и «запахло жаренным», то Балашов объяснил, что вошел в «Безгласый комитет», чтобы лучше выяснить происки врагов, и наконец-то выяснил как раз — когда началось следствие, и только теперь доложил.

Но и в этом случае опять никаких репрессивных мер против Сперанского Александр Первый не предпринимал, и Сперанский оставался вторым человеком в Российской империи, при исполнении...

Но для окончательной развязки этого опасного детектива помог Александру первому и патриотам возмутительнейший случай.

Горячие поклонники Сперанского Л-Г-М пишут о нем: «Удивляет чувство собственного достоинства...» и т. п. Да Сперанский был величественен и вел себя как император, в отсутствие настоящего императора, возможно, он в прошлой жизни был императором, это помнил и ревновал к трону, и считал себя более достойным. Это, конечно, шутка... Но к высказанному поклонниками эпитету я добавил бы ещё несколько лестных: «неисправимый шахматист», который уверен, что он самый умный и неуловимый, наглый и самоуверенный «Штирлиц» и т.п, ибо об этом отчетливо говорит следующий финальный случай в деятельности Сперанского.

У Сперанского был давний идейный и духовный близкий друг М. Л. Магницкий (1778–1844 гг.), который в начале правления Александра Первого работал в Иностранной коллегии и по делам службы с 1801 по 1803 гг. пребывал, работал во Франции в Париже, откуда вернулся уже полностью пропитанный масонской идеологией и республиканскими идеями, с большим желанием выстроить Россию по новому французскому образцу, и даже его французские «братья по разуму» снабдили его в обратный путь в Россию проектом конституции и запиской-инструкцией «о легком способе ввести её». Своих взглядов Магницкий даже не скрывал, занимался почти открыто пропагандой своих взглядов и идей и носил при себе вызывающе масонскую якобинскую символическую дубинку с серебряной бляхой, на которой была надпись на французском языке: «права человека».

На этом основании можно сказать, что Магницкий был первым идейным «правозащитником» в России, уже тогда «качал права» и защищал «общечеловеческие ценности».

В это время, в условиях начала войны с Наполеоном, наш умный, ловкий и отважный разведчик-шпион граф А. И. Чернышев выкрал у военного министра Франции важные секретные документы по подготовке войны против России и переправил в Россию. По уже сложившейся традиции «братья по разуму» вопреки всем строгим инструкциям принесли и положили эти важные документы с указанием героя на стол Сперанскому. «Якобы» Магницкий, шатаясь без дела в кабинете второго лица Российской империи, в отсутствие хозяина кабинета обнаружил эти документы, прочитал, и, не понимая, что они сверхсекретные, пошел рассказывать о прочитанном и источнике по столице и, конечно, в первую очередь дипломатическому корпусу, и, конечно же, в первую очередь старому закадычному другу послу Франции...

Понятно, что без ведома Сперанского и без его режиссуры не могла произойти эта утечка информации «на дурачка», это было похоже на войну разведок, и это точно была измена Родине, предательство, и теперь уже на это Александр Первый не мог «закрыть глаза», «не заметить», «не поверить», «прикрыть» друга и т. п. Магницкого тут же арестовали и вместо расстрела, виселицы или каторги отправили в мягкую гуманную ссылку в Вологду, после которой Магницкий ещё «наломает немало дров» в России, после масонства у него произойдёт озарение, он станет истовым православным верующим, переметнется в противоположную сторону, станет горячим активистом Библейского общества и получит кличку «мракобеса» и разрушителя Казанского университета.

Одновременно император со слезами на глазах и с огромной горечью от предательства друга, долголетнего «верного» советника, отправил Сперанского в отставку и в ссылку.

После объявления отставки Сперанский сразу от императора поехал на квартиру к Магницкому, но она была уже опечатана, сообщника уже вывезли и Сперанского ждали прозорливые полицейские.

«Братья по разуму» из полиции и жандармерии дали Сперанскому неспешно собраться в дорогу и сжечь много таинственных документов, и только после этого отправили его в ссылку в Нижний Новгород, в котором через пару месяцев Сперанский во время публичного городского мероприятия пропагандировал среди православных священников гениальность и гуманность Наполеона, который при захвате Пруссии не только не разрушал христианские храмы со своим масонским войском, но и поставил у церквей караулы, охрану от буйных пьяных солдат и офицеров-масонов. Удивленные и возмущенные агитацией за

злейшего врага России новгородцы доложили о деятельности Сперанского в столицу. И разъяренный Александр Первый отправил предателя ещё дальше, на север — в Пермь, под усиленную охрану; в его пермском доме круглосуточно сидели два жандарма, чтобы опасный преступник ни с кем не общался, ни кого не агитировал и никого не заражал своей масонской ересью. Наконец-то получивший свободу от государственных дел, интриг, великих свершений во имя прогресса человечества и столичной суматохи «великий комбинатор» Сперанский в одиночестве предался своим любимым занятиям: философии, оккультизму, мистицизму и глубокому изучению древнееврейского языка.

И когда 24 июня 1812 года полчища Наполеона форсировали Неман и вошли в Россию, то российская голова в лице императора и элиты была довольно чиста, ясна, не замутнена, без предательского раздвоения сознания и готова к отражению агрессии.

Затем, через 4 года после войны, в столице вспомнили об одиноком мистике, говорящем в Перми на хорошем древнееврейском языке, и вполне разумно решили использовать его организаторский таланты на пользу России, но подальше от столиц и — в 1816 году Сперанскому предложили должность губернатора в Пензе, а в 1819 году губернатора всей Сибири; в 1821 году ему позволили приехать в Петербург, а после восстания масонов-декабристов, заподозренный в соучастии, дал подписку о неучастии в деятельности запрещенных законом масонских организациях.

Вроде бы и можно было закончить на этом исследование деятельности Сперанского при императоре Александре Первом, если бы не тот факт, что масонское дело Сперанского живет, процветает и опасно развивается в 21 веке в России, и мы все этому свидетели.

Наиболее наглядно эта живучесть видна на примере многих современных исследователей истории, которые дружно «почему-то» пишут исключительно хвалу Сперанскому... Не уверен, что все эти сотни авторов имеют низкий интеллектуальный уровень и не удосуживаются провести своё исследование и слепо копируют ещё советские антимонархические штампы о талантливом Сперанском. Не уверен, что все эти сотни авторов являются масонами или по заказу масонов защищают всеми средствами лжи своего духовного «брата». Скорее всего, мы наблюдаем смесь исторической неграмотности с конкретной заинтересованностью.

Забавно наблюдать, когда десятки авторов много раз умиляются письмами Сперанского дочери, теще, но не обращают внимания на главное; они стараются добросовестно отразить исторические факты, но «забывают» или боятся дать им комментарий, их объяснить, или им приходится изгаляться — напрягать фантазию и врать. Вот,

например, с какими знаниями выходят наши дети из школы, прочитав учебник истории для старшеклассников А. Н. Захарова и А. Н. Боханова 2006 года:

«Против Александра Первого стала складываться мощная аристократическая оппозиция. Надвигалась новая война с Францией, и царь пожертвовал Сперанским — отправил его в ссылку».

Как видим отклонения от правды существенные — во-первых, оппозиция была не против императора, а против Сперанского, и из-за него уже недовольство императором. И во-вторых, ни одного слова об измене и предательстве Сперанского и его заговоре, а ведь речь не идёт о какой-то одинокой личности, страстно желающей власти, а о попытке захвата власти с целью принципиального идеологического переустройства России, этот заговор имел идеологическую основу.

Бывают у исследователей — поклонников Сперанского совсем странные выводы — Л-Г-М:

«В результате придворных интриг в 1812 году обвинен (Сперанский) в государственной измене, попал в опалу, был сослан...», но этого тройке авторов показалось мало, и они решили дополнить: «Падение Сперанского содержит в себе элемент некой сокровенной до сих пор тайны, с обертонами сугубо личных, интимных». Как это понимать?

Никто ни у кого женщину не уводил, Сперанский стал рано вдовцом и больше семью не создавал.

Остается модная гламурная тема... Понятно, что с «творческими» выводами трёх авторов понесло, ложные выводы с интригами патриотов показались им недостаточны, и они напоследок решили ещё бросить комок мерзости в российского императора, вероятно, в отместку за ссылку их любимца.

Я не могу так стильно и витиевато ловко по-сперански обсуждать эту тему и скажу, возможно, прямолинейно и грубо, но правдиво — уверен, что императора Александра I точно не интересовал выход толстой кишки Сперанского.

Непосредственно отечественную войну 1812 года, военные действия рассматривать не буду, ибо на тему победы русского духа и русского оружия написано много прекрасных книг, исследований.

Стоит только отметить в связи с этой датой, что последние годы 2007–2008, когда масоны стали легализоваться и бороться за власть в России, ходят упорные слухи, — что на очередных выборах в 2012 году они постараются взять реванш за поражение республиканской армии Наполеона ровно 200 лет назад, хотя Февральскую революцию 1917 года они совершили, то есть — реванш и захват власти в России у них уже был. Со Сперанским мы не прощаемся, ибо будем за ним наблюдать в период восстания масонов-«декабристов».

В дальнейшем своём исследовании буду обращать внимание на те важные фрагменты и тенденции истории России, на которые другие исследователи «почему-то» не обращают внимания или боятся озвучивать.

В следующей главе продолжим наблюдать историю России при правлении Александра Первого и за его попытками решить важные вопросы возникшие по вине его бабушки Екатерины «великой».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Жизнь древнего народа при Александре I и очередная Катастрофа белорусов

В истории России и Европы произошли важные события — армия Наполеона захватила Москву, но потерпела сокрушительное поражение. Любопытно глянуть на медаль в честь этой победы — на всю площадь круга треугольник с глазом внутри и внизу по краю ободка надпись: «1812 годъ», то есть — отчеканена с масонской символикой.

В октябре 1813 года под Лейпцигом сошлись в решающем сражении коалиционные войска, включая русские, с армиями Наполеона; всего на поле боя три дня сражались 500 тысяч солдат. И Наполеон в этом сражении был окончательно повержен, а 18 марта капитулировал Париж, и Наполеон отрекся от престола. 30 мая 1814 года состоялся мирный Венский конгресс. Но уже 3 января 1815 года Англия, Австрия и обновленная Франция заключили тайный военный союз против России, которая внесла решающий вклад в спасение Европы от Наполеона.

Тайный сговор против России предал гласности возвратившийся в Париж из ссылки Наполеон.

После окончательного разгрома армии Наполеона 18 июня 1815 года у местечка Ватерлоо, между странами-победителями был заключен Священный союз.

После победной войны с Наполеоном проблем в России меньше не стало, ибо с присоединением к России центральной части Польши, Россия получила ещё 400000 евреев, итого — около полутора миллионов, зарабатывающих себе на жизнь не земледельческим трудом.

К тому же появилась новинка — в 1814 году в российское правительство пошли тревожные сигналы, что православные российские крестьяне Воронежской губернии стали принимать иудейскую веру. И как показало расследование — первая иудейская секта в Воронежской

губернии возникла «около 1796 года от природных иудеев». В этом же 1814 году пошли сигналы о жидовских сектах из Орловской губернии, Саратовской, Тульской губернии, из Харькова, что христиане переходят в иудейскую веру и «хулят святые иконы и обряды».

Война с Наполеоном имела ещё одно важное негативное последствие — в 1813 году берлинская ложа «Три Глобуса» основала специально для русских офицеров масонскую ложу «Железный Крест» (Из исследования Соколовской «Русское масонство»). Эта масонская линия вела непосредственно к восстанию декабристов через 12 лет. Вообще, после убийства Павла Первого масонам в России жилось очень комфортно, как своим доморощенным, так и иностранным.

Кто управлял российскими масонами, большинство из которых находилось на значимых в государстве должностях, ярко свидетельствует переписка между масонами, например, 27 января 1815 года Великий Мастер Петербургской ложи «Сфинкс» А. Жеребцов отправил товарищу великого мастера той же ложи уездному предводителю дворянства П. И. Левенгагену следующее письмо:

«Высокопреосвященный брат Левенгаген! Перед получением мною Вашего письма, в котором Вы делаете честь сообщить мне, что по домашним обстоятельствам, вы не можете оставаться вице-президентом уважаемой ложи «Сфинкс» и слагаете с себя обязанности, я получил извещение от верховного Лондонского Совета, объявляющего, что его решение о Вашем поведении по отношению к братьям, не пожелавшим принять извинения...».

Во-первых, уже из небольшого отрывка этого письма видно, что вступить в масонство легко и интересно, но выйти не так просто. А во-вторых, и главное — мы видим, что через масонский устав, масонские связи и масонскую структуру западные государства могли влиять на внутреннюю жизнь России или любой другой страны, зараженной масонством. Это явно свидетельствует об определённой степени потери самостоятельности страны, суверенности, о снижении безопасности и увеличении уязвимости извне и изнутри.

Когда в 1816 году Государственный совет Царства Польского принял постановление о выселении евреев из деревень и сёл, то император Александр, после моментального ходатайства к нему евреев из варшавского кагала — распорядился евреев не трогать.

В этом же году за постоянную массовую приграничную контрабанду, которая подрывала российскую казну, вышло постановление российского правительства, одобренное императором, о выселении всех евреев из 50-вёрстной приграничной полосы в Волынской губернии. Именно с этого года возросла «революционность», точнее выражаясь — террористическая активность масонских организаций. Вот как выглядит

история этого терроризма из исследования О. А. Платонова («Терновый венец России», 2001 г.):

«Как показало следствие, проведённое правительством после военного мятежа 14 декабря 1825 г., масонские заговорщики неоднократно готовили покушение на жизнь Царя...

в 1816 — на Царскосельской дороге;
в 1817 — в Москве;
в 1823 — возле Бобруйска;
в 1824 — в Петербурге;
в 1825 — в лагере при Лещине;
в 1825 — в Василькове;
в 1825 — на Сенатской площади в Петербурге».

В 1817 году кончался 10-летний срок льгот для еврейских переселенцев в Новороссию. Ситуация там не поменялась. И как указывает Солженицын, ссылаясь на исследования Никитина:

«В той же самой степи, в те же самые годы, ту же самую целину, и под той же саранчой, осваивали и немецкие колонисты, и менониты, и болгары,... но всегда были и с хлебом, и со скотом, жили в прекрасных домах, со многими хозяйственными постройками, обильными огородами, и дома в зелени». Надежды были минимальны, но правительство решило отсрочить еврейским переселенцам подати ещё на 5 лет, а возврат долга за ссуды — ещё на 30 лет, то есть фактически простили.

Многие евреи со своими ссудами и семьями «приземлились» в портовой Одессе, этот город как раз в это время возникал, расстраивался и становился центром не только торговли на Черном море, но и центром контрабанды. «С основанием Одессы многие корчмари оставили своё дело и переселились в новый город, где занялись мелочной торговлей, — отмечает в своей книге исследователь из Израиля Я. Рабинович. — Заселение Одессы шло путём довольно необычным. Жажда наживы и свободной разгульной жизни привлекла сюда тысячи авантюристов».

В 1817 был также издан указ о снятии наросших штрафов и пеней с еврейских сообществ, а также прощены все штрафы за неверную прописку душ с тем наивным условием, что после этого кагалы будут отчитываться честно. Через три года иллюзии развеялись; по утверждению еврейского историка Ю. Гессена: «В 1820 г. министр финансов заявил, что все меры, направленные к экономическому оздоровлению еврейского народа, остаются безрезультативными... Многие из евреев скитаются без документов; новая перепись установила такое число душ, которое вдвое, втрое и даже более превысило цифры, раньше указывающиеся еврейскими обществами».

При этом стоит отметить, что при Александре I главным ревизором в Государственном контроле был еврей Александр Соловейчик.

Как жилось евреям в этот период в «российском гетто» — мы можем уяснить себе, заглянув в мемуары знаменитого еврейского историка Семёна (Шимона) Марковича Дубнова, который родился в украинском городке Дубно. От названия этого городка он и сконструировал себе русскую фамилию, наложив её на еврейскую. Затем его семья переехала жить в Белоруссию.

Опять вспомним упрек исследователя истории России из Израиля Я. Рабиновича:

«В книге А. Солженицына «Двести лет вместе» проигнорированы исследования выдающегося историка Шимона Дубнова и его единомышленников», и заглянем в мемуары Дубнова, тем более, что в его воспоминаниях есть много интересной исторической информации:

«... Бенциону (дедушка Бенцион Хацкелевич) очень повезло в Мстиславле (Могилёвская губерния): он купил в уезде большое имение с массой крепостных крестьян и стал фактически помещиком, хотя юридически, вероятно, значился арендатором, ибо по старым польским законам еврей мог владеть землёй только на правах аренды, а русский закон запрещал евреям владеть землёю с крепостными крестьянами. Это было при Екатерине Второй, а при Александре Первом, когда закон о запрещении евреям владеть заселёнными поместьями стал применяться строже, Бенциону пришлось передать на каких-то условиях своё имение христианам.

Потомки его продолжали получать с новых владельцев арендные или чиншевые деньги ещё долгое время, до освобождения крестьян» (до 1863 г.).

Современные порицатели России, которые утверждают, что евреи в России при царях жили в гетто, похоже не читали этих мемуаров и других тоже. На примере этого свидетельства Дубнова можно заметить то, с чем мы сталкивались раньше и ещё столкнёмся в будущем, — что благодаря высокому интеллектуальному уровню евреи легко обходили законы. То есть, как правило, законодатель той или иной страны был глупее евреев, опаздывал. (Это особенно ярко выразилось в России в наше время во время перестройки).

Из мемуаров С. М. Дубнова видно, что евреи по-прежнему были фактическими владельцами земли и крестьян, сдавали при необходимости земли в аренду или субаренду своим же и получали деньги не из расчёта площади земель, а от количества имеющихся крестьян. Положение крестьян оставалось ужасным, и российское правительство пыталось его исправить.

В 1818 г. Сенат вынес голословное постановление: «Уничтожить разорительную для крестьян экзекуцию со стороны владельцев, за не отдачу еврейских долгов, отчего крестьяне принуждены бывают продавать

последнее своё достояние Евреям, арендующим корчмы, не позволять давать крестьянам в рост деньги, на веру вино и забирать у них за сие скот или что другое, необходимое крестьянину».

В этом же году вышло ещё одно постановление: «христиан евреям ни по какому случаю в выслугу за долги не отдавать». — Это когда крестьяне (христиане) за долги отдавали в рабство евреям своих детей. Но, судя по сигналам губернаторов в столицу, кардинально положение крестьян от этого не улучшилось. Например, через два года после указанных постановлений в 1821 г. губернатор Черниговской губернии сигнализировал в Петербург: «евреи содержат в тяжком порабощении казённых крестьян и казаков». Такие же жалобы шли из Полтавской губернии. На этот раз было принято решение выселить евреев из этих губерний (С). И выселили в города, где вскоре вся торговля оказалась в их руках.

Стоит отметить ещё одно закономерное событие — в 1821 году случилась большая резня между греками и евреями в Одессе за контроль над торговлей в этом городе. То есть евреи дошли до Одессы, плотно её заселили и развили активную деятельность. На этот раз победили греки, получился еврейский погром, греки отстояли свои позиции, но через несколько десятков лет подобное повторится — и у греков уже сил не хватит, и Одесса стане еврейской столицей в России.

Вот характерная картинка всех западных российских городов того времени в описании еврейского историка С.М. Дубнова: «После перехода от Польши к России, в 1872 году, город сохранил свой двойственный русско-польский характер. В моё время преобладала, однако, русская культура, так как ядро населения было православное, а польские элементы усердно русифицировались правительством после неудачных польских восстаний...

В центре города, вокруг площади бульвара и на примыкающих к ней улицах, жили зажиточные еврейские купцы и русские чиновники, помещались лучшие лавки (преимущественно мануфактурные), церкви и синагоги. Дальше тянулся еврейский квартал «Шулеф», в центре которого стояла большая «кагальная синагога»... В предместьях жили русские мещане, занимавшиеся главным образом огородничеством и садовничеством».

Описанная картина уездного белорусского городка о многом говорит; сразу видна иерархия в городе, статус различных народностей и т.д. Стоит отметить, что в те времена белорусов как отдельную нацию не выделяли и православных граждан, живущих в Белоруссии, чаще называли русскими. Из описания хорошо видно, что евреи после оккупации Польши не восставали против русских, как поляки, и от этого жили намного лучше их, — и даже очень хорошо; сжились с русскими и вместе с ними занимали доминантное положение.

С 1795 по 1863 гг. вспыхнуло около десяти крупных народно-освободительных восстаний поляков против российского владычества. Евреи, хотя жили в Польше в течение шести веков в большом достатке, безопасности и под постоянным покровительством польских властей в отличие от других европейских государств, и называли свою жизнь в Польше «золотым периодом», но освободительные восстания поляков не поддерживали; логику этого поведения объяснил еврейский историк В. Мандель:

«В 1863 году вспыхнуло в Польше восстание, которое перекинулось и на губернии Виленскую, Ковенскую и Гродненскую, где помещиками были поляки или ополяченные литовцы, да и значительная часть городского населения по происхождению или по симпатиям относила себя к польскому народу. Евреи, которые жили в городах, среди этого польского населения, очутились между двух огней: им приходилось выбирать между Польшей и Россией.

И тут здоровый народный инстинкт подсказал им, что нужно пойти с Россией, как с той стороной, от которой они могли ожидать больше справедливости и человеческого отношения, чем от поляков, которые, хотя издавна и терпели евреев, но относились к ним всегда, как низшей расе» («Россия и евреи», 1924 г.).

Если сравнивать положение этих трёх наций, то и русифицировать по многим причинам русским властям было намного легче поляков, чем евреев. Поляки были все-таки тоже христианами, были славянами, — язык их легко понимался. Еврейский же язык среди русских никто не знал. Кроме того, у поляков и русских был примерно одинаковый уровень исторического, эволюционного, интеллектуального развития. А разрыв таковой между евреями и русскими с белорусами был большим. Если на тревожные сигналы из Полтавской и Черниговской губерний о хлебной монополии евреев и о их шинкарстве Александр I в 1821 г. успел отреагировать, то в очередном случае с Белоруссией — нет. А ситуация оставалась такой же, какой её и ранее описывал Державин:

«В корчмах, открытых в чертах оседлости жидами, крестьяне развращаются, истощают свою жизнь. Из 1650 питейных заведений 1548 (99%) принадлежит жидам. Из 1297 табачных лавок 1293 были также собственностью жидов».

Еврейской пресс иногда передавливал — и у крестьян уже зимой не было еды. И очередной голод в Белоруссии, вернее — для белорусов, с массовыми смертельными исходами разразился в 1822 году, засухи и других бедствий не было. История повторилась, причины те же — бесчеловечное отношение к белорусским крестьянам Холокост.

Император довольно быстро отреагировал — послал разобраться на месте сенатора Баранова. Исследовав ситуацию и вернувшись,

Баранов заявил, что виновниками голода являются евреи, живущие там и всё монополизировавшие. Александр I в тот момент, наверное, не очень хорошим словом вспомнил свою распутную бабушку и тот момент, когда она прибрала себе часть польских территорий. Можно уверенно сказать, что за 20 лет правления эта проблематика его замучила, «достала». На этот раз возмущённый и раздражённый император думал со своими советниками над этой проблемой намного дольше. Но, похоже, никто из них шахматами не увлекался и не был способен просчитать ситуацию на несколько ходов вперёд, потому что было принято радикальное и «гениальное» решение. Чтобы спасти белорусское население, и оторвать еврейских арендаторов и перекупщиков от монополии на хлеб, царь принял решение: переселить евреев не только из деревень, но убрать их от белорусских крестьян ещё подальше — переселить евреев из Белоруссии, из белорусских местечек в российские города, чтобы они там «занимались торговлей и промыслом». Хотя это противоречило его уже указу о евреях 1804 года.

Несмотря на протесты министра внутренних дел России В. П. Кочубея, Александр Первый своим указом от 11 апреля 1823 года обязал начать переселение евреев в центральные города России.

На этот раз высочайший указ предписывал, чтобы в Белорусских губерниях евреи прекратили к 1824 году винные промыслы, содержание аренд и почт, и переселились срочно в города.

И поехали евреи в столичные и портовые города России... Император, явно плохо зная историю евреев, их недооценил и не подумал, что и эти города они могут превратить в те же местечки. Что вскоре и сделали с Одессой. Как говорит наш современный еврейский идеолог Шимон Резник — евреи опять пережили кошмар переселения.

Таким образом, евреи из Белоруссии и Литвы перешагнули сковывающую их черту оседлости по инициативе российского императора. И при этом оказались не только в портовых городах и в столицах, но и далеко в Сибирских городках. И вполне закономерно, что в 1824 году много евреев попалось на глаза изумлённого императора Александра I во время его поездки по Уральскому хребту. Выяснилось, как признаёт ЕЭ — евреи «занимаясь тайной закупкой драгоценных металлов, развращают тамошних жителей ко вреду казны и частных заводчиков».

Разгневанный император распорядился прогнать оттуда евреев. Но это частный случай, в других подобных местах они остались.

Интересно наблюдать за творческим поиском Александра Первого, за его попытками безнасильственными способами решить «еврейский вопрос»; ещё в 1817 году российский император, как заправский политтехнолог, додумался до интересного интеллектуального решения — вместе с сенатором Голицыным учредил «Общество израильских христиан».

Вступившие в него евреи «освобождались со всем потомством навсегда от гражданской и военной службы» и имели другие привилегии-пряники. Идея была смелой и одновременно простой — если виной всему религиозный закон, — значит, евреев надо из него выдернуть и перевести в свою веру — христианскую, которая не запрещает физический труд.

У этой идеи есть интересное историческое начало. Ровно за сто лет до того, как Ленин захватил вооружённым путём власть в России, его дедушка по линии матери Израиль Бланк совершил в России неординарный поступок, который мы рассмотрим подробнее в следующей главе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Преодоление черты оседлости методом перекрашивания

Интересная история приключилась в Польше, с которой стоит познакомиться, ибо она через некоторое время, через 60–70 лет, повторилась в России.

Периодично в иудаизме появлялись новые течения, где их сторонники по-своему трактовали Священные книги. Так когда-то появились книжники, самаритяне, фарисеи, эссеи, затем — караимы. В Польше среди евреев в середине 18 века стали распространяться тайные мистические учения, которые исходили от евреев из Турции, где основоположником этого явился еврей по имени Саббатай Цеви, который объявил себя очередным Спасителем, Мессией. Еврейский купец по имени Яков Франк (1726–1794 гг.), торговавший между Турцией и Польшей, увлёкся новым течением в иудаизме, признал в Саббатае Спасителя, а себя назвал его наместником в Польше.

Представители основного течения иудаизма всегда очень ревностно оберегали единую трактовку, единое понимание и единую веру, и яростно боролись с инакотрактователями — смутьянами в своей среде. На этот раз они исключили Франка из еврейской общины, то есть объявили его изгоем. А когда на него это не подействовало и Франк по-прежнему пропагандировал своё учение и всё больше набирал своих сторонников, то правильные евреи науськали польские власти против неправильного Франка, которые его арестовали и выдворили из Польши.

Но Яков Франк был человеком неординарным, орешком не простым, и решил вернуться в Польшу, утереть нос своим недругам и продолжить свою миссионерскую реформаторскую деятельность.

С этой целью он со своими сторонниками решил религиозно перекраситься. Здесь не было ничего нового, — и до этого евреи перекрашивались — то есть для решения различных целей они обманным образом,

фиктивно, якобы переходили в другую веру, в другую религию. Часто это была временная вынужденная акция — им приходилось перекрашиваться при сильном давлении властей и представителей других религий. Но на этот раз эффект этой операции превзошёл все ожидания.

В 1759 году Франк и его многочисленные сторонники объявили о своей инициативе — о принятии крещения и переходе в католицизм. Эта «сознательность» и «просветление» евреев так сильно впечатлила польские светские и церковные власти, так подняло их чувство собственной гордости, правильности и истинности, что они по этому организовали пышное шоу, помпезнейшее торжество. Крещение сопровождалось пышными церемониями, крестными перекрасившихся евреев с удовольствием были лучшие представители польской знати. А у Франка крестным отцом был сам польский король Август Третий. Таким образом, Франк из изгнанника превратился в фаворита королевской семьи, а его сторонники сразу вошли в круги польской дворянской знати.

Триумф Франка длился недолго. Как только новоиспечённые «христиане» стали тайно собираться и исповедовать своё, нехристианское, в своей синагоге, то Франка довольно быстро разоблачили, и случился неприятный конфуз. Польская элита и король попали в глупейшую ситуацию. Обиженные и огорчённые поляки заточили «оборотней» и их лидера в тюрьму на долгие годы.

Ещё более интересная история с подобным перекрашиванием евреев в христианскую религию случилась в России. На евреев Украины имперский указ о переселении в российские города не распространялся, для них по-прежнему действовала черта оседлости, и у них по-прежнему существовала проблема её преодолеть и попасть в центральные города российской империи.

Эту проблему просто гениально, хотя и старым методом перекрашивания (как это последний раз осуществил в Польше Франк), решил родной дедушка Владимира Ильича Ленина по материнской линии — Израиль (Сруль) Бланк, который был родом из города Житомира.

Заглянем в интересный труд еврейского исследователя М. Г. Штейна и познакомимся подробнее с этой интригующей историей. Братья Абель и Израиль Бланк жили на Украине в городе Житомире. Они принадлежали к местной еврейской общине, посещали местное училище. Их папа — Мойша Ицкович Бланк, был в Житомире банкиром, то есть ростовщиком, и был одним из самых влиятельных и богатых людей в этом городе.

А. Арутюнов, исследовавший более 30 лет жизнедеятельность Ленина и в результате издавший двухтомник «Ленин» (2003 г.), утверждает, что исследовать жизнь вождя и особенно его происхождение было весьма сложно:

«Начнём с еврейской ветви... В этом вопросе наблюдаются не только подлоги и фальсификации, но и прямое сокрытие документов, имеющихся в различных архивах. Достаточно сказать, что в Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга были подменены несколько страниц из досье А. Д. Бланка... Позднее мне стало известно, что партийные идеологи, чувствуя утечку информации из областных и даже центральных архивов, в 1972 году сосредоточили все документы по генеалогии Ленина в стенах партархива при ЦК КПСС и засекретили их.

28 апреля 1972 года Главное архивное управление при Совете министров СССР по акту передало в ЦК КПСС 21 дело, касающееся биографии Бланков. Дела были изъяты из следующих фондов:

Центрального государственного архива СССР (г. Ленинград);

Гос. архив Ленинградской области;

Центрального гос. архива Военно-Морского Флота СССР (г. Ленинград);

Государственного архива Житомирской области;

Гос. архива Хмельницкой области (г. Каменецк-Подольск)...».

Однако А. Арутюнов докопался до глубоко запрятанных архивов, и оказалось:

«В биографии Мойши Бланка имеются дискредитирующие его сведения. Оказывается, он занимался шантажом и вымогательством, доносил на соседей. Очевидно, делал это для того, чтобы приобрести расположение властей и таким образом добиться с их стороны покровительства в его торговых делах... Бланк вел широкую торговлю спиртными напитками и другими товарами. Имеются сведения, что он занимался торговым мошенничеством, за что против него было возбуждено уголовное дело. Кроме того, он обвинялся в краже чужого сена».

Понятно, что сыновьям Мойши Ицковича жилось небедно, они были обеспечены на долгие годы. Но что-то не давало покоя еврейской общине. С одной стороны наблюдался сильный натуральный прирост еврейского населения Житомира, росло много умной талантливой молодежи, и уже трудно было найти ей применение. В самом Житомире всё было «схвачено» и занято, а конкурировать между собой — это самое глупое и бессмысленное занятие. Необходимо было найти выход из этого затруднительного положения, необходимо было избежать пагубной внутренней конкуренции-толкотни. Просто необходимо было развитие, и развитие могло идти только вширь за счёт окружающей среды — растечься географически дальше, обозначая своё жизненное присутствие на большей территории. Это был единственный логический выход в этой ситуации.

Молодым образованным евреям было также неинтересно сидеть в этом тесном провинциальном городке. Тем более было неинтересно

жить в нём безработным, на папиных харчах, ждать — когда перепадёт по наследству доля какого-нибудь бизнеса. А идти в деревню пахать землю... сама постановка вопроса была крайне нелепая.

Ехать в цивилизованную Европу? Но в Европе, после разгрома Наполеона — покровителя, наступили мрачные времена, и как раз в это время (1819–1820 гг.) в Германии происходили уличные погромы евреев; там после победы наблюдался всплеск национально-патриотических настроений — что для евреев в любой стране было не в радость.

Ехать в Америку и сражаться там с индейцами, бандитами, раскорчёвывать землю, очищать её от камней и начинать всё в муках с нуля?.. Ехать в Латинскую Америку или Африку?

Ехать в Россию? — где существует дискриминационный закон о евреях, нарушать его и всё время бояться? Ситуация патовая. И голод на черноземной Украине не мог не случиться просто по определению... — чтобы правительство само расселило евреев по российским городам...

Это тот случай крайней вынужденной необходимости, когда мозг работает в максимальном режиме, горячо перебирая все возможные варианты. Похоже, Россия после победы над Наполеоном находится на подъёме — все находятся под впечатлением победы, эйфория, бесконечные балы, оживление просвещения и науки; вместе с подъёмом национальных чувств заметно появление и типично новых, европейских демократических веяний, зримы оживление промышленности, экономики. Россия явно идёт по пути развития и цивилизованности, а учитывая её огромные природные богатства — это явно очень перспективная страна. Да, лучше всего попасть в Россию.

Но как это сделать? Как преодолеть закон о черте оседлости? Необходимо некое нестандартное решение, гениальное — и не меньше! Видимо, не раз собирались по вечерам мудрейшие еврейские головы в Житомире в поисках решения, вспоминая весь предыдущий исторический опыт своего народа. Есть! Есть наиболее оптимальное подходящее решение — Яков Франк поступил ещё недавно гениально и успешно — «развёл» поляков, можно применить его метод в современных условиях.

«В постримское время в проявлении архетипа наблюдаются особенности, связанные с ролью религии еврейского происхождения — христианства. Дело в том, что хотя эта религия и «легализовала» еврейство, но с отрицательной оценкой, в результате чего в государствах христианского культурного круга на политическую активность еврейства были наложены конфессиональные ограничения. Талмуд обошёл их, разрешив евреям притворное крещение...», — объясняли в своём исследовании группа учёных из Института Нравственности во главе с профессором В. А. Чигиревым в книге под названием «Феномен еврейства как загадка истории культуры» (Санкт-Петербург, 2007 г.).

И... — рождается план поездки в столицу к самому верховному российскому начальству. План авантюрный и рисковый, но успех предчувствуется; а, в крайнем случае, можно вернуться обратно в Житомир и будет только потеря некой суммы денег и времени. Кому из молодых, умных и смекалистых ехать? И выбор падает на братьев Бланк.

Израиль и Абель Бланк, нарушая строгий закон, пересекают огромное расстояние и незамеченными въезжают в Петербург; поселяются нелегально у своих соплеменников, и идут к одному из самых высоких чиновников — к князю А. Н. Голицину с письменным прошением:

«Поселясь ныне на жительство в Санкт-Петербурге и имея всегдашнее обращение с христианами греко-российскую религию исповедующими, мы желаем принять оную. А по сему, Ваше Высокопросвещенство, покорнейше просим о посвящении нас святым крещением учинить Сампсониевской Церкви Фёдору Борисовичу предписание... К сему прошению Абель Бланк руку приложил. К сему прошению Израиль Бланк руку приложил».

Выбор чиновника не случаен. Ведь братья не обратились с этим вопросом к руководству православной церкви, как следует из обычной логики, ведь не было согласования и со священником церкви. Обратившись к высокопоставленному чиновнику — они вынуждали его принять редкое политическое решение, которое он должен был согласовать и с императором и с руководством православной церкви.

Если назвать это событие сенсацией того времени — это значит, сказать очень мало. Необыкновенная редчайшая новость облетела весь светский Петербург и стала основной темой разговоров. Имперским настроениям победителей французов, турков и шведов трудно было придумать больший подарок для услады гордости и самолюбия. Слава России, её оружию, её доблести, её величию! — Побеждённые народы признают всё это, идут на поклон, хотят принять религию победителей и служить великой державной идее и великому русскому народу!

Ход мыслей российского руководства был понятен — эти два молодых еврея настоящие герои. Они порвали с древнейшей традицией-религией своих дедов и прадедов; они поступили вопреки воле своего отца, пошли наперекор ему, оставили его вместе с «отсталой» религией, и пришли служить новой процветающей России. Что-то подобное было только восемнадцать веков назад — почти так же поступил Иисус, пошедший против традиций и религии своих предков, своего отца, еврейского народа. Теперь — эти двое осознали всю идею Христа, всю ошибочность старой религии — и смело, героически поступили также. Теперь эти два молодых героя, отрезанные от своего народа, лишённые родительской ласки и опеки, находятся без средств к существованию в богатом и блистательном, но в чужом и холодном Петербурге. И не удовлетво-

рить их просьбу — это не только не благородно и бесчеловечно, но это глупо и нелогично, ибо перечеркнёт последующие героические попытки других евреев и других иноверцев — эту демонстрацию превосходства и величия России, её идеологии-религии. Ура! Ура! Ура!

Как бы не звучала фамилия житомирского умника, придумавшего этот сценарий — Гусинский, Абрамович или Вексельберг, но он оказался совершенно прав, попал в десятку. В общем, операция прошла успешно, ситуация повторилась потрясающе аналогично той, которая была 60 лет назад в Польше, и успех был тот же и тех же размеров, только на этот раз с окончательным «хэппи эндом».

Князь Голицын берёт «сирот» под свою опеку, сенаторы граф А. И. Апраксин и Д. О. Баранов вызываются быть крестными родителями «сирот». Церкви остаётся только провести обряд крещения. Абеля и Израеля Бланк крестят и дают имена — Дмитрий и Александр (по именам крестных отцов — князей). В метрической книге Сампсониевского собора в 1820 году появляется запись — «О присоединении к нашей церкви Житомирского повятового училища студентов Дмитрия и Александра Бланковых из еврейского закона».

«Студентов...» — потому что братья одновременно подали письмо-прошение князю А. Н. Голицыну, чтобы тот разрешил им поступать в Медицинско-хирургическую академию в Петербурге. И князь Голицын настоятельно рекомендовал руководству Медико-хирургической академии зачислить героев «в число казённых академических воспитанников». Конечно, руководство ослушаться было не вправе.

Предписанием Министерства духовных дел и народного просвещения № 2479 оба были зачислены 24 июня 1820 года в Медико-хирургическую академию, которую окончили 19 июля 1824 года.

(Обращаю внимание читателей на этот момент, ибо, когда данное исследование достигнет второй половины XIX века, и снова зайдёт речь о данной медицинской академии и её выходцах — террористах).

Такой сюжет, с таким счастливым концом, не приходил в голову ни одному голливудскому сценаристу. А здесь потрясающая действительность...

М. Г. Штейн полностью прав — не было у великого еврея Ленина ни пролетарского, ни батрацкого происхождения, которое силились найти и показать советские идеологи, но бесспорно — у Ленина были умные предки. Стоит отметить, что в 1965 г. за обнаружение у Ленина еврейского происхождения несколько научных работников Государственного архива были уволены за это «компрометирующее» открытие.

Можно ли во всей этой необычной истории осудить как-то братьев Абеля и Израеля Бланк? Конечно, нет! Они старались, думали и сражались как верные патриоты своего — еврейского народа, за развитие,

продвижение своего народа на территории России. В этой ситуации можно только удивляться умной хитрости одних и смеяться над глупостью других.

Как уже упоминалось ранее, на волне этой утопической эйфории перехода евреев в христианство в России и было создано по инициативе царя в 1817 году «Общество израильских христиан».

Теперь евреям покровительствовали не только знаменитые князья, графья и сенаторы, но и сам царь. Фактически черта оседлости была снята, и дорога в Россию из Украины открыта.

Немного позже, после описанной акции еврейской общины из Житомира, эта технология проникновения в глубь России стала популярна не только в России. Эту же технологию фиктивного перекрашивания применяли и в западноевропейских странах. Многим евреям в других европейских странах, в начале и середине XIX века, чтобы сделать карьеру чиновника, приходилось фиктивно переходить в христианство, в католицизм или протестантизм. Таких евреев в Европе, по утверждению Пола Джонсона, было около 250 тысяч. Этот манёвр-метод евреев Генрих Гейне назвал — «входной билет в европейское общество».

Кстати, евреи из Европы в этот период не оставляли без внимания Россию. Как отмечает Солженицын в этом же году (1817 г.), когда было создано «Общество израильских христиан», в Россию прибыл активный деятель еврейского сообщества лондонский адвокат Льюис Вей, страстный поборник равноправия евреев, и имел разговор с самим императором.

(С тех пор и до наших дней мы будет видеть — подавляющее большинство борцов за права человека имеют одну и ту же национальность...)

О чём хотел говорить Вей с российским императором? О том же, о христианстве, но в другом аспекте. Суть этого разговора передаёт Еврейская Энциклопедия (ЕЭ) — просвещенный еврей объяснял религиозному императору, что «евреи представляют собою царственную нацию. Вей говорил, что все христианские народы, как получившие спасение через евреев, должны оказать им величайшие почести и благодеяния».

Для христиан это всегда был трудный вопрос раздвоения на протяжении двух тысяч лет. И теперь они ломают голову — как в этом вопросе относиться к евреям: как к гонителям и палачам Иисуса Христа, или как к нации, давшей человечеству Деву Марию, Бога (?!) и его помощников — Петра, Павла и других так называемых апостолов.

Бесспорно, что религия, в которую верят христиане — является еврейской по происхождению. Евреи и объясняли доверчивым религиозным крестьянам, что в каждом еврее следует видеть — если не Христа, то уж Петра и Павла точно, отсюда и царственно-божественное командир-

ское положение. Понятно, что, находясь на такой высоте, невозможно копаться в земле и навозе.

Стоит отметить, что тогда, в начале 19 века, Льюис Вей из Англии фактически лоббировал интересы евреев на международном уровне.

Отдельной темой стоит выделить борьбу императора Александра Первого с масонами, подготовку государственного переворота масонами-«декабристами» и само восстание «декабристов», которое подготавливалось в последние годы и месяцы жизни Александра Первого, а произошло в первые дни царствования Николая Первого.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Александр I и масоны-декабристы

Наконец-то все историки в России дружно признают, что бунтари-«декабристы» — это были масоны, и, следовательно, восстание декабристов — это восстание масонов, подготовленное масонскими организациями в России; 12–15 лет назад — в 90-х годах 20-го века сторонники этой истины доказывали свою правоту в спорах, а 20–25 лет назад и далее в прошлое — в СССР была только одна официальная ложная трактовка, и правда о «героях» декабристах масонах по понятным причинам замалчивалась.

Повторюсь — отрицательным результатом победного шествия русской армии по Европе в борьбе с Наполеоном и организации «бистро» во Франции было «заражение» — увлечение русских офицеров масонством, духом «равенства» и «общечеловеческих ценностей». Например, П. Чаадаев вступил в масонскую ложу по дороге домой в Польше, в Кракове, в 1814 году, и многие русские офицеры-победители республиканской армии Наполеона вернулись из Европы в Отечество «другими», «чужими», пропитанными республиканскими идеями. В «Записке декабриста», изданной в Лейпциге в 1870 году, Н. И. Лорер написал: «цвет офицеров гвардейского корпуса вернулся домой с намерением пересадить Францию в Россию. Так образовались в большей части лучших полков масонские ложи с чисто политическим оттенком». Масоны в России оказались «неправильными», то есть политиками, а не искателями глубинных знаний, и теперь они превращались в грозную военную силу.

В 1816 г. в России возникла масонская офицерская организация «Союз спасения», руководителем которого был полковник гвардейского Генерального штаба А. Н. Муравьев. До этого активно действовали в России несколько масонских организаций, самые известные

из них — созданная М. Н. Новиковым «Избранные Михаила»; ложа «Трёх добродетелей», старый знакомый «Сфинкс» и масса других. В одной из них к масонской идее приобщился будущий масонский революционер-диктатор П. И. Пестель. «И надо сказать, П. И. Пестель преуспел и в этом, быстро получив посвящение сначала в 4-ю, а затем и в 5-ю степень шотландской ложи «Сфинкса». Соответствующий патент на пергаменте с печатью «Сфинкса» на латинском языке был получен П. И. Пестелем 12 февраля 1817 года. Скрепили его тогдашние начальники ложи А. А. Жеребцов, О де Сион, Г. Зубов, Д Нарышкин и другие», — отметил В. Брачев.

В 1818 году было создана ещё одна тайная офицерская масонская организация «Союз благоденствия». Некоторые исследователи истории восстания декабристов утверждают, что устав «Союза благоденствия» был списан с устава немецкой масонской организации «Тугенбунд».

В этих организациях победители французской армии стали обсуждать, как сделать в России жизнь по французскому образцу, начали заниматься агитацией против российского императора и пропагандой республиканских идей. Советские коммунистические идеологи масонские организации «Союз спасения» и «Союз благоденствия» возвели в ранг «героических».

Зачем масонам нужно было «убрать» императора Александра Первого? Во-первых, это принципиальная масонская антимонархическая идея, и уже положительный для них пример — успех во Франции. Во-вторых, воспитанный ими с детства Александр Первый был приобщён к заговору убийства отца и поставлен монархом, чтобы быть им должным, обещал им плавный переход от монархии к конституционному управлению и обещаний не сдержал, — в начале ссылаясь на тревожную военную обстановку в Европе и нападение Наполеона на Россию, но война успешно для России закончилась, а Александр не спешил реализовывать масонскую идеологию, и это воспринималось масонами как предательство обещания.

В-третьих, французский дипломат граф Ноаль доносил своему правительству 6 марта 1818 года: «Если военная колонизация беспокоит крестьян некоторых губерний, то не меньше волнует дворянство возможность отмены крепостного права...». То есть — уже тогда Александр обсуждал отмену крепостного права в России, фактически пытаясь реализовать задуманное ещё его отцом Павлом, а противников этого среди землевладельцев было много, то есть это были противники Александра. Это также был ещё один повод «убрать» Александра Первого «привычным способом».

Как результат начавшихся опасных процессов можно оценить происшедшие беспорядки (бунт) в любимом Александром Семеновском

полку. Следствие установило зачинщиков — офицеры, члены тайного «Союза благоденствия», к которым император был очень снисходительным — их разослали по другим воинским частям, это даже мягкой формой репрессии трудно назвать.

Но это был «тревожный звоночек», который Александр недооценил. На это попробовал указать Государю старый верный граф Аракчеев весной 1820 года:

«Я могу ошибаться, но думаю так, что сия их работа есть пробная, и должно быть осторожным, дабы ещё не случилось чего подобного». В 1821 году разоблаченный «Союз благоденствия» объявил о самороспуске, но тревожность витала в общественной атмосфере России. Объявление о самороспуске было тактическим обманным ходом масонов, было понятно, что они скоро соберутся в другом месте и под другим названием. По этой причине «тревожности» Александр Первый откладывал освобождение крестьян от крепостной зависимости, хотел дождаться мирного периода для проведения реформы.

Стоит заметить, что масонские организации с 18 века действовали в России официально, были разрешены, были обыденным элементом российской действительности и жизни, модой высших слоёв российского общества, считавших принадлежность к масонам признаком просвещения, образования, цивилизованности. Но, несмотря на это, теперь часть масонов ушла в подполье, ибо стали готовить заговор против власти.

В 1821 году на юге России во 2-й армии на основе членов «Союза благоденствия» возникла новая тайная масонская организация «Южное общество», которую возглавил Павел Пестель.

Мудрый граф Аракчеев оказался прав, к Александру всё больше стекалось тревожной информации: «как враги престолов, направлены ещё более против христианской веры... на что у меня имеются тысячи и тысячи неопровержимых доказательств, которые я могу предоставить... все эти люди соединились в один общий заговор, разбившись на отдельные группы и общества... С тех пор, как они убедились, что новый курс политики кабинетов более не тот, чем прежде...», — писал в письме князю Голицыну в феврале 1821 г. император Александр Первый (Б.Б.).

В 1822 году масоны организовали ещё одну тайную организацию — «Северное общество», которое возглавил Никита Муравьёв — брат Александра Муравьёва, основавшего «Союз спасения». Несмотря на различные названия, фактически это была одна разветвленная тайная масонская организация, координирующая деятельность своих филиалов. Н. Муравьёв был избран в правление и «Южного общества»; а созданное совместно боевое крыло этих организаций назвали «Соединенные друзья».

В сторонке, «без связи», стояла масонская организация, с такими же радикальными целями созданная на Украине братьями Борисовыми и Горбачевским, под названием «Общества соединенных славян».

Знаменитые «декабристы» чётко следовали масонской традиции и в названиях своих организаций, и в их структуре. Созданные ими организации имели два устава: официальный и неофициальный. Внутри организации члены подразделялись по строгой иерархии, снизу вверх: «братья», «мужи», «боляре». Во многих российских городах имелись местные подразделения этой организации, а в Петербурге головной центр — «коренная управа».

Понимая опасность масонов, и прекрасно зная масонов на собственном трагическом опыте убийства отца, Александр Первый, в отличие от наших современных «монархов» Б. Ельцина и В. Путина, 1 августа 1822 года издал указ: «Все тайные общества, под каким бы наименованием они не существовали, как-то масонских лож и другими, закрыть и учреждения впредь не дозволять...».

Понятно, что этот запретный указ вызвал недовольство масонов, а у идейных — ненависть и желание свергнуть российского императора. Таким образом, у военных масонов, давно замысливших государственный переворот, оказалось больше сторонников.

Понимая прекрасно, что после этого указа все масонские ложи вряд ли распустятся, а часть уйдёт в тайное существование, император Александр в целях своей безопасности окружил столицу военными поселениями, командовать которыми поручил самому преданному человеку — графу Аракчееву. Эту преграду масоны-заговорщики-«декабристы» и стали поворачивать против монархии.

При этом за несколько лет масоны уже сильно разогнали свой «локомотив» против монархии, пропитали своими опасными идеями сознание многих людей. Результаты агитационной деятельности масонов в армии заметили даже иностранцы — заместитель французского посла в России граф Бальконт 29 августа 1822 года писал:

«В гвардии (русской) сумасбродство и злословие дошли до того, что один генерал недавно нам сказал: иногда думается, что только не хватает главаря, чтобы начался мятеж... Я имел случай видеть список русских масонов, составленных пять лет назад: в нем было около десяти тысяч имен... в громадном большинстве это были офицеры».

Теперь пора глянуть на конкретные лица этих русских офицеров-масонов. Семья Пестеля жила очень хорошо, ибо его отец занимал высокий пост генерал-губернатора Сибири, отец обоих Муравьёвых был помощником министра и воспитатель молодого императора Александра, отец Коновицына — военный министр, отец Муравьёва-Апостола — царский посол в Мадриде и т. п.

То есть это была довольно грамотная «золотая молодёжь», которая всё имела, получила прекрасное образование, многие из них уже сделали блестящую карьеру, но... — было скучно, не хватало «драйва», эти молодые мужчины стремились к максимуму — к власти, или хотя бы к славе, войти в историю.

Все они брали пример свержения монархии в Англии и недавний пример свержения монархии во Франции — «великой» французской революции, этого страшного кровавого беспредельного и безумного действа (если читатель хочет содрогнуться от ужасов той французской реальности, то рекомендую почитать на эту тему книгу А. Бушкова 2005 г. издания).

Да и культурой «цивилизованная» Европа не блистала. Как отмечает в своём исследовании М.Назаров («Вождю Третьего Рима», 2005 г.) — после революции в столице Франции «в Париже было обычным делом вылить испражнения из ночного горшка через окно на улицу, о чём свидетельствует множество всевозможных документов (правительственных), в то время как в «отсталой» России, даже в захудалом провинциальном городишке подобное было немыслимо».

Декабристы видели, знали, что после революции во Франции люди свободнее и лучше жить не стали, видели их «культуру» и «цивилизацию», но маниакально шли к своей цели, хотя и понимали — кто стоит во главе европейских масонских организаций, то есть — кто ставит цели и задачи.

Кто-то попытается возразить — это были идейные молодые люди, они ратовали за народ, за его лучшую судьбу, то есть за отмену крепостного права. Но факты упорно говорят о другом. Да, они много болтали о ликвидации крепостного права, но кто им мешал освободить своих крепостных крестьян? Закон о землепашцах, изданный Александром Первым 25 февраля 1803 года, позволял это им сделать на полном юридическом основании. По этому указу помещики, желавшие освободить крестьян, могли освобождать их целыми селениями. Министр внутренних дел должен был только утверждать этот договор между сторонами.

Этой правдой был очень расстроен декабрист Н. И. Тургенев, который в своей книге «Россия и русские» написал: «Прибавлю, что в данном случае, как и во многих других, я был очень опечален и поражен полным отсутствием среди добрых предначертаний, предложенных в статьях устава общества, главного на мой взгляд вопроса: освобождения крестьян».

Например, только граф С. П. Румянцев освободил 5000 крепостных, а всего было освобождено при Александре Первом 50 тысяч крестьян. А свободолюбивый декабрист Лунин освободил нескольких крестьян «для профомы», а остальные сотни крестьян передал по завещанию

в собственность своему двоюродному брату Николаю Лунину, предложив ему освободить крестьян через несколько лет по его усмотрению и по европейскому образцу — без земли, то есть без источника пропитания. Когда же декабрист Якушин этим демократическо-либеральным способом решил освободить крестьян, и радостно объявил им об этом, то недоуменные и озабоченные дальнейшим существованием крестьяне ему дружно ответили: «Нет уж, батюшко, пусть мы будем ваши, а земля — наша» (Б.Б.).

На эту особенность декабристов обратил внимание Ф. Достоевский и в своих «Бесах» отразил её с комментарием: «... Бьюсь об заклад, что декабристы непременно освободили бы тотчас народ, но непременно без земли, за что им тотчас русский народ непременно свернул бы голову».

Очень верно заметил Б. Башилов: «Крики о необходимости срочной отмены крепостного права были только одним из способов борьбы масонов и якобинцев с царской властью».

У масонов-декабристов было две программы, два варианта развития России в случае захвата власти. Одна программа, составленная под руководством Н. М. Муравьева под названием «Конституция» была очень умеренной, более правильной — больше подходила к тем реалиям России — она не предусматривала цареубийство, сохраняла ограниченную конституционную монархию, была против революционной диктатуры, предусматривала созыв Учредительного собрания, отображающего все слои общества, для выработки Конституции, предусматривалась отмена крепостного права. Эта программа в земельной части была созвучна идеям «злостного консерватора» Аракчеева, а в более масштабном переустройстве созвучна идеям Сперанского и даже самого Александра Первого. Но была вторая, более радикальная, революционная программа «главного» военного масона и экстремиста П. Пестеля, которую заговорщики перед восстанием приняли как единую идейную основу.

Свою политическую программу Пестель назвал «Русской Правдой» и «Верховной Российской грамотой», в которой описал беспощадные действия «Временного правительства» революционеров по удержанию завоеваний будущей революции. Организатор Союза благоденствия М. Н. Муравьёв, прочитав республиканский проект для России «Русская Правда» своего «брата» Пестеля, не удержался от сарказма, сказав: «он составлен для Муромских разбойников».

Исследователь истории декабристов М. Цейтлин так описывал Пестеля (книга «Декабристы»):

«Павел Иванович Пестель был полной противоположностью Муравьёва. Казалось, что у него нет сердца, что им владеет только разум и логика... У Пестеля не было любви к свободе, он неохотно допускал

свободу печати и совсем не допускал никаких, даже открытых обществ. Им владела идея равенства, осуществляемого всемогущим и деспотическим государством... Разумеется, такую власть оно могло осуществить с помощью сильной тайной полиции».

То есть — мы видим очередного гуманитария-гильотинщика с «общечеловеческими ценностями».

С высоты нашего исторического положения трудно не увидеть похожесть декабристов и большевиков. Это отметил в своем исследовании «Черное Евангелие» Николай Былов:

«Русская Правда Пестеля, «Катехизис революционера» Нечаева, статьи Писарева, Чернышевского, Добролюбова, статьи Ленина — все это звенья единой идеологической линии, на дрожжах которых взошёл ленинизм и сталинизм». Предельная жестокость «великих» демократов и либералов Пестеля, Нечаева и Ленина склоняет к мрачным раздумьям.

Д. Мережковский очень сочувствовал декабристам и долго изучал их историю перед написанием своей работы на эту тему, но не мог не отметить жестокость и деспотизм П. И. Пестеля: «угнетал он в полку офицеров и приказывал бить палками солдат за малейшие оплошности...».

Эта «петровская» сверхжестокость не только доставляла наслаждение Пестелю, но и была методом возбуждения недовольства у солдат властью, императором, ибо при этом декабристы ссылались на неукоснительное исполнение указов «сверху». Кстати, этот же приём применят в СССР некоторые «комиссары» — чекисты и партработники в 1936 году, и которых через год самих расстреляют, когда Сталин и его окружение поймут смысл первых «чисток».

Можно поставить вопрос: «А были ли у декабристов перед восстанием иностранные учителя?» — Были. И в этом месте я опять воспользуюсь советом исследователя истории из Израиля Якова Рабиновича: «В книге А. Солженицына «Двести лет вместе» проигнорированы исследования выдающегося историка Шимона Дубнова и его единомышленников», и загляну в мемуары этого знаменитого еврейского историка, в которых С (Ш). Дубнов утверждает, что его дед — авторитетный в то время раввин часто и без проблем пересекал «черту оседлости», преодолевал тысячи километров по России и часто посещал Петербург и Москву:

«От московской жизни моего деда сохранилось в нашей семье одно странное историческое предание. Однажды он сидел в комнате своей гостиницы (в Петербурге. — Р.К.), углубленный в изучение Талмуда и вдруг обернулся и увидел за спиною незнакомого русского офицера, который стоял и заглядывал в лежащий на столе талмудический фолиант. Офицер оказался Григорием Перетцем, известным декабристом, сыном петербургского откупщика Абрама Перетца, который некогда

крестился вместе со всей своей семьёй. Он спросил деда, как толковать одно трудное место в Талмуде, и, получив требуемое объяснение, удалился».

Восстание готовилось, и, как видим, — российский офицер, возможно — «христианин», изучал Талмуд. А дедушка Бенцион, известный в то время религиозный лидер евреев, идеолог, специально приезжал, командировался в столичные российские города, чтобы помочь и кое-что объяснить молодым бунтарям. И это притом, что декабристы не были глупы в «еврейском» вопросе, например, П. И. Пестель, которого трудно назвать махровым черносотенцем, служил в армии в южных и западных губерниях России и записал следующие наблюдения:

«Тесная между евреями связь даёт им средства большие суммы накоплять... для общих их потребностей, особенно для склонения разных начальств к лихоимству и ко всякого рода злоупотреблениям, для них, евреев, полезным... Вся торговля там в их руках и мало там крестьян, которые бы посредством долгов не в их власти состояли; отчего и разоряют они ужасным образом край, где жительствуют», «ясным образом усмотреть можно, что евреи составляют в государстве, так сказать, своё особенное отдельное государство и при том ныне в России пользуются большими правами, нежели сами христиане». (С).

Другой знаменитый декабрист — Никита Муравьёв, вероятно, сделал похожие выводы, ибо по утверждению историка Ю. Гессена также не спешил дать евреям полноправие — «свобода им селиться в других местах будет зависеть от особых постановлений Верховного народного вече».

Так что при смене декабристами ненавистного царизма, несмотря на декларацию ими «свободы, равенства и братства», не было уверенности, что евреи стали бы свободно распространяться по территории России, хотя они и так медленно и упорно осваивали новые области.

В 1821 году в столицу вернулся заслуженный масон и главный масонский теоретик М. М. Сперанский, которого декабристы планировали в состав Временного правительства.

Сперанский на тот раз был сверх осторожным, и вероятно, ещё в далекой Сибири задумал очередную оригинальную «гениальность», о которой профессор Шиман писал:

«Сперанский был франк-масон и возымел странную мысль воспользоваться организацией ложи для близкой его сердцу реформы русского духовенства. Его план состоял в том, чтобы основать масонскую ложу, которая имела бы филиальные ложи по всему русскому государству и принимала бы в братья наиболее способных духовных лиц» (Б.Б.). Помоему, — до такого коварного хода даже во Франции не додумались — нанести удар в самый центр духовности народа и государства; причем — не нанести-разрушить, а — перекрасить в иное, в своё содержание.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Библейское общество» в помощь «декабристам»

Эту идею-процесс Сперанский со своими зарубежными «братьями по разуму» запустил как раз перед своей ссылкой в 1812 году. Исполнение коварной идеи происходило оригинально и как всегда по-сперански гениально. Начали её осуществлять старый масон князь А. Н. Голицын и прибывшие в Россию иностранцы. «Ещё одним направлением, или, правильнее, «системой», в русском масонстве начала 19-го века может считаться так называемая система Фесслера. Её основатель Игнаций Аурелиус Фесслер (1756–1839) из Трансильвании был приглашен в 1809 году М. М. Сперанским для преподавания еврейского языка в Духовной академии в Санкт-Петербурге... — отмечает В. Брачев. — Ложа Фесслера интересна для нас прежде всего тем, что именно в ней, судя по всему, как раз и родились широко известные ныне планы М. М. Сперанского по объединению всех масонских лож в стране в одну подчиненную государству структуру, а также реформирование на масонский лад Русской православной церкви. Как сообщает в своих мемуарах член ложи «Полярная звезда» Леопольд-Август-Гогеншильд, по прямому совету И. А. Фесслера «предполагалось основать масонскую ложу с филиальными ложами по всей империи, в которую были бы обязаны вступать наиболее способные из духовных лиц всех сословий». Любопытные указания о планах М. М. Сперанского по реформированию православной церкви можно найти в биографии барона Штейна... Падение Сперанского положило конец его планам буржуазных преобразований в России. В марте 1812 года, как известно, он был отправлен в ссылку... И. А. Фесслер и М. М. Сперанский вынуждены были, таким образом, удалиться из Петербурга.

Однако идея их о реформировании православной церкви не была забыта и получила неожиданное воплощение в деятельности Библей-

ского общества... Инициатива учреждения общества исходила от английских масонов». Похоже, поэтому Фесслер с помощью Сперанского сразу и попал целенаправленно в Духовную академию обучать будущих православных священников, несмотря на свои убеждения — «М. Л. Магницкий отмечал, что И. А. Фесслер систематически и прямо нападал на христианство и во всеуслышание заявлял, что Иисус Христос был не кто иной, как сын ессеянина, обманывавший народ для утверждения своего учения», — отметил в своём исследовании В. Брачев.

А. Н. Голицын (1773–1844) был при Фредерике-Екатерине «великой» пажем, то есть находился в самом центре разврата и грязи, и «естественным» образом был сослан императором Павлом в ссылку. После гибели Павла Александр I вернул Голицына ко двору, и не слишком образованный Голицын совершил, благодаря М. М. Сперанскому, головокружительную карьеру и к 1812 году был уже главой Святейшего Синода — обер-прокурором. К нему-то и прибыли два масона из Англии Джон Патерсон и Роберт Пинкертон из лютеранской гуманитарной организации British and Forein Bible Society, которых Голицын представил Александру I.

Иностранцы поделились с российским императором проверенной на практике идеей и колониальным опытом, — оказывается, что распространение Библии среди туземцем на их родном языке имеет важное политтехнологическое значение в управлении, и даёт прекрасные результаты для империи — делает туземцев более законопослушными, спокойными и смирными.

Эта тема для непосвященного читателя, для неспециалиста в этой теме очень трудная в понимании.

Если кто-то из читателей читал мою первую книгу этой серии «До и после Крещения...», то, надеюсь, разобрался в вопросе технологичности павлинизма в христианстве как умышленно искаженного учения Иисуса Христа, и полезность павлинизма любой власти в управлении-подавлении народа.

В истории с «Библейским обществом» в России — это были «цветочки», то есть, афиша на поверхности, а в глубине лежал коварный замысел. Дело в том, что к этому времени в России был запрет на распространение Библии в народе, среди паствы, и в России Библии на русском языке не было даже в высших слоях. Опять же — кто внимательно вникал в мою первую книгу и в историю с Библией, тот прекрасно понимает всю опасность её предания публичности для самой Библии и христианства, ибо неграмотные люди озадачатся многими вопросами и не смогут самостоятельно найти верный ответ, запутаются или придумают что-то неверное, в лучшем случае обратятся за разъяснениями к священнику.

А грамотные и особенно шибко грамотные удивятся пропаганде идей еврейского народа в первой части Библии — в Ветхом Завете и обнаружат во второй части — в Новом Завете, который не является единым цельным завершенным учением, а сборником воспоминаний и трактовок учеников о великом Учителе и его великом учении, — немало противоречий, несуразностей, авторских несовершенств, что несомненно, вызывает много вопросов, критики, сомнений и в результате этого — вызывает колебания христианской веры, упадок уважения к этой вере и даже отрицание и отвержение её. И это специалисты по Библии, особенно масоны, которые изучили её тщательно, знали и знают прекрасно.

Лучший на сегодня специалист по истории масонов В. Брачев отметил: «На самом деле масонство уже с первых своих шагов показало себя как сила, резко враждебная официальной католической церкви, и шире — ортодоксальному христианству вообще. Иначе, впрочем, и быть не могло, ибо современное масонство — прямое порождение еретического духа эпохи Реформации в Европе».

И распространение Библии, дать её на суд каждому человеку не взирая на его уровень ума и образования — это для масонов был коварный и эффективный прием борьбы с конкурентом за паству, за власть над умами людей, над людьми. И широко в народе распространить Библию — это верный способ подорвать христианское учение, против которого, как с идеологическим конкурентом, давно борются масоны. И более того, они провели этот эксперимент в Европе, и он дал для них хороший эффект. Более того, как показала история, распространение Библии приводит к протестантизму, — то есть к расколу единого христианства, и Россия с православием в этом отношении была ещё цельной, не тронутой разлагающей и разделяющей ересью. А стратегия стара как мир — разделяй, властвуй и уничтожай по частям.

Папа Римский Пий Седьмой поздно всё понял и поздно спохватился — и только в 1816 году своей папской буллой запретил распространение Библии. Но к этому времени уже со времен протестанта Лютера Библия получила широкое распространение у прихожан всех европейских стран, и именно протестанты, лютеране активно помогали масонам её распространять под благими афишными намерениями. А теперь они решил перенести этот опыт на Российскую империю под благовидным геополитическим предлогом улучшить покорность подвластных народов в многонациональной империи. Поддержал эту идею и митрополит Амвросий. А замысел Фесслера-Сперанского и предполагал втянуть в совместную деятельность духовенство, особенно православных иерархов и реформировать их сознание, сделать его «прогрессивным»...

И российский император Александр Первый «с помощью» А. Н. Голицына и Амвросия «купился» на эту приманку, поверил, не увидел

коварного подвоха — поручил Голицыну создать соответствующую организацию, издать Библию на многих языках российских народностей, кроме русского, и гарантировал прекрасное финансирование, и сдержал обещание.

В 1813 году Голицын вместе с оставшимся в России специалистом-консультантом Джоном Патерсоном создали «Библейское общество», которое вначале функционировало как российский филиал British and Forein Bible Society. А с 1814 года «Библейское общество» стало функционировать» самостийно, по крайней мере — официально. Это, кстати, удивительно напоминает развитие и цели современных западных гуманитарных организаций в России в 90-х годах 20-го века и в начале 21-го.

«Библейское общество — это первое в России экуменистическое общество, где рядом с деистом, атеистом, масоном-мистиком сидели английские квакеры и методисты, католические патеры и пасторы лютеранские, а между ними православные архиереи: митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий, архиепископ Минский и Литовский Серафим — ученик московских розенкрейцеров, впоследствии знаменитый митрополит Московский, ставший затем поборником православия...», — отметил В. Брачев.

На радость Александру Первому «Библейское общество» (далее сокращенно — «БО») показывало блестящие результаты — к 1816 году было издано более 700 тысяч экземпляров Библий на 43 языках народов Российской империи, начиная с польского и кончая калмыцким и монгольским...

Даже уму непостижимо для специалистов — как такое сложное объёмное религиозное произведение можно перевести на столько языков и издать таким огромным тиражом на оборудовании того времени. «Библейское общество» работало как огромная переводческая фирма и как огромное полиграфическое предприятие. Филиалы «БО» были открыты почти во всех российских городах — 289 отделений, даже масон и авантюрист Магницкий, находясь в ссылке, открыл в Симбирске своё «БО».

И в 1816 году ударно поработавшее «Библейское общество» во главе с А. Н. Голицыным и состоявшие в нём и за ним масоны приступили ко второму этапу задуманного коварного плана, и закономерно поставили перед императором Александром Первым вопрос: если издали Библию для всех народов Российской империи, кроме русских, то почему бы не издать её для титульной нации, для коренного народа — русских, чтобы не отставали, чтобы Библия лежала в каждой российской семье?.. Да и в самом деле — а почему и нет, в этом просвещении нет ничего плохого! — Вероятно, примерно так ответил император

Александр Первый и согласился, то есть, второй раз повелся на коварный обман-задумку, не видел он сложной многоходовой «шахматной» политической партии.

И в 1818 году было издано огромное количество экземпляров Библии на русском языке.

И в этом же году вышло первое разоблачительное протестное произведение, — с благословения архимандрита и ректора Петербургской духовной семинарии Смирнова (1784–1819) и цензора архимандрита Иннокентия была издана в 1818 году книга Е. М. Станевича (1775–1835) под названием «Разговор о бессмертии души над гробом младенца», в котором автор немало напутал масонских идей с истинно христианскими, но постарался показать опасность широкого распространения Библии.

Реакция «Библейского общества» на попытку разоблачения была почти мгновенной и сокрушительной — автора тут же поставили под удар самого императора, а коварный А. Н. Голицын писал: «К суждениям о бессмертии души привязано защищение Восточной церкви, тогда как никто на неё не нападает, и ежели бы что подобное случилось, то не частному человеку брать на себя сие защищение». Ректор Духовной академии и вице-президент «БО» Филарет поддержал маневр Голицына, написав о книге Е. М. Станевича: «В ней заключалось много выражений слишком оскорбительных для предержащих власти». Результат был ожидаемый: по приказу императора весь тираж книги сожгли, а автора и цензора архиерея Иннокентия сослали в ссылку, где он, возмущенный несправедливостью, из-за нервного потрясения умер. Масоны торжествовали.

Взбудораженные успехом и победой над противником, опьяненные своей силой, масоны продолжали «прогрессировать», наращивать наступление и развивать замысел, и в 1819 году усилили свою команду протестантским проповедником из Англии Питером Линдлем, которому на следующий год дали пост католического епископа в Одессе. А «братья по разуму» прислали из Англии в российскую столицу ему замену — проповедников Рутта и Гросспера, которого тут же ввели в совет директоров «Библейского общества»... Состав, команда «БО», кроме вышеназванных в тексте англичан, выглядела интересно и многоговоряще: шотландец Мельвиль, ассириец Яков Деляков, датчанин Отто Форхгамер, эстонец Тибенберг, уже названный А. Н. Голицын, бывший подчиненный и помощник Сперанского в духовных и законотворческих делах выпускник Геттинского университета масон А. И. Тургенев, ныне такой же помощник Голицына, который привез из Европы оригинальный космополитический девиз: «Что хорошо для людей вообще, то не может быть дурно для русских».

Вся эта масонская команда была под богословским прикрытием высоких иерархов православной церкви — ранее упоминаемого митрополита Амвросия и ректора Санкт-Петербургской духовной академии Филарета — специалиста по еврейскому языку, он же называемый современниками «якобинец богословия», «карбонарий» (карбонарий — итальянский масон — «угольщик»), директор и вице-президент «БО», и его верный помощник протоиерей, профессор и преподаватель еврейского языка и специалист по Ветхому Завету Г. П. Павский. Многих членов «Библейского общества» во главе с Голицыным можно было увидеть в обществе откровенной шарлатанки Б. О. Крюднер и прорицательницы лютеранки Е. Ф. Букгевден-Татариновой, организовавшей «Духовный союз» из чиновников, скопцов и хлыстов, в котором занимались масонской мистикой и, как позже выявило следствие — занимались страстными и неприличными обрядами, противными духу православной церкви.

Кроме Станевича, в то время в России, на счастье ей, оказались патриоты не уступающие по уму и мудрости масонам, которые активизировались после того, как умер в марте 1821 года митрополит Михаил, и его место занял выдающийся человек митрополит Серафим (Глаголевский Степан Васильевич, 1763–1843 гг.), который «варился» в этом «котле» и в конце концов осознал весь коварный масонский замысел, его опасность, и нашел в себе духовную мощь поменять радикально свою позицию и пойти против своих «братьев» по «благородному» делу распространения Библии.

Благодаря ему стал слышен громче голос выдающегося праведника Фотия (Спасский Петр Николаевич, 1792–1838 гг.), настоятеля новгородского Юрьевского монастыря.

Это была линия православных старцев «Оптиной пустыни», которые прекрасно понимали ситуацию в России и замысел масонов. Эта линия русской мудрости исходила непосредственно от великого Серафима Саровского, горячий поклонник которого Паисий Величковский (1722–1794 гг.), уехав из России на Афон и потом вернувшись обратно, обосновался в Молдавии, в которой создал центр православного просвещения. Это его выдающиеся ученики создали в Оптиной Пустыни знаменитый русский духовный центр. И в этот исторический период эту линию представлял монах Фотий. К ним присоединились «гражданские», то есть светские, и такие выдающиеся личности, как великий патриот России и безмерно преданный монархии и мудрый граф Аракчеев, и один из самых образованных людей своей эпохи — бывший гардемарин, вице-адмирал, переводчик, литератор, филолог, лингвист, горячий пропагандист «Слова о полку Игореве» и русского языка, президент Российской академии наук и министр народного просвещения

с 1824 по 1828 гг. Александр Семенович Шишков (1754–1841), о котором писал А. С. Пушкин:

> Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
> Священной памятью двенадцатого года.

А. С. Шишков как филолог и лингвист написал много научных трудов и всю жизнь боролся за русский язык как основу русской духовности, по этому поводу его уже выше цитировали, и считал достоинство русского народа и любовь к Отечеству — «суть две единокровные неразлучные подруги, составляющие крепость и благоденствие всей державы». Стоит отметить, что историки и в прошлом и настоящем сильно недооценили этого выдающегося человека и его роль в истории России, как и графа Аракчеева в государственном строительстве и защите государства, которого к тому же ещё и сильно несправедливо опорочили, хотя он для России и русского народа сделал во много раз больше добрых дел, чем «славный» Сперанский.

Эту команду просвещенных, очень умных патриотов и защитников России современники и исследователи называли «русской партией».

А вражескую «русской партии» партию «Библейского общества» странно — никак не назвали, а мы назовём эту пытающуюся разрушить духовность России под благим предлогом издания Библии — «иностранной партией» или лучше — «масонской партией». Итак, с 1821 года разразилась в столице информационно-идеологическая война, ставки которой были очень велики. Первые жертвы её, как мы наблюдали выше, в «русской партии» в 1818 году уже были — Станевич и архимандрит Иннокентий.

Не будучи ещё помощником и советником митрополита Серафима Фотий в 1818 году в соборном храме Невской лавры резко выступил против масонов и их коварного замысла, и о «БО», которое позиционировало себя как интернациональная и многоконфессиональная униатская организация, говорил: «Готовили враги какую-то Библейскую религию ввести, смесь вер сделать и веру Христову утеснить», а о коварном Голицыне и вовсе грубо выражался: «Овца он непотребная, вернее, козлище».

Фотий даже пытался в личной встрече в чём-то убедить и переубедить масонских главарей — Голицына и Лабзина, но они в ответ пригрозили сослать его в Сибирь, как Станевича, на что Фотий патетично ответил: «За дело Божие, за дело веры и истины не боюсь ссылки!»

А. С. Шишков был за границей и видел, к какому одичанию привел «масонский прогресс» французов, он описал ситуацию, которую видел во время военных действий на греческих островах:

«Не могли подивиться буйству и злочестию безбожных французов, которые не оставили не одной часовни без того, чтобы не обезобразить

лик святых и не начертать везде насмешливых и ругательных надписей. Удивительно, до какой злобы и неистовства доводит развращение нравов!» И при этом Шишков отмечал, что когда турки, то есть мусульмане, захватывали эти же острова, то и близко ничего подобного себе не позволяли.

А по поводу опасного замысла масонов А. С. Шишков объяснял неграмотным и необразованным:

«Всякий делается сам себя толкователем Библии, и, образовав веру свою по собственным понятиям и страстям, отторгается от союза с церковью... Чтение Священных книг состоит в том, чтобы истребить православие». А его противники, играя на публику, говорили, — причем не только иностранцы, но митрополит Амвросий и ректор духовной академии Филарет: так ведь хорошо же — наконец Библия появится для всех не на старославянском, а на обычном русском языке, народ тоже имеет право читать Библию! Велась тонкая опасная игра-борьба, понимаемая только специалистами, но никак не большинством дворян, мещан, не говоря уже о солдатах и крестьянах... И ставка этой борьбы была очень велика...

Развивая наступательный успех и продвигая свою глобальную идею, масоны под прикрытием «БО» в 1822 году издали книгу Госспера, написанную в протестантском духе «Дух жизни учение Иисуса Христа». На неё тут же обрушился митрополит Серафим вместе с Фотием.

В «русской партии» вдруг прибыло с совсем неожиданной стороны — масон и авантюрист Магницкий, старый друг и помощник Сперанского, в ссылке в Симбирске возглавил отделение «БО», но вдруг он прозрел, встал на сторону патриотов, передумал свою позицию, изменил её на 180 градусов, и, зная «кухню» масонов изнутри и их опасность, стал разоблачать масонов, даже стал сжигать публично кучами книги Вольтера и Руссо. Такого предательства масоны не ожидали, и приклеили ему ярлык «мракобеса». А Магницкий стал бороться со своим начальником — Голицыным, и поднял огромный шум, когда нашел «богохульные ошибки» в переводах изданных новых Библий.

А когда рвение к очищению духовности Магницкого заметил Шишков и Аракчеев, то Магницкий был назначен членом Главного управления училищ при Министерстве духовных дел и народного просвещения. После чего Магницкого назначили ещё и попечителем Казанского университета, в котором он произвел кадровую чистку: из 25 профессоров университета уволил одиннадцать за масонские взгляды; можно себе представить, что тогда творилось в столичных университетах...

Пока «русская партия» шумела, возмущалась и требовала у императора Александра Первого закрыть опасное «Библейское общество», а он колебался, не знал кому верить и не мог вникнуть в проблему,

«БО» и масоны по принципу: «собаки лают, а караван идёт к своей цели, не обращая внимания» упорно продолжали осуществлять свой замысел и примерно с 1822 года много работали на подготовкой к изданию на русском языке Пятикнижия Моисея...

Вот тут-то патриоты из «русской партии» усилили нажим на императора, а митрополит Серафим, который и до этого высказывался, что «БО» преследует в своей деятельности «тайную ересь», в отчаянии учинил скандал при встрече с императором, когда тот после очередного ему объяснения об опасности не высказал никакой ответной позитивной реакции, и отнесся как обычно — несерьёзно, то митрополит сорвал с себя белый клобук — символ власти митрополита и гневно бросил его под ноги Александру Первому. Такое не часто случается... После этого Александр Первый согласился на конструктивный разбор проблемы.

«Вечером 17 апреля 1824 года Александр Первый долго беседовал с митрополитом Серафимом. Через три дня по совету митрополита Серафима Александр встретился с архимандритом Фотием. Митрополит Серафим говорил о сильном размахе деятельности тайных обществ, о подготовке ими государственного переворота», — отметил в своём исследовании Б. Башилов.

Результаты этой встречи были следующие: 15 мая 1824 г. Министерство духовных дел приказом императора было закрыто; князь Голицын был уволен с многих постов, масона Фесслера — духовного наставника Сперанского, и масона Госспера выдворили из России.

Как видим, в данном случае православная церковь в лице отдельных праведников встала на защиту российского государства и власти, и совершила большое положительное дело.

В мае 1824 года император назначил А. С. Шишкова Министром образования и народного просвещения, который предложил Александру I план — «какие употребить способы к тихому и скромному потушению того зла, которое хотя и не носит у нас имени карбонарства, но есть точно оное и уже крепко разными средствами усилилось и распространилось».

Да, события неуклонно приближались к восстанию масонов-декабристов, но «русская партия» сделала большое дело — сильно ослабила дух масонов, дискредитировала их в глазах общества, сильно поколебала их «правоту», снизила их популярность и не дала коварно размыть истинно христианскую духовность общества.

«Библейское общество» в конце 1824 года всё-таки издало Пятикнижие Моисея на русском языке многотысячным тиражом с предисловием Филарета, но в начале 1825 года весь этот тираж решением российского правительства был сожжен в печах кирпичного завода, и до сих пор либералы и космополиты всех стран возмущаются этим «средневековым актом вандализма».

Во главе «Библейского общества» был поставлен митрополит Серафим только для того, чтобы детально разобраться в его деятельности, затем его разогнать и прекратить его подрывную деятельность, что и было сделано 12 апреля 1826 года. Таким образом, коварная афера масонов с проектом «Библейское общество», с реформированием сознания православных иерархов и соответственно с ослаблением и разрушением православия в России была сорвана, а на Западе она была реализована ими успешно, что фиксировал, живя в Европе, Николай Бердяев:

«В Америке и Англии масонство имеет характер, по преимуществу, протестантско-христианский; есть даже епископы среди масонов... Сейчас в масонской идеологии преобладает антихристианский гуманизм». Таким образом, — мы сегодня наблюдаем на Западе во многих случаях, кроме целенаправленного павлинизма, — притворное, ложное христианство.

Но «эхо» тех событий в России звучит и в наше время. Все члены «русской партии» от либералов, демократов и масонов получили негативные ярлыки, самые мягкие из которых: консерваторы, ортодоксы, интриганы и борцы с прогрессом в России. При этом всякого вида умным негодяям и подлецам по причине сложности и глубины «библейской темы» было легко и «доказательно» опорочить в глазах особенно верующих и порядочных граждан таких выдающихся людей как — Серафим, Фотий, Шишков и Аракчеев ведь они были против издания Библии... И никто не удосуживался вникать в суть и глубину «библейской проблемы» и коварного замысла масонов.

Но откройте любой современный учебник для школьников и студентов — главный герой этого периода истории России, «бесспорно», «гениальный» и исключительно добродетельный М.М. Сперанский...

За противопоставление масонам не только масоны, но и (!) советские «историки» подвергли особой обструкции Серафима и особенно Фотия. Даже далёкий от красных демократов — большевиков гуманитарий и «христовед» Д. Мережковский, откровенно симпатизирующий декабристам, не мог оставить в покое Фотия. «Ярким примером гнусной клеветы на Фотия является его образ в мнимых исторических романах Мережковского «Александр Первый и декабристы» и «14 декабря 1825 года». Мережковский любовно извлек все клеветнические измышления масонов...», — отметил в далекой Аргентине Б. Башилов.

Деятельность Мережковского и его подруги З. Гиппиус в начале 20-го века мы детально рассмотрим в нашем дальнейшем исследовании.

Все члены «Библейского общества» были в опале и при правлении императора Николая Первого, и только некоторые из них были обласканы Александром Вторым. Несколько раз были безуспешные попыт-

ки возродить «Библейское общество» с теми же целями: в 1831 году масоном министром просвещения К. А. Ливен под слегка измененным названием «Евангелистское библейское общество», якобы исключающее Ветхий Завет, затем в 1856 году знакомым нам бывшим директором «БО» Филаретом. Про Филарета я думал, что он искренне заблуждался и преследовал чистые цели, стремясь издать Библию не на старославянском, а на русском языке, и что его прямого, наивного и чистосердечного масоны использовали «в темную». Но когда Филарет в 1856 году попытался возродить «БО», хотя и безуспешно — Синод не пропустил его идею, а в 1857 году сказал о событиях 1824 года — об увольнении масона Голицына и закрытии «БО»:

«Думаю, что в 1824 году восстание против министра духовных дел (Голицына) и против Библейского общества и перевода Священных книг образованные люди, водимые личными выгодами, которые, чтобы увлечь за собой других благонамеренных... выдумывали и клеветали» (это о Шишкове, Аракчееве, Фотие и митрополите Серафиме. — Р.К.), то я с неприятным осадком кардинально изменил мнение о Филарете, как о человеке опасном: неумном или непорядочном и подлом.

После того, как в разгар «перестройки» рухнул СССР, и с 1991 года в России стали появляться масонские организации (ложи), то и в 1991 году масоном С. С. Аверинцевым и известным священником А. Менем было возрождено «Библейское общество» с теми же целями. Хотя это событие, в связи с падением в обществе значения христианской церкви и огромным возрастанием замещающего влияния СМИ, не имело такого важного значения как в начале 19-го века; а в 1994 году РПЦ причислило Филарета за его «труды» к лику святых.

Сейчас, в 21 веке, в России трудно чем-то навредить человеческой нравственности и морали, ибо эти категории понимания и высокие человеческие ценности настолько упали после развала атеистического СССР, что уже кажется — ниже и дальше некуда, поэтому и навредить более ничем невозможно...

И даже возрождение после развала СССР религии и церкви этим страшным негативным процессам развиваться до ужасных крайностей не помешало.

Но вернемся к истории России первой четверти 19-го века; одних масонов убрали из столицы, но другие — военные, остались действовать в глубокой конспирации, и готовили вооружённое восстание.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Восстание масонов-«декабристов»

Проблема достижения цели масонами-офицерами, в отличие от Ленина, состояла в том, что они не могли додуматься — как поднять против власти «низы», «массы», а совершить очередное цареубийство и дворцовый переворот также не могли, так как находились далеко от императорского двора. Ситуация, казалось бы, была патовой, но если постараться, то выход можно всё-таки найти...

Все историки дружно отмечают — 47-летний российский император Александр Первый обладал исключительным здоровьем, никогда не болел, и в таком же состоянии и полный жизненных сил пребывал в 1825 году. И все дружно удивляются — почему он «вдруг» неожиданно умер в Таганроге в результате очень короткой странной, непонятной болезни...

Причем император скоропостижно умер после того —, как получил сведения о заговоре в Южной армии, и ему подали списки заговорщиков, поэтому он и находился в южной крепости Таганроге, разбирался на месте, а не приехал в Таганрог для лечения жены на Азовском море.

«Раскрытие заговора декабристов было обнаружено не где-нибудь, а в военных поселениях на юге России. Штаб южного района поселений напал на след революционной работы масона полковника Пестеля», — отметил в своём исследовании Б. Башилов. Подчиненные Аракчеева сделали ему обширный доклад по поводу деятельности заговорщиков, а предавшего заговорщиков унтер-офицера Шервуда Аракчеев привёз для рассказа к самому императору.

Пестель был арестован до начала восстания декабристов в Петербурге. «Особой известностью среди историков благодаря статье Н. М. Дружинина 1929 года пользуются масонские дипломы декабриста П. И. Пестеля, изъятые у него после ареста 13 декабря 1825 года при обыске на квартире в местечке Линцы Киевской губернии», — отметил Б. Башилов.

Многие признаки «загадочной» смерти императора указывают на убийство Александра Первого путем отравления сильнодействующим ядом. Кто из окружающих его людей, симпатизирующих масонам, это сделал — это уже «технический вопрос», и только путем тщательного анализа окружающих его людей в той поездке можно будет окончательно поставить точку в этой истории; и я надеюсь это обязательно произойдет. Существует версия, что он был отравлен придворным врачом-масоном с интересной фамилией; эдакое первое «дело врачей».

В любом случае, это трагическое событие очень удачно создавало благоприятные условия заговорщикам для захвата власти, и они тут же воспользовались этой ситуацией, как будто её ждали и были к ней готовы. «Масонскую версию» считаю самой вероятной в этом трагическом событии.

Исходя из старого проверенного метода-вопроса раскрытия преступлений — а кому была выгодна смерть Александра Первого в тот момент, я бы не исключил и «исторических» аптекарей и их аптекарских методов. Кто-то сразу саркастически завопит: «Ну конечно, опять во всём виноваты жидо-масоны!» и постарается захлопнуть книгу соседу, но свою внимательно дочитает до конца...

В пользу этой второй версии напомню, что именно перед смертью российского императора его длительная и упорная борьба, которую мы выше наблюдали, за «перевоспитание» полуторамиллионного еврейского общества в России достигла своей кульминации, пика противостояния. После смертельного голода в Белоруссии в 1822 году Александр I после расследования своим указом от 11 апреля 1823 года обязал оторвать евреев от гибнущих белорусов, от их виноводочного шинкарского кабального бизнеса, вывести их из белорусских деревень и местечек и начать принудительное переселение евреев в центральные города России.

А в 1824 году много евреев попалось на глаза удивленного и сильно уставшего от многолетней «еврейской проблемы» Александра I во время его поездки по Уральскому хребту, когда выяснилось, как признаёт ЕЭ, что евреи «занимаясь тайной закупкой драгоценных металлов, развращают тамошних жителей ко вреду казны и частных заводчиков». После чего разгневанный император распорядился выселить, прогнать евреев из уральских городов.

Вы прекрасно помните как «своевременная» смерть императора Павла I спасла евреев от плана Державина и Еврейского комитета, и почему бы не повторить спасительный маневр?..

В случае с Павлом Первым интересы Англии, масонов и еврейского общества совпали, и теперь интересы масонов и еврейского общества опять совпали и пересеклись в смертельной точке для российского императора. Не утверждаю, что между двумя заинтересованными сторонами в случае с Александром Первым был сговор, навряд ли, но то, что векторы их интересов в данном случае совпадали, и для одних смерть императора была желаемая принципиально идеологически, а для других она снимала много грядущих неприятных экономических и житейских проблем — это бесспорно. Подчеркну — прямых доказательств нет, и это самые вероятные, по моему мнению, версии.

Есть ли другие версии? Есть. Если вы, например, откроете современный учебник по истории России для старшеклассников, изданный в 2006 году нашим Министерством образования и авторами: член-корреспондентом РАН и одновременно директором Института российской истории Сахаровым А. Н. и его помощником Бохановым А. Н., и поинтересуетесь, как объясняют это историческое событие нашим взрослым детям, то обнаружите только одну единственную самую вероятную версию-«сказочку» — что российский император Александр Первый инициировал собственную ложную смерть, добровольно удрал с российского престола — то ли убоявшись заговорщиков, то ли устав от жизни, и пошёл в лаптях счастливый и свободный от царской короны, от необходимости бороться с масонами и прочими, свободный от ответственности перед русским народом и Россией странствовать по свету... «Ученые» А. Н. Сахаров и А. Н. Боханов:

«Существует достаточно прочная историческая версия того, что с согласия и при поддержке близких ему людей он (Александр I. — Р.К.) тайно отбыл из Таганрога в Палестину, в Святые места, а затем уже в виде странствующего старца, пилигрима Федора Кузьмича, появился в России и умер в возрасте 87 лет на далекой лесной заимке близ Томска в ореоле великой святости и всенародного признания. До сих пор его смерть является тайной династии Романовых и загадкой истории».

И, конечно же — не одного слова о каких-то злокозненных масонах... Это похоже не на учебник по истории, а на красивую романтическую трагическую повесть автора с богатым воображением и буйной фантазией, — сказки бы писать таким член-корреспондентам для двухлетних детей...

И потом многие удивляются, у нас в России дети выходят в жизнь, совершенно не зная её суровых реалий, а когда с этими суровыми «загадочными» реалиями сталкиваются, то проигрывают, теряются как последние неграмотные туземцы, а иногда и спиваются и улетают

от действительности подальше с наркотиками... или отдают управление страной всезнающим западным «специалистам».

Не исключаю, что был прекрасный старец Федор Кузьмич, — и слава ему, и да будет его душе милость и благодать Бога... Но император Александр Первый был убит, и создание после его гибели «загадочным» автором этой сказки-мифа является дополнительным этому подтверждением, ибо, кто-либо хоть мало-мальски изучал масонов и историю их деятельности, тот знает, как эти «мудрецы» любят такие красивые технологические штучки, особенно в завершении некрасивой истории — такие красивые маскировочные мифы, закрывающие смертельные раны и правду...

После гибели Александра I стоит подвести итоги его правления. На долю этого императора выпало немало тяжких испытаний: участвовал в убийстве своего отца, отчего затем всю жизнь его преследовали мучения совести; к его хвале можно отметить, что он разобрался в своих друзьях молодости — масонах и боролся с ними за Россию до конца своей жизни; так и не смог отменить крепостное право, хотя к этому стремился; победил Наполеона (!!!); он долго усердно и мучительно пытался решать пресловутый еврейский вопрос — так его не решил, хотя в конце своего правления сумел все-таки смягчить участь белорусских крестьян, а с другой стороны можно уверенно утверждать, что при этом императоре евреям жилось в России хорошо, они богатели и успешно занимали новые жизненные географические пространства.

Подводя итоги правления Александра Первого стоит отметить его «подвиги», последствия которых мы очень болезненно переживаем в настоящее время, в конце XX и начале XXI веков. Речь идёт о его имперских завоеваниях и их последствиях. В отличие от своего отца — императора Павла, который утверждал, что в его стране достаточно обширных территорий и больше завоеваний не надо, Александр был поклонником своей бабушки Фредерики-Екатерины II и считал, что чем больше завоёванных территорий — тем лучше.

Александр был любимым внуком, Екатерина забрала его у Павла и сама лично воспитывала, поэтому Александр I старался максимально подражать своей бабушке в имперских замашках. Так как в России «не хватало земель», то Александр предпринял целый ряд захватнических имперских войн, в том числе с Турцией (1806–1812 гг.), Швецией (1808–1809 гг.) и развязал Кавказскую войну (1817–1864 гг.) В результате этих войн были захвачены: Грузия (1801 г.), Финляндия (1809 г.), Бессарабия (1812 г.), Азербайджан (1813 г.). А при попытке захвата Дагестана, Чечни и Абхазии русские войска застряли на полвека, чередуя победы и поражения.

Во-первых, нетрудно заметить, что как раз выходцы из захваченных бабушкой и внучком народов через 2–3 поколения проявили револю-

ционную активность, приведшую к трагическим событиям 1917 года. Во-вторых, собранные таким образом в единое государство страны и народы могли в кризисные для России периоды сильно осложнить ситуацию. С этим развалом страны столкнулись Ленин и Троцкий, когда захватили власть, и началась гражданская война. Тогда этим захватчикам хитростью и силой почти удалось удержать страну в целостности, потеряли только Польшу и Финляндию.

Когда же грянул кризис в начале 90-х годов XX века, то ни Горбачёв, ни Ельцин с выпавшими им испытаниями не справились — страна развалилась. Бессарабия (Молдавия), Азербайджан, Грузия, Армения и захваченные большевиками Прибалтийские республики вышли из состава СССР и стали самостоятельными. Для многих граждан эти события были очень трагическими. Более того — многие из вышедших республик стали вести недружественную политику против России.

В-третьих, именно Александр I начал завоевание Чечни, а его последователи это кровавое дело закончили. И когда захваченные Александром страны и народы вышли из состава СССР в конце 1991 г., то и в Чечне поставили закономерно вопрос — если стали самостоятельными соседние, приграничные с Чечнёй Азербайджан, Грузия и Армения — почему и Чечне это не сделать? Тем более, что в наступившем перестроечном развале почти все жители этой республики стали безработными, без средств для существования, а под ногами была нефть...

Не справился Александр Первый с масонами и не решил, несмотря на огромные многолетние усилия, проблему «перевоспитания» евреев.

Вернемся к истории России, к масонам-декабристам, и посмотрим, как они воспользовались смертью Александра Первого, тем более, что оная создавала путаницу в вопросе престолонаследия.

После Александра Первого власть не могла перейти к Великому князю Константину, ибо он женился на польской графине Грудзинской, и власть таким образом переходила по наследству к третьему сыну Павла — Николаю. Но не все этот простой нюанс понимали, зато заговорщики понимали хорошо.

В результате произошла сумятица, путаница и целенаправленная запутка.

Когда в Таганроге скоропостижно скончался Александр Первый, то Константин поступил правильно и, находясь в Варшаве, объявил императором Николая, ведь он ещё в 1822 году официально отказался от престола ради своей любви. А в Петербурге в это время императором «почему-то» был объявлен Константин, и даже несколько полков 27 ноября 1825 года поспешили дать ему присягу верности. Ситуация, с учётом подготавливаемого декабристами восстания, была опасная.

Эту ситуацию усугубил своим загадочным непониманием и колебаниями, задержкой и удлинением промежутка междувластия Государственный Совет, который после вскрытия конверта с завещанием (манифестом) Александра Первого, в котором было ясно указано, что царский трон переходит к Николаю, сделал вид, что не понял «как поступить в данном случае», и после паузы в полном составе отправился к Николаю, чтобы он взял на себя всю ответственность решения. И Николай оказался достойным в этой не простой ситуации, и взял на себя ответственность власти.

Этим коротким периодом неразберихи и прояснения позиций решили воспользоваться масоны-декабристы. И если с масонским сознанием офицеров декабристов понятно, то в этот момент мы получаем ответ на вопросы: «Как декабристы подняли на восстание «низы» — солдат?», «Как они пропитали своей «революционностью» умы, сознание солдат, которых они подняли на восстание, ведь они, в отличие от большевиков, не пропитывали многими годами своими агитками и пропагандой?».

Декабристы поступили проще и легче: воспользовавшись запутанной ситуацией престолонаследия, они решили использовать ложь, обман.

«В 1825 году было невозможно двинуть русского солдата иначе, как взывая к его преданности царю: лишь подлогом удалось поднять войска утром 14 декабря. Капитан А. Бестужев сказал гренадерам гвардии: «Нас обманывают. Константин меня к вам прислал. Если вы верите в Бога, вы откажетесь присягать другому царю, нежели тому, которому вы поклялись в верности двадцать дней тому назад», — отметил в своём исследовании Б. Башилов.

Многие солдаты, когда декабристы кричали «Да здравствует Конституция!», думали что они кричат хвалу жене нового императора Константина. А заговорщик лейтенант Арбузов догадался ещё использовать обман-страх-принуждение и объявил гвардейским морякам:

«Целая армия стоит в окрестностях столицы, и нас уничтожат, если мы присягнем Николаю».

Даже симпатизирующий декабристам еврейский историк Мойша Цейтлин в своём исследовании написал: «Взял Рылеев грех обмана почти что детей — солдат».

Таким образом, небольшая заминка была превращена в большую, опасную для России сумятицу и смуту. Как видим — «отец Лжи» здорово «намудрил» в России, но к счастью, благодаря новому императору Николаю Первому, заговор завершился полным фиаско, и гильотины на площадях российских городов не стали работать по французскому примеру, и не катились по мостовой русские головы, и пошли в деревню революционные продотряды.

Заговорщики планировали воспользоваться временным промежутком безвластия и сорвать церемонию присяги войск Николаю Первому на Сенатской площади, назначенную на 14 декабря 1825 года. Затем они с помощью обманутых войск планировали захватить Зимний дворец и арестовать всю царскую семью Романовых, после чего должны были угрозой заставить Сенат объявить о свержении монархии и создании республики, придав таким образом некую легитимность переменам; и затем создать Временное правительство и начать подготовку к созыву Учредительного собрания.

Руководить мятежными войсками во время восстания был назначен полковник Генерального штаба князь С. П. Трубецкой, руководящую должность которого назвали устрашающим словом — Диктатор, то есть Россию ждала революционная военная диктатура.

Но когда наступил запланированный день захвата власти — «час икс» — утро 14 декабря, момент перехода от теории к решающим радикальным действиям, «момент истины», то этот утренний момент показал позорную для масонов-декабристов истину — они дрогнули, струсили — С. П. Трубецкой не появился перед полками на Сенатской площади и не возглавил восстание, а жалко выглядывал в утреннем тумане из-за угла. Возникла неприятная для заговорщиков заминка — стали ждать главного Диктатора, а он всё не появлялся, послали за ним — не проспал ли...

Время шло, прошло несколько часов, в 11 часов пришла новость, что Сенат уже присягнул, и сенаторы с чувством исполненного долга разъехались по домам отмечать историческое событие.

План мятежников стал рушиться, они глупо стояли на площади и всё ждали появления Трубецкого, который сыграл, пожалуй, решающую роль и внес своим трусливым поступком смятение и нерешительность в души других «русских якобинцев».

Уже прошло полдня и слух о чём-то необыкновенном на Сенатской площади разнесся по столице, толпы петербургских зевак стали собираться на историческое «шоу». Не отыскав Трубецкого, заговорщики вместо него назначили Диктатором князя Е. П. Оболенского.

Главная утренняя новость дошла и до нового императора Николая Первого, который собрал верные ему полки и двинулся на площадь. И при попытке решительного ареста мятежников началась перестрелка, фактически бой, в результате которого погибло примерно 270 человек, большинство из толпы зевак. После перестрелки наступила пауза, передышка, и обе стороны стали усиливаться, подтягивать военные части, в результате чего у императора оказалось в несколько раз больше войск — и исход мятежа стал прогнозируемым.

В этой ситуации Николай I решил поступить благородно и человечно — предупредить большое бессмысленное кровопролитие и послал

к восставшим на переговоры своего парламентера — героя Отечественной войны генерал-губернатора М. А. Милорадовича, очень уважаемого среди солдат и офицеров, который по-отечески призвал солдат мятежных полков образумиться и разойтись по казармам, дав им гарантии безопасности. Чтобы прервать опасную речь князь Оболенский штыком ранил лошадь Милорадовича, а отставной поручик П. Г. Каховский выстрелил ему в спину. Был убит им и парламентарий командир гренадеров Н. К. Штюрлер и ранен ещё один офицер. Масоны-офицеры боялись, что они разъяснят правду солдатам. Мирный исход был сорван.

По какому-то закону в английских и французских революционных событиях и в России в 1825 году и в начале 20-го века Ложь не может обойтись без пролития крови, без убийств.

Только вступивший на царский престол 28-летний Николай Первый мужественно и хладнокровно выехал на коне перед восставшими войсками и этим поступком, своим мужественным духом переломил во многом ситуацию. Свидетель этого напряжённого события немецкий посланник Дернберг писал: «В эти ужасные минуты он показал хладнокровие и присутствие духа, которые приводили в восхищение зрителей».

А ненавидевший Николая, да и всех монархов, якобинец Кюстин писал: «Очевидцы видели, как Николай духовно рос перед ними... Он был настолько спокоен, что ни разу не поднял коня в галоп.... А смерть ходила около него» (Б.Б.). Совсем близко к императору были два вооружённых пистолетами декабриста: Якубович и Булатов, но они дрогнули и не посмели выстрелить, не решился на цареубийство и самый свирепый и решительный из декабристов — Каховский.

Восставшие офицеры и солдаты дрогнули, но не сдавались. И тогда Николай I дал приказ дать предупредительный залп из пушек поверх мятежников, на который те ответили оружейным огнем. Второй залп из пушек картечью был прицельным... и оставшиеся в живых мятежники бросились убегать через Неву по льду, но лёд от артиллерийских снарядов растрескался на льдины и мятежники стали тонуть, оставшихся уничтожили и пленили правительственные войска. Так неудачно и трагично, кроваво, с большим количеством смертей закончился очередной заговор масонов.

В результате следствия пятерых зачинщиков заговора казнили, остальных сослали в ссылку.

Этот исторический случай оказался для многих хорошей проверкой — кто есть кто. После неудавшегося восстания Пестель написал покаянное письмо генералу Левашову. Трубецкой мало того, что струсил и не явился на площадь, но и на коленях вымолил себе помилование. Другие в разной степени достоинства встретили казнь.

Для большевиков, советских историков и идеологов декабристы стали героями, а Николай Первый — «кровопийцей», который якобы должен был благородно даровать главарям заговора жизнь. При этом, конечно, они «забывали» сказать, что в их любимом Париже тысячи людей лишались жизни вплоть до 1880 года, а в их любимом Лондоне — этом всемирном светоче цивилизации, в эту же четверть 19-го века казнили полковника Деспарди и его друзей только за то, что они вели либеральные разговоры о желательном изменении государственного строя, но никаких солдат против монархии не поднимали. Но Деспарди и его разговорчивых друзей не повесили, как это сделали в России с некоторыми декабристами, а по решению суда:

«Каждый из вас будет взят из тюрьмы и оттуда на тачках доставлен на место казни, где вас повесят за шею, но не до смерти. Вас живыми вынут из петли, вам вырвут внутренности и сожгут перед вашими глазами. Затем вам отрубят головы, а тела будут четвертованы. С обрубками поступлено будет по воле короля» (Б.Б.).

Понятно, что мудрые англичане не столько преследовали жестокость наказания этим лицам, а для профилактики нагоняли страх на всё общество, чтобы впредь всякие вольнодумцы и демократы не обсуждали власть. Это происходило в «гуманной» и «цивилизованной» Англии.

А вот что происходило далее с декабристами в «варварской» России: их сослали жить под надзором в Сибирь, где в 1828 году им сняли кандалы, и вот как выглядела жизнь мучеников:

«За неимением казенных работ занимаю их летом земляными работами, три часа утром и два часа по полудни, а зимою будут они для себя и для заводских магазинов молоть казенную рожь», — докладывал в столицу начальник читинской каторжной тюрьмы Лепарский — «человек исключительно добрый» по оценке любителя декабристов М. Цейтлина.

А вот как выглядели вышеуказанные земляные работы в описании того же Мойши Цейтлина: «Летом засыпали они ров, носивший название «Чертовой могилы», суетились сторожа и прислуга дам, несли к месту работы складные стулья и шахматы. Караульный офицер и унтер-офицеры кричали: «Господа, пора на работу! Кто сегодня идёт?»

А сколько было пролито большевиками и советскими коммунистами слёз по поводу отважных и несчастных жён декабристов.... А вот как выглядела действительность:

«Жены постепенно выстроили себе дома на единственной улице, и после их отъезда сохранившей в их память название «Дамской». Мужья сначала имели с ними свидания в тюрьме, но постепенно получили разрешение уходить домой, к женам на целый день. Сначала ходили в сопровождении часового, который мирно дожидался их на кухне, где его угощала кухарка, а впоследствии они переехали в домики жен».

Большевики, коммунисты в СССР кляли Николая-«кровопийцу», а заключённые советских лагерей мечтали о «двух часах работы по полудни» с шахматами во время затянувшегося перекура.

Современные российские масоны отдали дань памяти своим единомышленникам-декабристам в лице Кавалера ордена Св. Константина — знаменитого современного скульптора Зураба Церетели, создавшего в 2008 году большую скульптурную композицию в честь «мучениц» — жен декабристов.

Закончить тему «декабристов» можно словами Карамзина: «Бог спас нас 14 декабря от великой беды. Это стоило нашествия французов». А декабрист Муравьёв-Апостол после восстания признался: «Всегда благодарю Бога за неудачу 14 декабря»...

Российское общество наконец-то ценой крови разобралось в опасности масонов, в их гуманитарных началах, заканчивающихся радикальным экстремизмом, и отпрянуло от них с брезгливостью и опаской, отвернулось, хотя следы деятельности масонов можно было ещё долго наблюдать.

После бурного развития масонства при Екатерине «великой» в результате восстания масонов-декабристов при Александре Первом и Николае Первом российское общество, Россия получили длительный «иммунитет» от масонства — до 1906 года, после чего опять начался бурный рост тайных масонских организаций в России, закончившийся масонской Февральской революцией и захватом власти в России, которую они не смогли удержать, её у них отобрали ещё более радикальные силы.

В этой главе мы наблюдали, как Николай Первый справился с «масонской проблемой», а в следующей главе будем наблюдать, как в этой теме разобрались наши великие мыслители той эпохи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Исторический момент — период талантов и гениев

Что самое сильное? — Мысль.
Пифагор

До 19 века в Европе умничали много философов: Бекон, Локк, Юм, Декарт, Спиноза, Фихте, Кант и к концу 18 века в расцвете был Гегель; и такая же интересная картина был и среди литераторов: от Боккаччо, Шекспира и Сервантеса до — в расцвете в конце 18 века — И. Гете и В. Скота.

Если попросить читателей назвать русского писателя или философа, жившего до 19-го века, то возникнут существенные трудности, в лучшем случае назовут пишущего оды ученого Михаила Ломоносова (1711-1765 г.), о котором Николай Гоголь говорил: — «отец нашей стихотворной речи»; далее подскажут специалисты — такой же любитель од В. К. Тредиаковский (1706–1768), «отец русской трагедии» А. П. Сумароков (1717–1777), М. Щербатов (1733–1790 г.), переводчик и «отец» комедийных пьес Д. И. Фонвизин (1745–1795), ученик Адама Смита — «отец» российской экономики Иван Третьяков (1735–1776 г.), и широко известный опальный «отец критики» А. Н. Радищев (1749–1802). Вышеперечисленные лица можно назвать «первой волной» начавшегося процесса.

В их лице дворянство наконец-то начало «выздоравливать», — начало поворачиваться к народу и национальной культуре. После Ломоносова Бог с середины 18-го века стал сыпать на русскую землю умных людей.

Прошло 900 лет от Крещения Руси, а в России в литературе всё ещё начиналось, и ещё никто не писал повестей, романов и хороших стихов. Это, конечно, говорит много о развитии российского общества,

его коллективного ума, интеллекта и т. п. С философией и философами дела обстояли ещё хуже, картина была ещё скуднее. Да, было до этого немало выдающихся мыслителей на Руси — тот же Михаил Ломоносов, Сергий Радонежский, Серафим Саровский и другие церковные мыслители. Можно ещё вспомнить мудрого русского человека Ивана Пересветова, который написал для Ивана Грозного ряд работ, где утверждал, что царь должен опираться не на крупных феодалов-бояр, а на служилых людей (чиновников, гос. аппарат). Можно вспомнить Ивана Посошкова (1652–1726), который подсказывал Петру Великому — «крестьянское богатство — богатство государственное, а обязанность помещиков — служить своему государству, а не разорять его, обогащая себя». Можно ещё попробовать поискать выдающихся русских людей, но следует признать, что на этом этапе в интеллектуальном развитии отставание от Европы было внушительным.

Но в конце 18 века — начале 19-го сошлись в одной точке несколько факторов, сделавших сильнейший толчок развитию русской мысли, общественной мысли, и через два десятка лет Пушкиным, Гоголем, Тютчевым и Лермонтовым был достигнут мировой уровень, когда в Европе длинную цепочку выдающихся мыслителей замыкал уже Георг Гегель и создавал свою «великую» обманку Карл Маркс...

А ещё через несколько десятков лет уже творили Толстой, Достоевский и Чехов, которых до сих пор пытаются понять интеллектуалы на нашей планете. После впечатляющего литературного рывка произошел такой же философский рывок, философия стартовала в России только в середине 19-го века с А. Хомякова и И. Киреевского, начала бурно развиваться и уже к концу 19 века наш В. Соловьёв «догнал» и «перегнал» Ницше, и с тех пор русская философия в мире не упускает пальму первенства.

Это удивительный феномен в истории человечества — русский Иван вдруг «проснулся» после длительной «спячки» и оказалось...

В конце 18-го — начале 19-го веков сошлись в одной исторической точке несколько факторов, сделавших сильнейший толчок развитию русской мысли: во-первых, — не с нуля всё-таки начинали определенные эволюционные накопления, во-вторых, русские именно в этот период получили много впечатлений в огромном количестве и знаний — «путешествуя» в конце 18-го века по европейским странам во главе с Суворовым и Ушаковым, а затем в начале 19-го века в войне с наполеоновскими войсками. В-третьих, просвещенческая деятельность также внесла свою положительную лепту.

В-четвертых, после Ломоносова Бог уже внимательно опекал российское общество и расщедрился, — в России появились упоминаемые уже неоднократно в этой книге три выдающихся государственных деятеля

и глубоких мыслителя: А.С. Шишков, Г.Р. Державин и Н.М. Карамзин — «вторая волна». Эти трое были не только прекрасными государственными деятелями и на этом поприще внесли огромный вклад в развитие и безопасность России, но и все трое были прекрасными литераторами, образованнейшими людьми и горячими патриотами Отечества.

Шишков сделал упор на книги для детей и молодежи, на воспитание правильными книгами, и на очищение и развитие русского языка и литературного стиля от иностранщины, написал несколько прекрасных произведений и в том числе важное «Рассуждение о любви к Отечеству».

Державин также ратовал за русскую словесность, написал прекрасную оду «Бог» и первый раскрыл картину «еврейской проблемы». Карамзин также написал несколько интересных произведений: важное для того времени «Рассуждение о любви к отечеству и народной гордости», а его сентиментальная повесть «Бедная Лиза» была началом русской прозы; затем свои литературные поиски Карамзин принес в жертву важнейшему делу — изучению и написанию истории — «Истории государства Российского», которое оказало огромное влияние на А. Пушкина, Н. Гоголя и на миллионы русских молодых людей. Выдающийся мыслитель Николай Гоголь сравнил отображение истории России Ломоносовым и Державиным:

«Тоже самодержавие, государственное величие России слышится у него (Державина), но уже видны не одни только географические очерки государства: выступают люди и жизнь. Не отвлеченные науки, но наука жизни его занимает». Н.М. Карамзин стал издавать журнал, о котором многое говорит его название — «Вестник Европы».

В 1801 году эти философы жизни основали «Дружеское литературное общество», в 1807 году открыли ещё одно литературное общество — «Беседа любителей русского языка». Не на балы стали собираться интеллектуалы. Это имело огромное значение — собиралось много талантливых и заинтересованных людей, формировалась третья волна: «Певец во стане русских воинов» — В.А. Жуковский (1783–1853), Галич (1783–1848), К.Н. Батюшков (1787–1855) и много других, которые обсуждали, полемизировали, спорили, делились мнениями, замечаниями и зарубежными вояжами и новостями, — заварилась «Сварга», мощная творческая каша, которая вызвала интерес к русскому языку, литературе, философии, на которой выросло много талантливых людей, из которых стоит выделить Ивана Андреевича Крылова (1769–1844 г.), который внес хороший вклад в формирование критического бытового мышления.

Его первая книга басен увидела свет в 1809 году. Басни Крылова сильно отличались от привычных дворянству од. Его меткие жизненные

наблюдения, метафоры, их критика заставила шевелиться, работать многие умы. Его басни были похожи на интересные арифметические задачки, которые было интересно всем разгадывать-узнавать; это идеальный образчик обычной бытовой философии знаменитого западного философа-демократа второй половины двадцатого столетия Карла Поппера...

Басни Крылова несли в себе много житейской мудрости и должны были помочь человеку улучшить его жизнь. Далее уже наступает эпоха большой четвертой волны или «великой тройки»: Н. Гоголя, М. Лермонтова, А. Пушкина, который от своих философских сказок-притч дошел до реформатора жизни Евгения Онегина. Но эволюцию А. С. Пушкина рассмотрим в следующей главе.

Даже из этой небольшой главы видна огромная роль в обществе, в его развитии интеллектуалов, интеллигенции — в положительном значении этого слова. Хотя современные идеологи пытаются наврать обратное: «Один из самых живучих и стойких российско-советских мифов — миф о высоком предназначении, высокой линии и духовном превосходстве так называемой «интеллигенции», — написал в своей книге, изданной большим тиражом в России, израильский «мудрец» Я. Рабинович («Быть евреем в России. Спасибо Солженицыну», М., 2005 г.). В следующей главе вы точно убедитесь в обратном ещё раз.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Николай I и эволюция и гибель А. Пушкина

Рост сознания подобен росту травы. Не может человек наблюдать за ростом травы, но так же незаметно покажется завязь цветка.

Елена Рерих

В отличие от своих агрессивных родственников Екатерины Второй и Александра Первого Николай Первый объявил совсем другие приоритеты в своей внешней политике:

«Меня очень мало знают, когда упрекают в моём честолюбии; не имея малейшего желания расширять нашу территорию, я хотел бы ещё больше сплотить вокруг себя народы всей России.

И лишь исключительно над нищетою и варварством я хотел бы одержать победы: улучшать жизненные условия русских гораздо достойнее, чем расширяться» (Б.Б.).

Пережив сильный стресс в первые дни своего царствования, Николай Первый (1796–1855 гг.) сделал выводы из попытки государственного переворота масонами и из неудачного опыта мягкого правления Александра Первого, скорее всего, поэтому, как отмечают многие исследователи истории, у него был жесткий и понятный «военный» стиль управления, и сам он демонстрировал грубый и жестокий характер, и требовал от подданных беспрекословного послушания. Различных чиновников за незначительные огрехи сажали на гауптвахту, студентов сразу отсылали в солдаты и т. д.

Николай Первый понял, что без «жесткой руки», без жестокого противостояния противникам не обойтись; и в результате этого Россия при нем стабильно развивалась, а он умер своей смертью в отличие от своего отца, брата и сына: императоров Павла I, Александра I и Александра II.

Мы попрощались с масонами-«декабристами» и продолжим далее наблюдать за Николаем Первым. Жестко начав, Николай Первый в таком же стиле и продолжал руководить страной. Вначале, после окончания следствия над декабристами, он решил перестраховаться и указом от 21 апреля 1826 года повелел: «Истребовать по всему государству вновь обязательства от всех находящихся в службе и отставке чиновников и не служащих дворян» о своём неучастии в тайных обществах, пытаясь максимально извести масонов и пресечь на будущее заговоры с их стороны.

С этой же целью — пресечь масонское революционное «просвещение» из Европы, он издал в этом же 1826 году свой знаменитый цензурный указ, который его многочисленные недруги, в том числе большевики, назвали «чугунным», которым Николай I ввёл строжайшую цензуру на все печатные издания; через два года — в 1828 году, этот указ был немного смягчен. От этого указа пострадали даже многие русские знаменитости: Пушкин, Лермонтов, Огарёв, Герцен, Чаадаев и пр.

«Император Николай, по смотрению свыше, был призван завершить на время то всеобщее разложение, которое ещё до сих пор никто не знает, чем и как надолго остановить. И он с величием гения охранителя исполнил своё суровое и высокое назначение», — писал известный русский философ и дипломат славянофил К. Н. Леонтьев.

Естественно, окружение Николая Первого подстроилось под его жесткий стиль руководства и получилось соответствующее зеркальное перевёрнутое отображение — повальное лизоблюдство, подхалимство, услужливые доносы, лицемерие, роскошный расцвет бюрократии и взяточничества, то есть перебор в бюрократии, и даже специальный саркастический перебор-гротеск недоброжелателей, умышленных вредителей. Это ему пытался объяснить великий мыслитель А. С. Пушкин:

«Ваше Величество, Вы сокрушили главу революционной гидре, Вы совершили великое дело, кто станет спорить? Однако... есть другая гидра, чудовище страшное и губительное, с которым Вы должны бороться, которое должны уничтожить, потому что иначе оно Вас уничтожит».

«Выражайтесь яснее», — попросил Государь. «Эта гидра, это чудовище — это самоуправство административных властей, развращенность чиновничества и подкупность судов. Россия стонет в тисках этой гидры, поборов, насилия и грабежа, которая до сих пор издевается даже над высшей властью. На всем пространстве государства нет такого места, куда бы это чудовище не досягнуло, нет сословия, которого оно не коснулось бы...».

Эти слова, к сожалению, актуальны и сегодня, проблема с тех пор так и не решена. Замените в этой речи Пушкина «революционную гидру» на «олигархическую» Березовского и Гусинского и прочих «героев»

уже 21 века, и эта речь будет болезненно актуальна для В. В. Путина и его приемника на посту главы России. Читая эту речь, да и эти стихи, невольно приходит мысль, что Россия «ходит кругами» и что-то знакомое опять повторяется. Опять «он» воюет на Кавказе... По-моему, там — на Небе, сидят большие шутники и юмористы или — невероятно Терпеливые, которые всё ждут: когда же эти русские наконец поумнеют, сойдут с этих выдавленных кругов-колеи и двинутся вверх...

Этот разговор Пушкина с Николаем I по свидетельству близкого друга Пушкина польского графа Струтынского состоялся в Чудовом монастыре, когда А. С. Пушкин уже отошел от масонов и об императоре написал:

...Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, НАДЕЖДАМИ, трудами.

И Пушкин уже не писал очередные «Вольности», а во всём прекрасно разобрался и писал суровую правду: «Все филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам». Но к этой правде, к этой простой мудрости А. С. Пушкин шел долго через закономерный бунтарский максимализм юности и различные приключения.

Эволюция А. С. Пушкина

Очень критический Николай Гоголь ещё при жизни Пушкина о нем написал:

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии...». Услышать от Николая Гоголя такую похвалу было огромной редкостью. Пушкин же написал хвалу Петру Первому в своей «Полтаве», но когда император разрешил ему работать в архиве, то А. С. Пушкин удивительно быстро и точно разобрался в истории России и в своей заметке «Об истории народа Русского Полевого» он объяснил: «С Федора и Петра начинается революция в России, которая продолжается до сего дня».

Сосланный в ссылку из Польши в Петербург знаменитый польский поэт А. Мицкевич стал другом Пушкина и свидетельствовал: «Когда он говорил о вопросах иностранной и отечественной политики, можно было думать, что слышите заматерелого в государственных делах человека».

И ценность в том, что Пушкин зашёл в масонство, разобрался, всё понял, и, несмотря на то, что многие его друзья состояли в масонских организациях, осудил масонов и от них удалился. И это притом, что он воспитывался в масонском духе и в масонском мировоззрении.

«Отец поэта, Сергей Львович Пушкин, типичный вольтерьянец 18 века, в 1814 году вступает в Варшаве в масонскую ложу «Северного Щита», в 1817 году мы видим его в шотландской ложе «Александра», затем он перешел из неё в ложу «Сфинкса», в 1818 году исполнял должность второго Стюарта в ложе «Северных друзей». Не менее деятельным масоном был и дядя поэта — Василий Львович Пушкин... — отмечал в своём исследовании В. Ф. Иванов. — В Царскосельском лицее Пушкин тогда все время находился под идейным воздействием вольтерьянцев и масонов. Царскосельский лицей, также как и Московский университет, как многие другие учебные заведения в Александровскую эпоху, был центром распространения масонских идей.

Проект Царскосельского лицея, по предании, написан ни кем иным, как воспитателем Александра Первого швейцарским масоном Лагарпом и русскими иллюминатом М. Сперанским. Лицей был задуман как школа для «юношества особо предназначенного к важным частям службы государственной»... Несколько преподавателей лицея были масонами и вольтерьянцами. Преподаватель Гауеншильд состоял в той же ложе иллюминатов «Полярная звезда»... Профессор Кошанский был членом ложи «Избранный Михаил»... Нравственную логику и философию Куницын излагал в духе французской просветительной философии (и т. п.)... Царскосельский лицей подготавливал лицеистов не столько к государственной службе, сколько подготавливал их к вступлению в тайные противоправительственные общества (что и приводило в восторг большевистских идеологов и коммунистов. — Р.К.)».

Интересно и то, что сейчас, в 21 веке, мрачная традиция сохраняется, и город Пушкин, бывшее Царское село, является одним из центров современного масонства на северо-западе России, конкретно — находящийся там Аграрный университет. 31 октября 2007 года я присутствовал в нём на «научном» семинаре и был свидетелем, как глава местной масонской ложи «Мертвая вода» «жрец-концептуалист» В. Зазнобин и ректор университета В. Ефимов пропитывали студентов старой масонской идеологией «свободы, равенства и братства» под новым «соусом» критики современного «толпоэлитарного» библейского устройства мира и государства, и как пример идеала приводили жизнеустройство муравьёв и пчёл, критиковали всякую иерархичность: космическую, природную и человеческую, то есть природный (божеский) закон разнообразия в этом мире, то есть занимались не только уже характерной для себя критикой христианства, но просто богоборчеством, люциферством.

При этом главный «мертововодник» — «концептуалист» нагло врал о президенте Белоруссии А. Лукашенко, который поддерживает на достойном уровне жизнь белорусов, только потому, что президент США Буш якобы тайно дает ежегодные огромные миллиарды, и всё это под прикрытием длинных речей о «кантовской» нравственности.

То, что в головах выпускников этого университета вместо знаний по агрономии и зоотехнии, будут витать масонские «мертвоводные» «концептуальные» внешние и внутренние «предикторы», «теории перехвата управления» и желание уравнять всё общество чтобы без элит — это точно. А как за поголовное равенство без элит боролись Робеспьер и Дантон, Бронштейн и Ленин-Бланк мы уже проходили на очень горьком опыте. Сколько можно наступать на «грабли» целенаправленного «безобидного» «просветительства» и полуобразования?

Казалось бы, несколько профессоров в Пушкинском аграрном университете рассуждают глобально об истории и мироздании, но 14 марта 2008 года в этом университете состоялось выездное заседание Российского Правительства под руководством главы правительства В. А. Зубкова, на котором обсуждали многие вопросы, в том числе и проект этого университета — малоэтажного ландшафтно-усадебного строительства, который можно было с таким же успехом назвать — «проект Аракчеева в современных условиях» или «возрождение колхозов в современных условиях». Через две недели этот проект уже озвучил на ТВ новый президент Д. Медведев. Интересны эти витки-возвраты истории...

Великий государственник, «Железный граф» — А. А. Аракчеев (1769–1834) в короткие сроки блестяще осуществил проект поселений государственных крестьян и казаков, и более того — он превратил эти поселения в процветающие прибыльные хозяйства. К концу 40-х годов при правлении Александра I капитал в созданном А. А. Аракчеевым для финансирования этого проекта поселенческом Кредитном банке вырос по тем временам до огромной суммы — 26 миллионов рублей. А теперь посмотрим, как Д. Медведев, В. Путин и нынешние чиновники с подачи масонов смогут эффективно «освоить» наши — общенародные, государственные деньги, и что из этого получиться. Вернемся к А. С. Пушкину.

После окончания Царскосельского лицея в 1817 году Пушкин был уже известным поэтом. Он был принят в литературный кружок «Арзамасское общество безвестных людей» или просто «Арзамас», и закономерно вступил в кружок «Зеленая лампа», который был подразделением «Союза благоденствия» декабристов. В этот период А. Пушкин писал:

Витийством резким знамениты,
Собирались члены сей семьи

У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи...

Масоны друг с другом используют обращение «брат» и «товарищ», — отсюда и у Пушкина: «Товарищ, верь, взойдёт она, звезда пленительного...».

Хотя масоны к Пушкину относились весьма подозрительно, и это они сами отмечали — С. Волконский: «В отношениях, сближавших Пушкина с декабристами, есть некоторая недоговорённость...». А декабрист Горбачевский писал конкретнее:

«От верхней думы нам было запрещено знакомиться с Пушкиным, а почему? Прямо было указано на его характер». Возможно, масоны не хотели впутывать в серьёзную политику молодого перспективного поэта, а возможно, чувствовали другого по духу; об этом писал философ С. Франк:

«Друзья Пушкина с чуткостью, за которую им должна быть благодарна Россия, улавливали уже тогда, что по существу своего духа он не мог быть заговорщиком».

Пушкин это, пожалуй, понимал и по горячей молодости пытался доказать, что он свой — писал острые эпиграммы, написал знаменитую оду «Вольность», которая повторила с развитием оду «Вольность» Радищева, в которой юноша пытался учить царей — «увенчанных злодеев», как жить, и не только неосторожно вольнодумствовал, но демонстрировал своим знакомым единомышленникам портрет своего героя-террориста Лувеля, убившего герцога Беррийского, — в результате «заложили», и за это его власти хотели сослать в 1820 году в Сибирь. Но помогло заступничество авторитетного Карамзина и «украшение нашей словесности» отправили в мягкую ссылку на юг. «(Он) благополучно поехал в Крым месяцев на 5. Ему дали 1000 рублей на дорогу. Он был, кажется, тронут великодушием государя», — писал Карамзин в письме Вяземскому.

22-летний Пушкин поехал не в Крым, а по совету единомышленников — в Кишинев. Когда молодого вольнодумного А. Пушкина власти послали подальше от греха — от масонского Петербурга на юг, то «почему-то» не выяснили, что в Кишиневе, куда попал Пушкин, расцветала масонская ложа «Овидий», которая прославилась громким забавным казусом: когда с яркой символикой принимали в ложу архимандрита Ефрема, и согласно ритуалу с завязанными глазами повели его из дома через двор в подвал, чтобы побыл «по обычаю» там наедине, то вдруг ведомого связанного и с завязанными глазами архимандрита заметили прохожие, и, подумав нечто страшное, бросились спасать от насильников, вызвав при этом полицию...

Вот здесь А. Пушкин и достиг своей цели и дал клятву, отступление от которой стоило ему жизни.

«Из новоучрежденных мастерских союза Великой ложи «Астреи» особого внимания заслуживает ложа «Овидий» в Кишиневе... Именно здесь 4 мая 1821 года и состоялось посвящение великого поэта в степень ученика», — отметил в своём исследовании В. Брачев.

«Живя на юге, — отмечает в своём исследовании Б. Башилов, — Пушкин встречается со многими масонами и видными участниками масоно-дворянского заговора декабристов: Раевским, Пестелем, С. Волконским и другими, с англичанином-атеистом Гетчисоном. Живя на юге, он переписывается с масоном Рылеевым и Бестужевым». Но Пушкин при этом усердно занимался самообразованием — много читал иностранных авторов и российских, в том числе книги по истории Карамзина.

Пушкин из Кишинева переехал на Кавказ, потом на Черное море в Одессу, а затем попался на крамольной переписке, и в 1824 году власти ему приказали жить в его селе Михайловском в Псковской губернии, где жизнь в одиночестве и в думах очень пошла ему на пользу. Видно было, что в год восстания декабристов Пушкин думал об истоках этого революционного движения — о лицейских учителях:

...Куницыну дар сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень.

Старые друзья — «братья по разуму», и в далекое Михайловское к нему приезжали. Но с Пушкиным происходили «странные» перемены, его взгляды стали кардинально меняться. Когда его посетил зимой 1825 года масон-декабрист Пущин, то отметил, что А. Пушкин сильно изменился, улетучилась его легковесность и легкомыслие, и он стал «серьёзнее, проще и рассудительнее».

Пушкин внимательно отнесся к русскому языку, его ценности, и по достоинству оценил заслуги выдающегося славянофила А.С. Шишкова: «Сей старец дорог нам: он блещет средь народа...».

Что-то произошло в сознании взрослеющего и самостоятельно думающего Александра Пушкина, он увлекся историей России, с большим интересом прочитал все тома «Истории...» Карамзина. «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная», — писал А. Пушкин. Пушкин отметил неприятную, глупую критику этого научного труда Карамзина его единомышленниками — декабристами.

«Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, — казались им верхом варварства и унижения», — писал

разочарованный декабристами Пушкин, который своим мировоззрением всё дальше от них отдалялся:

Не дорого ценю я громкие слова,
От коих не одна кружится голова...
И мало горя мне, свободно ли печать
(«Из Пиндемонти»).

Вероятно, А. Пушкин пришел к выводу, который позже озвучил Н. Бердяев в «Царстве духа...»: «Либералы обыкновенно понимают свободу как право, а не обязанность, и свобода для них означает лёгкость и отсутствие стеснений, тогда как свобода (и это соответствует русскому пониманию свободы) — не право, а долг (ответственность)...». Пушкин философски переосмысливал действительность, кардинально менял свои взгляды и уже писал:

Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья,
И сети разорвал, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушая тишину...

Далеко от столицы и других городов, в деревенской тишине пытливый ум Александра Пушкина, наедине с самим собой и с Миром не мог не задуматься над глобальными всеобщими законами Мироздания и, выйдя ночью к звездам, всматриваясь им в глаза, вполне мог прийти к правильным выводам, как В. Смоленский:

Взгляни на звёзды! Ни одна звезда
С другой звездою равенства не знает.
Одна сияет, как осколок льда,
Другая углем огненным пылает.
И каждая свой излучает свет,
Таинственный, зловещий или ясный.
Имеет каждая свой смысл и цвет
И каждая по-своему прекрасна.
Но человек в безумии рожден
Он редко взоры к небу поднимает,
О равенстве людей хлопочет он
И равенство убийством утверждает.

Над этим мудрым философским стихотворением рекомендую глубоко задуматься всем, кто думает вступать в масонские организации

или в них находиться, ибо противоречить законам Мира — это идти против Бога, это богоборчество, а кто с Богом пытается горделиво бороться?..

Пушкин открестился от декабристов и их критиковал. В письме своему доверенному Жуковскому 7 марта 1826 года объяснял: «Бунт и революция мне никогда не нравились, но я был в связи почти со всеми, и в переписке со многими заговорщиками. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова».

Соответственно изменилось отношение Пушкина и к императору, который достойно повел себя во время мятежа:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.
Его я просто полюбил...

И совершенно закономерно, а в глазах его бывших товарищей — «позорно» прозревший А. Пушкин в 1826 году написал раскаянное письмо императору Николаю Первому, в котором согласился с его Манифестом от 13 июля 1826 года, что причина бунта мятежников в «недостатке твёрдых познаний», в «пагубной роскоши полупознаний, сей порыв мечтательной крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — погибель». Более того, и «возмутительнее» — А. Пушкин стал публично демонстрировать свою новую мировоззренческую позицию, что выразилось в его неожиданной критике А. Н. Радищева (1749–1802), ставшего масоном-мартинистом ещё в университете в Лейпциге, за его «Путешествие в Москву». Пушкин: «Поступок его всегда казался нам преступлением ничем не извиняемым, а «Путешествие в Москву» весьма посредственной книгою...»

Это только коммунисты в СССР лучше Пушкина разбирались в литературе и бесконечно восхищались талантливой критикой царизма А. Радищевым.

Пушкин понял замысел главного теоретика масонов А. Вейсгаупта, о котором высказался выше, и понял, что масоны заметили один закон природы — «закон зелени» или «бодание молодых козлят». А. С. Пушкин: «Как соблазнительны для развивающихся умов мысли и правила, отвергаемые законом и преданиями». Понял А. С. Пушкин и их коварную технологию «свободы». Пушкин:

«Абсолютная свобода, не ограниченная никаким божеским законом, никакими общественными устоями, та свобода, о которой мечтают и краснобайствуют молокососы или сумасшедшие, невозможна, а если бы была возможна, то была бы гибельна как для личности, так

и для общества» (Б.Б.). Это возрастное бунтарство и использовали все кому не лень, в том числе и масоны, которые в своих директивах указывали: «Оставьте стариков и взрослых, идите к молодым».

А.С. Пушкин, несмотря на новые взгляды на жизнь и идеологические разногласия с декабристами, сильно переживал за своих сосланных друзей молодости и делал им посыл:

Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

При этом А.С. Пушкин, как даровитый философ, пришел к глубокому выводу-истине: «Нравственность, как и талант, даётся не каждому», отсюда и библейское — «не осуждай».

Когда жена А.Г. Муравьева уезжала в Сибирь к мужу, то Пушкин в 1827 году передал ей своё знаменитое стихотворение, желая поддержать их бодрость духа:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд...
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Несмотря на сочувствие и дружеские чувства к своим друзьям молодости, А.С. Пушкин безвозвратно вырос из масонов, перерос и понял всю их коварность и опасность.

«Пушкин одержал духовную победу над циклом масонских идей, во власти которых он одно время был... К моменту подавления масонского заговора декабристов национальное миросозерцание в лице Пушкина побеждает духовно масонство. Пушкин к этому времени отвергает весь цикл политических идей, взлелеянных масонством, и порывает с самим масонством. Пушкин осуждает революционную попытку связанных с масонством декабристов, и вообще осуждает революцию как способ улучшения жизни. Пушкин радостно приветствует возникшее в 1830 году у Николая намерение «организовать контрреволюцию —

революции Петра Первого. Из рядов масонства Пушкин переходит в лагерь сторонников национальной контрреволюции... Как государственный деятель Николай Первый настолько выше утописта Пестеля, насколько в области поэзии Пушкин выше Рылеева», — отметил в своём исследовании Б. Башилов.

Император Николай Первый внимательно отнесся к письму А. С. Пушкина. В Михайловское внезапно прибыл курьер и пригласил Пушкина к царю в Псков. Пушкин поехал, и 8 сентября 1826 г. в Чудовом монастыре состоялся между ними долгий и откровенный разговор, изменивший многое.

После этого разговора Николай I стал поклонником Пушкина и его опекуном до его гибели, разрешил ему жить, где хочет и оказывал ему большую помощь, в том числе и финансовую.

«Государь вел себя по отношению к нему (Пушкину) и ко всей его семье как Ангел», — писала Екатерина Андреевна Карамзина. Позволив Пушкину пользоваться государственным архивом и заняться любимой историей, Николай I способствовал дальнейшему росту сознания А. Пушкина, отсюда и такой прогресс в понимании Петра «великого» с «Полтавы» написанной в 1828 году до «Медного всадника» в 1833 г.

«Очень характерно, что молодой Александр Пушкин до Болдинской осени охотно писал стихи о Петре и петровской эпохе, разразился своей великолепной «Полтавой», но стоило ему всерьёз заняться Петровской эпохой, и родился «ужастик» 19 века, «Медный всадник»...», — объяснял Б. Башилов.

После встречи во Пскове Пушкину вернулось его прежнее восхищение Александром в ранней молодости: «Он взял Париж, он основал Лицей...».

Пушкин получил свободу, но не спешил возвращаться из деревни в столицу, у него было большое вдохновение творить — писать, «почуял рифму», и он много работал.

А когда в начале 1828 года вернулся в столицу, то оказалось, что, несмотря на мир и дружбу с самим императором, у него немало врагов, которые не собирались облегчать «предателю» жизнь.

Ведь роман писателя середины 19 века Писемского «Масоны», написанный с помощью брата Писемского известного масона Ю. Н. Бартенева, описывает тайную деятельность запрещённых в России масонов как раз в этот период времени; а в 1831 году масоны под благовидным предлогом опять хотели создать «Библейское общество», поменяв название на «Евангелистское общество», якобы сделав на этот раз акцент не на сугубо еврейском Ветхом Завете, а на Новом, и обещали не издавать опять Пятикнижие Моисея, но на этот раз у них замысел не прошел.

Сложность ситуации для Пушкина была в том, что его преследовали не только формировавшие «общественное мнение» масоны-острословы, но и правительственные структуры Николая Первого. Понятно, что если до 1825 года в элите общества было огромное количество масонов, то они не могли исчезнуть полностью за 3–5 лет, несмотря на подписку и клятву не заниматься тайной деятельностью.

И по иронии судьбы именно занимающийся цензурой, контролирующий информационное поле Негласный Комитет, возглавляемый старым масоном графом Кочубеем, современники называли достаточно конкретно — «Якобинской шайкой».

Не лучшим оказался и продолжатель дела Кочубея Бенкендорф, который «почему-то» вызывал к себе для разборок Пушкина на много чаще, чем кого бы то ни было.

В первый же год — 1828 «товарищи» и «братья по разуму» подставили А.С. Пушкина под удар — основательно его оклеветали, приписав ему авторство скандального «Андрея Шенье». Следствие по этому поводу было настолько серьёзным, что его вел Сенат. Задерганный и оскорбленный А.С. Пушкин не выдержал несправедливости, психанул и написал прошение зачислить в действующую армию. И только вмешательство Николая Первого избавило Пушкина от дальнейших унизительных оправдываний. Несмотря на это, постоянные придирки Бенкендорфа были просто необъяснимы здравым умом, и были больше похожи на третирование поэта мстительными масонами.

В 1830 году Пушкин женился и был безмерно счастлив, после чего вначале 30-х годов много путешествовал по России и много времени проводил с семьей в Болдино, при этом много и плодотворно работал, писал стихи, сказки, так и заканчивал свой большой труд «Евгений Онегин».

А. Пушкин в сказках обобщил народную мудрость, он приучил, научил думать, показал красоту и силу мышления. А об Онегине Ф.М. Достоевский так сказал: «Первый страдалец русской сознательной жизни, который почувствовал, что на свете ему нечего делать». Это характерный русский вопрос — в чем смысл жизни? Чисто русская позиция — анализ действительности, затем несогласие с ней, затем попытка переделать её даже путем размашистого бунта, и потом в случае неудачи запить или сказать, как сказал Л.Н. Толстой: «Разумное знание привело меня к признанию того, что жизнь бессмысленна, жизнь моя остановилась...».

Критическое отношение А. Пушкина к масонам не изменилось. «А то, что масонство А.С. Пушкина было случайным эпизодом в его биографии — это несомненно. И убедительное свидетельство тому — резкое охлаждение отношений поэта со своими братьями по ордену

в 1830-е годы. И виноват в этом был прежде всего сам А. С. Пушкин, или, вернее, его государственно-патриотическая позиция в эти годы. Одно уже стихотворение «Клеветникам России» (1831 г.) много в этом отношении стоит.

В результате, как отмечают современники поэта, в последние годы своей жизни он уже совсем перестал посещать Английский клуб — традиционное место сборища петербургских масонов того времени», — отметил в своём исследовании В. Брачев.

Гибель А. С. Пушкина

Когда Пушкин вернулся в столицу с замыслом создать журнал «Современник», то опять неизбежно возникли неприятности и опять в результате подставы. На этот раз мстительные масоны «подставили» Пушкина под гнев Государя, раскрыв авторство «Гавриилиады», за которую «взрослый» Пушкин стыдился. Пушкину опять пришлось унизительно оправдываться. Но Николай I оказался на высоте и «не купился» на очередную тонкую игру в бдительность, и объявил: «... Зная лично Пушкина, я его слову верю...».

Такую же тонкую коварную «внутреннюю» смертельную игру, только в иных масштабах, мы встретим в середине 30-х годов 20 века в СССР при Сталине.

В данном же случае — не получилось убрать А. С. Пушкина руками властей, так решили убрать другим способом, и трудно было что-то иное придумать, чтобы погубить Пушкина, кроме как спровоцировать его на дуэль. При любом исходе дуэли результат для злокозненных «мудрецов» был позитивным — если бы Пушкин не погиб, то его можно было обвинить в нарушении строгого закона — дуэли указом императора были категорически запрещены, а значит Пушкин предстал бы перед судом и получил бы длительный тюремный срок или каторгу.

И мудрецы-шахматисты стали думать.... — с поводом для дуэли проблем нет, ибо у жертвы красавица жена — Наталья Николаевна Гончарова, и разыграть банальный любовный треугольник и вызвать сцены ревности, зная характер Пушкина и его чувство чести и собственного достоинства, — проще простого. Более трудная задача со стрелком — потенциальным убийцей Пушкина, который должен быть не только наверняка метким стрелком, но согласился бы пожертвовать светской жизнью, — быть готовым идти в тюрьму или даже на казнь, быть готовым к осуждению и ненависти со стороны российского общества и императора за убийство любимого поэта-гения.

Вот на такую роль трудно было найти желающих, идеально было бы, чтобы стрелок был бы иностранцем, тогда бы все проблемы

снимались бы — его как гражданина иностранного государства просто выдворили бы из России, и после этого на осуждение российского общества и императора ему — наплевать. «Злые силы сделали Наталью Николаевну игрушкой и орудием своих черных планов. Если бы им не удалось использовать Натали, они нашли бы другой способ, но Пушкина они все равно бы погубили», — объяснял масон ложи «Р. И. Е.» Е. Грот (Б.Б.).

Как только А. С. Пушкин в 1834 году появился в Петербурге, и как то сразу вокруг него стали сгущаться и роится недруги, и пошла мудрёная масонская игра-свистопляска. Пушкин это сразу заметил и в этом же году написал:

Я слышу вокруг меня жужжание клеветы,
Решенья глупости лукавой
И шепот зависти, и легкой суеты
Укор веселый и кровавый.

Опять случился скандал вокруг Пушкина, масоны опять его «подставили» перед императором — зловредный немец Бенкендорф незаконно перехватил и вскрыл письмо Пушкина своей жене, в котором поэт сетовал на чиновников и нелицеприятно о них отзывался. Это письмо — как опасную критику власти, занесли самому императору. Николай Первый расстроился, но никаких мер против Пушкина не принял. Но видим, как «невидимая сила» с неимоверным упорством работала против Пушкина, упорно его подставляла под удар, упорно хотела если не расправиться с ним руками самого Государя, то хотя бы снять с него защиту и финансовую опеку в лице императора.

Ответный ход Пушкина был закономерным — он подал прошение в отставку и собирался уединиться в Михайловском, но в отставке ему отказали и даже пригрозили запретить ему работать в архиве. Пришлось ему ещё терпеть. Но в 1835 ему удалось вырваться почти на полгода в своё любимое Михайловское, где он разочарованный столичным обществом, переживая за судьбу России, не видел её перспективы при нынешнем обществе, но будучи оптимистом в сердцах вопрошал:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев...

Но планы создания литературного журнала «Современник» с целью скорейшего правильного воспитания молодого поколения, да и фор-

мальные обязанности по службе, вынудили его вернуться в Петербург, в котором он не хотел жить, поэтому поселился за городом на даче на Каменном острове.

Внимательно вглядываясь в жизнь, А. Пушкин заметил новое явление — появившихся ростовщиков и дал ему, им свою оценку:

...И дале мы пошли — и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.
Горячий капал жир в копченое корыто.
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: «Поведай мне: в сей казни что сокрыто?»
Вергилий мне: «Мой сын, сей казни смысл велик:
Одно стяжание имев всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик
И их безжалостно крутил на вашем свете.»
Тут грешник жареный протяжно возопил:
«О, если б я теперь тонул в холодной Лете!
О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
Сто на сто я терплю: процент неимоверный!» —
Тут звучно лопнул он — я взоры потупил.
Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилося яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной...».

В апреле 1836 года к великой радости А. С. Пушкина вышел первый номер журнала «Современник». Но он предчувствовал как что-то смертельное готовится ненавидящим его окружением, и он уже был готов к худшему — иначе не объяснить стихотворение, написанное в расцвете жизни, в 37 лет: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

А. Пушкин уже подводил итоги и тешил себя, что жизнь прожита не зря и народ будет о нем помнить.

А масоны завертели вокруг русского гения свою мудреную мстительную смертельную метелицу, чтобы образцово наказать за клятвоотступничество. Главную роль организатора убийства взял на себя высокопоставленный масон, защищенный дипломатическим иммунитетом, Нидерландский посланник в России барон Геккерн (старший), а инструментом убийства он использовал своего приемного сына барона Геккерна младшего — поручика Дантеса.

Как эта иностранная масонская мразь режиссировала события и подводила Пушкина к дуэли видно из возмущенного письма А. С. Пушкина Геккерну (старшему) от 26 января 1837 года:

«Господин барон! Позвольте мне изложить вкратце все случившееся. Поведение Вашего сына было мне давно известно... Собственное Ваше поведение было неприлично. Представитель коронованной главы, Вы родительски сводничали Вашему сыну. Кажется, все поступки его (довольно, впрочем, неловкие) были Вами руководимы...

Подобно старой развратнице, Вы сторожили жену мою во всех углах, чтобы говорить ей о любви Вашего незаконно рожденного или так называемого сына, и когда он, будучи больным венерическою болезнию, оставался дома, Вы говорили, что он умирает от любви к ней.

Вы говорили ей: «Возвратите мне моего сына»... Не хочу, чтоб жена моя ещё слушала Ваши отцовские увещания, и не могу позволить, чтоб сын Ваш после своего отвратительного поведения осмелился бы обращаться к моей жене, а ещё менее того, чтоб он говорил казарменные каламбуры и играл роль преданности и несчастной страсти, тогда как он подлец и негодяй.

Я вынужден обратиться к Вам с просьбой окончить все эти проделки... Имею честь быть, господин барон, Ваш покорный и послушный слуга. А. Пушкин».

Вот он, долгожданный повод — Пушкин наконец-то не выдержал и сорвался на резкость и оскорбление, а ведь и так удивительно долго терпел. Убийцы надеялись — что он давно уже должен был бы сам вызвать Дантеса на дуэль за наглые ухаживания за его женой, за попытку нарушить супружескую честь Натальи Николаевны и честь семьи Пушкина, с этой целью и нагнетались специально сплетни и насмешки. Причем многие в «свете» знали, что Дантес педераст и с женой Пушкина просто играется ради забавы и чтобы потрепать нервы знаменитому поэту, другие — чтобы этими ухаживаниями скрыть свои низкие наклонности от пересудов, замаскировать ухаживаниями, а третьи — знали правду и внимательно следили за реакцией А. С. Пушкина, и они не ожидали от него такой выдержки. И только после того, как сами заговорщики не выдержали и пошли на явную грубую провокацию — в ноябре 1836 года прислали А. С. Пушкину грязный предельно оскорбительный анонимный пасквиль на него под названием «Диплом Ордена рогоносца». Масоны цинично и жестоко издевались, якобы говоря А.Пушкину, — не захотел быть членом нормального масонского ордена, — будешь членом «Ордена рогоносца», Пушкин решил дать ответ.

«Орудием мести якобы был избран Жорж Дантес, действовавший по указанию некоего таинственного зарубежного масонского центра. Большое внимание в связи с этим придается «последнему предупреждению» поэту — полученному им накануне дуэли «диплому Ордена рогоносца», изобилующему масонской фразеологией, вроде «командор», «Большой капитул», «рыцари» и т. п. Отчетливо просматривается ма-

сонская символика и на печати «диплома»: циркуль, птица и прочее, — отметил в своём исследовании В. Брачев. — Едва ли случайно и то, что рассылался «диплом» от имени Д. Н. Нарышкина — бывшего мастера петербургской ложи «Северных друзей». Организатором же заговора «космополитической клики» против А. С. Пушкина считается ненавидящий поэта министр иностранных дел России граф Карл Нессельроде».

Да, пожалуй, ни одна интрига в российском государстве в этот период, особенно против российских патриотов, не обошлась без руководящего участия португальского еврея (по матери) Карла-Роберта фон Нессельроде-Эресго, о котором Фёдор Иванович Тютчев писал:

Нет, карлик мой! Трус беспримерный!
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душою маловерной
Не соблазнишь Святую Русь.

Ещё предстоит выяснить «выдающуюся» роль этого «мудреца» в масонском заговоре против Николая I, в убийстве-отравлении Николая I в феврале 1855 года совместно с графом Адлербергом и врачем Мандтом. Россия продолжала расхлебывать горькую похлёбку Петра «великого», заваривавшего кадровую политику из иностранцев, западноевропейцев. Вина и ошибка в продолжение этой политики была императора Николая I, и он сам от этого пострадал, поплатился жизнью.

Этот мерзавец Карла фон Нессельроде-Эресго не только был соучастником убийства А. С. Пушкина, но нанес большой урон российскому государству. Он принципиально «не мог» выучить за 70 лет русский язык, принципиально не принимал православие, оставаясь в масонском протестантизме; достигнув максимум карьеры в Табели о рангах и 40 лет руководя внешней политикой России, довёл Россию до полной международной изоляции и спровоцировал Крымскую войну, поставив Россию на грань катастрофы. И только после свержения этого негодяя сменивший его талантливый Александр Михайлович Горчаков спас Россию, эту историю мы подробнее рассмотрим в третьей книге.

Не будучи уверенными, что этим издевательством над честью и достоинством А. С. Пушкина точно выведут его из равновесия, заговорщики решили преследовать и третировать великого поэта дальше — стали переписывать-множить эту мерзкую анонимку и рассылать её по адресам его друзей, будучи уверенными, что друзья будут сообщать ему об этом каждый раз или отвернуться от опозоренного и терпящего унижения и оскорбления А. С. Пушкина, и это произведет дополнительное давление на психику и сознание А. С. Пушкина. И друзья сообщали А. С. Пушкину...

При этом друзья обратили внимание, что весь тираж этого омерзительного сочинения написан на особой бумаге иностранного производства, которая используется только в некоторых иностранных посольствах. Фактически это была иностранная диверсия против России и русского народа.

Пушкин сразу и безошибочно понял — в каком посольстве пишут и кто автор, и два месяца в тяжелых сомнениях искал правильный выход, решал — что делать... Ведь если по справедливости, то следовало вызвать на дуэль не Дантеса, а Геккерна-старшего — идейного вдохновителя, для которого Дантес был лишь орудием, но вызвать на дуэль Геккерна-старшего не было повода, а во-вторых, сам по себе вызов на дуэль главы иностранного посольства, при целевой утечке информации о вызове на дуэль вопреки строгому запрету, тут же вызвал бы большой скандал и судебное разбирательство с трагическими последствиями для Пушкина, и до дуэли бы не дошло, а заговорщики добились бы своей цели. Поэтому Пушкин и послал письмо в надежде, что раскрытый аноним наконец-то перестанет его преследовать или вызовет его на дуэль. Что и требовалось Геккерну-старшему — сам он, конечно, рисковать и вызывать Пушкина на дуэль не стал, а тут же послал защищать отцовскую честь Геккерна-младшего, боевого офицера. Дуэль «обиженной стороной» была назначена спешно на следующий день — 27 января 1837 года.

«Слухи о возможности дуэли получили широкое распространение, дошли до императора Николая Первого, который повелел Бенкендорфу не допустить дуэли. Это повеление государя масонами выполнено не было», — отметил в своём исследовании В. Иванов. Бенкендорф был соучастником убийства, и умышленно «тупил» — «прикинулся дурачком», затем оправдывался перед императором, что ошибочно послал полицейских в другом направлении... «Исследователи уже давно обратили внимание на одно странное обстоятельство — наличие в ложах людей самой различной политической ориентации: от крайне правых до ультралевых. Действительно, как совместить принадлежность к масонству таких несхожих между собой лиц, как декабрист-революционер Павел Иванович Пестель и шеф жандармов при Николае I А. Х. Бенкендорф...» — отметил специалист по масонам В. Брачев.

От полученного тяжелого ранения на дуэли великий мыслитель и поэт А. С. Пушкин 29 января 1837 года умер. Убийцы успешно реализовали принцип: «убей лучшего из них». Это, прежде всего, по России нанесли тяжелый удар и колоссальный ущерб. Наш выдающийся мыслитель Н. Я. Данилевский позже по этому поводу писал: «Все самобытное русское и славянское кажется ей (Европе) достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную

задачу западной цивилизации». М. Ю. Лермонтов сразу после трагической вести написал стихотворение «Смерть Поэта», в котором верно отразил:

Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!

Здесь неудачная игра слов, ибо А. С. Пушкин восстал против черных сил, и эти черные силы его и погубили. В. Брачев: «Некоторые исследователи даже считают, что дуэль и смерть А. С. Пушкина были спровоцированы именно масонами, как месть поэту за его якобы отступничество от идеалов ордена».

Следствие началось на следующий день после дуэли, и в марте 1837 года суд вынес приговор. Учитывая из объяснений Геккерна-младшего, что «обращение с женою Пушкина заключалось только в одних светских вежливостях» и что, по утверждению члена суда генерала Кнорринга — «поручика Геккерна во уважении того, что он решился на поединок с камер-юнкером Пушкиным, будучи движим чувствами сына, разжаловать в рядовые...», Николай Первый наложил на мнение судей резолюцию:

«Быть по сему, но рядового Геккерна как не русского подданного выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты. Николай Санкт-Петербург 18-е марта 1837». — Что и предусматривал преступный замысел. Это любимая игра масонов в «мини-бога», их «высший пилотаж» — и целенаправленно создавать события и манипулировать не ведающими истинного замысла и целей людьми, находясь незамеченными «за кулисами» жизненной сцены и всё держать под контролем. По этому поводу опять стоит вспомнить объяснение о хитрости-мудрости А. Шопенгауэра. Через 70 лет многие грани их опасной хитрости-мудрости будут описаны в знаменитых «Протоколах...».

Все упомянутые документы касательно Пушкина находятся в Российском государственном военно-историческом архиве и публиковались в «Известиях» от 04.04.2008 г.

После гибели А. С. Пушкина Николай I погасил все его долги в размере сто тысяч рублей, приказал выдать его семье десять тысяч рублей и назначил жене и детям большую пенсию, и приказал издать собрание сочинений Пушкина за счёт государства.

«2 февраля 1837 года известный масон А. И. Тургенев записал в своём дневнике: «Заколотили Пушкина в ящик. П.А. (Вяземский — Б.В.) положил с ним свою перчатку». Похоронили «братья» А. С. Пушкина, как видим, все-таки согласно масонскому обычаю...» — отметил В. Брачев.

Обнаружилась ещё одна печальная традиция — посмертная дискредитация идеологического врага: «О Пушкине до сих пор бродят в обществе разные нелепые слухи... Говорят, например, что Пушкин великий поэт, и все этому верят. А на поверку выходит, что Пушкин просто великий стилист и больше ничего... Для тех людей, в которых произведения Пушкина не возбуждают истерической зевоты, эти произведения оказываются вернейшим средством притупить здоровый ум и усыпить человеческое чувство...», — писал кумир нигилистов и затем коммунистов желчный критик Д. И. Писарев, пытаясь заляпать Пушкина своей грязью («Пушкин и Белинский»).

А такие творцы как «красный» М. Горький писал: «Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России». Тем более вызывала восхищение личность Пушкина у «беспартийного» патриота Ф. Достоевского: «Появление его способствует освещению темной дороги нашей новым, направляющим светом. В этом смысле Пушкин есть пророчество и указание».

Интересно проследить, как в тот период истории России произошло деление на творцов: Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тютчев, Фет и пр. и на завистников творцов, их критиков: Белинский, Писарев, Добролюбов, Герцен и помельче. Это мы рассмотрим далее, а пока стоит ещё несколько слов сказать о А. С. Пушкине, вклад которого в русский язык, в возрождение национального самосознания после петровского и длительного «иностранного» правления, в достоинство и духовную копилку русского народа, в мировоззрение и развитие русской цивилизации, не говоря уже о литературе и поэзии, в краткой форме даже трудно оценить. Многие восхищаются поэзией Пушкина, но не обращают внимания на него как на философа, и даже как на глубокого мистика. За свою короткую жизнь он успел много сделать. Свою миссию Александр Пушкин перед русским народом, в истории России выполнил сполна, осталось другим русским свою миссию исполнить — понять, наконец, Пушкина и что творилось и твориться в России, и исполнить своё предназначение в жизни.

Пушкин эту свою исполненность миссии, её законченность перед Россией и потомками понимал, и понимал близость смерти, и об этом написал в последние недели жизни:

Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит...

Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег...

До свиданья Друг! И до новых свершений в этой борьбе Добра и Зла, светлых и черных сил, на пути развития и совершенства!

Закончена тема Пушкина, — подумал я, сидя глубокой зимней ночью, и потянуло на философскую лирику: смахни слезу... Попей чайку. Задумайся над своей жизнью краткой бренной... над этим Миром вечным... И улыбнись... И приготовься — скоро утро высветится и новый день зашумит...

И Мир выпьет тебя не спеша, как чашку чая, и что Он о тебе подумает?.. Хотелось бы, чтобы сказал от удовольствия что-то хорошее...

А на следующий день меня стала мучить некая смутная незавершенность темы, что-то забыл; и вспомнил — хотел глянуть на новый фильм о Пушкине «Пушкин. Последняя дуэль» — как показан Пушкин и его гибель? Оказалось, что сценарист и режиссер этого фильма Наталья Бондарчук 10 лет готовилась к этому фильму, 10 лет досконально изучала Пушкина и пришла к таким же выводам.

Я даже не ожидал показа такой точной и суровой правды. Главный герой в этом фильме — А. С. Пушкин говорит: «Это не заговор против меня, — это заговор против императора, против России».

Интересно было глянуть, что написала наша либерально-демократическая пресса про этот фильм, а она у нас таковая на 99%. Умеренные промолчали, а главные защитники западных либеральных ценностей сочли долгом прокомментировать — газета «Известия»:

«Это чистой воды идеологическая провокация. Но зачем же брать при этом в приспешники величайшего русского гения и спекулировать на великой национальной трагедии?».

Досталось от гневно обрушившихся критиков режиссеру и за подбор на роль Пушкина «рыжего блондина с голубыми глазами» — почему не метис или даже африканец. Получил немало язвительных саркастических подзатыльников и сыгравший главную роль артист Сергей Безруков типа: «Потренировавшись на Есенине...» и т. п.

А зависимая прозападная «Независимая газета» зрела в идеологический вражеский корень:

«Мне кажется, — писала кинокритик газеты Е. Барабаш, — что в данном случае мы имеем дело с ложью не просто художественной, а исторической, которая довольно сильно бьёт по современности... Пушкин в фильме предстает этаким ангелом-пупсиком, которого травят инородцы и гомосексуалисты.

Смысл фильма в том, что мы сейчас имеем: мы продались Западу». И звучал «оптимистический» прогноз — фильм получился не рейтинговый, в прокат его не возьмут, и посмотрят его мало зрителей.

Так и получилось, этот фильм, сделанный в 170-летнюю годовщину смерти великого А. С. Пушкина, мелькнул раз всего на одном телеканале и пропал. Раньше — в СССР, была цензура в лице цензоров и Политбюро, а теперь намного проще — обзвонили всем, что фильм идеологически

опасный — и самостийные телеканалы под благовидным предлогом его брать отказались.

Зато многие телеканалы в 2007 году в честь юбилея гибели А. С. Пушкина по многу раз показывали с умилением визит в Россию родственника убийц Геккернов, их тихую обеспеченную жизнь в Бенилюксе и трепетную память о предках, ставших знаменитыми только тем, что убили великого А. С. Пушкина. Родственник убийц демонстрировал с гордостью пистолет, из которого стреляли в Пушкина и трогательно объяснял: произошла история, которая часто происходит между настоящими мужчинами — они были друзьями, но влюбился Дантес в Наталью Николаевну, они оба её любили, повздорили между собой из-за женщины и пошли стреляться... Как всё просто и романтично...

А ведь либерал-демократы любят предупреждать: «не надо простых решений», тем более мерзких и подлых. Наблюдая этот вражеский шабаш на балу критики по поводу юбилея и фильма Н. Бондарчук, я подумал: а ведь права Барабаш — сама тема Пушкина, и тем более правда о Пушкине, правда о его убийстве, сам А. С. Пушкин «сильно бьёт по современности», участвует в современной жесткой информационно-идеологической войне за умы и души людей, особенно российской молодёжи. Н. Бондарчук заметила, что задумав этот фильм, она предполагала, что он не вызовет интереса у молодежи, а только у грамотных взрослых. Так и получилось.

А зря, плохо — я имею ввиду большую безграмотность и пассивность молодежи. Ведь мы опять наблюдаем повтор истории, опять идёт та же борьба, что и двести лет назад между западниками, прозападниками и патриотами; опять расплодились масоны, и опять бродят по улицам устрашающими черными тенями пессимистические нигилисты «эмо» и агрессивные нигилисты-экстремалы в черных масках. На всех уровнях идёт борьба, и в ней участвует А. С. Пушкин, борются с правдой о Пушкине, борются с Пушкиным, Пушкин сражается, — а значит Пушкин живой! Вот в чем значение великих. Ай да Пушкин! Ещё поборемся вместе!..

А. С. Пушкина необходимо изучать не только в младших классах, но и очень серьёзно в старших классах и в университетах. Причем русскую литературу необходимо изучать вместе с историей России, а историю этого периода России вместе с комментариями и достижениями выдающихся русских мыслителей этого периода. И теперь, надеюсь, читателям понятно — почему, преследуя цель дебилизации, отупления нашего народа по концепции К. Поппера, либерал-демократы после «перестройки» так упорно сокращают в учебных программах литературу, особенно русскую.

В конце этой главы можно подвести уже промежуточный итог деятельности масонов, их «достижений». «Успехи, которых добилось масо-

новедение, привели к тому, что сейчас уже практически никто не сомневается в значимости проблемы», — подытоживает В. Брачев — «Феномен русского масонства состоит в том, что практически на протяжении всей его истории 18 — начала 20 века наиболее востребованным обществом оказалось не традиционное, «правильное»...а масонство «неправильное», представленное либо политическими ложами, выдвигавшими на первый план борьбу за «освобождение» России, либо сообществами откровенно оккультно-мистического толка». Конечно, — мы наблюдали значимую роль масонов в истории России, наблюдали заговоры масонов и убийства: Петра III, Павла I, заговоры против Александра I и православия, против Николая I и против А. С. Пушкина, — какие после этого могут быть сомнения по поводу «масонской проблемы» и масонской опасности. Это только кандидат в президенты масон А. В. Богданов — в феврале 2008 года приводил хвалебные примеры русских масонов: Суворов, Кутузов, но «забыл» сказать о декабристах и о государственных заговорах, убийствах, и о глобальной подготовке масонов к борьбе за власть в России в 2012 году.

Интересна «новая» позиция и нашего самого лучшего масоноведа В. Брачева, резко изменившегося за год в своей второй книге, который по поводу заговора против А. С. Пушкина пишет: «Впрочем, справедливости ради следует отметить, что сторонники этой увлекательной версии оперируют больше эмоциональными и логическими доводами, нежели достоверными критически проверенными фактами». Что значит проверенными фактами? — Это следует ждать, когда масоны плюс ко всем доказательствам предоставят обществу документ с печатью, в котором напишут: «Да, — мы убили Александра Пушкина»...? Резко изменившийся за год В. Брачев «интересно» рассуждает и шире:

«Дело тут, конечно, не только в том, что масоны играли и играют огромную роль в современном мире. Парадокс как раз и состоит в том, что вопреки распространенному мнению, при ближайшем рассмотрении оказывается, что роль эта, по крайней мере, в нашей стране, была не так уж и велика».

Неужели? Своим большим серьёзным трудом на фактическом материале В. Брачев доказывает обратное, хотя «на словах» пытается убедить в совершенно ложном: «Слабость версии масонского заговора «сквозь века» с целью захвата власти очевидна для каждого трезвомыслящего человека».

В этой лжи его «слепо» поддерживает профессор В. Н. Тростников: «Этот захват ещё вилами на воде писан, а если и произойдёт, то когда-то в будущем...».

Г. В. Бостунич (Г. В. Шварц) в опубликованной в 1921 году книге «Масонство и русская революция» исходил из прошлого, из фактов:

«Это они (масоны. — Р.К.) руками фанатика Кромвеля произвели Английскую революцию 1649 года, в результате которой евреи получили в Англии равноправие, сделали страну базой для дальнейшего наступления на мир, а сами заделались лордами, как Дизраэли-Биконсфильд или вице-король Индии еврей Риббинг. Это они на масонском конгрессе в Вильгельмсбаде в 1785 году выработали план так называемой Великой французской революции... От этой «великой» революции в выигрыше остались одни только евреи. Все без исключения позднейшие после Наполеона перевороты во Франции произведены ими и только ими. Это они предали Францию Германии в 1870–1871 гг.

Вовсе не пресловутый «немецкий школьный учитель» победил французов, а французские масоны, свергнув вышедшего из их повиновения Наполеона III, заодно раздавили и свою «родину».

Это они устроили Парижскую коммуну 1871 года, программно намечая будущий «русский опыт»...

Это они через своих агентов: немецкого канцлера Бетман Гольвега и австрийского Эрцбергера вызвали мировую войну 1914 г., имея намерение в огне её свалить все европейские троны».

В. Брачев же продолжает «напускать туман» на сознание современных российских граждан: «Широкое распространение в современной России книг и статей на масонскую тему... побуждает нас, историков, задуматься — а все ли мы делаем для того, чтобы путем внедрения в общественное сознание так называемого «реального знания» и критически проверенных фактов попытаться привить ему определенный иммунитет против разного рода домыслов и спекуляций на масонскую тему? Ответ я думаю очевиден...

Не всегда легко бывает зачастую определить, где деятельность таких кружков и орденов кончаются так называемые «духовные искания» русской интеллигенции и начинается политика (если она была), и профессиональному историку. И уж тем более недопустимо огульное объявление деятельности всех без исключения таких масонских и парамасонских сообществ антигосударственной и антинациональной. Говорить об этом приходится потому, что некоторые исследователи, увлекшись обличением и бичеванием масонства, явно «хватают через край»».

Интересно, — лучше «хватить через край» — и обидеть нескольких неграмотных масонов, ибо грамотные не станут обижаться, а только злиться и мстить за раскрытие правды, или лучше «хватить через противоположный край» — поверить профессорам В. Брачеву, В. Тростникову и прочим, мягко выражаясь, «туманщикам», в результате потерять бдительность — и допустить в России очередного кровавого Кромвеля, очередную «великую» кровавую революцию, очередных кровавых

революционеров и погубить наших выдающихся лидеров и миллионы жизней наших соотечественников? Понимаете, видите разницу между этими крайностями?

Поэтому знание этой темы имеет очень важное значение; касательно масонов есть простецкий, но точный стишок:

...Пока закрыты будут знанья
И сохраняться герметизм,
Дотоль в международном зданьи
Бал будет править сионизм...

И поэтому внимательно будем изучать историю России дальше, наблюдая, как масоны в России придут к свершению Февральской революции, а «выдающиеся» представители еврейского народа — совершат Октябрьский захват власти в России, и как прозападная русская интеллигенция, кто умышленно, а кто по глупости, обоим силам в этом поможет.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ф. Тютчев, М. Лермонтов и П. Чаадаев

Именно мысль властвует над яростью хаоса.
Елена Рерих

О Михаиле Лермонтове (1814–1841) скажу совсем кратко — гений поэзии и бунтарь. Но, несмотря на то, что Лермонтов был тотальным бунтарем — один против всех и вся, «на нервах», но он верно уловил главное:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой!

А вот для сравнения позиция декабристов, высказанная П.Я. Чаадаевым (1794–1856), который вступил в масонскую организацию, возвращаясь с войны в Россию, в Кракове в 1814 году:

«Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами...» — а с открытыми не мог, и начинал критиковать, начиная от социальных порядков и заканчивая тотальной критикой русского народа:

«Ни одна великая истина не вышла из нашей среды... В крови у нас есть что-то такое, что отвергает всякий настоящий прогресс» — а это уже на грани ненормальности, патологии. Вот в чём трагизм недоразвития и путаницы. Для сравнения, уровень Пушкина и Лермонтова демонстрировал Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873), много лет проживший за пределами России — в «цивилизованной» Европе, однако написал въезжая в Россию:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа -

Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной...

А ведь мог написать как Радищев. И декабристам объяснял своим знаменитым патриотическим:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Ф. Тютчев был младше Пушкина на пять лет, но мудрел даже быстрее А. Пушкина, и на юношескую бодливую «Вольность» А. Пушкина ответил:

Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца...,

и дал точную оценку декабристам — «жертвы мысли безрассудной». Но оптимистически надеялся на благоразумие и единство:

Опально-мировое племя!
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни, и невзгод.
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?
Мы ждём и верим Провиденью:
Ему известны день и час...

Но чтобы упразднилось время розни, необходимо было, чтобы не было такой разности в сознании, чтобы уровень сознания введенных в заблуждение российских масонов, «декабристов, бунтарской молодёжи был выше, одинаков с лучшими умами России. М. Лермонтов пытался своим поэтическим ликбезом ликвидировать эту отсталость в своём произведении «Пир Асмодея», в котором помощник Сатаны докладывает Сатане:

На стол твой я принес вино свободы,
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить.

Знаменитый писатель О. Бальзак, свидетель масонской атаки на Францию, и внимательно наблюдавший за жизнью, обратил внимание: «Современное равенство, разлившееся сверх меры в наши дни, вызвало в частной жизни, в соответствии с жизнью политической, гордыню, самолюбие, тщеславие — три великие и составные части нынешнего социального «я»» (роман «Биатриса»).

Это подметил и философ Тютчев: «О, нашей мысли обольщенье, ты, человеческое Я». Тютчев был даже философом-мистиком:

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул,
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул
Мотылька полёт незримый
Слышен в воздухе ночном.
Час тоски невыразимой!
Всё во мне, и я во всём.

И на этом пути пришел к верным ведическим («языческим») воззрениям в своём знаменитом:

Не то, что мните вы природа,
Не слепок, не бездушный лик...

Ф. Тютчев, долго живя в Европе, внимательно наблюдал за умами европейских политиков и пришел к интересным выводам: «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия. Эти две силы теперь противостоят одна другой, и может быть, завтра они вступят в борьбу». Фактически, исходя из глубинных интенций Запада, он предсказал Крымскую войну.

Выше мы наблюдали, как А. Пушкин обнаружил новую негативную тенденцию, связанную с появившимися в России ростовщиками, и его реакцию. В этом случае даже либеральный П. Чаадаев возмутился: «Странное дело! В конце концов, признали справедливым возмущение против привилегий рождения (монархии)... между тем всё ещё находят

несправедливым возмущение против наглых притязаний капитала, в тысячу раз более стеснительных и грубых, нежели когда-либо были притязания происхождения».

Эту капиталистическую тенденцию противостояния злата и души, злата и Родины обнаружил Николай Гоголь (1809–1852) и решил ярко показать ее в произведении «Тарас Бульба» и особенно в своем блестящем произведении «Мертвые души», в котором пытался показать, как новая тенденция злата и корысти убивает в живом человеке живую душу, и ходят живые трупы.

Несмотря на критику «немытой России» и «мундиров голубых», на этой опасной тенденции решил заострить внимание и Михаил Лермонтов в своей притче «Преступник» (1829 г.), в которой «герой» — эдакий «новый русский» пропитанный «прогрессивными» веяниями, был недоволен своей «малой Родиной» — семьей, отцом, родной «варварской» деревней и удрал из отеческого дома в поисках свободы и злата и —

... в лесах, изгнанник своевольный,
двумя жидами принят я.

Результаты лихого разбоя оказались для «героя» весьма трагичными — родная деревня разграблена и сожжена, а отца нашего «героя» новые друзья по мировоззрению убили. Вот только тогда над могилой отца его встряхнуло, он ужаснулся от происходящего, от себя самого, начал прозревать:

Гляжу: сырой ещё бугор...
Над ним лежит топор с лопатой,
И конь привязан под дубами,
И два жида считают злато...

И прозревший «герой» страшно мучился и казнил себя, и в этом настроении расправился с коллегами по преступному бизнесу — одного утопил, другого повесил. Вот таков конец этой печальной нравоучительной истории Лермонтова, вывод которой, конечно же, не в убийстве преступных сообщников, а в важности верного мировоззренческого выбора.

Федор Тютчев также пытался звонить в колокол и достучаться до русского человека в статье «Россия и Германия», книге «Россия и Запад» и в стихах пытался объяснить русскому человеку о европейских «цивилизованных» политиках и либералах:

Напрасный труд! Нет, их не вразумишь:
Чем либеральней, тем они пошлее;
Цивилизация для них фетиш,
Но недоступна им её идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В её глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.

Кому были посвящены последние строки этого стихотворения, и кто противостоял Пушкину, Гоголю, Лермонтову и Тютчеву — мы рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Первый критик и «О. Р. И.»

Как вы видели выше, в России в первых десятилетиях 19 века появились великие писатели мирового уровня. И по какому-то закону после творцов — писателей и поэтов возникли вторичности, которые стали жить за счёт критики первых, самые известные из которых Виссарион Белинский (1811–1848 г.), Александр Герцен (1812–1870 г.) и Николай Огарев (1813–1877), почти одногодки. Есть писатели и поэты, которые пишут для людей, а появились между писателями и людьми критики, которые решили объяснить всем людям или самым неграмотным и глупым творчество первых, их талантливость или бездарность. Это как людям решили объяснить Бога посредники-священники каждый в меру своего ума и совершенства или несовершенства.

По поводу вторичностей можно озвучить много иронических метафор и аллегорий, но попытаемся понаблюдать за этим историческим явлением, и как появляются критики, хорошо демонстрирует биография первого из них — Белинского. И в этом есть что-то символическое: умирает творец А. Пушкин и на арену вышел его антипод — критик, западник и космополит В. Белинский.

Студент В. Белинский пытался писать стихи — не получилось. Затем в 19 лет попробовал пародировать своего кумира Шиллера и опять стать творцом, — и написал драматическую пьесу «Дмитрий Калинин», которую не только университетские профессора, но и читатели признали пошлой, бездарной и безнравственной. Причем Белинский решил написать эту пьесу не потому, что это была внутренняя необходимость выговориться о чём-то, что решил порадовать читателей красивой историей и талантливым языком, или поделиться с читателями каким-то открытием в жизни или обнаруженной мудростью, а ведомый «лестной сладостной мечтой о приобретении известности» и чтобы «разжиться

казною». Не получилось, мечта рухнула, Белинский понял — таланта у него нет и от расстройства слег в больницу.

После этого обозлился, стал винить во всем общество и власть, — в результате его выгнали из университета. Полтора года бездельничал и шатался, а затем в 23-летнем возрасте решил из своего нигилизма и критического отношения к жизни извлечь пользу — стал писать критические статьи, обсуждая писателей, поэтов и их произведения.

Чтобы набраться мудрости, Белинский вошел в кружок Станкевича по изучению философии.

И здесь интересно наблюдать за его «эволюцией» — вначале стал изучать Гегеля, и вскоре Гегель вытеснил Шиллера и стал его кумиром; затем Белинский стал изучать Фихте, и когда умудрился обнаружить в философии Фихте «не я» радикальную революционность, то его Кумиром стал Фихте, вытеснивший Гегеля. На этом этапе Белинский восхищался бунтарем Лермонтовым, хотя и уважительно относился к А.Пушкину, хотя в статье «Русская литература в 1840 году» написал про литературу в России: «Мы не имеем литературы, как исторического и преемственного сознания русского общества», — и это уже после смерти Пушкина и многих произведений Лермонтова и Гоголя... И хотя через два года Белинский признал свою глупость, но это говорит о многом — о его низком интеллектуальном уровне, хотя в этот период Белинский чувствовал себя в статусе первого российского критика — богом критики.

Особенно после советского образования, когда самостоятельно изучаешь деятельность Белинского, то диву даёшься — как могли эту посредственность так высоко вознести советские идеологи? — Хотя их идеологическая и политическая подоплека понятна — критиковал порядки при монархии. Но и в советское время знаменитый профессор В. В. Зеньковский (1881–1962) отметил:

«Вокруг имени В. Г. Белинского в русской исторической литературе давно идет горячий, доныне не замолкший спор — преимущественно по вопросу об оценке его значения в истории русской мысли. Ещё недавно Д. И. Чижевский (1894–1977) в своей большой работе «Гегель в России» высказывался в том смысле, что у Белинского репутация совершенно не заслуженная».

Сомнений в этом никаких нет, особенно после того, как Белинский в том же 1840 году очередной раз ляпнул по поводу знаменитого произведения Грибоедова: «Чацкие всегда будут смешны для меня, и я буду их делать смешными для многих, не заботясь, что мой приятель примет эти нападки за личность и оскорбится ими». Не только этой ошибочной оценкой, но и наглым хамством Белинского возмутились многие его современники и прозвали его — «неистовый Виссарион».

На этом пути критики вся и всех «неистовый» Белинский познакомился с утопическими взглядами Сен-Симона, и в результате Сен-Симон столкнул с пьедестала Фихте и стал кумиром Белинского настолько, что поглотил «и историю, и религию, и философии» все вместе взятые, и Белинский стал социалистом. И как свидетельствовал Гончаров («Заметки о личности Белинского»), «прогрессивный» Белинский много говорил о коммуне, о коммунизме, «когда самое название «коммуны» было ещё для многих ново».

И теперь «сильно поумневший» Виссарион сказал свои знаменитые фразы: «Но смешно и подумать, что это может сделаться само собой, временем, без насильственных переворотов, без крови...», «Люди так глупы, что их насильственно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов». Эти кровавые убеждения стали бодрящими тезисами и аксиомами всех «неправильных» масонов, террористов и революционеров во всем мире и пролили так много крови... Только на деле, в жизни — как это показали очень убедительно французские революции и особенно русские — унижаются и страдают миллионы, а «кайфует» несколько тысяч насильников, фашистов, назвавших себя демократами и либералами.

Почему кто-то называл Белинского — «белым генералом русской интеллигенции»? Это какая-то издевка, неудачная шутка, — это чёрный кровавый поручик.

Дальнейший «прогресс» В. Белинского виден в 1841 году в его письме к Боткину:

«Я понял и Французскую революцию и её римскую помпу... Понял и кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством...». Как видите — это уже опасная для людей патология, это уже пациент психиатров и лечебниц. И фамилией этого опасного сумасшедшего фанатика и сегодня названы десятки улиц почти во всех российских городах и даже город...

Через двадцать лет после этих высказываний Ф. Достоевский попытался объяснить доходчиво литературным языком происходящие опасные процессы в обществе — превращение на примере своего «беса» Шигалёва из монстра-нигилиста в монстра- коммуниста. Поэтому и Н. Бердяев в 20-м веке с полным правом сказал: «В Белинском был уже потенциальный марксист..», «Белинский предшественник большевистской морали...».

Можно даже утверждать, что В. Белинский опередил Карла Маркса с его коммунизмом, пока тот ещё ждал, пока появится Энгельс и расскажет, что на планете есть такой класс — пролетариат. Их совпадение объясняется тем, что оба исходили из масонской идеологии «равенства, братства и интернационализма» и из отрицания действительности,

в частности — государства как эволюционного способа организации жизни общества, семей, индивидов. И, как и Маркс, Белинский ничего конкретного не предложил вместо разрушения и крови, и после разрушения и крови...

На примере Белинского, Огарева, Герцена мы наблюдаем дальнейшее развитие («прогресс») процесса преклонения перед Западом (и в связи с этим разделение общества на две разные смысловые части), начатого Петром Первым.

Похоже, «неистовый» Виссарион пытался дальше «прогрессировать» и в письме тому же Боткину писал: «Отрицание — мой Бог...», то есть он заменил настоящего Бога своим, а свой нигилизм превратил в свою религию. К. Маркс, правда, пошел дальше и технологичнее — отринув настоящего Бога, объявил новым богом прессу и журналистов.

Но вскоре в результате философских исканий на этом направлении Белинский попал в мрачный тупик, как пытаются объяснить его поклонники — у Белинского случился душевный кризис, поэтому он стал ненавидеть Жизнь и писал о ней: «Жизнь — ловушка, а мы мыши... к чему всё на свете и зачем: ведь все мы помрем и сгинем, для чего же любить, верить, надеяться... умирают люди, умирают народы, умрет и наша планета». — Эдакий маленький Люцифер с убогим фатальным сознанием, протестующий против Бога. И в поисках выхода из этого мрачного тупика Белинский обратил внимание на «женский вопрос» и стал экспериментировать с женщинами, с ними искать смысл жизни.

И на этом этапе своих поисков Белинский прочитал рассказы под названием «Мельхиор» (1832 г.) освободившейся из монастыря и упивающейся свободой «без нелепых предрассудков» на лоне французских революций Жорж Санд (Авроры Дюпен). И Сен-Симон тут же слетел с пьедестала в голове Белинского, и на его место уселась знаток женских душ мадам Санд со своими тезисами:

«Бросим вызов всему миру, и пусть душа моя погибнет. Будем счастливы на земле, разве счастье быть твоей не стоит того, чтобы заплатить за него вечными муками» («Валентина»).

Здесь для В. Белинского было и родное бунтарство и протестный «героизм в объятиях», и в этом — вызов обществу и власти, и в этом философское укрытие от общества и власти и удобно-приятный смысл жизни: «Быть может, он (человек) лучше отвечал бы намерениям Творца, если бы просто наслаждался настоящим», — подсказывала нежно Ж. Санд.

«Эта женщина постигла таинство любви», — восхищался новым кумиром В. Белинский, теперь для него подруга Шопена и многих французов была всем и вся — «Мы счастливы, очи наши узрели спасение наше, и мы отпущены Владыкою, мы дождались знамений...» — в каком

иступленном трансе писал прозревший и постигший какие-то глубины В.Белинский, молясь на новую икону. И бросился искать похожую женщину, — нашел, и даже в 1843 году женился.

И когда после достижения и утоления В. Белинский в 1845 году вернулся к активной публичной критике, то вдруг напал на давно почившего старика Г. Державина, назвав его «поэт наивного эпикурейства». Белинский со своим своеобразным пониманием Бога теперь просто не мог не наскочить и атаковать выдающегося православного мистика, метафизика Николая Гоголя.

Он и раньше его ненавидел, не переносил его «дух», его духовность, «Светоч» В. Белинский в письме Боткину ещё в 1842 году писал:

«Страшно подумать о Гоголе: ведь во всем, что он писал — одна натура, как в животном. Невежество абсолютное. Что наблевал о Париже-то». В этом же письме Белинский сетовал, что «Выбранные места» Гоголя — это «артистически рассчитанная подлость», и с какой-то непонятной завистью написал, что об очень религиозном Гоголе, что он «всю жизнь обманывал Бога, а при смерти надул сатану», и подло объяснял, что Гоголь своей работой «Выбранные места из переписки с друзьями» хотел понравиться царю; В. Белинский почему-то не допускал, что Гоголь может быть убежденным государственником. Белинский до 1845 года в переписке и в разговорах с друзьями и знакомыми пытался Гоголя очернить, дискредитировать, но публично это сделать боялся, и даже публично, в своих статьях хвалил Гоголя. Но «эволюция» Белинского на месте не стояла и через несколько лет он понял, благодаря Жорж Санд, суть счастья и смысл жизни и необыкновенно осмелев в начале — увидел в «Мертвых душах» Н. Гоголя общественную опасность:

«Великая ошибка для художника писать поэму, которая может быть возможна в будущем и нам как-то страшно...». И попутно Белинский ввел нарицательное понятие «славянофил» как синоним дремучести и отсталости: «В Калуге столкнулся я с Иваном Аксаковым. Славный юноша! Славянофил. Славянофил, а так хорош, как будто никогда не был славянофилом».

Нормальные и порядочные люди в обществе просто терпеть не могли этого полуграмотного хамоватого остряка выскочку, и профессор Московского университета преподаватель истории и литературы Шевырев написал разгромную критическую статью о горе-критике Белинском, в которой назвал его: «рыцарь... в забрале и маске с медным лбом». В ответ Белинский написал желчно-оскорбительную статью под названием «Педант». После этого общественность ещё более возмутилась этим непорядочным человеком.

И гонимый всеобщим презрением Белинский оставил идею издания сборника своих статей под многоговорящим названием «Левиафан»,

и был вынужден покинуть столицы и пуститься в путешествие по российским городам вместе с гастролирующим театром. А затем нашелся спонсор, и Белинский осуществил свою заветную мечту — покинул Россию и уехал на Запад, в любимую Европу.

И совершенно свободный от российского общества и его мнения Белинский перед своей смертью откровенно показал свою отвратительную сущность — смело и размашисто бросил кучу дерьма в Николая Гоголя в своём публичном письме по поводу новой книги Н. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой Гоголь ратовал о личном совершенствовании человека, к этому выводу, кстати, в конце жизни пришел даже друг Белинского А. Герцен.

А Белинскому, по скудности его ума, этого не дано было понять и он, назвав Н. Гоголя «проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов», наконец-то выговорился и написал:

«Неужели Вы, автор «Ревизора» и «Мертвых душ», неужели Вы искренне от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического. Положим, Вы не знаете, что католическое духовенство было чем-то, между тем как православное духовенство никогда, ничем и нигде не было...» и т. п.

Интересно, что и сейчас, в 21 веке, по советской инерции почти во всех книгах и учебниках «слепые» ученые — профессора и академики пишут только выспреннюю хвалу Белинскому и стандартную «аксиому»: «Белинский указал путь — по которому должна идти литература», или — «Фигура В. Г. Белинского, прожившего недолгую жизнь, и в самом деле замечательна как для того периода, так и для русской культуры вообще. Белинский верил в буржуазное будущее Отечества», — написала группа ученых во главе с В. И. Коровиным в 2004 году в учебнике по литературе для старшеклассников, как видим, удачно приобщив Белинского к новым российским реалиям, и ни одного слова критики в адрес «безгрешного» «героя». Как будто — не появись Белинский — и после Пушкина, Лермонтова и Гоголя не было бы в России — Тургенева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Фета, Лескова, Достоевского, Толстого, Чехова... Абсурд, глупейшее заблуждение и самовнушение.

Линию, идеологию и политику Белинского продолжили его «братья по духу» из «западной партии» — Герцен, Огарев, Писарев, Добролюбов; и «эволюционная» вершина этой цепочки, пожалуй, закончилась критиком, публицистом, полу-философом и полу-писателем, дождавшимся торжества либеральных идей — Василием Розановым, который дерзко «по-белински» в начале 20-го века писал о Гоголе: «холодный человек», «волшебник микрокосма, преуменьшенного мира, какого-то пришибленного, раздавленного, плоского и даже только линейного,

совершенно невозможного и фантастического, ужасного и никогда не бывшего», «дьявол вдруг помешал палочкой дно: и со дна пошли токи мути, болотных пузырьков... Это пришёл Гоголь. За Гоголем всё. Тоска. Недоразумение...», «Появление Гоголя было большим несчастьем для России, чем всё монгольское иго... В Гоголе было что-то от трупа», «В сущности, везде Гоголь рисует анекдот и «приключение»... Мощь формы и бессилие содержания, резец Фидиаса, приложенный к крохотным и, по существу, никому не нужным фигуркам, — это поразительно у Гоголя». По убеждению Розанова — если из русской литературы «выключить Гоголя», то вообще было бы всё намного лучше.

Но к 1914 году, после убийства Столыпина, В. Розанов и в самом деле неплохо эволюционировал, поумнел, прозрел и с ужасом начал кричать о надвигающейся революционной катастрофе, и революционная волна накрыла его и его семью, дождался своего идеала молодости и исполнения мечты всех западников в России, и, сидя в страшной нищете и голоде, наблюдая как пришлые из разных европейских столиц кучерявые либералы громоздят в России горы трупов, и как льются реки русской крови, в 1919 году признал в письме к Струве свой проигрыш Н. Гоголю:

«Я всю жизнь боролся и ненавидел Гоголя: и в 62 года думаю: «Ты победил, ужасный хохол». Нет, он увидел русскую душеньку верно, хотя и пробыл в России всего несколько часов». Ещё несколько лет до этого письма в записях Розанова появилась такая фраза о Гоголе — «выразил всю суть России. А ведь почти и не жил в ней, нехристь...». На этот раз он Гоголя «нехристью» уже не называл.

Герцен рассказывал одну потешную историю о своём друге Белинском Ф. Достоевскому, который написал её в «Дневнике писателя» (1873 г.): «Раз, когда я был в Петербурге, затащил меня к себе Белинский и усадил слушать свою статью, которую горячо писал: “Разговор между господином А. и господином Б.”. (Вошла в собрание его сочинений.) В этой статье господин А., то есть, разумеется, сам Белинский, выставлен очень умным, а господин Б., его оппонент, поплоше. Когда он кончил, то с лихорадочным ожиданием спросил меня:

— Ну что, как ты думаешь?

— Да хорошо-то, хорошо, и видно, что ты очень умен, во только охота тебе была с таким дураком свое время терять.

Белинский бросился на диван, лицом в подушку, и закричал, смеясь, что есть мочи:

— Зарезал! Зарезал!».

Легко было Белинскому бороться с выдуманным оппонентом-дураком, а вот нарвался он на Ф.М.Достоевского и история получилась интересная. — Ф.М. Достоевский вспоминал:

«Первая повесть моя “Бедные люди” восхитила его (потом, почти год спустя, мы разошлись — от разнообразных причин, весьма, впрочем, неважных во всех отношениях); но тогда, в первые дни знакомства, привязавшись ко мне всем сердцем, он тотчас же бросился с самою простодушною торопливостью обращать меня в свою веру. Я нисколько не преувеличиваю его горячего влечения ко мне, по крайней мере в первые месяцы знакомства. Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма...

В этот вечер мы были не одни, присутствовал один из друзей Белинского, которого он весьма уважал и во многом слушался; был тоже один молоденький, начинающий литератор, заслуживший потом известность в литературе.

— Мне даже умилительно смотреть на него, — прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня, — каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него всё лицо изменяется, точно заплакать хочет... Да поверьте же, наивный вы человек, — набросился он опять на меня, — поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества».

Это “оригинальное” предположение В. Белинского Ф.М. Достоевский попытался убедительно опровергнуть в своём знаменитом произведении “Идиот”, где он показал, как непросто нравственному человеку (князь Л. Мышкин) жить в современном безнравственном обществе. Причем, — это касалось середины 19 века, а каково было бы ему в начале 21 века?...

Ф.М. Достоевский не сразу понял большую опасность В. Белинского для российского общества:

«Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации. Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю правду этого грядущего “обновленного мира” и всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским. Все эти убеждения о безнравственности самых оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству, как к тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч. — всё это были такие влияния,

которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия.

Во всяком случае тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий — а это-то и соблазняло. Те из нас, то есть не то что из одних петрашевцев, а вообще из всех тогда зараженных, но которые отвергли впоследствии весь этот мечтательный бред радикально, весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его, — те из нас тогда еще не знали причин болезни своей, а потому и не могли еще с нею бороться».

Но затем уже повзрослев и поумнев, Ф.М. Достоевский стал жестко сражаться с Белинским:

«Но, как социалисту, ему прежде всего следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма. Ему надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества. Семейство, собственность, нравственную ответственность личности он отрицал радикально. (Замечу, что он был тоже хорошим мужем и отцом, как и Герцен.) Без сомнения, он понимал, что, отрицая нравственную ответственность личности, он тем самым отрицает и свободу ее; но он верил всем существом своим (гораздо слепее Герцена, который, кажется, под конец усумнился), что социализм не только не разрушает свободу личности, а, напротив, восстановляет ее в неслыханном величии, но на новых и уже адамантовых основаниях...

Тут оставалась, однако, сияющая личность самого Христа, с которою всего труднее было бороться. Учение Христово он, как социалист, необходимо должен был разрушать, называть его ложным и невежественным человеколюбием, осужденным современною наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресветлый лик богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но в беспрерывном, неугасимом восторге своем Белинский не остановился даже и перед этим неодолимым препятствием, как остановился Ренан, провозгласивший в своей полной безверия книге “Vie de Jйsus”, что Христос все-таки есть идеал красоты человеческой, тип недостижимый, которому нельзя уже более повториться даже и в будущем.

„Да знаете ли вы, — взвизгивал он раз вечером (он иногда как-то взвизгивал, если очень горячился), обращаясь ко мне, - знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведен к злодейству, и что нелепо и жестоко требовать с человека того, чего уже по законам природы не может он выполнить, если б даже хотел...“

Кругом меня были именно те люди, которые, по вере Белинского, не могли не сделать своих преступлений».

И этих опасных людей больных «болезнью Белинского» Ф.М. Достоевский показал в своих знаменитых произведения «Преступление и наказание» и «Бесы».

Как вспоминал Ф. Достоевский — Белинский был достаточно смешным «Наполеоном»: «Мы пошли вместе. Он, помню, сказал мне дорогою: «А вот как зароют меня в могилу (он знал, что у него чахотка), тогда только спохватятся и узнают, кого потеряли».

По-моему Н. Данилевский заметил, что Белинский всё-таки прогрессировал, и если бы не умер — то перевернулся бы на 180 градусов — пришел бы неизбежно к славянофильству. Но лично хорошо знающий Белинского знаток человеческих душ Ф.М. Достоевский был другого мнения:

«О, напрасно писали потом, что Белинский, если бы прожил дольше, примкнул бы к славянофильству. Никогда бы не кончил он славянофильством. Белинский, может быть, кончил бы эмиграцией, если бы прожил дольше и если бы удалось ему эмигрировать, и скитался бы теперь маленьким и восторженным старичком с прежнею теплою верой, не допускающей ни малейших сомнений, где-нибудь по конгрессам Германии и Швейцарии или примкнул бы адъютантом к какой-нибудь немецкой m-me Гёгг, на побегушках по какому-нибудь женскому вопросу». И только большевики, советские идеологи возвели В. Белинского в «героя» и присвоили ему статус выдающегося интеллектуала. И на этом можно закончить рассматривать «достижения» В. Белинского.

Обобщая тенденцию раскола после Петра Первого и образование тенденции преклонения перед Западом, и соответственно оголтелой критики России и общества, и образование «партии западников» предыдущие исследователи ввели интересное определение — «Орден Русской Интеллигенции» — «О. Р. И.», ибо они сплоченно действовали, формировали соответственным образом общественное мнение и вели молодёжь к революции, подталкивали к неповиновению российским властям, к террористическим актам и вскоре своего добились. Много внимание этой тематике уделил Б. Башилов.

Впервые русскую прозападную интеллигенцию Орденом Русской Интеллигенции (О. Р. И.) назвал биограф Пушкина П. В. Анненков, который заметил что, что формально эта интеллигенция не была ничем объединена, но все знали друг друга и, не сговариваясь, действовали консолидировано в одном направлении. «О. Р. И» — это не вся российская интеллигенция, если под понятием «интеллигенции» подразумеваем всех образованных людей, это только часть её, но наиболее агрессивная в смысле — критически настроенная по отношению к своей стране, к своему правительству и одновременно являющаяся прозападной, пре-

клоняющаяся перед Западом. К великому сожалению, эта тенденция вызывала у российской молодежи тогда и теперь, в 21 веке, много симпатий и даже моду быть похожим на Запад и преклоняться перед Западом.

«Идеи Гоголя и славянофилов имели слабый успех среди представителей русского образованного общества и даже среди духовенства, — объяснял Б. Башилов. — Журнал славянофилов «Москвитянин» и другие издания имели меньше подписчиков, чем основанный Пушкиным «Современник», по иронии судьбы ставший органом О. Р. И., на страницах которого Белинский предавал анафеме все, что было дорого Пушкину, «выжигая, — по определению Герцена, — кругом всё, что попало» («Былое и думы»)...

Ни Пушкина, ни Гоголя, ни Хомякова и Киреевского — большинство современников, особенно молодёжь, не считали выдающимися мыслителями, и не интересовались их богатейшим духовным наследством... Призыв к немедленной революционной ломке существующего всегда встретит больший отзвук в сердцах молодёжи, чем призыв добиться улучшения существующего нравственным совершенствованием...». Даже самый знаменитый западник А. Герцен в своей книге «Былое и думы», говоря о славянофилах, признал: «... они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петром, и в которой сидит Бирон и колотит ямщика, чтоб скакал по нивам и давил, то они остановили увлечённое общественное мнение и заставили задуматься всех серьёзных людей. С них начался перелом русской мысли». Если было бы так — то не дошло бы до Катастрофы 1917 года.

Публицист М. Спасовский объяснял: «В сороковых годах происходит окончательное идейное оформление того противоестественного слоя русского образованного общества, который позднее получил наименование русской интеллигенции, но которое правильно назвать Орденом Русской Интеллигенции. Идеологи Ордена Русской Интеллигенции постарались внушить, что понятие «русская интеллигенция» и «русское образованное общество» совпадают, но они не могут совпадать. Цель русского образованного общества, как и образованного общества всякой другой страны, — создание культурных ценностей в национальном духе. Цель же О. Р. И. — разрушение Православной церкви, Русского национального государства и борьба со всеми проявлениями самобытной русской культуры... Это политическое образование, по своему характеру напоминающее тайные масонские ордена». Боясь третирования доминирующего в общественном мнении «О. Р. И.», даже знаменитый историк Ключевский читал лекции на исторические темы в Московском университете в одном ключе, в одном духе, а в Московской Духовной Академии совсем в другом, потому что остерегался обратить на себя внимание кислотно-критической и агрессивной прозападной интел-

лигенции. Повторю «шедевр» веяния «моды» доцента Московского университета Печорина:

Как сладко отчизну ненавидеть
И жадно ждать её уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницы пробужденья.

«О. Р. И.» был в середине 19 века, был в 20-м перед Революцией-Катастрофой, есть в России и сейчас, в 21 веке, например, это писатели В. Ерофеев, «вольтерианец» Аксенов, Арбатова, Толстая и огромная армия журналистов, как: Киселев, Латынина, Венедиктов, Сорокина, Соловьёв и т. п.

Можно кратко отметить ещё одного характерного представителя «О. Р. И.», современника Белинского и его «духовного брата» — сына богатого помещика Н. П. Огарева (1813–1877), который также был очень критически настроен к российской действительности, был фаталистом и сравнивал себя и друзей с кладбищем, также искал смысла жизни в «женском вопросе», и в результате женщины промотали всё его огромное состояние, доставшееся от отца, причем Огарев, в духе либерализма, дал им свободу от «нелепых предрассудков», — и они его опозорили на всю Европу, Огарев также уехал из России на свободный Запад и свободно писал о своей Отчизне-России:

Да будет проклят этот край,
Где я родился невзначай.
Уйду, чтоб в каждое мгновенье
В стране чужой я мог казнить
Мою страну, где больно жить...
И, может дальний голос мой...
Накличет бунт под русским небосклоном.

Накликали, воспитали и почву к революции в России подготовили, и даже Огарев надавил на Герцена, чтобы отдал «спонсорские» деньги знаменитому террористу С. Г. Нечаеву (1847–1882) — и что из этого вышло? А «больной на голову» Н. Огарев умер в нищете на самом «дне» Англии.

В следующей главе познакомимся лучше с выдающимся русским человеком — патриотом, славянофилом и глубоким религиозным мистиком Николаем Гоголем, который тоже критиковал...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Николай Васильевич Гоголь

Нельзя отнимать от человека права совершенствоваться.
Елена Рерих

Профессиональный историк из Петергофа и лауреат премии «Национальный бестселлер» Илья Бояшов в 2008 году дал интервью журналу «Эксперт», в котором выразил очень верное наблюдение: «Конечно. Гоголевский Акакий Акакиевич — один из самых мощных образов не только русской, но и мировой литературы. Это глубина, которая смотрится в тебя, и этот писатель — самый мощный проводник в потустороннее, какой только может быть в нашей культуре. Если ты пробуешь нанести визит в метафизику, то без Гоголя не обойтись».

Могу только подтвердить — желающему окунуться в тайны Мироздания и человеческой души, в религиозную глубину и понять немного Бога без Николая Гоголя не обойтись. Гоголь (1809–1852) был актуален во многих аспектах и также, если не больше, актуален и сегодня, в 21 веке.

«Беспощадный к себе и людям Гоголь» — метко выразился М. Горький. Н. Гоголь видел «неправильную» действительность и говорил правду, или объяснял правду действительности, «неправильность» в жизни, болезни общества и человека в своих произведениях. Я всю жизнь боролся с Ложью, — объяснял Н. Гоголь, — а Ложь боролась со мной. Но при этом Гоголь преданно и горячо любил свой народ и свою Отчизну, и тогда он не разделял украинцев и русских, Россию и Украину — это для него был единый народ и одна Родина-Отчизна.

Из прекрасных сказок, деревенских баек вырос Николай Гоголь и писал на этой основе свои первые произведения. Но когда Гоголь приехал в 1828 году в Санкт-Петербург, надеясь увидеть блистательную просвещённую столицу России, а увидел серую толпу чиновников,

разводящих бюрократию и взяточничество, то пришлось ему написать «вечные» произведения: «Ревизора» и «Мёртвые души». Николай Гоголь наблюдал за окружающими и приходил в ужас:

«Среди России я почти не увидел России. Все люди, с которыми я встречался, большею частью любили поговорить о том, что делается в Европе, а не в России. Я узнавал только то, что делается в английском клубе...» («Авторская исповедь»).

Было такое впечатление, что по замыслу Бога евразийская Россия потеряла одно своё азиатское, восточное крыло, потеряла свою естественную половину, и пыталась, ополовиненная, лететь с одним «западным» крылом. И Гоголь возмущался этой потерей целостности, самобытности, этим односторонним увлечением русской интеллигенции западничеством. В письме к графу А. П. Толстому Гоголь писал: «Друг мой, храни вас Бог от односторонности: с неё всюду человек произведёт зло: в литературе, на службе, в семье, в свете, словом везде! Односторонний человек самоуверен; односторонний человек дерзок...» Причём понятие односторонности Гоголь рассматривал широко, к различным тематикам: «Односторонний человек не может быть истинным христианином: он может быть только фанатиком». И в этом аспекте про «неистового» Виссариона Гоголь говорил:

«Он видит совершенно одну сторону дела и не может даже подумать равнодушно о том, что может существовать другая». Об этом могли говорить люди, достигшие большой мудрости, такой глубины и высоты, такой целостности, какой в Европе достиг И. Гете, который также пытался объяснить своим сородичам ущербность односторонности. В. Белинскому, как и В. Розанову, было до этого уровня далеко, не допрыгнуть, и они прыгали, завистливые, перед гигантом Гоголем, что-то истерично пищали и пытались доплюнуть, но не могли — и всё сваливалось обратно на их же лица.

В российских «регионах» и провинциях ситуация была также не радостна, и хотя Н. А. Некрасов писал:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,
Там вековая тишина.

Но присмотревшись, можно было увидеть серьёзный «застой» и соответственно — признаки разложения морали, нравственности, общества. Яркий пример этому описание Б. Зайцевым в его книге «Жизнь Тургенева» повседневной жизни матери знаменитого писателя И. С. Тургенева, которая «считала себя верующей, но к религии отно-

силась странно. Православие для неё какая-то мужицкая вера, на неё и, особенно, на её служителей она смотрела свысока, вроде как на русскую литературу.

Молитвы в Спасском произносились по-французски... В Светлое Воскресенье 1846 года Варвара Петровна проснулась крайне раздраженная. В церкви звонили — она отлично знала, что на Пасху всегда бывает радостный звон. Но велела позвать «министра» (поместья). — Это что за звон?

— Святая Неделя! Праздник!

— Какой? У меня бы спросили, какая у меня на душе святая неделя. Я больна, огорчена, эти колокола меня беспокоят. Сейчас велеть перестать...»

Мы наблюдаем такое личное и «местное» люциферство мелкого человечка, возомнившего себя местным божком, это вид язычества в самом худшем его понимании.

«Уже в царствование Николая Первого, всего за восемь лет до отмены крепостного права, отдельные помещики не боялись травить собаками осмелившегося противоречить им дьякона (очерк С. Терпигорева «Псовая охота»), — отметил в своём исследовании Б. Башилов.

Когда видишь в тот период в России таких людей и такие явления, то невольно появляется мысль — эта варварская кровавая вакханалия большевиков, пришлых комиссаров в 1917 году — не была ли для них заслуженным наказанием, «встряхнувшей» их от скуки, тупости «высотной болезни» и морального разложения...— и умылись, смыли кровью грязь со своих душ...

Можно представить, как страдал и мучился, наблюдая подобное безбожье Н. Гоголь, написав:

«На будущее время глядите на небо, чтобы сноснее было жить на земле».

А ведь многие «прогрессивные» современники не понимали глубокой религиозности Гоголя, и к концу жизни Гоголя считали его чудаком или даже сумасшедшим — ну что этот автор потешного «Вия», язычник, отобразивший всякую нечисть, бытующую в народном фольклоре холопов, пишет:

«... На колени перед Богом, и проси у Него гнева и любви. Гнева против того, что губит человека, любви — к бедной душе человека, которую губят со всех сторон и которую губит он сам» (Письмо № 15), «Остались считанные дни, ещё немного и грехами своих предков и своими мы отрежем путь России к спасению». Самые «образованные», хвастаясь своей эрудицией, могли свысока воскликнуть: «Да это впрямь — наш Яков Бёме!»

Нет, «господа» — товарищи, — это уровень наших: Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского. Гоголь бил в колокола — предупреждал, молил, взывал.

Николай Гоголь бесспорно являлся прекрасным религиозным философом, чего стоят такие его высказывания как — «Зачем Бог разделился на многочисленные разумные создания (сознания)?», «Нужно людей видеть так, как видит их Христос», «Тот, кто познаёт одно во всём и во всех, это частица Божества, которая и есть наше действительное «я»».

Всего три фразы — и сразу видна огромная высота и глубина. Это был не столько писатель, сколько мыслитель, философ, мудрец — «реформатор жизни» к лучшему, желающий изменить, преобразить эту некрасивую жизнь, грязную действительность силою искусства. Именно для этого он написал «Ревизора» и «Мёртвые души», герои которых уже поражены новой модной западной страстью наживы, корысти, злата и романтическими страстями. Гоголь внимательно наблюдал за тенденциями в обществе и верно уловил развивающееся люциферство, в письме к Жуковскому он писал:

«Время настанет сумасшедшее. Человечество нынешнего века свихнулось с пути только от того, что вообразило, будто нужно работать на себя, а не для Бога».

Причем официальная церковь не видела опасности, не била в колокола как Гоголь, не принимала никаких мер, не сражалась так самоотверженно, как Гоголь. К середине 19-го века в России европейский «прогресс» в религиозной тематике в высших слоях общества достиг полного выхолащивания религиозной сути наличия Бога в этом мире, здорово «рос» только Иоанн Кронштадтский. Когда произошёл разрыв связки «религия-духовность», духовность как бы вышла из религии, и осталась одна пустая религиозная оболочка, религия превратилась в еженедельную формальность, в традиционную привычку-обрядность. А «самые образованные» на неё смотрели как на рудимент прошлого, и вынуждены были её терпеть и не критиковать публично, только потому, что она удерживала пока в рамках приличия и страха прислуживающий им чёрный люд. Поэтому и вели себя многие так, как мы наблюдали выше на примере Тургеневой.

Успех упомянутых произведений Николая Васильевича был огромен. Персонажи произведений Гоголя созданы правдиво, смачно показаны, ярко и эмоционально окрашены. Глубокий психологизм и философия в творчестве Достоевского выглядели закономерным продолжением Гоголя. Мыслители этой волны выработали-установили метод показа истин, их объяснения через литературный показ.

И не только потому, что была строгая царская цензура, но глупо и смешно было бы объяснять россиянам того времени истины языком Канта и Гегеля, как это делалось в Европе. Это было нелёгкое искусство, ибо кроме того, что требовалось уметь очень доходчиво показать истину, и через мышление, и через переживания и через чувства. Так появилась

своеобразная, гениальная эзоповская речь-язык с двумя и более подтекстами. Русский человек, читая такие произведения, продвигается одновременно по нескольким «этажам». Появление такого языка-речи было обусловлено природной мощью мышления, его нелинейностью, его шириной и глубиной. Формировалась характерная национальная особенность понимания, мышления.

Успех гоголевских произведений был большой, но автора не особенно радовал, ибо восхищались художественной стороной произведений — формой, остроумием, а никто в суть-содержание не заглянул, не проник и не проникся. Для Гоголя это было большим разочарованием — в принципе его замысел не удался, всё в пустую. Нет смысла писать, некому писать. Он ощутил воющее одиночество и космическую тоску, находясь среди толпы пустышек и глупых пожирателей трюфелей. Он был подобен Иисусу Христу, родившемуся слишком рано, не вовремя, и стоя среди глупой толпы, восхищающейся вторичностью и не понимающей первичной сути, для доходчивости которой и демонстрируется вся эта яркая вторичность. Пожалуй, в минуты отчаяния он понимал бессмысленность своей просветительско-реформаторской работы; понимал, что эта толпа, почти стадо, готова в любой момент, благодаря своей глупости, растерзать, распять.

Возможно, находясь в подобном состоянии, понимая бессмысленность своих стараний, трудов, Николай Гоголь и сжёг второй том «Мёртвых душ»... К месту вспомнить потрясающие стихи его современника Афанасия Фета:

Не жизни жаль,
А жаль того огня,
Что в тьму уходит
И плачет уходя...

Почему так бывает среди людей, что самые талантливые, помеченные Богом, оказываются невостребованными, неуслышанными? Почему эти умные, умнее намного других, — живут и умирают, как Гоголь, в нищете, в отличие от менее умных? Общество о них совсем не заботится, а через некоторое время гордится и кичится, что среди них жили эти умные люди...

Когда Николая Гоголя спрашивали — как удается писать такие произведения, то он говорил, что когда к нему приходит Бог писателей и поэтов, то произведения создаются сами, ему остаётся только записывать. Он был не просто метафизиком, он был глубоким религиозным мистиком, искал Бога и пытался Его найти в душе человека:

«Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших». Эту линию Гоголя позже попытался продолжить и развить Лев Толстой, —

и оказался не только в подобном положении, но ещё и был предан анафеме. Потому что «церковь в нас» — это не грубая конструкция из камня и бетона... увешанная историческими образами, пусть и великих людей. Конечно, неправильно отвергать внешнюю церковь, но должно быть гармоничное сочетание обеих церквей. Н. Гоголь объяснял правильную настройку «внутренней церкви» и заодно разность между умом и разумом:

«... ум не есть высшая в нас способность. Его должность полицейская. Он может только привести в порядок и расставить по местам то, что у нас уже есть... Разум есть несравненно высшая способность, но она приобретается не иначе, как победой над страстями...» Эту тему важности борьбы со страстями продолжил и углубил Фёдор Достоевский во многих своих произведениях: «Страшны разрушительные действия человеческого разума...» Огромное значение этой теме уделил Лев Толстой, который даже рекомендовал в борьбе со страстями пользоваться достижениями буддизма.

И теперь можно понять слова Льва Шестова: «... В русской литературе Достоевский не стоит одиноко. Впереди его и даже над ним должен быть поставлен Гоголь. Не в одной России, а во всём мире увидел Гоголь бесчисленное множество «мертвых душ»...». И Гоголь заслужил эту высоту уважения. «Гоголь — первый у нас пророк возврата к целостной религиозной культуре, пророк православной культуры», — утверждал В. В. Зеньковский.

В тот исторический момент в России Н. Гоголь смотрел вглубь общества и вглубь человека и призывал человека к самосовершенствованию, к труду над собой, убеждая его, что без этого жизнь лучше не станет. А либералы, западники предлагали простое решение — человека трогать не надо, он нормальный, наоборот — человеку необходимо дать больше свободы, а вот реформировать общество и государство необходимо, причем — по западному образцу и даже с помощью кровавых революций — и после этого жизнь станет лучше... В одно время в России сошлись в борьбе две различные точки зрения, два различных мировоззрения: восточное и западное, славянофилы-патриоты и западники-космополиты. И Н. Гоголь В. Белинскому объяснял, писал:

«Вы говорите, что спасение России в европейской цивилизации, но какое это беспредельное и безграничное слово. Хотя бы определили, что нужно подразумевать под именем европейской цивилизации. Тут и Фаланстеры и красные и всякие, и все готовы друг друга съесть и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивается поневоле: где же цивилизация?»

Белинскому трудно было ответить на этот вопрос потому, что и в самом деле, если посмотреть в тот период на все французские револю-

ции, — проходящие в потоках крови и под шум постоянно работающей гильотины, в условиях потрясающей грязи и всеобщего разврата, то все разговоры о западной прогрессивной цивилизации выглядели весьма странно и даже кощунственно.

При этом непонятно было — что хотят создать в России масоны, и прозападная интеллигенция, на кого они равняются... — на раздираемую многочисленными революциями и утопающую в крови Францию? На раздробленную на множество княжеств Германию? На безбожно грабящую свои колонии и уничтожающую туземцев Англию? На «Новый свет» — США (?), про которые Николай Гоголь писал:

«С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме... Всё благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую, подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к удовольствию; большинство, нагло притесняющие общество; рабство негров посреди образованности и свободы...».

И при этом всё, что приходило в Россию с Запада, с Европы — масонские и марксистские умности наши западники принимали на ура, как нечто самое «прогрессивное» в человечестве, самое «продвинутое». Николай Гоголь по этому поводу недоумевал:

«Безделицу позабыли: позабыли, что пути и дороги к этому светлому будущему сокрыты именно в этом темном и запутанном («в близи не видать») настоящем, которого никто не хочет узнавать; всяк считает его низким и недостойным своего внимания и даже сердится, если его выставляют на вид всем». Дело в том, что Гоголь разобрался в настоящем, и особенно точно в настоящей технологии проникновения и продвижения масонского мировоззрения и марксистских разрушительных идей в незрелые умы русской молодежи. — Н. Гоголь:

«Поразительно: в то время, когда уже люди начали было думать, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другою дорогою, с другого конца входит в мир — дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердца людей повсюду...

Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а Божии Помазанники в стороне. Люди темные, никому не известные («Швондеры». — Р.К.), не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его неуважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, на виду всех чертит исходящая с низу нечистая сила — и мир видит весь, и, как очарованный, не смеет шевельнуться. Что за страшная насмешка над человечеством... Диавол выступил уже без маски в мир».

Как видим — Гоголь прекрасно разобрался в «ноу-хау» К. Маркса, который с начала 40-х годов предложил считать прессу Богом, заменить священников журналистами и активно целенаправленно воздействовать на сознание человека, пропитывая его своими идеями разрушения государств и наций.

И наглый блеф Ленина-Бланка, что государством и народом могут руководить прачки и уборщицы Гоголь прекрасно понял ещё до рождения этого коварного плута и обманщика.

Карл Маркс — это лохматый кучерявый булгаковский Швондер — наглый, лживый и рвущийся к власти, пытающийся вначале забросить в наш почтовый ящик свои газетенки и агитки, а затем и войти в вашу квартиру вместе с «интернационалом» на языке и с вооружёнными одурманенными матросами и солдатами за плечами. Смысл вышеприведенного высказывания Гоголя поймете ещё лучше, когда будем далее, в следующей книге (№ 3), детально разбираться в Марксе и Ленине.

О появившемся в Европе марксизме Гоголь выразился, что у него было ощущение «холода в пустыне»... То ли он почувствовал смертельный холод приближающейся опустошающей революции, то ли — что эти революции в России совершат «выдающиеся» представители народа пустыни...

Гоголь писал в наброске статьи «О сословиях в государстве»:

«Прошло то время, когда идеализировали и мечтали о разного рода правлениях, и умные люди обольщенные формами, бывшими у других народов, горячо проповедовали: одни — совершенную демократию... Наступило время, когда всякий более или менее чувствует, что управление не есть вещь, которая сочиняется в голове некоторых, что она образуется нечувствительно, само собой, из духа и свойств самого народа, из местности — земли, на которой живёт народ, из истории самого народа». Проблема как раз и состоит, к великому сожалению, в том, что «не прошло то время», и Гоголя не читали ни в 20-м, ни в начале 21-го века, и сами до этого не дошли. Иначе не было бы «перестроечной попытки» натянуть на себя западные костюмы узкого покроя и маленьких размеров, в которые попытались влезть даже с миллионными потерями населения.

Идеологических врагов у Гоголя было много, и со многими, во главе с Белинским и Розановым, мы познакомились, даже во второй половине 20 века западники не давали Гоголю покоя. Некто, теперь уже никому неизвестный Н. Валентинов, писал в 1957 году:

«Но я вступаю в Никитский бульвар и иду мимо дома с мемориальной доской: здесь жил и скончался Гоголь. Вот уже поистине черная противоположность Пушкину. Как бы мы не ценили его «Мертвые Души», нельзя забывать отвратительную книгу «Выбранные места из переписки

с друзьями». В ней до конца выговариваются идеи, инспирировавшие «Мертвые Души», все помыслы последних лет. Эта книга дышит черносотенным, «стрелецким» антиевропеизмом...»

Только недавно появился памятник Гоголю в Петербурге, хотя памятники критикам Добролюбову, Чернышевскому, Белинскому стоят давно. Обратите внимание — в конце 20-го века и сегодня, в начале 21 века, вы часто в прессе, из радио и ТВ слышите имя Н. Гоголя или А. Пушкина? — Но в сотни, нет — в тысячи раз больше слышите имена Б. Пастернака и И. Бродского, хотя эти имена с Гоголем и Пушкиным несопоставимы...

«Сущность жизни не есть отдельное существование, а Бог, заключённый в человеке; смысл жизни открывается тогда, когда человек признаёт собою свою божественную сущность», — объяснял и подстёгивал к самосовершенствованию Николай Гоголь. Этот великий русский человек задолго до Фридриха Ницше и Владимира Соловьёва понял сущность человека, смысл его существования и предназначение Иисуса Христа, Будды, Мухаммеда, Лао-цзы и других настоящих просветителей.

Слава тебе, великий русский гений — Николай Гоголь!!!

Гоголь во второй части «Мёртвых душ» вопрошал: «Где же тот, кто мог бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: ВПЕРЁД?

Кто, зная все силы и свойства и глубину нашей природы, одним чародейным мановением мог бы устремить на высокую жизнь?»

Но будем оптимистичны, подобно Николаю Васильевичу Гоголю, и возможно, будем свидетелями его видения: «Что значит это наводящее ужас движение и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях?... Русь, куда несёшься ты? Дай ответ! Не даёт ответа.

Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что есть на земле, и косясь, постораниваются и дают ей дорогу народы и государства».

Переходя к следующей главе, стоит обратить внимание на указание Н. Гоголя в «Мертвых душах» на новую опасную тенденцию в российском обществе, известную ему с детства, с жизни на Украине — дух его знакомого с детства «героя» еврея-шинкаря Янкеля уже осваивал российские столицы, помогая продвижению в российском обществе и сознании русского человека капиталистической идеологии и психологии. И многие русские уже хотели быть на него похожими. И Гоголь, пожалуй, первым стал с такой силой бить в колокол об этой опасности русской душе, и русскому обществу.

Взяточника Гоголь обличил в «Ревизоре», а «нового русского» коммерсанта-мошенника он показал в образе Чичикова в «Мёртвых душах». «Герои» его произведений были живые люди, но уже с пораженными

мертвыми душами — живые трупы. И Гоголь старался «раскрыть легкомыслие современных людей» в этом вопросе, показать всю пагубность переходящей из Запада в Россию философии бизнеса — «успеха любой ценой», принципа — «цель освящает средства» Чичиковых. Гоголь пытался показать всю опасность «новых российских» бездуховных Чичиковых, потерявших свою русскую чистоту и самобытность, душу, и превратившихся в универсальных западников.

На развитие этой тенденции в России в период правления Николая I, и на борьбу Николая I с насущными проблемами обратим внимание в следующей главе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Николай I и нерешенный вопрос

Когда Николай I возглавил Россию, был период «перехода некоторых евреев в религию победителей», описанный выше. А какое у Николая было отношение к евреям? Как жилось при Николае I выселенным в наказание из Белоруссии в Москву, Петербург и другие русские города евреям? Как жилось новым «христианам», к которым в столицу стали активно подтягиваться многочисленная родня и земляки-соплеменники, которые не спешили принимать православие и даже об этом не вспоминали?

Евреи запросто меняли свои немецкие и польские фамилии и имена на русские, вели себя по-прежнему дружно, сплочённо, целенаправленно, общались только между собой и с начальством, а с другими только по необходимости и по работе. В общем, — всё происходило так же как и много раз в течение трёх тысяч лет до этого.

Эйфория российских властей по поводу «охристианивания» евреев уже прошла. Более того, оказалось, что реально идёт обратный процесс — переход православных в иудейскую веру. Министр внутренних дел докладывал Николаю о «широком распространении ереси жидовствующих», были отмечены случаи перехода из православия в иудейство в Воронежской области, и в других областях российского государства стали возникать секты субботников, этот процесс мы уже наблюдали раньше. И тогда император, вероятно, впервые внимательно взглянул на своих граждан — евреев; увидел, что живётся им хорошо, и они даже распространяют свою религию среди православных.

Вначале Николай назначил трёхлетний срок окончательного выселения евреев из деревень.

При этом он обнаружил непорядок — у евреев была привилегия по сравнению с другими российскими гражданами, которые живут хуже

их — евреев не призывают в армию. И раздраженный этой несправедливостью Николай I распорядился подготовить закон о призыве евреев мужского пола в российскую армию, то есть, уравнял евреев с другими гражданами России в призыве на военную службу. А в солдаты тогда брали на 25 лет... Но исполнение императорского распоряжения вдруг непонятно «почему-то» замедлилось и затянулось на непонятный срок.

Раздосадованный этим саботажем, Николай приказал в кратчайший срок предоставить ему по этому вопросу доклад. Но... доклад так и не дошёл до Николая, этот удивительно дерзкий эпизод по Ю. Гессену «вряд ли произошёл без участия кагала». Евреи по-прежнему занимали активную позицию и лоббировали свои интересы — в данном случае всячески тормозили реализацию царского распоряжения. Наконец, так и не дождавшись выхода закона, разгневанный Николай I в 1827 году ввёл рекрутчину своим царским указом. Российский император живо интересовался техническими новшествами и не хотел, чтобы Россия отставала в развитии техники и промышленности. И с этой целью в 1829 году организовал «Всероссийскую мануфактурную выставку».

Но сосредоточению на экономике и развитии мешали «имперские проблемы» — в ноябре 1830 г. вспыхнуло восстание польской армии в Варшаве, поляки очередной раз желали суверенитета и независимости. Боевые действия регулярной русской армии по усмирению поляков длились почти год. Тема призыва в армию активизировалась, но не все хотели идти под пули и сабли кавказцев или поляков. «Солдатчина была мне ненавистна, и мысль о том, что меня облекут в серую шинель и заставят служить царю и отечеству, наполняла меня негодованием», — вспоминает тихий и мирный еврейский историк С. М. Дубнов. А почему? — Не мой царь и не моё Отечество?..

А что уж говорить об эмоциях более радикально настроенной части евреев. Теперь уверенно можно утверждать, что и император Николай I был антисемитом.

Вскоре случилась и ещё одна страшная вещь для евреев — на них стала распространяться и служба кантонистов, когда в военизированные учебные заведения школы-кантоны брали мальчиков с 12 лет, военизированные интернаты, аналоги суворовских училищ.

Семён Резник уверен, что российский император осуществлял не принцип справедливости, а преследовал более коварные цели — «Еврейские рекруты нужны были Николаю Павловичу вовсе не для усиления войска: для этого евреи считались слишком хилыми, трусливыми, да и способными к измене в критическую минуту. В солдатчине Николай Павлович видел средство отрывать еврейских детей от еврейской среды, приобщать к русским порядкам, побуждать к принятию православия,

словом, ассимилировать их». А что плохого в ассимиляции? Современные евреи сказали бы, что Николай I хотел, чтобы евреи были более толерантны к русским и к российскому правительству. И в этом случае нет проявления расовой ненависти со стороны российского императора, ибо Семён Резник из США о введённой воинской повинности не говорит иначе как об «одном из самых диких проявлений религиозной и племенной ненависти в России, причём прямо организованном властью».

Евреи всячески пытались уклониться от воинской повинности: прятались, изменяли несколько раз фамилии, «болели», и как отметил С. М. Дубнов: «Рекруты (еврейские) нарочно питались плохо, чтобы на врачебном осмотре их признали негодными по состоянию здоровья, охотники же, наоборот, ели до отвала...». Исследователь истории из Израиля и единомышленник С. Резника — Я. Рабинович в своей книге пытается представить знаменитого русского писателя Н. С. Лескова как своего идеологического «однополчанина», совершенно «забыв», что именно Н. С. Лесков написал юмористическое произведение «Жидовская кувырккалегия» о нежелании евреев служить в российской армии, получилось, что и Н. С. Лесков — антисемит.

Сам Семён Маркович Дубнов признался, что в начале «закосил» со зрением, но не прошло, и избежать воинского призыва помог самый надёжный метод — взятка, подкуп. В общем, в вопросе воинского призыва те времена удивительно напоминают сегодняшние, правда, тогда не было организаций, которые поставили за деньги процесс уклонения от воинской службы на поток.

Русские власти в ответ принимали контрмеры. По свидетельству С. М. Дубнова — они устраивали облавы на базарах, в еврейских кварталах, налагали большие денежные штрафы на еврейские семьи.

Но когда к еврейским сообществам — кагалам отнеслись как целостным национальным общественным организациям и на них возложили ответственность за поставку рекрутов, соответственно и с них стали взимать большие денежные штрафы за непоставку рекрутов, то еврейские старейшины ввели систему «охотников» (причём еврейских) за призывниками.

То есть, от конкретного еврейского сообщества требовалось определённое количество призывников и не меньше. Эту задачу различными способами, порой очень жестокими, исполняли еврейские «охотники», которых называли — «хаперами», «хапунами» или «ловчиками». Они часто хватали парней из более бедных еврейских семей, чтобы оградить от призыва детей из богатых семей, которые от них откупались.

«Для выполнения плана кагалы завели особых ловцов («хаперов»), которые должны были поставлять «товар» взамен тех, кто бежал либо откупился... Хаперы хватали на улице любого ребёнка, и чем он был

меньше, тем легче было его изловить. Если заранее проносился слух о прибытии хаперов и родители не выпускали детей, то хаперы могли ворваться в любой дом и силой вырвать мальчика из рук стенающей матери», — отмечает в своём исследовании Семён Резник и цитирует слова еврейского писателя Баки Бен Ягли (И. Л. Катцельсон), записавшего рассказ своей бабушки: «Нет, дитя моё, к нашему ужасу, все хаперы были евреями — с бородами и пейсами. И это самое страшное».

Вот именно, а современные еврейские идеологи всю жестокость своих еврейских хаперов пытаются упорно переложить на российскую власть, обвинить российскую власть.

В 1831 году народ в столице взбунтовался по случаю эпидемии холеры и шумно собрался на Сенной площади. Приехавший Николай Первый своей харизмой и пламенной речью заставил пасть всех на колени. И «всем миром» переживали тяжелые времена, и, слава Богу — пережили.

Николай Первый провел большую работу по совершенствованию законодательства, и к этой работе привлек уже к этому времени успокоившегося старого любителя законотворчества М. Сперанского, который с группой помощников к 1830 году систематизировал и собрал 30 тысяч законов в «Полном собрании законов Российской федерации». В этот период выходили и новые законы.

Еврейские бороды и пейсы стали привычной деталью на улицах российских городов. Внешний облик Петербурга и Москвы изменился — евреи вели себя уверенно, открывали многочисленные торговые лавки и ссудные конторы; они ходили в своих национальных одеждах — в длинных чёрных кафтанах и открыто исповедовали свою национальную религию. О переходе в христианство никто уже не подумывал. В российском обществе стали роптать и возмущаться, пошли опять разговоры о защитных мерах и ограничениях. Отражением этих настроений был указ Николая I в 1835 г., который ограничивал некоторые гражданские права евреев. В частности, в нём содержалось требование о соответствии внешнего вида граждан к общепринятому в стране, то есть евреи должны были спрятать пейсы, носить соответствующую одежду и демонстрировать уважение к государственной религии.

К этой же теме можно отнести и циркуляр министра образования С. С. Уварова в 1834 году о необходимости обучения в школах и университетах в духе православия, самодержавия и народности.

Общество получило некое удовлетворение. Но, забегая немного вперёд, стоит отметить, что через несколько лет всё забылось, указ не выполнялся, всё вернулось на круги своя — власти и общество опять стали обсуждать национальные признаки во внешнем облике, и опять пришлось издавать новый указ. В 1835 г. вышло ещё одно Положение

о евреях, в котором вводился запрет брать в аренду или в управление населённые помещичьи земли. Это же Положение стимулировало евреев вкладывать деньги в промышленность. Тем более, что в 1836 году Николай I раньше других европейских государств принял в России закон об акционерных обществах — «Положение о компаниях на акциях».

И в короткий срок возникло 20 крупных акционерных компаний, в создании которых приняли активное участие еврейские ростовщики, и стали вкладывать деньги в первую очередь в строительство сахарных заводов и железных дорог. Вскоре выросли такие «сахарные короли», как братья Бродские.

В 1834 году Николай Первый открыл университет в Киеве, а Положением от 1835 года выселил евреев из Киева, однако затем разрешил «срочное пребывание в городе».

Стоит обратить внимание, что в этот период — 30-е годы XIX века, в России резко увеличилось количество евреев, ибо пошёл большой поток евреев из бывших польских территорий. Что случилось? Там стало тяжело и опасно жить. Дело в том, что эта территория стала ареной военных действий — поляки подняли ряд крупных вооружённых освободительных восстаний (1830–1831 гг.).

В этот период очередная революция произошла во Франции. В связи с этими событиями, с одной стороны, Николай сделал подачку крестьянам — немного облегчил их рабство — ввёл запрет на разлучение членов крестьянских семей при их продажах на ярмарках и аукционах.

С другой стороны, встревоженный Николай I заключил в 1833 году «Священный союз» на случай революций о взаимопомощи с императором Австрии и королём Пруссии.

Затем вторую половину 30-х годов и вначале 40-х Николай I много внимания уделил «крестьянскому вопросу». Вообще-то на социальные проблемы Николай I обращал внимание давно – ещё в 1816 году, будучи великим князем по приказу Александра I он посетил в Англии Оуэна и познакомился с его социальными новшествами. Тогда Николай Павлович произвел большое впечатление на Роберта Оуэна, который о нем сказал: «Этот юноша рожден повелевать». Этот опыт мало пригодился Николаю I, ибо в России необходимо было реформировать крестьянство, и российский император начал реформы с государственных крестьян.

«Он (Николай I) в короткое время создал отличное управление государственными крестьянами и поднял их благосостояние. В несколько лет государственные крестьяне не только перестали быть бременем государственного казначейства, но стали возбуждать зависть крепостных крестьян... С тех пор крепостные крестьяне стали самым тяжелым бременем на плечах правительства. Киселеву принадлежало то устройство сельских и городских обществ, основные черты которых

были потом перенесены в положение 19 февраля для вышедших на волю крепостных крестьян» — отметил историк Ключевский (Курс лекций. 1887-8 гг. стр. 348).

В 1842 году Николай I издал важный закон о крестьянах, который позволял земледельцам ликвидировать крепостные отношения, и позволял освобожденным крестьянам («обязанным») покупать землю, и запрещал разлучать крестьян от семей и их продавать. Это была запоздалая полумера, но важная. Николай I был сторонником постепенных шагов.

«Реформами было охвачено около 9.000.000 казенных крестьян, то есть население равное по числу населению тогдашней Бельгии, Голландии и Дании вместе взятым. Было создано 6.000 сельских общин. Всем созданным общинам было предоставлено право самоуправления и право избрания мировых судей. Согласно изданного в 1843 году указа ни окружной начальник, ни чиновники Губернской Палаты Государственных Имуществ не должны вмешиваться в дело управления крестьянскими общинами, а должны только "содействовать развитию между крестьянами собственного мирского управления, наблюдать за исполнением преподанных им правил, но не вмешиваться в суждения по делам, принадлежащим сельскому управлению и расправе, ни в постановления мирских сходов, если в собственных своих делах они действуют по праву, предоставленному законом" — пояснял Б. Башилов. — Из свободных государственных земель малоземельным крестьянам было дано 2.244.790 десятин, 500.000 десятин было дано не имевшим земли, 169.000 человек было переселено в районы обладающие излишками земли, где им было выделено 2.500.000 десятин. Кроме того, образованным сельским общинам было передано 2.991.339 десятин леса. Для того чтобы крестьяне могли иметь дешевый кредит было создано свыше тысячи сельских кредитных товариществ и сберегательных касс.

Было введено страхование от огня. Создано 600 кирпичных заводов. Построено 97.500 кирпичных домов и домов на кирпичном фундаменте. Много было сделано для развития народного образования и здравоохранения. В 1838 году в общинах казенных крестьян было только 60 школ с 1.800 учащимися, а через 16 лет в них имелось уже 2.550 школ, в которых училось уже 110.000 детей, в том числе 18.500 девочек. На казенных землях, для девяти миллионов крестьян, то есть для четвертой части всего русского крестьянства, было восстановлено широкое самоуправление существовавшее некогда в Московской Руси».

В 1842 году Николай I издал важный закон о крестьянах, который позволял земледельцам ликвидировать крепостные отношения, и позволял освобожденным крестьянам («обязанным») покупать землю, и запрещал разлучать крестьян от семей и их продавать. Это была

сильно запоздалая но важная полумера. Николай I был сторонником постепенных шагов.

В 1843 г. Николай I рьяно взялся бороться с приграничной контрабандой. В связи с этим распорядился выселить всех поголовно евреев из 50-вёрстной приграничной территории на границе с Австрией и Пруссией, несмотря на то, что, как указывает Ю. Гессен, «в некоторых пограничных таможнях торгующее купечество почти сплошь состояло из евреев».

Переселенцам при этом предлагалась материальная компенсация-помощь и освобождение от налогов на 5 лет. Но вскоре, как указывает КЕЭ, «правительство Николая Первого перестало настаивать на выселении евреев из 50-вёрстной приграничной полосы, и часть из них смогла остаться на прежних местах». Почему это произошло? Потому, что пока шёл процесс переселения, в европейских странах по этому поводу поднялся большой шум. Странно, такое впечатление, что под шумок ущемления прав евреев старались легализовать в России контрабанду. Похоже, поток контрабанды был настолько велик, что его остановка сразу сказалась на экономике многих европейских стран. По этому поводу Солженицын замечает:

«... далеко не осуществлённая мера приграничного выселения, вызванная контрабандой, разросшейся до опасных для государства размеров, — откликнулась в Европе таким негодованием, что как бы именно не она резко поссорила европейское общественное мнение с Россией. То есть, может быть, этим частным указом 1843 года и следует датировать первую грань эры воздействия европейского еврейства в защиту своих единоверцев в России, — активного влияния, уже затем не прекращавшегося». (История с контрабандой — это те исторические факты, которые многочисленные критики А. Солженицына вообще не затрагивают).

Исследователи истории почему-то не обращают внимание на то, что к этому периоду в Европе произошли очень важные перемены, и статус евреев сильно изменился. Без понимания этих процессов иногда трудно правильно объяснить происходящие в России события. Этим переменам в Европе в следующей книге будет посвящена отдельная глава. Вернёмся в Россию.

Не получилось у Николая I выселить евреев из пограничной зоны за контрабанду, тогда он в 1844 году очень энергично взялся за выселение евреев из деревень. Эту очередную попытку еврейский историк Ю. Гессен прокомментировал так: «... слышится как бы крик отчаяния, что при всей своей власти правительство не может выкорчевать еврейское существование из недр русской жизни».

Действительно, как мы уже наблюдали — выселением евреев из деревень на протяжении 80 лет занимались четыре российских императора,

а евреи всё равно там оставались или через некоторое время опять туда возвращались.

На этом император не остановился и решил одним действием решить ещё две проблемы. Так как евреи по-прежнему уклонялись от уплаты налогов, и накопительная недоплата налогов еврейскими общинами по тем временам составила огромную сумму — свыше 8 миллионов рублей, то император распорядился за каждые две тысячи рублей новых недоплат — забирать в армию ещё «по одному взрослому рекруту». Это был удар по больному месту, и евреи в России, возможно, пожалели, что их европейские собратья так шумно вступились за них в вопросе контрабанды.

И на этом Николай I в 1844 г. не остановился. Он решил изменить структуру еврейского сообщества и, соответственно, убрать такое старое промежуточное и самостоятельное звено управления, как кагальное руководство, которое, по убеждению императора, вело самостоятельную антигосударственную политику, дурно влияло на многомиллионное еврейское население и мешало ему управлять евреями и воздействовать на них. Николай I упразднил существовавшие многие века кагалы и их функции передал городским властям — управам и ратушам.

Это совсем не означало, как утверждает наш «славный» современный историк Г. Костырченко, что после этого революционного постановления еврейские лидеры потеряли своё значение и «ушли на пенсию», а евреи пошли со своими проблемами и спорами в городские управы. Всё осталось по-прежнему. Только то, что раньше было легально, стало нелегально и не афишировалось.

Кто из евреев болтал лишнее о внутренней жизни кагала — подвергался строгим наказаниям, вплоть до изгнания и проклятия, становился изгоем. А кто был не согласен с решением старейшин и вынесенным наказанием и дерзали оспорить во вне, в гражданском суде, то по свидетельству известного еврейского общественного деятеля Гиллера Маркевича: «Буде же кто... находил способ из тюрьмы... писать высшему правительству, того уже посредством служителей отправляли без дальних околичностей на тот свет» (С).

В новой ситуации — вынужденная конспиративность лидеров объективно добавила значимой революционности, оппозиционности еврейской общине. Фактически — система управления еврейским сообществом религиозными и общественными авторитетами не менялась принципиально тысячелетиями, менялись только её формы — до 40-х годов XIX века была одна форма, до 30-х годов XX века — другая, современная выглядит иначе.

Вернёмся к событиям истории и к настойчивому и упорному императору Николаю I, который и на этом своём кардинальном решении

не остановился и продолжал «строить» евреев. Такое впечатление, что он весь 1844 год уделил еврейской проблематике, и пытался окончательно решить «переходную» проблему, доставшуюся ему по наследству от брата, отца и бабушки.

Вероятно, правильно понимая, что реформа кагальной системы не даст большого эффекта и, не желая дать евреям свободу покинуть страну (а они и сами этого не хотели), император решил поступить ещё более глобально — постараться изменить сознание, менталитет евреев. Поскольку сознание взрослых и старых людей изменить почти невозможно, то Николай I решил взяться за молодые поколения, за их образование.

«Венценосный изверг приказал обучать их (евреев) русской грамоте», — прокомментировал школьную реформу 1844 г. Николая I известный террорист-большевик Дейч (С).

Как мы уже знаем, император Александр Первый в 1804 году дал евреям равные права в деле образования. И это была ошибка не в решении, а в надеждах. С одной стороны, русские ошибочно считали евреев неким тёмным необразованным народом, недостаточно цивилизованным, — они держаться особо в стороне с некими странными архаичными религиозными предрассудками. Казалось бы — вот они пойдут в нормальные учебные заведения и станут образованными, цивилизованными, откроются, раскроются, смешаются, объединяться (так вероятно думал вначале и египетский фараон правивший более тысячи лет назад до нашей эры).

С другой стороны, — российские власти предполагали через русские школы, русских учителей проводить частично ассимиляцию и русификацию евреев. Поэтому, как мы уже наблюдали, русские как дети радовались переходу первых евреев в православие. На самом деле надежды российского руководства были иллюзорными. Евреи в русские школы не пошли.

Русские ошиблись, потому что плохо изучили евреев и не знали, что у них уже давно организована прекрасная, иерархичная система обязательного поголовного обучения молодёжи. С семи лет еврейского мальчика в малой учебной группе еврейские учителя знакомили детально с историей, с теологией, обучали математике, нескольким языкам, искусству дискуссии и ещё многому полезному. При этом была необычайная строгость учителей (ребе) и родителей к ученикам — «пощёчина со щепоткой табаку летит мне прямо в лицо как заслуженная кара за невнимательность», — вспоминал свое обучение С. М. Дубнов. То есть, даже нерадивым (и «свободолюбивым») ученикам давали принудительное многостороннее образование, в котором воедино были соединены наука и религия. Поэтому почти все еврейские молодые люди уже

в возрасте 12-14 лет намного превосходили в своём интеллектуальном развитии даже тех своих сверстников неевреев, которые могли в то время приобщится к образованию. Вот что вспоминает С. М. Дубнов, когда, пройдя еврейскую систему обучения, попал в русскую школу не к своим сверстникам, а в старшую группу:

«Некоторые ученики закрытого еврейского училища были переведены в русские приходские училища. Я попал там в старшую группу и очутился на одной скамье с еле грамотными детьми русских мещан (14 лет), грубоватыми и пересмешливыми. Ничему я здесь не мог научиться».

Естественно, он ушёл из этого училища, а другие евреи, понимая бесполезность такой учёбы, даже туда и не входили. Но на всякий случай еврейские идеологи страховались и делали всё, чтобы еврейские дети не ходили в русские школы и не теряли свою аутентичность. Чтобы наш современный оппонент из Израиля Я. Рабинович не упрекал меня за неуважение к трудам Шимона Дубнова, я опять воспользуюсь свидетельствами Дубнова, который вспоминает выступление одного патриота-идеолога перед евреями в синагоге против русского просвещения:

«Когда ты придёшь на тот свет, и Верховный Судия спросит тебя: почему не доносится до меня звуки кадиш (заупокойной молитвы сыновей о родителях) твоего сына, — что же ты ответишь?

Ты скажешь: я позволил своему сыну учиться в гойских школах, часы утренней молитвы он проводит не в синагоге, а в гимназии... И раздаётся грозный голос: горе тебе, несчастный!

Ты погубил душу сына и потерял молельщика за упокой твоей души. Ступай в ад!»... Громкие рыдания оглашали синагогу». Как видим, всё это было серьёзно и эффективно.

Ситуация была смешной — русские пытались учить и просвещать евреев, которые сами считали русских варварами и язычниками. Вот на эту тему соответствующее воспоминание С. М. Дубнова, когда был большой пожар в его родном городе: «Когда его (деда) собственный дом был охвачен пламенем, дед стоял на улице и молча смотрел, как исчезает его добро, источник его пропитания (дом сдавался в аренду). Стоявшая рядом дочь громко плакала, а он её успокаивал. Дочь сказала: «Отец, как же мне не плакать? Смотри, вон наш сосед, «галех» (православный священник), плачет у своего сгоревшего дома». «Дурочка, — ответил старик, — ему есть о чём плакать: ведь у него Бог сгорел (деревянная икона), а наш Бог не сгорел, Он о нас позаботится».

В общем, многое ясно. Евреи считали себя по сравнению с русскими (и другими славянами) другой, более высокой цивилизацией. И соответственно этому понятию и факту поступали. С. М. Дубнов вспоминает, что он, будучи уже взрослым, в конце XIX века, решил пародировать своего знаменитого земляка — философа Спинозу и немного размяться

физическим трудом, попытался распилить досочку во дворе своего дома. И когда он эту досочку пилил, то в городке по этому поводу разразился скандал, к нему отнеслись как к выкресту, идиоту в худшем смысле этого слова, его осудили, а один еврей подошёл к нему и укорил:

«Охота вам заниматься работой, которую любой Иван может делать!»

То есть заниматься физическим трудом для евреев было унизительно и оскорбительно. Они себя позиционировали так высоко и настолько выше всех, что в их понимании им подходил исключительно умственный труд, а физическим должны были заниматься аборигены, туземцы и варвары.

Забегая немного вперёд, можно отметить, что на этой почве случился немаловажный казус — когда в середине XIX века евреи сделали первую попытку за деньги Ротшильдов заселить Палестину, то ничего из этой затеи не получилось. Несколько лет безрезультатно помаялись и разъехались обратно по разным странам, потому что физическую работу некому было делать, не умели, особенно не умели заниматься сельским хозяйством. Из-за этого чистого еврейского государства не получалось, ибо на физический труд пришлось приглашать огромное количество арабов. Только в начале XX века ортодоксы частично решили эту проблему, ломая психику своих соплеменников.

В рассматриваемый нами исторический период российскому императору и его окружению многое было непонятно. А именно — почему евреи избегают просвещения и не идут в русские учебные заведения. Хотя уже стало привычным явлением в России, что молодые евреи по дороге в университет не посещают русские училища и гимназии, но сдают в них выпускные экзамены для диплома экстерном и идут дальше. Система экстернов стала со временем настолько повальной в России среди евреев, что российское руководство было вынуждено издать специальный указ по этому поводу.

Российский император пошёл по другому пути — раз евреи не идут в русские школы, ведут себя обособленно, стесняются сидеть вместе с русскими за одной партой — значит надо пойти им навстречу, уважить их национальную специфику и, — построить для них специальные еврейские школы и их туда пригласить. И Николай I вместе с министром просвещения Уваровым стал открывать казённые начальные еврейские школы и раввинские училища.

На этот раз граф Уваров решил осуществить мероприятие более утонченно, по-европейски и максимально гибко. Для организации новой системы обучения он пригласил из Европы просвещённого еврея Макса Лилиенталя, который был последователем известного еврейского общественного деятеля и реформатора Моисея Мендельсона

(1729–1786 гг.) — инициатора движения «гаскалы» — просвещения. «В основе идей Моисея Мендельсона лежали представления о том, что евреев третировали в значительной мере из-за той «обособленности»... Мендельсон призывал своих единоверцев не давать повода к таким упрёкам. Чтобы сохранить веру отцов, не обязательно отличаться от остального населения своими обычаями, образом жизни, языком, одеждой. Евреям следует активно приобщаться к господствующей культуре, становиться «немцами иудейского исповедания», каким стал сам Мендельсон», — поясняет из США Семён Резник.

В связи с этим стоит отметить важную вещь — Моисей Мендельсон предлагал еврейскому народу ничего по сути не менять, но поменять внешнюю форму, чтобы она не раздражала другие народы. Другими словами, он предлагал максимально приспособиться к окружающей человеческой среде, лучше замаскироваться и быть похожим не на еврея в Германии, а на немца иудейского исповедания, не на еврея в Польше — а на поляка, не на еврея в России — а на русского иудейского исповедания. Ведь, например, евреи для достижения этой цели легко брали себе двойные (а то и тройные) имена и фамилии сообразно народа и государства, в котором собирались жить. В России они всегда выбирали красивые фамилии — Цветков, Белов, Белых, Беленький, Черный и т. п. и даже фамилии знаменитых русских деятелей, например, в наше время многие россияне — когда видят в многочисленных телепередачах на российском телевидении еврейского политтехнолога «таранного типа» Владимира Соловьёва, то «автоматически» его ассоциируют с известным русским историков С. М. Соловьёвым или с его сыном — знаменитым философом Владимиром Соловьёвым...

Интересно, что в те времена в Европе, да позже и в России, — это предложение Мендельсона встретили агрессивно, «в штыки», а к нему самому отнеслись как к предателю — выкресту. Однако (!). Через некоторое время, поняв всю ценность его предложения — все евреи в Европе, Америке, России (и т. д.) — воспользовались его советом. И с середины XVIII века — до сегодняшнего дня мы имеем именно эту ситуацию. Не подвергли себя изменениям только ортодоксальные еврейские священники, которых мы можем наблюдать и в наши времена. Эти изменения имели, конечно, для евреев полезные последствия, а другие народы с трудом могли различить среди горожан евреев, этот аспект имеет и имел немаловажное значение, например — в трагических событиях 1917 года...

Мудрый граф С. С. Уваров присвоил последователю Мендельсона — Максу Лилиенталю высокий официальный государственный чин и поручил создать и возглавить задуманную систему образования.

Но и этот умный метод не дал ожидаемого результата. Евреи отнеслись к этой затее, к этим школам за государственный счёт также

очень подозрительно и враждебно. Они также считали, что это одна из скрытых форм русификации еврейских детей, лишения их самобытности, отстранения их от религии и традиций своих предков — и упорно игнорировали, саботировали эти школы. И только 1873 году с согласия уже следующего императора эти пустующие учебные заведения закрыли из-за явного саботажа. Прослеживая историческую линию под названием «как русские пытались просветить евреев», мы немножко ушли вперёд. Поэтому вернёмся назад и проследим дальнейший ход исторических событий. Итак, — новые еврейские школы саботировались. Кроме того, не был выполнен царский указ 1835 года — в российских городах массы евреев ходили в своих национальных одеждах и носили пейсы, ярко подчёркивая свою религиозную и национальную принадлежность. Опять были недовольны не только русские купцы, но и общественность начинала недовольно роптать.

Вероятно, реально понимая всё происходящее и предчувствуя появление нового более строгого царского указа, еврейские лидеры решили действовать на опережение событий и 18 сентября 1846 года написали Николаю I письмо с объяснениями и предложениями. Вот отрывок этого письма:

«Государь Император наш Милостив ко всем вообще, особенно к верным своим подданным: так и евреям была оказана великая милость учреждением школ для их детей, дабы они были в состоянии приобретать себе честным образом пропитание, как то делают и другие образованные люди, а для достижения сего весьма полезен Указ, повелевающий, чтобы они одевались, как христиане.

Но большая часть Евреев, то есть нижний класс из них, почитает сей благодетельный Указ как несчастье, да и в самом деле, Евреи недостойны Монаршей Милости, по закоренелой ненависти, которую они питают к христианам: в этом я убеждён, ибо я сам был евреем и крещён только первого января 1835 года. Много Евреев одинаково со мной мыслят и желают понять Христианскую веру.

Но отчасти они опасаются, что родители лишат их наследства, отчасти препятствуют сему желание их жены, коих слёзы удерживают их от крещения. Сии то люди желают, чтобы со стороны Правительства — оказано было некоторое принуждение, дабы иметь предлог для исполнения своего желания. Ненависть евреев к христианам, которым они желают всякого зла, весьма несправедлива...» (из исследований Штейна).

Каково? Гениально! Можно даже оставить и без комментариев. В этом прошении очередной гений объясняет многое. Во-первых, он констатирует факт, что часть евреев — низший класс, как бы несознательные, вообще питают «закоренелую ненависть» к христианам (это то,

о чём утверждал Мартин Лютер). А те — сознательные, которые относятся к христианам благосклонно, не могут перейти в православие из-за жены и наследства, которого их могут лишить родители. Поэтому они, понимая всю ненормальность ситуации, просят царя как-то помочь, — формально подстегнуть процесс перехода, как-то принудить или формально наказать, или обязать, чтобы в результате и жён переубедить, и наследство сохранить. Неуклонно соблюдается святость принципа корысти-выгоды.

Это чистейший метод Фрейда по спусканию пара.

Как вы думаете — как поступил царь? Николай внял прошению мудрых евреев и издал довольно мягкий и формальный указ. Претворив в жизнь этим идею евреев, и спустив в свою очередь пар у общества. В этом указе по еврейскому вопросу от 1846 года, конечно, не было ссылки на просьбу евреев, оно начиналось следующими словами: «Постоянно чуждаясь слияния с гражданским обществом, среди которого живут, они большей частию остались при прежних способах существования за счёт труда других, и от того со всех сторон возникают справедливые жалобы местных жителей».

В новом постановлении строго запретили носить национальную одежду, и, вероятно, учитывая неожиданные инициативы евреев — срок службы для еврейских рекрутов сократили с 25 до 10 лет.

Возможно, это был и шаг доброй воли в сторону английской королевы Виктории, которая именно в этом году прислала в Россию к Николаю I сэра Мозеса Монтефиоре со своим рекомендательным письмом. Ему была поставлена задача добиться «улучшения участи еврейского населения» в России.

Британский еврейский миллионер-банкир Моше (Мозес) Монтефиоре был другом Ротшильда, шерифом Лондона, и был возведён королевой Викторией в рыцарское звание, а затем она пожаловала ему звание баронета. «Николай Первый ни до того, ни после с евреями не встречался. Для гостя из Лондона было сделано исключение. Монтефиоре просил царя взять евреев под защиту. Император отказался и предложил взамен: «Возьмите единоверцев, сколько угодно, с собой, не платя выездные пошлины»», — писал в своем исследовании исследователь из Израиля Я. Рабинович.

Что сулил Моше императору Николаю I за помощь в улучшении жизни евреев — история умалчивает, но известно, что на предложение Николая банкиру-миллионеру — самому позаботиться о своих единоверцах и взять их с собой, лучший друг Ротшильда, а соответственно и Ротшильд — не взяли ни одного российского еврея. Интересно уяснить, как предлагал Моше Монтефиоре императору Николаю Первому улучшить жизнь евреев в России — дать льготы в торговле и освободить

от воинской службы? Нет, как указывает Ю. Гессен была, озвучена просьба — чтобы «купцам и ремесленникам дозволить поездки во внутренние губернии», «разрешить услужение христиан (евреям)...».

Перемены в Европе были настолько велики (их мы рассмотрим в следующей книге), что (!) английская королева лоббировала интересы евреев даже в деталях — например, чтобы им могли служить христиане, в данном случае русские.

Удивительно выглядят и упорные непрекращающиеся старания евреев любыми путями прорваться во внутренние российские губернии, даже с помощью ходатайства английской королевы Виктории...

Фактически мы наблюдаем в лице еврейского сообщества в России серьёзную оппозицию властям. Эта многомиллионная оппозиция не только критически относится к властям и не выполняет императорские указы, но при поддержке европейских монархов старается захватить экономику страны. Разве можно с этой оппозицией сравнить таких оппозиционеров того периода, как Герцен и Белинский... А ведь в сотнях и тысячах учебниках СССР и современной России только именно эти два интеллигента и ещё парочка им подобных фигурируют единственными оппозиционерами этого периода в России.

В этот период опять хлынул в Россию большой поток евреев из Польши. Это опять был результат нескольких вспыхнувших освободительных восстаний поляков: из этой серии восстаний первое началось в 1844 г., затем в 1846 г. (Краковское и Галицийское) и в 1848 г. (Познаньское). В отличие от других «присоединённых» народов поляки почему-то не унимались и рвались на свободу. Российские войска жестоко расправились с любителями национальной свободы, тысячи повстанцев были расстреляны, повешены и отправлены на каторгу. Хлынувший в Россию очередной поток евреев опять возмутил общественное мнение, а восстания поляков спровоцировали активизацию критической позиции русской интеллигенции.

В ответ в 1849 году Николай I издал указ о запрещении ношения всякой национальной одежды, будь то украинской или русской. И в этом же году многих известных русских интеллигентов он затолкал по тюрьмам и каторгам. В конце своей жизни и своего правления Николай I стал очень воинственным.

И хотя он был внешне и по характеру самый «солдафонский» из всех предшествующих императоров его эпохи, но получилось так, что он не участвовал в войнах или славных захватах других народов и территорий. Он участвовал в событиях, начатых не им — в подавлении польских восстаний и в Кавказкой войне, где русские войска чередовали победы с поражениями и никак не могли подчинить себе чеченцев и дагестанцев.

Возможно, отсутствие позитива в этом вопросе и желание оставить после себя память славных побед побудили его к агрессивным действиям — в 1848 году он напал на Дунайские княжества.

А немного позже вмешался во внутренние дела Венгрии и потопил в крови вспыхнувшую там революцию (1848–1849 гг.). После этих «славных» побед Николай I обратил свой взор на внутренние проблемы. Оказалось, задуманная программа просвещения евреев не даёт положительных результатов. Чтобы лучше разобраться в причине неудач в этом вопросе, в 1850 в учебных округах был создан консультативный орган из местных «учёных евреев», которые по иронии и были главными противниками и руководителями саботажа.

Ещё хуже было положение дел в любимой императорской теме — воинской. Снижение срока службы для евреев на 15 лет (до 10) никак не повлияло на их отношение к воинскому призыву. Это упорное нежелание евреев служить Отечеству особенно раздражало Николая I. Молодые евреи не только, как и раньше, перебегали в другие губернии, скрываясь там в своих сообществах, но теперь всё чаще убегали за границу — в Европу, где, как правило, поступали в престижные университеты.

И Николай в конце 1850 года усилил репрессивные меры в этом вопросе: теперь за каждого уклоняющегося от службы еврея требовалось выделить дополнительно ещё трёх новобранцев сверх нормы. А когда и эта мера не дала ожидаемых результатов, тогда с 1853 года Николай I коварно разрешил еврейским общинам для выполнения нормы рекрутчины сдавать в солдаты не только членов своего территориального сообщества, но и еврея любого другого сообщества.

Таким образом, чтобы оградить от призыва своих евреев, своего сообщества, например данного городка, еврейские хапуны или хаперы хватали заезжих молодых евреев, приписанных к другим местностям, и сдавали их в солдаты. Фактически император этим разрешением внёс сильный раздрай в еврейские сообщества, поссорив их между собой. Новшества императора вызвали особую ненависть евреев к нему и вообще к русской монархии. Эту ненависть евреи не только донесли в полной мере до 1917 года и сверх меры выплеснули её, но, судя по современным печатным работам еврейских авторов, несут до сих пор. Хотя ни один этот автор не может объяснить, почему в вопросе воинской повинности для евреев должны были сделать исключение.

Анализируя исторические исследования еврейских авторов, следует заметить, что тему противостояния в вопросе рекрутчины евреи не любят поднимать, несмотря на длительную остроту этого противостояния и последствия. Потому что данный вопрос плохо вписывается в стереотипные объяснения агрессивной революционности евреев, их активного

участия в террористическом движении против властей в конце XIX и начале XX веков и в государственном перевороте в 1917 г.

В данном случае трудно прокомментировать грубое нарушение евреями закона о воинской службе защитой интересов коренного населения, то есть русских перед царизмом или, что это было всенародное протестное движение, а евреи из-за своей природной активности и образованности шли впереди и во главе этого процесса.

В 1855 году император Николай I умер. И можно подвести итог его правления.

Бесспорно — победил масонов-декабристов. Подавил многочисленные освободительные восстания поляков. «Переломная эпоха, в которую правил Николай Первый, наложила на него неизмеримо тяжелое бремя. Он правил, когда мировое масонство и руководящее им мировое еврейство окончательно утвердили своё господство в Америке и Европе. Это была эпоха, в которую, по меткому выражению Гоголя: «Диавол выступил уже без маски в мир...».

Команду управленцев в лице Бенкендорфа и Нессельроде Николай I подобрал крайне ошибочно, в результате чего не уберег А.С.Пушкина и поставил Россию в результате Крымской войны в крайне опасное положение.

За 30 лет своего правления Николай I упорно и методично пытался различными способами вписать евреев в российское общество, но ни одну проблему в этом вопросе, начиная от вопроса контрабанды и до «просвещения», он не решил. Это уже третий российский император этой эпохи — антисемит, не считая Ивана Грозного, Петра Великого и его наследников.

Наш эмигрант в США профессор К. Зайцев в журнале «Согласие» (№ 44, Лос-Анджелес) писал о Николае Первом: «Через Канкрина он упорядочил финансы. Через Сперанского создал свод Законов. Через Киселева он построил систему управления государственных крестьян. Это все были леса для капитального ремонта старого здания, на началах ликвидации крепостничества».

Маркиз де Кюстин сказал Николая Первому: «Государь, Вы останавливаете Россию на пути подражания и Вы её возвращаете ей самой». При Николае Первом преследование церкви со стороны российских монархов заканчивается, но её чиновничье порабощение, а отсюда и в какой-то мере — духовное порабощение остаётся.

Многим современникам и даже исследователям истории этот император нравился своей понятливостью действий и своеобразной военной красотой, не говоря уже о его мужской красоте, — многие женщины считали его непревзойдённым красавцем. Интересно, что простой русский народ любил его больше всех российских императоров. И многочис-

ленные «мудрые» историки до сих пор удивляются в своём непонимании — почему этот строгий «солдафон на троне» был так сильно любим этим странным русским народом больше всех русских царей. А теперь ещё и о Сталине на этот вопрос мучают свои мозги. Выдающийся мыслитель И. Ильин дал такую оценку Николаю I:

«Император Николай удержал Россию на краю гибели и спас её от нового «бессмысленного и беспощадного бунта». Мало того, он дал русской интеллигенции срок, чтобы одуматься, приобрести национально-государственный смысл, и подготовил реформы Александра II» («Наши задачи»). Но русская интеллигенция в своём большинстве не использовала эту возможность.

Роль и эволюцию русской интеллигенции середины и второй половины 19 века мы рассмотрим в следующей книге. В правлении Николая I мы впервые встретили новинку — вмешательство во внутренние дела России и лоббирование еврейских интересов европейского монарха — королевы Англии, в то время мощнейшей морской империи на планете, попавшей в финансовую зависимость от еврейской семьи Ротшильдов. В это же время Маркс и Энгельс стали пропагандировать свою коварную идеологию; кроме того, в 1855 году началась Крымская война — на российской территории Россия воевала с коалиционными войсками европейских стран: Англии, Франции, Турции и Сардинии. Война была инициирована английским руководством в борьбе за мировое лидерство.

Эти важные события и закономерности, с ними связанные, а также цепочку событий, ведущую к Катастрофе 1917 года, рассмотрим в следующей книге.

Надеюсь, книга читателю была интересна, а главное — была познавательной и полезной.

Роман Ключник
ОТ ПЕТРА I ДО КАТАСТРОФЫ 1917 г.

ISBN 978-5-903097-51-7

Подписано в печать 18.06.2008. Формат 60x84/16. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Объем 26 п.л. Тираж 10000 (1 завод 1000) экз. Заказ 830

Отпечатано в типографии ООО «СПб СРП “Павел” ВОГ»
196620, Санкт-Петербург – Павловск, ул. Березовая, 16

ISBN 978-5-903097-51-7

9 785903 097517